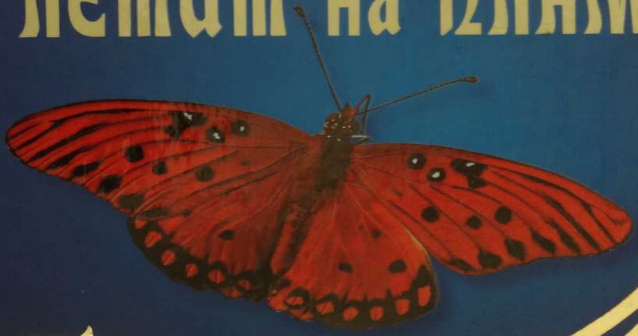
ЛОРА БЕКИТТ

МОТЫЛЕК ЛЕТИТ НА ПЛАМЯ



Мотылек летит на пламя

Лора Бекитт

Аннотация
Лора Бекитт. Мотылек летит на пламя
Часть первая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10

Часть вторая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

Глава 9
Глава 10
Часть третья
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Аннотация

Это история запретной, скандальной любви, случившейся в середине XIX века. Спасаясь от голода, ирландка Айрин О'Келли едет в Америку к родственникам, владельцам хлопковой плантации. Вопреки нравам местной аристократии, она влюбляется в раба своего дяди, мулата Алана. Айрин грозит несмываемый позор, а ее возлюбленному — смерть, но они отчаянно борются за свое счастье...

Лора Бекитт
Мотылек летит на пламя

Часть первая

Глава 1

«Люди умирают от голода так же незаметно, как облетают осенние листья», — эта мысль преследовала Айрин О'Келли, пока она шла по вязкой дороге под зловещим навесом из туч.

Ветер трепал залатанный подол ее платья, грязь холодила босые ноги. Глаза Айрин были почти такого же цвета, как зеленый мрамор Коннемары[1], но соломенные волосы потускнели, а осунувшееся личико напоминало лисью мордочку.

Она вспоминала тот страшный день, когда картофельное поле вдруг превратилось в отвратительную зловонную массу. То же самое произошло с уже выкопанными клубнями: годовой запас картофеля исчез на глазах. Брайан О'Келли, отец Айрин, в ужасе бросился к соседям, у которых случилось то же самое, а после они узнали, что бедствие охватило всю Ирландию.

---

[1] Примечания: 1
Область на западе Ирландии.

Так к ним пришел голод[2], унесший жизни матери Айрин и ее младших братьев.

Они остались вдвоем с отцом, обвинявшим себя в том, что он не сумел спасти семью, хотя ему неоткуда было взять денег на покупку хлеба или «индейского зерна», как ирландцы называли привезенную из Америки кукурузу.

Возможно, кто-то поразился бы, узнав, что Айрин О'Келли идет… в школу. Занятия на лужайке под открытым небом проводил местный католический священник отец Бакли с ярко-рыжими, как морковь, волосами и прозрачными, словно вода, глазами. Как и другие ученики, Айрин продолжала посещать школу не из желания овладеть знаниями, а потому, что после занятий священник, случалось, давал им какую-нибудь еду. Иногда это был суп из крапивы с ничтожной добавкой жира, порой — лепешки из кукурузной муки и жмыха.

Добравшись до школы, она заняла место на поляне и приготовилась слушать отца Бакли. У нее не было ни бумаги, ни перьев, она надеялась только на свою память. Айрин замечала, что с каждым разом учеников в школе становится все

---

[2] Примечания: 2

Одной из причин Великого голода в Ирландии стала эпидемия картофельного грибка.

меньше, несмотря на то, что сюда приходили подростки и дети из трех или четырех деревень.

После уроков и раздачи еды отец Бакли поманил ее к себе, и когда она подошла, приветливо заговорил с ней.

— Как дела у отца, Айрин?

— Он почти не встает.

— Что ты намерена делать, когда он умрет?

Вопрос не вызвал удивления: Айрин давно не питала лишних надежд и привыкла называть вещи своими именами.

— Не знаю. Возможно, отправлюсь в город.

— Зачем? Там все равно нет работы, — заметил священник и спросил: — У вас с отцом не осталось родственников?

— Нет, никого.

Отец Бакли достал клочок какой-то газеты и протянул ей.

— Прочти.

Айрин пробежала статью глазами. В ней говорилось о хлопкоочистительном станке, отделявшем хлопковое волокно от семян, который применялся на американских плантациях.

Она непонимающе взглянула на священника, и тот сказал:

— Это статья из газеты «Промышленный

фермер». Обрати внимание на высказывания плантаторов о машине. Среди них есть некий Уильям О'Келли, владелец большой хлопковой плантации и имения Темра в графстве Южная Каролина. Он вам случайно не родственник?

— Не думаю. Отец никогда об этом не говорил. Да и откуда у нас родственники за океаном?

— И все-таки прочитай ему заметку.

Айрин догадалась, что имел в виду отец Бакли. За минувшее десятилетие тысячи ирландцев покинули страну и отправились в Америку. Однако Брайан О'Келли никогда не заикался об этом, и она понимала, почему. Чтобы купить билет на судно, нужны деньги, взять которые было негде.

— Хорошо, — сказала она, зажав бумажку в кулаке.

— Темра[3], — задумчиво произнес священник, — придумать такое название мог только ирландец, причем не просто образованный, но помнящий о своих корнях.

Возвращаясь обратно, Айрин поймала себя на мысли, что ей не хочется идти домой. Ей было бы легче сидеть на берегу, глядя, как волны лижут каменную отмель, чем видеть умирающего отца.

---

[3] Примечания: 3

Темра (от др. — ирл. *Temair Breg*) — священный центр Ирландии; расположен на востоке страны в современном графстве Вестмит.

И все же она ни на минуту не замедлила шаг.

Айрин шла по мягкой торфяной почве, не глядя под ноги. На острове не было ни ядовитых насекомых, ни змей, согласно легенде, изгнанных из Ирландии святым Патриком. В этих краях не водилось иных животных, кроме мелких грызунов, что лишало ирландцев возможности добывать пропитание на охоте.

Бросив рассеянный взгляд на пустой огород, Айрин вошла в дом. Заслышав шаги, отец повернулся и посмотрел на нее. Его глаза казались бесцветными, а некогда ржавая щетина поседела: голод высосал из Брайана О'Келли и силы, и краски. Когда Айрин протянула ему кусок лепешки, он сказал:

— Мне не хочется. Съешь сама.

— Я не голодна, — солгала она и развернула помятый клочок бумаги, который неизвестно какими путями пересек океан. — Отец Бакли сказал, чтобы я прочитала тебе заметку, напечатанную в газете.

Брайан закрыл глаза. Айрин не знала, можно ли истолковать это как согласие, и все же начала читать. Когда она умолкла, отец не проронил ни слова.

— Священник спрашивал, не родственник ли

нам этот Уильям О'Келли?

Брайан долго молчал. Он не шевелился, и Айрин подумала, что отец спит. Когда она тихонько поднялась с места, он вдруг открыл глаза и промолвил:

— Возможно, это мой брат.

— Брат? — Айрин опустилась обратно на скамью. — Ты никогда не говорил о брате!

— Это давняя история, — тихий голос Брайана был похож на шуршание ветра в зарослях вереска. — Когда мне было пять лет, моя мать ушла из дому с чужим мужчиной. Она взяла с собой моего младшего брата, который был еще грудным. Меня отец ей не отдал; позже он снова женился, и у меня появилась мачеха.

— Она дурно обращалась с тобой?

— Вовсе нет. Она была хорошей женщиной, и я называл ее матерью. Бриджит, моя настоящая мать, так и не вернулась, а с ней исчез и Уильям. Отец считал, что они давно погибли, но возможно, их ждала иная судьба. Тогда, как и в нынешние времена, многие ирландцы уезжали за океан. Хотя, вполне вероятно, это просто совпадение.

— Думаю, да, потому что здесь написано, что этот Уильям О'Келли — богатый плантатор.

— Прошло больше сорока лет — за такой срок

могло случиться все что угодно, — заметил Брайан и с неожиданной твердостью добавил: — Надо бежать отсюда. Здесь поселилась безнадежность. Надолго, если не навсегда.

— Ты хочешь сказать, мы с тобой должны отправиться в Америку?

— Только ты. Если этот О'Келли — в самом деле мой брат и твой дядя, надеюсь, он не откажет тебе в помощи.

— Я тебя не покину, — уверенно произнесла Айрин.

— Боюсь, случится так, что я сделаю это первым, — грустно промолвил Брайан.

Остаток дня он спал, а она сидела на скамье, бессмысленно глядя в пустоту. Айрин не могла заставить себя заняться какой-либо работой: все валилось у нее из рук.

Уильям О'Келли мог не знать о том, что у него есть брат, и, вопреки словам отца Бакли, давным-давно позабыть о своем происхождении. Зачем богатому плантатору нищая родственница-ирландка?

Брайан О'Келли умер перед рассветом, в тот час, покой которого не нарушает даже ветер, когда действительность напоминает сон. В тот миг, когда отец отошел в иной мир, Айрин пробудилась,

будто от толчка, и сразу поняла, что случилось.

После похорон она три дня просидела в пустом доме, слушая, как дождь глухо барабанит по крыше. Айрин не хотелось ни думать, ни говорить, ни что-либо делать, ей казалось, что от нее осталась лишь пустая оболочка. Последние силы ушли из нее, как вода утекает в песок.

На четвертый день к ней пришел отец Бакли. Айрин нехотя пересказала ему разговор с отцом, и священник принялся убеждать ее в том, что желание отправить дочь за океан было последней волей Брайана.

— Я не могу поехать, — сказала Айрин.

Она представила, как через несколько недель дом зарастет травой и мхом, дверные петли проржавеют, а заколоченные окна будут напоминать слепые глаза. Могилы матери, отца и братьев со временем исчезнут с лица земли.

— Случается, наступает момент, когда приходится подводить черту под прежней жизнью, — сказал священник.

— Жизнь бывает только одна.

— Иногда есть возможность начать новую, — заметил отец Бакли. — Не думаю, что эта газета попала в мои руки случайно. В такие вещи надо верить, как верят в деяния Господа.

— У меня нет денег, и я не знаю, куда ехать.

— Деньгами я тебе помогу, а дорогу знает семья Джона О'Лири. Я договорился — ты поедешь с ними.

— Они тоже уезжают?

— Да.

О'Лири жили через два дома, но Айрин редко разговаривала с ними. С некоторых пор окружающие говорили мало, почти не проявляли эмоций, а двигались неторопливо, стараясь сберечь силы. У О'Лири имелась повозка-двуколка с цельными деревянными колесами: Айрин видела ее, когда проходила мимо их двора. Она подумала было, что это облегчит путь, и только потом вспомнила, что лошадь-то они давно съели. Когда-то у Джона и его жены Салли было трое детей, а теперь остался только один.

— У них есть родственники в Америке?

— Нет, но они надеются найти там работу.

Айрин согласилась ехать лишь потому, что совершенно не знала, что делать дальше. Она провела день, прощаясь с красками, ароматами и звуками родного края.

Пахучая зелень лугов, сиреневые переливы вереска, изменчивая линия морского побережья, причудливые нагромождения отвесных скал…

Айрин говорила себе, что там, за океаном, она будет бережно хранить их в памяти, как единственную реликвию.

Неподалеку от деревни находилось странное сооружение — огромная каменная плита, которая покоилась на стоявших торчком камнях: плод труда неведомых великанов. Кто-то считал, что это один из алтарей былых обитателей Ирландии, почитавших Солнце, другие — что это памятники над древними могилами.

Накануне отъезда Айрин пришла сюда, чтобы поклониться прежней религии своего острова. Она знала, что отец Бакли не одобрил бы ее поступка, но не смогла удержаться: ей чудилось, будто таящаяся в дольменах могучая и отчасти пугающая сила сможет ей помочь. Она долго молилась без слов, как молятся в глубоком отчаянии, когда уже не осталось надежды.

Айрин так и не поняла, как О'Лири отнеслись к тому, что им навязали попутчицу. Когда они тронулись в путь, она рискнула заговорить с Салли:

— Тебе не кажется, что мы обрекаем себя на ссылку?

— Я готова сойти даже в ад, если там есть еда, — ответила та.

— Из какого порта отходит корабль?

— Из Ливерпуля, — сказал Джон.

Услышав ответ, Айрин потеряла дар речи. Едва ли у нее хватит денег на такое путешествие! Чтобы хоть как-то отблагодарить своих попутчиков, она предложила Салли нести ее сына по очереди. Томасу исполнилось три года, но он весил не больше годовалого ребенка. И даже такая ноша была тяжела для отощавших, похожих на тени взрослых.

Они пересекли пролив на утлом суденышке, заплатив перевозчику по два пенса. Туман поднимался к небу и растворялся, словно дым. Волны казались тяжелыми и холодными, а противоположный берег — недосягаемым.

Держа на руках спящего Томаса, Айрин с тревогой думала о том, что будет, если она не сможет купить билет на судно, и боялась заговорить об этом с О'Лири.

Наконец они оказались в Ливерпуле. Близился вечер. В море отражалось множество огней. По волнам скользили небольшие рыбачьи лодки и легкие парусники; пароходы с шумом вспенивали воду, выпуская из труб клубы белесого дыма.

Айрин ощутила полузабытый трепет, обычно возникавший тогда, когда человек приближается к призрачной грани, отделявшей настоящее от

будущего, от воплощения мечты в реальность. Внезапно ей стало тяжело дышать, она с трудом глотала воздух, пропитанный запахом соленого тумана.

Гавань была запружена судами, пристани протянулись на сотни футов, бесчисленные мачты и снасти напоминали фантастический лес.

Айрин никогда не видела столько людей, собравшихся в одном месте, и страшно боялась потерять из виду Джона и Салли. Она пробиралась сквозь толпу, словно через какое-то месиво, не различая ни отдельных лиц, ни голосов, которые слились в мощный гул.

Вскоре Джону удалось выяснить, что все места на суда, отплывающие в ближайшее время, раскуплены. Это касалось не только пассажирских, но и грузовых кораблей. Тем не менее он, Салли и Айрин встали в хвост длинной очереди, которая вилась по причалу, как огромная змея, и, казалось, исчезала где-то за горизонтом.

От нечего делать Айрин принялась разглядывать стоявших рядом людей: непривычно тихих детей, похожих на живые скелеты женщин, мужчин с ожесточенными лицами и пустыми взглядами.

Вдоль очереди прохаживались следившие за

порядком констебли в темно-синих куртках, еще она заметила женщину, которая выглядела иначе, чем люди в очереди. Ее фигуру скрывала черная накидка тонкого сукна, на шляпке трепетали перья, руки были засунуты в муфту.

Айрин заметила, что женщина высматривает в толпе молодых девушек, подходит к ним и тихо заговаривает, очевидно, что-то предлагая. Сама не зная почему, она попыталась спрятаться за спину Джона, однако женщина скользнула по ее лицу равнодушным взглядом и прошла мимо: Айрин выглядела слишком бледной и тощей.

Зато к ней подошли монахини, бесплатно раздававшие больным и ослабевшим от голода людям хлеб и чай.

Айрин жадно схватила горячую кружку, забыв поблагодарить, и, не чувствуя боли в обожженных руках, пила сладкую влагу осторожными маленькими глотками, словно стремилась продлить наслаждение. Через несколько мгновений по жилам разлилась приятная теплота, душа и тело согрелись и ожили, мозг проснулся и заработал, будто заново смазанный механизм.

Именно эта чашка чая позволила Айрин пережить весть о том, что у нее не хватит денег на билет. Ей пришлось признаться в этом, когда в от-

вет на ее вопрос Джон назвал примерную цену.

— Я согласна ехать в трюме!

— Мы и так поедем в трюме, других мест нет.

Айрин еще не знала о том, что суда с эмигрантами напоминают запаянные железные банки, внутри которых задыхаются десятки добровольных пленников.

— Вы не одолжите мне денег?

Джон хотел что-то сказать, но его опередила Салли. Ее лицо вытянулось, а глаза сделались злыми.

— Мы собирали их не один год и за это время потеряли двоих детей. Тебе же отец Бакли дал деньги просто так. А я не собираюсь этого делать!

— Я верну вам деньги, когда мы приедем в Америку.

— Где ты их возьмешь?

Айрин набралась храбрости и сказала:

— Мой дядя — богатый плантатор, он мне поможет.

Салли презрительно фыркнула:

— Ты веришь в эти сказки? Да кому ты нужна!

Айрин беспомощно посмотрела на Джона. Тот стоял, надев на лицо маску равнодушия, и молчал.

Она попятилась, а потом повернулась и побрела прочь. В эти минуты Айрин О'Келли стало ясно: голод не только иссушил тела людей. Он выпил их души, похитил ту сердцевину, без которой человек уже не человек, а всего лишь тень.

Айрин шла вдоль очереди, и постепенно ее охватывал ужас бездомного скитальца, на которого внезапно обрушились все беды мира. Она с завистью думала о тех, кто в эти минуты сидел в тепле и уюте, имел кров и еду.

Внезапно кто-то взял ее за локоть и развернул к себе. Перед ней стояла та самая женщина в черном: вблизи ее лицо казалось старше; несмотря на слой пудры, были видны жесткие складки у губ и сеть морщинок вокруг глаз.

Айрин почувствовала, что дрожит — не столько от холодного ветра, сколько от неприятного тягостного чувства.

— Нет денег на билет? — прямо спросила незнакомка.

Айрин кивнула.

— Ты с кем-то?

— Нет, одна.

— Сколько нужно доплатить?

— Два фунта.

— Еще столько же понадобится, чтоб не сидеть

здесь несколько недель! — заявила женщина и заметила: — Не знаю, найду ли я для тебя клиента, но попробовать можно. Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Я думала, меньше. Скажем, что тебе четырнадцать. Ты девственница? И, надеюсь, у тебя нет вшей?

Айрин молчала. Женщина впилась в нее взглядом.

— Билеты в рай не достаются даром.

Поскольку Айрин по-прежнему не произнесла ни звука, незнакомка добавила:

— То, с чем ты боишься расстаться, вовсе не такое сокровище, как тебе кажется. Рано или поздно ты все равно подаришь его какому-нибудь шалопаю, а он и спасибо не скажет. Решайся. Завтра сможешь сесть на свой пароход.

Айрин знала, что многие из ее соотечественников за возможность пересечь океан готовы продать даже душу. Она не то чтобы дорожила своим целомудрием, а попросту не задумывалась об этом, как и многих других вещах: о замужестве, о любви.

Ее испугало не столько само предложение, сколько ощущение грозной, властной, неумолимой силы, исходящей от незнакомки.

— Нет, я не хочу! — Айрин отшатнулась и бросилась бежать.

Женщина не сдвинулась с места, однако бросила вслед:

— Милостыню просить бесполезно — здесь слишком много таких, как ты!

Айрин знала, что это так. В Ливерпуле, как, впрочем, во всей Англии, ирландские эмигранты не вызывали ни жалости, ни сочувствия: к ним относились как к навязчивым насекомым или растениям-паразитам.

Она подумала, что нужно найти место для ночлега, и решила поискать дешевую гостиницу. Она не знала города, потому боялась удаляться далеко от порта. Улицы были запружены экипажами; пару раз Айрин едва не угодила под колеса и удостоилась отборной ругани.

Вскоре она заметила, что ее преследуют. Какой-то мужчина упорно шел за ней. На его лицо падала тень от козырька потертой фуражки, он держал руки в карманах широких штанов. Айрин много раз переходила с одной стороны улицы на другую — он делал то же самое. Не в силах сладить с нервами, она принялась лихорадочно оглядываться, а вскоре побежала.

Она задыхалась, между тем преследователь

прибавил шагу. Как назло, навстречу не попадалось ни одного констебля. Почувствовав сильную боль в боку, Айрин необдуманно свернула в темный переулок, надеясь спрятаться и переждать, пока он пройдет мимо, однако мужчина заметил ее маневр.

Она сидела на земле, сжавшись в комок, и в ее воспаленном воображении фигура нависшего над ней мужчины приобрела угрожающие размеры. Холодные, как у змеи, глаза, бугристая жабья кожа, рот, похожий на прорубленную топором щель. Когда огромная рука схватила ее за лиф платья, в котором были спрятаны деньги, она не выдержала и потеряла сознание.

Айрин не знала, сколько времени пролежала в обмороке; она долго не могла подняться, испытывая ощущения, какие испытывает человек, упавший с высоты: он догадывается, что у него переломаны конечности, но не шевелится, боясь удостовериться в этом.

Наконец холод заставил ее встать на ноги. Лиф платья был разорван, деньги исчезли, все до последнего пенса. Она пустилась в обратный путь бездумно, как машина, и ничуть не удивилась, когда в конце улицы к ней подошла все та же женщина в черном.

— Ну как, нашла, что искала?

— Меня ограбили.

— Зачем ты отправилась в город одна? И где ты теперь собираешься ночевать? Денег у тебя нет, а богадельни переполнены, — сказала женщина и повторила свое предложение: — Если пойдешь со мной, тебе заплатят и ты сможешь уехать в Америку.

Перед мысленным взором Айрин возникли воды родного залива в рамке зеленых берегов, где ароматы трав смешивались с запахом водорослей и нагретых солнцем скал. Нагромождения камней казались развалинами древнего города, стоявшего здесь от начала времен. Она покинула родные края в надежде угодить в рай, а в результате стояла одной ногой в аду!

— Кто вы? — спросила Айрин, пытаясь вытереть слезы.

— Меня зовут миссис Биглер. Я помогаю таким, как ты, и никого не обманываю. Если я сказала, что завтра ты сможешь купить билет на пароход, значит, так и будет.

— Мне нужно семь фунтов.

Айрин подумала о том, что путешествие до Америки продлится никак не меньше недели, поэтому ей придется запастись едой.

— Семь фунтов! Слишком много. Но я постараюсь что-нибудь придумать. Есть один господин, который хорошо платит за таких девчонок, как ты.

С этими словами миссис Биглер решительно взяла Айрин за руку и повела за собой.

Дом располагался недалеко, на этой же улице. Возле входа женщина поймала мальчика и шепнула:

— Гарри, сбегай к мистеру Адамсу. Скажи, есть девушка. Возможно, он захочет прийти?

Мальчишка пустился бежать со всех ног, а миссис Биглер и Айрин поднялись по деревянной лестнице на второй этаж. Хозяйка отворила дверь и сказала:

— Сюда.

В тесной комнатке стояли железная кровать, туалетный столик и умывальник. Обои были покрыты пятнами. Под ногами шуршал и сбивался в кучу вытертый коричневый коврик.

Растрепанная, грубо накрашенная особа лениво одевалась, не стесняясь вошедших.

— Подожди, — сказала миссис Биглер и вышла.

— Первый раз? — равнодушно спросила девица, поставив ногу на стул и натягивая чулок. — Сколько тебе обещали?

— Семь фунтов, — Айрин казалось, что эти слова произнес кто-то другой.

— Везет же некоторым! — сказала проститутка.

Она опустила подол и покинула помещение вслед за хозяйкой. В комнатке витали запахи дешевых духов, пота, грязного белья. Заметив на туалетном столике среди каких-то баночек и грошовых украшений сухарь, Айрин схватила его и принялась жадно грызть.

Вошла хозяйка и протянула ей розовое в цветочек перкалевое платье.

— Сними свои лохмотья и надень.

Оглядев спутанные волосы Айрин, миссис Биглер воткнула в них яркий бумажный цветок, что лишь усилило впечатление неряшливости и вульгарности.

— Сойдет. А теперь выпей. Это поможет.

И протянула ей стакан с какой-то жидкостью. Не подумав о том, что спиртное может сотворить с ее ослабевшим, непривычным к возлияниям организмом скверную штуку, Айрин залпом проглотила питье и только потом сморщилась и закашлялась от мерзкого вкуса.

Она опустилась на кровать. Голова кружилась, перед глазами плясали звездочки. Она почти

впала в забытье, когда услышала голос миссис Биглер:

— Ирландка… Ей четырнадцать… Здорова…

С хозяйкой заговорил мужчина, но Айрин не могла разобрать слов. Незнакомец приблизился к кровати, и девушка сжалась в комок. Тело окаменело, по спине змеился неприятный холодок.

В затуманенном мозгу промелькнуло воспоминание об отце Бакли, который часто говорил о милосердии. Увы, ни мольбы, ни слезы не могли пробить брешь в гранитной стене настоящего и позволить проникнуть в будущее. Единственным средством оставался голый расчет.

Комната пульсировала, как огромный живой орган, сжималась и увеличивалась в ритме биения сердца Айрин.

Незнакомец стянул с нее платье и ветхую, истертую от бесконечных стирок сорочку. Айрин не сопротивлялась, лишь обхватила плоскую грудь худыми руками и подтянула к ней острые колени.

— Нет-нет, — услышала она голос, — не так.

Мужчина взял ее за руки, потом за ноги и выпрямил их: Айрин казалось, что он обращается с ней, как с куклой. Он что-то повторял хриплым шепотом, и ей чудилось, будто он произно-

сит зловещие заклинания. Айрин постаралась воспринимать происходящее, как жертвоприношение, жестокую, но необходимую муку. Ей казалось, что своим острым, как лезвие косы, позвоночником она ощущает сквозь жидкий матрас ледяной холод железной кровати, тогда как внутри тела, вспоротого грубой силой, было горячо, как в утробе скотины, которую отец резал к праздникам в те времена, когда в Ирландию еще не пришел голод. То был неприятный жар, сопряженный с болью, отчаянием и смертью.

Она была так измучена, что когда все закончилось, мгновенно провалилась в похожий на беспамятство сон.

Утром Айрин ожидала, что ее охватит чувство невыносимого стыда, но вместо этого ощутила неожиданное спокойствие. Падение свершилось, она перешла грань, и лучшее, что она могла сделать, постараться не думать о том, что произошло. Она еще не знала, что есть вещи, которые можно вычеркнуть из памяти разума, но только не из памяти души и сердца.

Айрин поднялась с кровати и натянула одежду. Теперь нужно было найти миссис Биглер и потребовать с нее плату.

— Через несколько дней ты забудешь об этой

ночи, — уверенно произнесла хозяйка, протягивая Айрин деньги. — Будущему мужу можешь сказать, что тебя изнасиловали на пароходе. Кстати, не хочешь остаться у меня? Откормим тебя, заведешь постоянных клиентов…

— Мне нужно уехать.

Город просыпался. Мостовая вздрагивала от толчков, слышался стук колес экипажей, гомон толпы. Из лавочек, кабачков и кофеен тянуло запахом съестного, и Айрин решила утолить голод, а заодно запастись продуктами в дорогу.

Впервые за несколько лет ей довелось сытно поесть: овсяная каша, яйца, бекон, белый хлеб. Она взяла с собой горку тонких ячменных лепешек, сыр, вяленое мясо и несколько яблок — все это было тщательно завернуто и надежно упрятано в холщовый мешок от взоров и обоняния оголодавших соотечественников.

Когда Айрин приблизилась к порту, ее взору открылась беспредельная ширь воды и неба. Она увидела пароход, из чрева которого вырывался пар и улетал к небесам, а винты взрезали воду, будто плуг — податливую землю, а та вздымалась и падала, бурлила и бежала вдоль бортов.

Когда Айрин подумала о том, что, возможно, уже сегодня ей удастся покинуть этот ставший

ненавистным берег, на душе немного полегчало.

Окинув взглядом посеревшие, хмурые, утомленные лица окружающих, Айрин подошла к своим попутчикам. Джон, Салли и их сын находились на прежнем месте: они провели ночь в порту.

Она показала им деньги.

— Где ты их взяла?

Глаза Айрин были сухи, взгляд холоден, а голос тверд:

— Заработала.

Джон удивленно приподнял брови, а Салли отшатнулась от Айрин с таким видом, словно та принесла в подоле опасную болезнь.

— Где заработала?

— Это вас не касается. Сегодня мы сможет отплыть?

— Да. Обещают еще одно судно, — сказал Джон. — Давай твои деньги, я постараюсь раздобыть билет.

— Нет, я пойду с вами.

Они вернулись через несколько часов, утомленные, но довольные, с билетами в руках.

Впереди их ждала санобработка и выдача разрешения на посадку: на корабли старались не допускать пассажиров, у которых водились вши,

а также тех, кто мог распространить какую-либо заразу.

— Ты не можешь понести Томаса? — спросила Салли у Айрин и оскорбленно поджала губы, когда та ответила:

— Неси сама. Я устала.

Они думали, что посадка будет напоминать похоронную процессию, но случилось чудо: люди внезапно ожили, в них всколыхнулись остатки сил. Очередь рассыпалась и принялась штурмовать судно. Айрин видела искаженные отчаянием и злобой лица, руки живых скелетов, пытавшиеся схватить соседа за горло, слышала крики и скрежет зубов. Толпа подхватила ее и понесла вперед, подобно взбесившейся волне. Айрин из последних сил прижала мешок с едой к животу и отдалась на милость стихии.

Ее основательно помяли, но все же она очутилась там, куда стремилась попасть: возле ограждения, за которым начиналась посадка.

Береговая охрана пыталась навести порядок, матросы кричали, что погрузка не закончится до тех пор, пока на палубу не поднимется последний из тех, у кого есть билет.

Когда Айрин ступила на корабль, она не чуяла под собой ног. Большинство эмигрантов разме-

щалось в межпалубном отсеке, напоминавшем подземелье. Кто-то сидел на полу, другие взбирались на дощатые нары. В полутемное низкое помещение набилась не одна сотня оборванных, грязных, измученных и раздавленных жизнью людей.

Айрин нашла место на нарах под низким потолком, где было темно и тесно, как в гробу. Она почувствовала, как пароход сдвинулся с места и тяжело потащился вперед. В этот миг ей чудилось, будто она похоронена заживо и ее везут прямо в преисподнюю.

Большую часть суток Айрин лежала на досках, задыхаясь от нестерпимой вони и страдая от жестокой качки. Она старалась принимать пищу, когда соседи спали, а если засыпала сама, то клала мешок под себя или крепко прижимала к груди. Когда она думала о будущем, ее глаза то сверкали зеленью, то становились похожими на болотную воду, а перепады настроения напоминали движение маятника.

Айрин не интересовало, где разместилась семья Джона О'Лири, с некоторых пор ей не было до них никакого дела. Салли сама отыскала ее и попросила сойти вниз.

— Послушай, — голос женщины был надтрес-

нутым, слабым, — у тебя есть еда? Мы с мужем потерпим, но я боюсь за Томаса!

Айрин выдержала выразительную паузу, потом сказала:

— Пойдем.

Они направились туда, где стоял проржавевший бак с несвежей водой, из которого пили все — и здоровые, и больные, развязала мешок и дала Салли три лепешки, мясо и яблоки.

Салли схватила еду. Вероятно, в качестве благодарности она решила поговорить с Айрин:

— Что ты думаешь делать, когда мы пристанем к берегу? Отправишься искать своего дядю?

Айрин посмотрела вниз, на тусклые полосы света, просачивающиеся из верхних помещений и переплетавшиеся на полу у нее под ногами. Она подумала о напрасном труде Брайана О'Келли, бесплодных усилиях отца Бакли, ожесточенной борьбе и пустых надеждах тысяч ирландцев, об их растраченной жизни и тяжело обронила:

— Не знаю.

Быть может, если б она имела возможность подняться на верхнюю палубу и увидеть блеск необъятных океанских вод и нестерпимое сияние солнца, узреть лица людей, которым довелось родиться счастливыми, она бы ответила иначе.

А так ей не давали покоя мысли о том, что всем, кто плыл в мрачной утробе сотворенного человеческими руками чудовища, придется начинать жизнь в чужой стране в такой же беспросветной нужде, от которой они надеялись убежать.

Глава 2

«Темра» — темное, таинственное слово, похожее на название замка», — думал Джейкоб Китинг. Он шел по проселочной дороге, по обеим сторонам которой простирались хлопковые поля.

Здесь было так тихо, что, казалось, можно услышать, как растет трава. Небо на горизонте имело цвет красного вина, а ветер пах совсем не так, как в Новом Орлеане, где он родился: азалией, жимолостью, соснами и свежевспаханной землей.

Отец Джейка был торговцем; старший сын Ричард с малолетства помогал ему в лавке, тогда как младшему, которого всегда больше интересовали люди, а не вещи, захотелось стать врачом. Получив образование на Севере, в университете Нью-Йорка (скрепя сердце отец оплатил обучение), он вернулся в родной город, полный любви к своей работе, способной заполнить не только время, но и душу.

За минувшие три года молодой доктор Джейкоб Китинг приобрел немалый опыт лечения желтой лихорадки, родильной горячки и гнойных ран. Он только не знал, как исцелить пациентов от

бедности, из которой не мог выбраться и сам.

Двери богатых домов для него, человека невысокого происхождения, были закрыты, потому ему приходилось принимать как эмигрантов, так и местных бедняков, у которых тоже не было ни гроша. Зачастую Джейк больше тратил, чем получал, потому что не мог спокойно смотреть на умирающих от голода детей и их отчаявшихся родителей.

Наконец он пришел к выводу, что надо что-то менять в своей жизни. Вскоре ему на глаза попалось объявление в газете: некий Уильям О'Келли, владелец имения Темра в Южной Каролине, приглашал на работу врача, предлагая пять долларов в неделю, стол и бесплатное проживание на плантации, где работали три сотни негров.

Джейк задумался. Невелика честь лечить чернокожих рабов, но зато при известной бережливости он смог бы скопить денег.

Молодой человек написал хозяину плантации и вскоре получил ответ: его ждут в имении. Уильям О'Келли подробно описал, как добраться до Темры, и даже выслал денег на дорогу. Эту сумму Джейк потратил на приличную одежду — белую сорочку, серый сюртук и черные брюки. Отправляясь в путь, он до блеска начистил

сапоги, повязал модный галстук и надел широкополую панаму. В руках Джейк держал свое главное богатство — потертый саквояж с инструментами, лекарствами и несколькими книгами по медицине.

Он не боялся заблудиться: недавно ему встретились люди, которые сказали, что если идти по этой дороге, никуда не сворачивая, то она приведет его прямо к Темре.

Сердцем имения был особняк с белыми оштукатуренными колоннами, в окнах которого отражалось вечернее небо. Джейк шел под высокими, широкими, как шатры, сводами деревьев, почти смыкавшимися над подъездной аллеей, и гадал, кто и как встретит его в этот поздний час. Он утомился в дороге, а живот сводило от голода, отчего на память приходил вкус заманчивых блюд креольской кухни: запеченных на каменной соли в половинках створок и посыпанных зеленью устриц, приправленных перцем вареных крабов и джамбалайи[4].

Заметив манящие огоньки ламп, почувствовав запах еды, Джейк приободрился и прибавил шаг.

Навстречу с громким лаем выскочило несколь-

---

[4] Примечания: 4

Очищенные креветки, обжаренные в масле с зеленым перцем, чесноком и сельдереем и поданные с вареным рисом.

ко собак, потом вышел высокий плечистый негр в ливрее и с поклоном произнес:

— Доктор Китинг?

— Да, — ответил Джейк.

Он удивился и одновременно обрадовался.

— Пожалуйте в дом, сэр.

Джейк прошел мимо пышных клумб и цветущих магнолий и поднялся на высокое крыльцо вслед за своим провожатым.

Миновав холл и очутившись в гостиной, он был поражен обилием тяжелой мебели красного дерева, толстых индийских ковров и массивного серебра, казавшихся неуместными в этом сельском жилище. Впрочем владелец трех сотен рабов мог позволить себе подобную роскошь.

Ставни были распахнуты, и душистый вечерний воздух свободно вливался внутрь помещения. В углах комнаты стояли высокие светлые вазы с живыми цветами. Под потолком висела солидная бронзовая люстра.

Джейк с любопытством разглядывал обстановку, а потому не заметил, как слуга удалился и появился снова.

— Пройдите в кабинет, сэр. Мистер О'Келли примет вас, — важно произнес он.

Джейк вошел в комнату, стараясь не скрипеть

половицами, и вежливо поклонился. Стройный седовласый Уильям О'Келли с грустинкой в светлых глазах и добрым лицом напоминал не плантатора, а ученого. Впечатление усугублялось обстановкой кабинета: старинное дубовое бюро, уютное потертое кресло и множество простых стеллажей с рядами книг.

Хозяин поздоровался с Джейком, осведомился, как прошла дорога, после чего промолвил:

— Утром наш управляющий, мистер Фоер, подробно расскажет вам о поместье. Все, о чем я говорил в письме, остается в силе.

Джейк кивнул.

— Я потихоньку передаю дела своему сыну Юджину; его вы тоже увидите завтра, — сказал мистер О'Келли и замолчал.

Джейк замешкался; между тем дверь за его спиной отворилась, и в кабинет кто-то вошел.

Он оглянулся и, увидев девушку, по-видимому, дочь хозяина, поспешно поздоровался.

— Это мистер Китинг, врач, который будет лечить наших рабов. А это моя дочь Сара, — сказал мистер Уильям.

— Папа, ужин готов, — сообщила она, небрежно ответив на приветствие незнакомца.

Джейк позволил себе рассмотреть ее получ-

ше. Внешне хрупкая, Сара О'Келли была полна внутренней силы. Ее рыжеватые волосы были аккуратно уложены в сетку, складки расшитого крохотными незабудками сиреневого платья безупречно расположены поверх обручей кринолина. Маленькие руки выглядели беспомощными и слабыми, но взор голубых глаз казался не по-женски проницательным и трезвым. Бледные, чуть тронутые веснушками щеки ни капли не порозовели под взглядом Джейка, и он подумал, что для этой девушки он всего лишь наемный работник, слуга.

— Я прикажу мальчику проводить вас туда, где вы будете жить, — сказал мистер Уильям. — Вас встретит один из наших работников; он знает, что вы приедете. — После чего обратился к дочери: — Идем, Сара. Плохо, если ужин остынет.

Солнце склонилось к горизонту, краски небесных чертогов погасли, и землю постепенно окутывал сонный полумрак. Ветер стих, и деревья, еще несколько минут назад бросавшие на землю причудливые, качающиеся тени, теперь напоминали неподвижные черные свечи.

Джейк шел по тропинке в сопровождении шустрого негритенка. Он попытался задать мальчишке вопросы, но тот вприпрыжку бежал

впереди и то ли не слышал его слов, то ли делал вид, что не слышит.

Неподалеку от того места, где начинались ряды негритянских хижин (там горел костер, оттуда пахло едой, долетал гул множества голосов и нестройное пение), стоял бревенчатый дом, в дверях которого Джейк заметил какого-то малого, смотревшего на него выжидающе и, как ему показалось, враждебно.

— Здесь, сэр! — бросил негритенок и что есть мочи припустил обратно к хозяйскому дому.

Джейк попытался рассмотреть человека, с которым ему предстояло делить кров. У того был смуглый цвет лица, резкая линия скул, неприятный холодок в узких глазах, уверенный, властный и вместе с тем настороженный вид. Он был ровесником Джейкоба, и среди его предков наверняка были индейцы, но Китинг сразу почувствовал, что об этом не следует заговаривать. А еще он понял, что едва ли ему удастся да и захочется подружиться с этим человеком.

Джейк сделал шаг вперед и остановился, не зная, что делать, между тем незнакомец улыбнулся одними губами и протянул ему руку.

— Барт Хантер.

— Джейкоб Китинг, — представился он, отвечая

на рукопожатие. — Я врач.

— А я — старший надсмотрщик, — сообщил Барт и пригласил: — Заходи в дом.

Внутри царил беспорядок, какой можно встретить в жилье одинокого мужчины. Потемневшая от времени мебель была покрыта глубокими царапинами, похожими на шрамы. Пахло кожей, старым деревом, табаком, а еще — свежеприготовленной пищей. Джейк увидел на столе блюдо с горой дымящейся фасоли и тарелку, на которой лежал внушительный кусок баранины.

— Садись. Ты, наверное, голоден? Я как раз собирался ужинать. А еще у меня есть кукурузное виски.

Джейк поставил саквояж, снял сюртук и панаму и сел за стол. Барт достал из видавшего виды сундука большую тыквенную бутыль и разлил резко пахнущий напиток.

— За знакомство! Только чтоб об этом не знали хозяева и мистер Фоер, — сказал он и поднял свой стакан.

Джейк хотел отказаться, но потом подумал, почему бы и нет, и сделал два больших глотка. Он все еще пребывал во власти обиды на то, что его не пригласили на ужин в господском доме, а сослали на задворки.

Не привыкший к крепким напиткам Джейк закашлялся, а Барт рассмеялся, тряхнув жесткими черными волосами.

— Ешь!

По телу разлилось приятное тепло, усталость постепенно отпускала мышцы. Впившись зубами в душистую мякоть баранины, Джейк зажмурился от удовольствия.

— Спасибо. Очень вкусно.

— Откуда ты? — спросил Барт.

— Из Нового Орлеана.

Барт присвистнул.

— Чего ради тащился в такую даль?!

Джейк решил не лукавить, ибо им предстояло жить и работать бок о бок. К тому же он был благодарен Барту за гостеприимство.

— Решил заработать денег. В моем родном городе с этим туго.

— Сколько тебе предложил старик Уильям?

— Пять долларов в неделю.

Барт откинулся на спинку стула и кивнул головой.

— Неплохо. К тому же едва ли у тебя будет много работы. Черномазые не так уж часто болеют. Но постоянно стремятся отлынивать, так что тут надо смотреть в оба!

— Кто лечил их прежде?

— Никто. Хотя среди них есть свои знахари, которые верят в то, что завернутый в красную тряпку ржавый гвоздь может избавить человека от любой болезни! По соседству живет доктор Уайтсайд, но он же не станет возиться с неграми! — ответил надсмотрщик и с усмешкой заметил: — Кстати, приятель, ты свалял дурака: после того, как ты лечил чернокожих, к тебе не обратится за помощью ни один белый!

— Я не собираюсь оставаться в этих краях. Поработаю, сколько нужно, и вернусь в Новый Орлеан. А ты откуда?

— Я здесь тоже недавно, — промолвил Барт, не отвечая на вопрос. — Прежнего надсмотрщика погнали в шею, поскольку он был ленив, вороват, да к тому же пил. На его место претендовало несколько человек, но взяли меня.

— Почему? — спросил Джейк, покосившись на пустой стакан соседа.

— Потому что рабы дрожат от одного моего взгляда.

Они еще немного посидели за столом, потом Барт сказал:

— Ты, наверное, устал. Ложись спать. Сегодня тебе придется устроиться на полу, а завтра поста-

вим вторую кровать.

Джейк не успел ничего ответить, как снаружи раздался осторожный стук.

— Кто там?!

Не дождавшись ответа, Барт раздраженно рванул дверь на себя, и в проеме возникла темная фигура.

Незваный гость молча сделал шаг вперед и вступил в полосу света. Джейк невольно замер. Возможно, в том было виновато выпитое виски, но даже сознание того, что эта девушка — негритянка, точнее, мулатка, рабыня, не могло умалить его восхищения.

Ее черные волосы струились по спине и завивались пышными кольцами ниже талии, а глаза сверкали, как антрацит. Простая одежда не скрывала гибкости стройного, сильного, подвижного тела. Крупные дешевые браслеты делали смуглые руки еще изящнее и тоньше.

Барт узнал ее.

— Лила? Что тебе нужно?

— Простите, сэр, — робко произнесла мулатка. — С сыном нашей соседки что-то неладное, он задыхается, и мы не знаем, как ему помочь. Я слышала, на плантации появился доктор, который остановился у вас.

— Откуда узнала?

— Джеф сказал, — в голосе мулатки звучали боязливые, извиняющиеся нотки.

— От черномазых ничего нельзя утаить, любая новость распространяется с бешеной скоростью, — досадливо произнес Барт, тогда как Джейк торопливо встал, надел сюртук и взял саквояж.

— Проводи меня! — бросил он девушке и вышел за дверь.

Черное полотно неба было покрыто серебряной вышивкой звезд, такой частой, какая бывает только в южных краях; большая луна ярко освещала тропинку.

Лила быстро шла впереди Джейка, и ее бедра покачивались в особом, плавном, сводящем с ума ритме, а грива волос упруго колыхалась за спиной.

Она привела его к хижине и распахнула дверь. Джейк вошел, и его тут же окружило множество лиц, казавшихся еще чернее по контрасту с белыми зубами и сверкающими белками глаз. Внутри было темно, и стоял типичный запах негритянского жилья. Какая-то женщина раскачивалась из стороны в сторону и беспрестанно голосила. Джейк велел Лиле взять лучину и посветить.

Он увидел маленького мальчика, который лежал на коленях матери, как тряпичная кукла, и казался мертвым. Джейк с трудом добился ответа о том, что случилось. Оказалось, ребенок проглотил большой кусок черствой лепешки, подавился и стал задыхаться.

Недолго думая, Джейк схватил негритенка за ноги и как следует встряхнул. Из горла ребенка вырвался булькающий звук, а потом наступившую тишину разорвал звонкий крик.

Джейк облегченно вздохнул и передал мальчишку в руки матери.

Он вышел за дверь, Лила — следом за ним. Она ничего не сказала, лишь блеснула смущенной улыбкой и неловко поправила волосы. Светлые ногти на ее длинных смуглых пальцах напоминали маленькие перламутровые раковины.

— Ты позвала меня вовремя, — сказал Джейк.

Она вновь ничего не ответила, не произнесла даже привычного «да, сэр!» и скрылась в темноте.

Призрачный свет проникал сквозь кроны деревьев, и тени покрывали тропинку сложным узором. Он подумал, что днем местность наверняка будет выглядеть иначе, скорее всего, он ее не узнает, как и мулатку Лилу, одну из многих

рабынь, что от зари до темна трудились на огромной плантации.

Оглянувшись, он увидел, что огни в негритянских хижинах погасли — наступила непроглядная ночь.

Барт не спал. Он спросил, что произошло, и Джейк коротко рассказал.

— Вообще-то эта девчонка из новеньких, ее с матерью купили несколько недель назад вместе с партией негров.

— Она показалась мне очень красивой, — сдержанно произнес Джейк, раздеваясь в темноте. — Странно, что такая девушка работает в поле!

— Это все ее мать. С ней приключилась скверная история: она родила от хозяина, и тот ее продал вместе с ребенком. Теперь Нэнси готова сгноить дочь на плантации, лишь бы та не досталась белому, хотя чего ей бояться: мистер Уильям хранит верность покойной жене, ему не нужны даже белые леди, не то что негритянки. Его сын откровенно брезгует ими, управляющий Фоер — тоже. Что касается меня… Ясно, что Лила девственница, и я не хочу, чтобы Нэнси выцарапала мне глаза!

— А у мисс Сары есть жених? — Джейк сам не знал, зачем задает этот вопрос.

— Какое там! Ей никто не нравится. Она возомнила себя слишком умной. Наверняка так и помрет старой девой.

Джейк ничего не сказал. Он вспоминал плавные, летящие шаги мулатки по озаренной призрачным светом тропинке, подлунный мир, который вдруг потерял четкие очертания и открыл простор фантазии. Изучив медицину, он полагал, будто точно знает, что бывает, а что — нет, однако жизнь нередко являла примеры настоящих чудес.

Джейк не питал предубеждений насчет цветных женщин. В Новом Орлеане официально устраивались так называемые квартеронские балы, куда приглашались белые мужчины, а также квартеронки и мулатки, правда, из числа свободных. Пару раз Джейк посещал подобные сборища, но потом отказался от этой затеи: он не хотел заводить легкомысленную интрижку, вместе с тем у него не было средств для того, чтобы завести постоянную содержанку.

Он постарался выбросить из головы мысли о мулатке, которая обитала в дурно пахнущем жилье и гнула спину на плантации под палящим солнцем, и задумался о мисс Саре О'Келли, единственной дочери богатого плантатора, которая

решила, что ее ум обширнее и богаче мужского, а слабое женское сердце похоже на кремень.

— Послушай, — обратился он к соседу, — О'Келли — ирландская фамилия, стало быть, они потомки эмигрантов. Каким образом мистер Уильям приобрел свое состояние?

— Кажется, у его отца была всего-навсего небольшая ферма. Это одна из тех историй, которые так нравятся дамам: бедный молодой человек очаровал богатую наследницу. Они сбежали без родительского благословения и тайно поженились. С тех пор прошло много лет, то происшествие давно забыто, и теперь мистер Уильям — уважаемый человек, владелец одной из самых больших плантаций в округе.

Никогда Сара О'Келли не испытывала столь пронзительного ощущения счастья, как в тот момент, когда открывала глаза на рассвете, вставала с постели и подходила к окну. Позднее ее затягивали повседневные дела, но в этот миг она с особой первозданной остротой осознавала, как сильно любит окружающий мир. По утрам в ее грудь проникала неповторимая музыка Темры, сотканная из птичьего пения, шороха танцующей на ветру листвы, человеческого смеха и голосов.

Саре не были нужны иные горизонты и другое

солнце, она желала навсегда остаться там, где ей был известен любой камень, знакомо дыхание каждого цветка.

Ее тревожило сознание того, что рано или поздно брат приведет в дом жену. Она не хотела, чтобы в Темре появлялась вторая хозяйка, не желала делиться своим сокровищем с чужой женщиной.

По той же причине Сара уклонялась от разговоров о собственном замужестве, хотя ей уже исполнилось девятнадцать. Ей была невыносима мысль о том, что она поселится в чужом поместье, тогда как Юджин станет единолично владеть Темрой.

Брат закончил Южно-Каролинский университет и, вернувшись домой, не спешил вникать в дела. Куда больше ему нравилось разъезжать по гостям, состязаться в стрельбе, играть в карты, устраивать петушиные бои и волочиться за девушками.

Между тем Уильям О'Келли мечтал отойти от управления плантацией и посвятить свое время размышлениям, прогулкам и книгам. После смерти жены он утратил дух искателя и страсть к новизне, которые побуждали его бороться с обстоятельствами и неустанно двигаться вперед

со времен бесшабашной юности.

Дверь в комнату открылась, от чего занавески затрепетали, а пальцы ветра зашевелились, нежно перебирая распущенные волосы Сары.

Она обернулась.

— Это ты, Касси?

Негритянка невозмутимо поклонилась. Она прислуживала госпоже с ранних лет и хорошо изучила ее привычки. Касси была типичной чернокожей служанкой, с виду покорной и простоватой, а на деле — наблюдательной и хитрой. Она превосходно копировала манеры своей хозяйки и нередко высмеивала ее на кухне, к большому удовольствию собравшейся там темнокожей компании.

— Будете одеваться, мисс?

— Да. Папа уже встал?

— Только что.

— А Юджин?

— Вчера он поздно вернулся из гостей, потому еще спит.

— Мистер Фоер приходил с докладом?

— Думаю, он, как обычно, явится после завтрака.

Поверх отделанных кружевом панталон Сара надела жесткие от крахмала нижние юбки. Касси

умело затянула хозяйку в корсет и застегнула на ней бледно-голубое ситцевое платье с глухим лифом. Сара накинула на плечи вышитую шелком шаль китайского крепа и посмотрелась в зеркало.

Светлые глаза и белая кожа придавали ее облику миловидность и нежность, но нечто, таившееся в линии губ и глубине взора, не давало обмануться. Молодая хозяйка Темры была проницательна и своенравна: после смерти матери эти качества в полной мере проявились в ее характере.

Сара не случайно спросила служанку о мистере Фоере: ей хотелось услышать мнение управляющего о новом работнике.

На его облике лежал налет благородной бедности, а в выражении серых глаз мелькала тень того, что ему довелось повидать, прочитать и осмыслить.

Джейк тоже проснулся рано и, выйдя на улицу, понял, что не сумел сполна оценить ненавязчивую красоту и беспредельную ширь этого края.

Куда ни кинь взгляд, простирались округлые холмы, зеленые пастбища и хлопковые поля с ровными рядами кустов, осыпанных белыми пушистыми шарами. По бескрайнему небу были

разбросаны лоскутья облаков.

К большой, истоптанной ногами площадке, расположенной недалеко от того места, где стоял дом надсмотрщика, двигалась вереница негров. Кое-кто из них на ходу доедал завтрак.

Джейк знал, что пища — мука, кукурузные зерна, солонина — обычно выдавалась им в сыром виде, и они или сдавали в общий котел, или готовили в собственной хижине.

На беглый взгляд, принадлежащие О'Келли негры в основном были здоровы; непохоже, что их плохо кормили или подвергали частым наказаниям. Джейк слышал оживленные разговоры и женский смех, которые смолкли, стоило ему приблизиться к толпе.

Он был для них одним из тех, кто олицетворяет высшую власть. Джейк чувствовал их взгляды, которые они быстро отводили, чтобы не встретиться с ним глазами. В их умах и сердцах обитали обычные человеческие мысли и чувства, которые они по привычке старались скрыть.

Заметив молодую негритянку с привязанным к спине крохотным ребенком, Джейк подошел ближе и спросил:

— Сколько ему?

Рабыня испуганно присела и прошептала:

— Он родился на прошлой луне.

Представив, как негритянке придется трудиться до самого вечера в гуще пекла, Джейк решительно произнес:

— Возвращайся в свою хижину.

Словно по мановению волшебной палочки, рядом возник Барт, а с ним — три чернокожих «погонщика», в чьи обязанности входило подгонять рабов во время работы.

— Куда ты ее отправляешь?

— Эта женщина не может выйти в поле.

— Почему?

— Потому что она недавно родила и нуждается в отдыхе, не говоря о том, что пребывание на жаре опасно для младенца.

Барт переступил с ноги на ногу и слегка ударил плеткой по своим сапогам.

— Тогда пусть идет на кухню.

— Она пойдет в свою хижину и будет заботиться о ребенке, — твердо произнес Джейк. — Я намерен освободить от работы других кормящих негритянок, тех, кому скоро рожать, а также рабов, которые выглядят больными. Сейчас я проведу осмотр.

— Ты задерживаешь выход в поле. Управляющий разозлится, а достанется мне!

— Это не займет много времени.

Джейк прошел вдоль колонны, в которую вытянулись негры. Заметил вчерашнюю женщину, чей ребенок подавился лепешкой, и спросил, как дела у малыша. А после увидел Лилу.

Встретив взгляд Джейка, мулатка опустила ресницы. Ее прекрасные, густые, длинные волосы были подвязаны алой лентой, смуглые ноги прикрывала пестрая ситцевая юбка, зато тонкая ткань белого лифа не скрывала очертаний округлых и полных грудей.

Рядом с Лилой стояла высокая, стройная, чернокожая женщина, очевидно, ее мать. Она резко выделялась из толпы. Надменные ноздри, чувственные губы, величавая осанка воительницы, а не рабыни. Ее тело было изящно обернуто цветной тканью, она гордо держала голову, от нее исходило магическое ощущение дальних стран с мерцающей пылью равнин, криками диких животных и жаром экваториального солнца.

Работа на хлопковой плантации не требовала особых умений и навыков, здесь были нужны лишь выносливость и физическая сила, но в угольно-черных глазах женщины притаился глубокий ум. Казалось, она повидала и пережила все на свете и способна предугадать любую беду.

Джейк не решился задержаться возле Лилы и ее матери, столь непохожих на остальных рабынь, и прошел мимо.

Не слушая возражений Барта, он отобрал три десятка женщин с маленькими детьми, указал на пожилого негра с раной на ноге, юношу с какой-то кожной болезнью, двух мальчишек со вздутыми животами и еще на нескольких человек, показавшихся ему слишком худыми.

— Эти люди пойдут со мной.

В темных глазах надсмотрщика вспыхнул гнев.

— Кто дал тебе право освобождать рабов от работы?!

— Мистер Уильям — потому что нанял меня, — заявил Джейк и, спохватившись, спросил: — А кто делал это прежде?

— Как ты думаешь, кто? Я.

— Если тебе жаловались?

Барт ухмыльнулся.

— Мне никто никогда не жаловался. Кстати, вон идет мистер Фоер. Надо же, почтил нас своим присутствием! Спросим у него.

К ним приближался высокий, худощавый, хромой человек с вытянутым лицом, напоминающий крысу. Он был так бледен, точно под его

кожей не осталось ни капли крови. Джейк подумал, что у него должны быть холодные и липкие конечности и нрав злобного аскета.

Мистер Фоер сухо кивнул Барту и Джейку, не подав руки ни тому, ни другому.

— Сэр, нам надо поговорить, — сказал Барт и предложил: — Отойдем?

Он сделал темнокожим помощникам знак придержать колонну, и трое мужчин отошли на край площадки. Джейк заметил, что, несмотря на деланное равнодушие, в глазах многих рабов сквозит живой интерес к происходящему.

Барт коротко изложил суть дела, и мистер Фоер сходу произнес:

— Среди них нет лежачих больных, потому на работу выйдут все.

— Это невозможно! — голос Джейка звенел от напряжения.

Управляющий впился в лицо молодого доктора взглядом водянистых глаз, от чего тот невольно ощутил внутреннюю дрожь, и медленно произнес:

— Мистер Китинг, я должен обеспечить сбор должного количества хлопка. От этого зависит благосостояние хозяев, равно как и мое жалованье. То, что вы делаете, недопустимо, ибо завтра

к вам явится толпа черномазых с притворными жалобами, и вместо трех сотен рабов в поле выйдет одна.

— Постепенно я осмотрю всех рабов с этой плантации и смогу понять, у кого из них есть проблемы со здоровьем, а кто склонен к притворству. Это дело одной недели.

— Вы не знаете, сколько тюков хлопка должны собрать чернокожие за неделю!

— Меня волнует не хлопок, а люди, которые его собирают. Мне поручено заботиться о них, и я буду это делать!

Барт презрительно фыркнул.

— Люди! Ты не можешь представить, какие усилия мне приходится прикладывать, чтобы заставить работать мускулы этой толпы, не слишком часто стегая рабов кнутом, дабы они не потеряли в цене!

— Мне остается доложить о происходящем мистеру О'Келли, — холодно заявил Фоер.

— Делайте, что хотите, — ответил Джейк, — я не отступлюсь от своего мнения.

Тем же утром управляющий доложил хозяевам о дерзком поведении нового работника.

Джейку было некогда об этом думать: его занимали другие дела. Решив, что негоже принимать

больных в своем жилище, он оборудовал местечко под одним из навесов и занялся темнокожими пациентами.

Выслушав доклад Фоера, мистер Уильям удивился, Юджин разозлился, а Сара всерьез заинтересовалась произошедшим. День она провела как обычно (после смерти матери у нее было много дел в усадьбе), а вечером вышла погулять.

Она была рада посетить свою волшебную страну, где под ногами звучала чистая песня ручья, в лицо струился аромат азалий, а над головой смыкались темные кроны деревьев.

Сара не удивилась, увидев Джейка Китинга, который брел по соседней тропинке, наполовину скрытый кустарником и травой. Она слукавила бы, если б сказала, что не рада такому случаю. Он шел не спеша, чуть согнув плечи; было видно, что он не любуется природой, а думает.

Подобрав юбки, Сара сделала несколько быстрых шагов и догнала его.

— Мистер Китинг?

Он остановился. Встретив ее прямой, твердый взгляд, слегка смутился и повел рукой по растрепавшимся русым волосам.

— Мисс О'Келли! Простите, не ожидал встретить вас здесь.

— Я всегда гуляю по вечерам. Это мои любимые места. А вам они нравятся?

— Я еще мало что видел.

Сара заправила выбившуюся прядь под украшенную цветами шляпку флорентийской соломки и усмехнулась.

— Зато успели завести на плантации новые порядки. Мистер Фоер уже доложил нам об этом.

Джейк развел руками.

— Я просто выполняю свои обязанности. Здоровые негры будут лучше работать. Простите, но меня волнует не хлопок, а люди.

— Вы аболиционист?

Он пожал плечами.

— Нет. Не знаю. Я не задумывался об этом. В нашей семье никогда не держали рабов. К тому же в Новом Орлеане, откуда я родом, много свободных цветных.

— Расскажите о себе, — попросила Сара.

Джейка сбивала с толку и вместе с тем подкупала ее непривычно открытая, напрочь лишенная кокетства манера держаться. Он заговорил, сперва смущенно, потом — все с большим увлечение и жаром. Рассказал об отце, о матери, о старшем брате. О том, как жил и учился в Нью-Йорке, городе просвещения и новшеств.

Сара не имела понятия ни о газовом освещении, ни о многоэтажных домах, ни о конных омнибусах, ни об электрическом телеграфе и слушала собеседника с большим интересом.

— Как вы относитесь к янки? — спросила она. — Папа говорит, у нас может быть с ними война.

— Не знаю, — сказал Джейк, — мне трудно судить об этом.

На самом деле он мог бы сказать, что янки куда более образованны и практичны. Южный джентльмен большую часть времени проводил в седле и редко открывал книгу. Даже знаменитый хлопкоочистительный станок изобрел северянин. Что касается гражданской войны, об этом твердили не первый год. Джейк не знал, можно ли беседовать на такие темы с девушкой, тем более с леди, дочерью его нанимателя, потому предпочел уклониться от разговора.

— Возможно, вы недовольны тем, что вас поселили вместе с надсмотрщиком? Это было решение моего брата, и, если хотите, я поговорю с ним, — сказала Сара.

Несмотря на искушение, в Джейке взыграла гордость бедняка и чувство солидарности с Бартом, который приютил его, хотя ему и пришлось потесниться.

— Как врачу мне удобнее жить рядом с пациентами, и я ничего не имею против того, чтобы делить жилье с надсмотрщиком.

— Он недалеко ушел от негров, которыми командует. Он же метис и, кажется, даже не знает грамоты. Не понимаю, зачем отец его нанял?

— По-моему, он находится на своем месте. Что касается грамоты, не у всех людей в нашей стране есть возможность учиться.

Вскоре Сара сказала, что ей пора возвращаться. Хотя Джейк не решился ее проводить или сказать на прощание что-то особенное, все же он вернулся домой в приподнятом настроении.

Когда он открыл дверь, мимо него прошмыгнула девушка-негритянка. Ничего не заподозрив, он шагнул внутрь. Единственное окошко было зашторено, но сквозь прорехи в ветхих занавесках проникали игривые лучики солнца.

Барт лежал на кровати и глядел в потолок. На его лице было написано удовлетворение. Под тонким покрывалом угадывались очертания обнаженного тела.

— Чего уставился?

— Я не знал, что ты спишь с рабынями.

— Теперь знаешь.

— А хозяева?

— Я им не докладывал, — заявил Барт и добавил: — Послушай, ты кто — проповедник? Я поступаю честно: не трогаю тех, кто считает себя замужними, и не посягаю на девственниц. А остальным даже нравится. Чернокожие не похожи на белых: они не жеманятся, их тела говорят на том языке, каким их наделила природа.

— А если кто-нибудь из них забеременеет?

Барт рассмеялся.

— Знаешь, что такое негритянская семья? Это женщина и ее дети, об отцах которых никто не спрашивает.

Джейк молчал.

— Думаешь, черномазые станут тебя уважать? — небрежно произнес надсмотрщик. — Кто ты для них? И вообще: давай я не буду лезть в твои дела, а ты — совать нос в мои!

Джейк вздохнул.

— Ладно.

Прошло немного времени, и Джейк убедился, что его сосед неправ. Он был начисто лишен того, что носило название white supremacy[5], и рабы потянулись к нему. Не проходило вечера, чтобы в его дверь не постучала черная рука.

---

[5] Примечания: 5
Белое превосходство *(англ.).*

Иногда негры приходили за помощью, а порой звали его повеселиться на чьей-то свадьбе или просто послушать игру на банджо. Он лечил укусы насекомых, врачевал нарывы, принимал трудные роды у молоденьких негритянок, которым было в пору играть в куклы. По округе шастали люди, продававшие неграм дрянное виски. Случалось, кто-то из «погонщиков» напивался и не мог выйти на работу: Джейк ни разу не выдал ни одного из них.

Когда кто-то из рабов рискнул сказать ему: «Сэр, вы хороший человек», Джейк ответил: «Я просто врач».

Зачастую радом словно невзначай оказывалась Лила. Эта девушка была куда сообразительнее других рабынь, она живо интересовалась его работой, назначением медицинских инструментов и не раз просила у Джейка позволения помочь, особенно когда он осматривал или лечил детей.

Джейк любовался ее выразительным лицом и грациозным телом, которое, как сказал Барт, «знало язык природы», продолжая недоумевать: что такая красивая и явно неглупая девушка делает на хлопковой плантации? Она должна работать в усадьбе и иметь те привилегии, какими пользовались домашние рабы.

Джейк познакомился с Юджином О’Келли, и тот показался ему жестокосердным и надменным. Что касается Сары, она оставалась для него воплощением тех неясных надежд, в которых он не был готов признаться даже самому себе.

Глава 3

Ужасы пути остались позади, и Айрин было трудно представить, каким образом она сумела их пережить. Увидев, сколько трупов вынесли из трюма, она поняла, почему корабли, на которых эмигранты пересекают океан, называют плавучими гробами.

Корабль бросил якорь севернее форта Касл-Гарден, и несколько дней ирландцы оставались на карантине. Потом прибыл инспектор, проверил список пассажиров и отправил судно в порт. Дальше их доставили в форт на пароме, где таможенники проверили багаж (если так можно было назвать жалкие пожитки эмигрантов), а санитарные врачи провели беглый осмотр. После чего выжившие и относительно здоровые наконец очутились в городе.

Стоя на причале, Айрин смотрела на водную гладь, где покачивались изящные яхты, развернувшие серебристые крылья тонких парусов, и ей не верилось, что она ощущает под ногами твердую землю.

Джон и Салли совещались, куда пойти, попутно отмахиваясь от назойливых носильщиков.

Их уже предупредили, что те хватают мешки приезжих, волокут до ближайшего дома, а затем заламывают непомерную плату.

Несколько раз к ним подходили мужчины и женщины и предлагали «удобное и недорогое жилье». В конце концов Джону удалось столковаться с одной из хозяек. О'Лири согласились, чтобы Айрин временно поселилась с ними за треть квартирной платы.

Джон подхватил узлы, и трое взрослых (Томаса Салли несла на руках) побрели по лице. Романтика развеялась — на первый план как всегда выступила суть жизни: забота о пропитании и жилье.

Улицы портового квартала были завалены тюками хлопка, бочками с солониной, мешками с рисом, сложенными высокими штабелями.

Впервые увидев человека с черным лицом, Айрин испуганно шарахнулась в сторону, но потом такие люди стали попадаться все чаще.

— В Нью-Йорке каждый пятый житель — негр, — пояснила хозяйка.

— Проклятые черномазые, отбирают работу у нас, ирландцев, — проворчал Джон.

— Почему?

— Негры стоят дорого, потому их не используют

на дешевых работах, как нас, тех, кого можно загонять до смерти и при этом платить гроши!

Айрин удивилась тому, как быстро Джон перенял местные взгляды.

Хозяйка привела их в огромный барак, разделенный на крохотные клетушки, двери которых выходили на общую галерею. Пол в помещении был грязный, в нем зияли дыры, в которых наверняка водились крысы. Хозяйка всячески расхваливала условия, заметив, что жилье наверху это не то, что подвал, у самых окон которого сваливаются отбросы.

Айрин устало опустилась на железную кровать (кроме которой в помещении был сундук, два стула и стол), а Салли спросила хозяйку:

— Как тут с работой?

— Наверняка что-нибудь подыщете. Здесь есть швейные мастерские, а мужчин нанимают на строительство железной дороги.

Когда хозяйка ушла, Салли повернулась к Айрин и сказала:

— Ты будешь спать на полу.

— Почему?

— Потому что вносишь только треть платы.

— Но я же одна!

— Ну так и поселись одна! И плати за комнату

полностью, тем более, ты умеешь зарабатывать деньги лучше нас! А пока ты живешь с нами, командовать будем мы.

Айрин поежилась. Стоило ране зажить, как чье-то неосторожное слово сдирало струп, и она ощущала жгучую боль. Если б только сердце было похоже на зеркало и события отражались бы в нем, не оставляя никакой памяти!

— Я уйду отсюда, как только узнаю, как добраться до дяди!

Салли громко хмыкнула, демонстрируя свое презрение. Однако Айрин не собиралась отказываться от своих планов и изгонять из сердца надежду на чудо.

В последующие дни она успела исследовать берега Ист-Ривер и вдоволь побродить по Манхэттену. Но на работу ее нигде не брали. Джону и Салли тоже не везло. Как и другие ирландцы, они то и дело слышали: «Вы, тупые «Пэдди», знаете только картофельное поле да лопату».

Потратив последние деньги на газету, Айрин увидела, что та пестрит объявлениями вроде: «Семье требуется горничная, молодая женщина-протестантка, француженка, немка, англичанка, но не католичка и не ирландка».

Поняв, что им снова придется голодать, она

впала в отчаяние. Нищета вновь обрела реальность и взяла их в свои костлявые тиски.

Однако вскоре Салли вернулась домой необычайно оживленная и сказала:

— Кажется, я знаю, чем мы займемся. Мне подсказала соседка.

На следующий день Джон, Салли и Айрин отправились «на работу». Они собирали отбросы на помойках и свалках; в основном это были кости и тряпки. Сваливали добычу во дворе и сортировали, после чего стирали тряпки и вываривали кости, распространявшие ужасную вонь, которой пропитывались комнаты, одежда и волосы. Тряпье и кости продавались за гроши, но все-таки это был заработок. Иногда попадались обрывки пусть и несвежего, но еще пригодного в пищу мяса: в эти «счастливые» дни у них была похлебка.

Иногда, утомившись, Айрин усаживалась среди горы отбросов, вдыхала отравленный зловонием воздух и принималась мечтать. Мечтала она и по вечерам, глядя на вскипающее красками небо и бесчисленные огни фонарей, танцевавшие над темной землей, огни другого, свободного и счастливого мира.

Хотя богатый дядя и его поместье все больше отдалялись, превращаясь в призрачное видение,

витающее где-то на задворках сознания, она упорно откладывала деньги, которые, никому не доверяя, прятала на груди.

Айрин не знала, сколько еще усилий и изворотливости ей придется проявить, чтобы добиться своей цели, когда в один прекрасный день, боязливо спросив на пристани о цене билета, она вдруг поняла, что сможет сесть на корабль, который доставит ее в Чарльстон, откуда было рукой подать до Темры.

На следующий же день Айрин без особой сердечности простилась с О'Лири и отправилась в порт. Она давно не следила за временем, потому удивилась бы, если б узнала, что с того памятного момента, как она ступила на землю Америки, прошло полгода.

Айрин лежала в густой траве лицом к небу. Никаких людей, никаких всепроникающих, разрушительных, вгрызавшихся в уши звуков, никакой вони. Запах зелени, тишина, темнота с множеством серебряных точек, дерзко проткнувших небеса.

Она ни разу в жизни не ночевала под открытым небом в незнакомом месте, но не испытывала страха. Айрин почти достигла цели: ей оставалось дождаться утра и пройти несколько миль.

Прежде она пребывала в круговороте, а сейчас неподвижно лежала в мягкой траве, озаренная нежным сиянием луны и овеваемая прохладным ночным ветром. Ей чудилось, будто она улавливает дыхание земли и ее грудь тихо вздымается в такт.

Она не думала, что заснет, но заснула и пробудилась, когда солнце выплыло из-за горизонта и окружающие предметы обрели привычную форму и цвет.

Айрин отряхнула одежду и выбралась на дорогу, жалея о том, что у нее нет возможности привести себя в порядок. Ее платье было похоже на тряпку, голова и тело нестерпимо чесались. Она вспомнила, как на пароходе от нее шарахались люди, и не на шутку встревожилась. Что скажет Уильям О'Келли, увидев такую замарашку?

Айрин стиснула зубы. Неважно, что он скажет. Не для того она приложила столько усилий, чтобы уйти ни с чем!

Послышался легкий звук, и Айрин обернулась. Она решила, что увидит зверя, но это был мужчина. Он выскочил на дорогу из густого кустарника и на мгновение остановился как вкопанный.

У Айрин замерло сердце. Ей показалось, что

сейчас должно произойти что-то важное. Мужчина, вернее, юноша, выглядел запыхавшимся, загнанным, будто бежал всю ночь. Айрин поразила кошачья гибкость его движений, а еще — цвет кожи самого красивого смуглого оттенка, какой только можно вообразить. Его темные глаза пылали, как угли, а волосы не были похожи на густое руно, как у негров, они казались мягкими и вились крупными волнами.

Четко очерченные губы юноши шевельнулись, словно он хотел что-то сказать, но потом он стремглав бросился через дорогу и скрылся в зарослях.

Айрин перевела дыхание и продолжила путь. Примерно через четверть часа она увидела двух верховых, быстро скачущих по дороге ей навстречу. Она замедлила шаг и вперилась в их лица, намереваясь спросить про Темру.

Они тоже остановились. Один из мужчин наклонился и произнес:

— Доброе утро, мисс. Вы не видели на дороге мулата? — Заметив непонимающий взгляд Айрин, он пояснил: — Молодого мужчину негритянского происхождения, но с довольно светлой кожей. Этот наглец сбегает от всех хозяев; не проходит недели, чтобы его не пришлось ловить!

— Нет, я никого не видела.

— Мне кажется, вы чем-то напуганы. Кстати, кто вы, откуда и куда идете?

— Я приехала из Ирландии, иду в имение Темра.

— Что вам там надо?

— Я ищу Уильяма О'Келли, это мой дядя.

Мужчины недоверчиво переглянулись.

— О'Келли — ирландская фамилия, — вполголоса произнес один из них. — Кто знает, может они и впрямь родственники?

Айрин покорно ждала, зная, что с представителями власти лучше не спорить. Она двинулась дальше лишь после того, как они сказали:

— Не смеем вас задерживать. Вы на правильном пути, мисс. Около часа ходу, и вы окажетесь в Темре.

Айрин продолжила путь. Она шла, улыбаясь сама не зная чему. Как и в Ирландии, здесь ничто не мешало ей слышать и видеть природу. Небеса были светлы и огромны, по обеим сторонам дороги простирались обширные хлопковые поля. А потом она вступила в пределы усадьбы.

Айрин подошла к подъездной аллее и смотрела на полускрытый деревьями особняк с чувством благоговения и восторга.

В судьбах обитателей этого дома могли случаться свои падения и взлеты, обретения и потери, и все же ему было свойственно главное качество: нерушимость. Менялись времена, происходили какие-то события, рождались и умирали люди — гладкость белых колонн, совершенство пропорций, величавость крыши, красота зеленых лужаек оставались неизменными.

Айрин слышала людские голоса, до нее долетал звон посуды и божественный запах еды. Возле крыльца носились негритята, конюх вел в поводу расседланных лошадей, молодая рабыня в черном платье, белоснежном переднике и накрахмаленном тюрбане несла в дом корзину с фруктами.

Дом манил своей неповторимой, благородной красотой, словно райские врата. В эти минуты Айрин не думала о том, что, возможно, она — грешница, которой запрещен вход в обитель Господа Бога.

Сара О'Келли сидела в своей комнате и читала книгу, когда вошла Касси и сообщила, что какая-то неимоверно грязная девушка препирается в холле с Арчи, чернокожим лакеем.

По непонятным причинам на Сару повеяло тревожным ветром нежелательных перемен. Она

громко захлопнула книгу и нервно произнесла:

— Кто она такая, что ей нужно?

— Эта мисс, — не удержавшись, Касси скроила гримаску, — утверждает, что она ваша родственница.

У Сары, всегда такой сдержанной и невозмутимой, задрожали руки.

— Говоришь, она выглядит как нищенка?

— Хуже всякой белой рвани!

Негритянка замолчала и сделала шаг назад, желая полюбоваться произведенным эффектом. Ее ожидания оправдались: Сара вскочила с кресла и сломя голову бросилась на лестничную площадку.

Услыхав звук шагов, Айрин запрокинула голову и увидела твердо сжатые губы, холодный взгляд и напряженную позу незнакомой девушки, которая была немногим старше ее, но при этом держалась, как хозяйка дома.

— Кто вы? Что вам угодно? Ищете работу? Мы не нанимаем белых слуг! — голос Сары прозвучал враждебно и резко.

— Я бы хотела поговорить с мистером Уильямом О'Келли.

— Зачем он вам?

— Он мой дядя.

— Что?!

Губы незнакомки скривились в жалкой улыбке.

— У меня… есть доказательства. Чтобы встретиться с дядей, мне пришлось пересечь океан.

Сара принялась спускаться вниз. Она сразу поняла, что на кону стоят спокойствие, а возможно, и честь их семьи, их дома. Самозванка выглядела отвратительно, как выглядела бы крыса, проникшая в парадные покои.

В свою очередь, Айрин смотрела на гладко причесанные светлые волосы Сары, простое платье желтого ситца, складки которого мягко лежали поверх скромного кринолина и которое казалось ей таким же нарядным, как если б оно было сшито из сверкающей парчи.

Чувствуя, что этот миг важнее целой исторической эпохи, Сара твердо произнесла:

— Меня не интересуют ваши доказательства. Уходите отсюда.

Страдальческий взгляд запавших, тускло-зеленых глаз девушки беспомощно заметался.

— Но мистер О'Келли…

— Он вас не примет.

Похоже, незнакомка начала сдаваться. Она невольно попятилась, ее изможденное лицо

посерело, а руки повисли вдоль тела. Сара опустила взгляд ниже и увидела ее ступни, сбитые в кровь и такие заскорузлые, словно они никогда не знали обуви.

Хозяйка Темры сморщила нос. От самозванки шла резкая вонь, так не разило от самой неопрятной негритянки с плантации!

— Уходите, — повторила Сара, добивая врага, и в этот миг раздался спокойный, глубокий голос ее отца:

— Что происходит? Кто эта девушка?

Айрин с бессознательной надеждой подалась вперед, протянула руку, в которой была зажата смятая бумажка, и поспешно проговорила:

— Послушайте, сэр, я разыскиваю Уильяма О'Келли, младшего брата моего отца, Брайана О'Келли. Мой дядя родился в Ирландии, а после покинул ее вместе с матерью.

— Ваш отец с вами? — спросил Уильям.

— Нет, он умер перед моим отъездом, а еще раньше — мама и младшие братья. Я осталась совсем одна.

Айрин торопливо рассказала о газетной заметке, о священнике, о последнем разговоре с Брайаном. А еще — о голоде. Она не смогла передать свои чувства словами, но ее глаза лихо-

радочно заблестели, а в руках появилась нервная дрожь.

— У меня в самом деле был брат — мать рассказала мне об этом перед смертью. Прежде я не знал о том, что меня воспитал неродной отец. Вы правильно сделали, что приехали. Как вас зовут?

— Айрин.

Уильям коротко поклонился.

— Добро пожаловать в Темру!

Сара вцепилась руками в лестничные перила. Она судорожно соображала, что сказать, как остановить это безумие, когда раздался голос Юджина:

— Что происходит?

Сара бросилась к брату и торопливо заговорила. Едва уловив суть, он отстранил ее рукой.

— Погоди, сестра.

Из всех О'Келли один только Юджин унаследовал типичную ирландскую внешность: у него были медно-рыжие волосы и не загорающая кожа, хотя, как все сыновья плантаторов, он проводил много времени на открытом воздухе.

Покрытое веснушками лицо молодого человека могло бы показаться заурядным, если б не пронзительно-яркие карие глаза, унаследованные им от матери.

— Вы пришли за денежной помощью? — обратился он к Айрин. — Вы ее получите. Сколько вам надо, чтобы вы ушли?

Она растерялась.

— Не знаю. Я не думала об этом. Я надеялась найти родню и дом.

Сару затрясло. Эта грязная девка посягает на Темру, она желает сидеть за одним столом с ними, пользоваться всем тем, что принадлежит их семье!

Охваченная яростью, она отчаянно выпалила:

— Нет! Никогда!

— Присядьте и подождите немного, мисс, — примирительно произнес Уильям О'Келли. — Я должен поговорить со своими детьми.

Он прошел в кабинет привычным широким шагом. Сын и дочь проследовали за ним.

— Что вы делаете, отец? — с ходу произнес Юджин. — С Сарой случилась истерика!

— Сара переживет. А я — нет, если выставлю родную племянницу за ворота.

— Откуда она взялась? Никто из нас никогда не слышал о том, что у вас был брат!

— Повторяю: я тоже долго не знал об этом. О том, что моя мать оставила семью ради другого мужчины, который увез ее в Америку и заме-

нил мне отца. О том, что ей пришлось бросить старшего сына, по которому она тосковала до самой смерти. Я рад, что наконец узнал о своем брате, хотя его судьба сложилась совсем не так, как моя, — сказал Уильям и окинул взглядом притихших детей. — Вы выросли в достатке, у вас есть все, а главное — земля, за клочок которой настоящий ирландец готов отдать свою жизнь. Я люблю Америку, и я не помню своей родины, но я не отрекся от нее, как не отрекся от своей веры.

— Она очень грязная, — прошептала дочь, — возможно, у нее есть вши!

— Сара, — голос отца звучал устало и, как ей почудилось, разочарованно, — я знаю, ты добрая девочка. Прикажи слугам, чтобы они приготовили для Айрин комнату, и, пожалуйста, дай ей что-нибудь из своей одежды.

— Нет! — взвилась Сара. — Я скажу Касси — пусть уступит одно из своих платьев.

— Белая девушка может отдать свою одежду негритянке, но никак не наоборот, так же, как ни одна негритянка не посмеет без разрешения прикоснуться к одежде белого. Не мне учить тебя манерам, дочь, — на сей раз Уильям говорил властно и твердо, как истинный хозяин дома.

Касси, подслушивавшая за дверью, ухмыльну-

лась, ибо давным-давно тайком перемеряла все наряды своей хозяйки.

— А если она больна? Кто знает, чем она могла заразиться на пароходе! — Сара привела последний аргумент.

— Надо пригласить доктора Джейкоба — пусть он ее осмотрит.

— Этот доктор лечит наших рабов, — не без ехидства заметил Юджин.

На сей раз Уильям был готов сделать уступку обстоятельствам:

— Неважно. Главное, чтобы соседи не узнали об этой девушке раньше времени — до тех пор, пока мы не будем готовы представить ее нашему обществу.

Завершив свою речь, Уильям О'Келли покинул кабинет. Его детям стало ясно, что он не изменит свое решение.

— Боюсь, такие времена никогда не наступят, — сказала Сара Юджину, когда они остались одни.

— Какая муха его укусила? — произнес ее брат и предположил: — Возможно, от этой девчонки не будет вреда?

Сара сжала губы. Взгляд ее голубых глаз был непроницаем, как гранитная стена.

— Поверь на слово, Юджин: она навлечет на нас

такие беды и такой позор, о каких мы не смели и думать!

Касси сообщила госпоже, что девушку отвели в одно из помещений, предназначенных для гостей, а также послали негритенка за доктором Джейкобом.

Когда Сара вошла в комнату, Айрин сидела, уткнув лицо в колени. Услышав шаги, она подняла голову и убрала с глаз нечесаные грязные волосы.

Совсем недавно перед ней лежало будущее, то светлое и хорошее, чего она ждала от жизни и ради чего жила последние месяцы. Теперь, когда оно наконец превратилось в настоящее, Айрин не испытывала радости, не испытывала потому, что в Темре ей не были рады. Она проиграла, ибо отныне не знала, о чем мечтать, и вместе с тем ей не хотелось вспоминать о прошлом, потому что все, что в нем случилось и что было выстрадано, оказалось напрасным.

В руках Сара держала платье, выгоревшее и вылинявшее, но чистое. Не удержавшись, она швырнула его в Айрин.

— Возьми! Как у тебя хватило наглости явиться сюда такой грязной!

— Простите, — подавленно произнесла та, — я

так спешила, что у меня не было времени привести себя в порядок.

— Давно ты приехала в Америку?

— Несколько месяцев назад. Чтобы добраться до Темры, мне пришлось долго копить деньги на билет.

— И чем ты занималась?

Сперва Айрин решила солгать, но потом передумала:

— Собирала кости и тряпки на свалке.

— Зачем?!

— На продажу.

На лице Сары было написано отвращение. Она не знала, о чем говорить с девкой, которая жила на помойке. Она повернулась к дверям, намереваясь уйти, и столкнулась с Джейком.

— Доброго дня, мисс Сара. Что-то случилось?

Его ясный, сочувственный взгляд и спокойный, уверенный голос подействовали на нее, как глоток свежего воздуха.

— Пожалуйста, осмотрите эту девушку. Возможно, она больна чем-то заразным.

Саре почудилось, будто Джейк посмотрел на нее с недоумением, а возможно, и с осуждением. Она отступила в сторону, пропуская его в комнату, и тут же закрыла дверь.

Они с Юджином прождали не дольше четверти часа, после чего Джейк сообщил:

— Девушка здорова. Правда, она сильно истощена и ослаблена, но это поправимо. Ее надо хорошо накормить и, простите, что я это говорю, позволить ей как следует вымыться. Она ирландка?

— Да, ирландка.

— Я видел и лечил многих ирландцев. Они точно такие же люди, как мы, им просто не повезло.

— Нам известны ваши взгляды, мистер Китинг, — нетерпеливо произнес Юджин. — Для вас и негры «точно такие же люди».

Джейк возвращался обратно с тяжелым чувством. Душа этой девушки выла от отчаяния и одиночества, но этот звук не долетал до ушей Сары. Что могло лишить ее способности к состраданию? Жизнь в бесконечно длящемся настоящем, где ничто не меняется, где все настолько устойчиво, что людей не посещает даже тень мысли о возможных горестях?

На площадке, где рабы собирались по утрам перед началом работы, гарцевал Барт на породистом, явно хозяйском коне. Его правая и левая рука, Джеф и Пит, держали в поводу оседланных мулов.

— Куда собрался? — спросил Джейк.

— За новыми неграми. Хозяева приказали приобрести партию рабов для полевых работ. Фоер велел покупать по дешевке, но я-то знаю: самый плохой негр — негр, за которого просят мало денег!

В этот миг на горизонте появился несущийся во всю прыть негритенок. Подбежав к Барту, мальчишка сообщил:

— На заднем дворе запрягают коляску. Мистер Фоер велел передать, что поедет с вами.

— Только этого не хватало! — вскричал Барт, и на его лице появилось выражение неописуемой злобы.

— Он сказал, — мальчишка радостно сверкнул зубами, — что вы, сэр, потратите много денег, но при этом купите дрянных негров!

— Тогда я умываю руки! Палец о палец не ударю, чтобы ему помочь. Лучше потрачу силы на прогулку по местным салунам, — заявил надсмотрщик и, завидев отъезжавшую от ворот коляску, заметил: — Ненавижу Фоера! Хромой дьявол! Клянусь, от него стоит ждать больших неприятностей.

Глава 4

По утрам на Айрин всегда накатывало чувство горького одиночества. Ее не радовал солнечный свет, рассыпавший по комнате яркие блики, не радовала чистая и мягкая постель, обилие вкусной еды.

Она знала, что через несколько минут в комнату войдет чернокожая служанка и с нарочитым стуком поставит на столик поднос с едой, после чего скользнет по лицу незваной гостьи небрежным взглядом, словно мазнет липкой рукой, и с достоинством удалится. Рабыня не считала нужным скрывать свое презрение к Айрин, поскольку знала, что та не станет жаловаться.

В первый же день своего пребывания в Темре Айрин спросила Сару, не нужно ли ей заняться какой-либо работой, и получила холодный ответ:

— На это есть слуги.

Таким образом молодая хозяйка Темры желала подчеркнуть никчемность и ненужность Айрин, поскольку сама работала: отдавала распоряжения неграм, следила за порядком; по сути вела весь дом.

После первой же трапезы в кругу новой «семьи»

Айрин отказалась выходить к общему столу, ибо Юджин провожал каждое ее движение подчеркнуто изумленным взглядом, а черный слуга за его стулом не мог скрыть улыбки.

Единственным, кто проявил к ней добрые чувства, был молодой врач, которого пригласили ее осмотреть. На самом деле он даже не прикоснулся к Айрин, зато немного поговорил с ней, и она сразу почувствовала, что он понимает и разделяет ее беды. Мистер Уильям тоже был добр, он расспрашивал племянницу об отце, о жизни в Ирландии, однако Айрин видела, что им движет долг, а не подлинный интерес.

Днем она обычно бродила по усадьбе, стараясь не попадаться на глаза ни хозяевам, ни слугам. Айрин понимала, что это на руку не только ей самой, но и Саре, которая делала вид, что ее просто не существует.

Гуляя вдоль хлопковых полей, на которых трудились рабы, Айрин вспоминала Ирландию: истерзанный волнами берег, пенящееся море, серые выступы скал, яркий зеленый покров, из-за которого остров прозвали «изумрудным». И ей становилось жутко от того, что она никогда не увидит родины.

Незаметно для себя Айрин подошла к негритян-

скому жилью. Она увидела утоптанную площадку, на которой стояли связанный, обнаженный до пояса раб, какой-то человек с жестоким выражением лица и с плеткой в руках, еще один, хорошо одетый, средних лет мужчина с холодным, как у змеи, взглядом, и — доктор Джейк.

Айрин остановилась и укрылась за деревьями, решив послушать, о чем они говорят.

— Этот мулат — самое бесполезное приобретение на свете. Хозяева не знали, что с ним делать, потому и уступили по дешевке. У него даже прозвище Беглец. Он сбегает всегда и отовсюду. Прикажете сутками держать его в карцере или всякий раз платить задержавшему его патрулю двадцать долларов штрафа?! — говорил человек с плеткой, при этом в его голосе звучали не только нотки тревоги, но и нескрываемое торжество.

— Для начала дайте ему штук двадцать плетей и заприте без воды и еды на несколько суток. Надо довести его до такого состояния, чтобы он и думать не мог о побеге! — заявил мужчина с рыбьими глазами.

— Это бессмысленно, потому что в таком случае он не сможет работать, — заметил доктор Джейк.

Связанный раб молчал и не двигался. Он стоял

спиной к Айрин, и она видела бесчисленные шрамы, тянувшиеся вдоль его мускулистого стройного тела.

Чтобы разглядеть лицо мулата, она обошла площадку и, посмотрев на него спереди, вздрогнула. Это был тот самый человек, который встретился ей на дороге, когда она шла к Темре!

Странная трагическая отрешенность, трогающая сердце, тень иронии в уголках губ, матовая кожа поразительной гладкости и красоты, а глаза — темные и вместе с тем сверкающие, словно ночная вода, в которую упал лунный свет.

Его о чем-то спросили, и он ответил. Айрин не расслышала слов, но уловила тон. Так плененные, но не покоренные воины говорят со своими врагами.

Когда человек с плеткой замахнулся, Айрин охватило что-то такое, чего не могло вместить ее сердце. Она бросилась вперед с криком:

— Не делайте этого!

Все оглянулись на нее. Мужчина с глазами рептилии злобно нахмурился. Рука человека в высоких сапогах замерла на полпути. Во взгляде доктора Джейка появилось выражение облегчения и любопытства.

— Кто это? — вполголоса произнес Фоер.

— Племянница мистера Уильяма, — сказал Джейк и кивнул Айрин.

В свою очередь Барт коротко поклонился ей и вопросительно посмотрел на Фоера.

— Доброго дня, мисс, — нетерпеливо произнес тот. — Вы кого-то ищете?

— Я желаю узнать, почему вы хотите ударить этого человека! — Айрин говорила взволнованно, торопливо, переводя взгляд с одного лица на другое.

Управляющий шагнул вперед. Его кожа плотно обтягивала череп, редкие волосы были тщательно расчесаны и приглажены. А взгляд… Взгляд лишал внутренней опоры, внушал страх.

— Этого мулата, мисс, купили для дома. Однако он не желает работать ни в доме, ни в поле, вдобавок норовит убежать, да к тому же дерзит. За это его нужно наказать.

Айрин сделала глубокий вдох, силясь справиться с собой, отогнать лишние эмоции и мысли.

— А вы спрашивали его, почему он хочет сбежать? — сказала она и, подойдя к связанному юноше, мягко промолвила: — Как вас зовут?

Барт не удержался и хмыкнул, а во взгляде мулата появился проблеск удивления и интереса. Айрин почувствовала, как между ними протяну-

лась невидимая ниточка.

— Это один из рабов вашего дяди, мисс, — с трудом сдерживая презрение, проговорил Фоер. — С ними так не разговаривают.

— Я не понимаю этого! В той стране, откуда я приехала, нет рабов!

Ее удивление, возмущение, боль казались такими искренними, что — пусть на одно мгновение — мужчины невольно прониклись ими.

— Меня зовут Алан, мисс, — ответил мулат, глядя ей в глаза.

В этот миг Джейк взял Айрин за руку и твердо сказал:

— Вам лучше уйти отсюда. Давайте я вас провожу. Заодно поговорим.

— Вы можете что-нибудь сделать? — спросила она, когда они отошли от площадки и побрели по тропинке, протоптанной в густых зарослях.

Джейк вздохнул.

— Не могу.

— Эти люди жестоки!

— Это их работа, за которую им платят деньги. Мулата приказано привести к покорности, и они обязаны это сделать.

— Кто отдал такой приказ?

Джейк смотрел непонимающе.

— Наверное, ваш дядя. А возможно, мистер Юджин. Это их раб.

Айрин остановилась. Ее соломенные волосы были скручены на затылке небрежным узлом, голубое ситцевое платье подошло бы служанке, но никак не племяннице хозяина Темры (Айрин наотрез отказалась носить кринолин и корсет, что стало бесконечной темой кухонных пересудов), но, похоже, она не задумывалась об этом.

— Почему белые люди считают, что они вправе так поступать?

— Не знаю. Чернокожим пришлось разделить участь менее удачливой половины человечества, и мне трудно ответить, кто в этом повинен.

— Они очень несчастны?

Джейк вспомнил спиричуэлы[6], когда музыка и голоса людей сливались в удивительно гармоничный хор, яркое пламя костра, озарявшее контуры темных тел, полные детской радости улыбки и ответил:

— Я так не думаю.

— Что станет с этим мулатом?

— Будет лучше, если кому-то удастся убедить его смириться со своей участью.

---

[6] Примечания: 6

Спиричуэлы — духовные песни афроамериканцев, важнейший жанр их музыкального фольклора.

— Кто сможет это сделать?

— Я попробую, — пообещал Джейк и спросил: — Простите, мисс, у вас есть горничная?

— Нет. Да и зачем она мне?

— Я бы мог посоветовать вам одну девушку, — промолвил он, оставив без внимания замечание Айрин. — Она умна, скромна и красива, хотя и работает в поле. Главное, в ней нет того притворства, какое свойственно некоторым черным слугам. Мне кажется, вам удалось бы найти общий язык.

Айрин пожала плечами.

— Наверное, мисс Сара не позволит.

— Я с ней поговорю.

Когда они вышли на открытое пространство, Айрин окинула взглядом окрестности и заметила:

— Казалось бы, в этих краях, где ветки свешиваются до земли и плоды сами просятся в руки, где круглый год светит солнце, где жизнь кажется бесконечной, люди должны быть понимающими и добрыми, а на самом деле…

— Они просто привыкли жить так, как им удобно.

Джейка искренне занимала эта девушка. Несколько дней назад она казалась жалким суще-

ством, подобным бездомной и голодной собаке, а сейчас в ней проснулась непримиримость. Она думала уже не о себе и не о еде, а о других людях.

Доктору Китингу было известно, что обостренное чувство справедливости свойственно многим обездоленным, и ему было жаль, что в данном случае мисс Сара О'Келли явно проигрывала своей кузине.

Вечерние прогулки и беседы с Сарой вошли в привычку. Ему нравилось в ней то, что, по-видимому, отпугивало и приводило в замешательство других мужчин: отсутствие кокетства, самостоятельность, прямота суждений.

Ни Джейк, ни Сара никогда не договаривались о свидании, просто он знал, где ее искать.

Удушливый летний день подошел к концу, небо на горизонте приобрело цвет розового мрамора, а перистые облака над головой напоминали пуховое одеяло. В воздухе была разлита тишина, в которой было что-то от вечного покоя недосягаемых мировых пространств, и аромат зелени, пронзительный, острый, как ощущение жизни.

Под ногами шуршала трава; Джейк осторожно отводил ветки деревьев, чтобы они не задели лицо Сары. Сегодня на ней было платье из сливочно-желтой тафты, отделанное несколькими

рядами черной бархатной ленты, в руках она держала маленький кружевной зонтик.

— Я хотел предложить горничную для вашей родственницы, мулатку с плантации. У мисс Айрин нет личной служанки?

Сара передернула плечом.

— Я не возьму в дом полевую рабыню. Она наверняка глупа, невоспитанна и грязна.

— Вовсе нет. Поговорите с ней и убедитесь сами.

Сара принужденно рассмеялась.

— Вы как обычно не думаете ни о ком, кроме негров!

— Такова моя работа, — кротко промолвил Джейк.

— Впрочем, вы правы, — продолжила Сара, — для этой неопрятной девчонки как раз подойдет рабыня с плантации. Пришлите ее ко мне.

— За что вы не любите мисс Айрин? — осмелился спросить Джейк.

Сара не помедлила ни секунды.

— Она разрушительница.

— Не сказал бы.

— Хотя вы умеете лечить людей, вероятно, плохо разбираетесь в их натурах, — заметила Сара. — Ей неведомы никакие правила, она вносит

в нашу жизнь хаос. Мы с Юджином с первого дня ломаем голову над тем, как от нее избавиться!

— Едва ли вам удастся это сделать. Ей некуда идти.

— Полагаю, единственный способ отделаться от нее — найти ей мужа.

— Мужа? Какого именно? — в тоне Джейка прозвучало искреннее удивление.

Сара нахмурилась. Когда Юджин, смеясь, предложил выдать неожиданно свалившуюся им на голову кузину «за доктора Китинга», она почувствовала себя уязвленной. К счастью, отец тоже счел шутку сына неудачной.

— Разумеется, не человека нашего круга. Возможно, мелкого фермера, выделив ей достаточное приданое.

— Боюсь, вам все же придется спросить ее мнение.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Разве на ее месте вы согласились бы, чтобы мистер Уильям все решил за вас? — рискнул заметить Джейк.

— Я не могу очутиться на ее месте. Я дочь хозяина Темры, а Айрин — самозванка. К тому же мое главное и единственное желание — навсегда остаться в имении, — ответила Сара и вдруг спро-

сила: — Вы умеете танцевать?

— Да. Правда, мне нечасто приходилось это делать.

— В Темре несколько лет не давали бал из-за траура по маме, но, возможно, в этом году отец согласится…

Джейк не знал, как истолковать подобное замечание (едва ли он мог очутиться в числе приглашенных!), потому промолчал.

Прощаясь с ней, он почувствовал, что должен сказать или сделать что-то особенное. Внезапно в голове промелькнула безумная мысль поцеловать Сару. Его остановила не робость, а сознание того, что он сделает это, не повинуясь желанию, а, так сказать, по расчету.

Она хотела остаться в Темре — не в этом ли заключалась причина ее интереса к нему? Выйди она за сына любого из соседских плантаторов, ей придется покинуть родную усадьбу.

Однако что он мог ей предложить? Богатство? Увы! Откровенность? Нет. Любовь? Тоже нет.

Джейк не заметил, как стемнело. Он проскользнул в дом, разделся и лег, не зажигая света. С кровати Барта не доносилось ни звука, вероятно, сосед уже спал.

Засыпая, Джейк услышал негромкий, но на-

стойчивый стук. Привыкший к поздним визитам, он молча встал и открыл дверь.

На пороге стояла Лила. На мгновение Джейку почудилось, что он видит ее во сне. Свет луны отражался в браслетах, украшавших ее обнаженные руки, глаза блестели, будто капли смолы, волосы покрывали плечи темным плащом.

— Доктор Джейк! — она произносила слова с чуть заметной очаровательной неправильностью, и ее сочный голос ласкал слух. — Мулат, которого сегодня бросили в карцер, стонет в бреду. Я случайно проходила мимо и услышала. Ему надо помочь.

Джейк ощутил угрызения совести. Он обещал Айрин заняться судьбой невольника, а вместо этого весь вечер гулял с Сарой.

Он нашарил свечу. Пламя осветило недовольное лицо проснувшегося Барта.

— Дай мне ключи от карцера, — нетерпеливо произнес Джейк.

— Еще чего! Зачем?

— Мне нужно осмотреть мулата.

— Фоер сказал, если он сдохнет, туда ему и дорога, все равно мы купили его за треть, если не четверть цены, какую дают за хорошего раба.

— Что вы с ним сделали?

— Мы? Для начала спроси, что сделал он. Он назвал Фоера гиеной и плюнул в его сторону! Разумеется, тот велел забить его до полусмерти.

— Почему ты не хочешь дать мне ключ? Раб все равно не сможет сбежать.

— Почему? — глаза Барта сверкнули. — Потому что ты пытаешься вытащить из меня то, что я давным-давно похоронил так глубоко, что и сам не знаю, где искать. Возьми ключи. И возвращайся скорее, пока никто не заметил.

Ветер колыхал деревья; они словно расплетали и вновь сплетали ветви в порывистом отчаянном объятии. Небо заволокли тучи, и на земле было темно, будто в огромном колодце.

Мулатка уверенно шла вперед; казалось, она способна видеть ночью. Внезапно Джейк ощутил досаду и ревность. Он вспомнил о красоте молодого невольника и подумал о том, что они с Лилой могли бы стать прекрасной парой. Случайно ли девушка проходила мимо карцера? Возможно, она видела юношу днем, и он ей понравился?

Барт говорил, что Лила не отвечает на ухаживания негров с плантации, и немудрено: она была чересчур хороша для любого из полевых работников!

Джейк понимал, что у него нет никакой власти

ни над телом Лилы, которое влекло его своей красотой, ни над ее загадочной душой, тогда как с этим мулатом ее может соединять то непостижимое и властное, что зовется зовом крови.

Они с трудом отперли тяжелую дверь сарая. Джейк зажег свечу. Пламя затрепетало, озарив темные углы, по лицу Лилы заскользили оранжевые пятна.

Мулат лежал навзничь на земляном полу, мокром и липком от крови. Когда Джейк осторожно дотронулся до него, он не шевельнулся и не издал ни звука. В неярком свете казалось, будто его кожа покрыта влажными лепестками роз. Кое-где в глубоких бороздах ссадин загустели капли рубиновой крови.

Джейк привел Алана в чувство, дал воды, обработал и смазал раны, думая о том, как по-настоящему помочь этому человеку. Он слышал о существовании «Тайной дороги», организации, помогавшей рабам переселяться на Север или в Канаду. Ею руководили свободные негры и белые из числа аболиционистов. Они снабжали беглых рабов деньгами и адресами «станций», где те могли укрыться. Негры передвигались ночами через покрытые жнивьем поля или пробирались сквозь густые леса. Зачастую им приходилось

пересекать вплавь все реки к северу от штатов Мексиканского залива до Огайо. При этом не только сами чернокожие, но и сочувствующие им белые рисковали свободой и жизнью.

Когда они вышли из сарая и заперли дверь, Джейк обратился к Лиле:

— Мне нужно с тобой поговорить.

Она смотрела с каким-то особым, доверчивым любопытством, и в душе Джейка родилось то удивительное, неповторимое хрупкое чувство, которое так легко спугнуть и разрушить неправильными словами.

Повинуясь внезапному порыву, он положил руки на плечи Лилы, с наслаждением ощутив гладкость и тепло ее кожи, впадинки над ключицами, толчки крови у основания шеи.

— Я говорил с хозяйкой, мисс Сарой. Возможно, она согласится взять тебя в дом, чтобы ты прислуживала их новой родственнице.

Длинные ресницы Лилы затрепетали.

— Я никогда не работала в усадьбе, сэр, я ничего не умею!

— Научишься. Мисс Айрин приехала из-за океана и тоже не знает, как вести себя в новом обществе. Главное, как мне кажется, вы подойдете друг другу.

— Мама будет против, — робко заметила мулатка.

— Если хозяева прикажут, ей ничего не останется, как отпустить тебя. Неужели ты хочешь провести всю жизнь на плантации?

Лила потупилась. Он был прав. Все, что она должна была знать, работая в поле, сколько фунтов хлопка предстоит собрать за день. Час-другой, и все мысли вылетали из головы, душа делалась пустой, и только тело постепенно наливалось тяжестью. Глаза болели от солнца, по спине стекали струйки пота, руки двигались в заданном ритме, тогда как она сама словно погружалась в сон, в сон, в котором не было ничего. А потом дневная работа уступала место такому же тяжелому и бездумному вечернему покою.

— А как же Алан? — вдруг спросила она.

Джейк почувствовал болезненный укол в сердце, но не подал виду.

— Я займусь его судьбой. Думаю, мне поможет все та же мисс Айрин. — Он убрал руки с плеч Лилы и предложил: — Давай я тебя провожу.

Что-то бродило в его душе, будто темное вино, из глубин его сущности поднималось то, чему он не знал названия.

Что он должен был делать с влечением к этой

девушке: попытаться избавиться от него или научиться с ним жить?!

Джейк не знал, как случилось, что он свернул с тропинки. Лила с бессознательной доверчивостью последовала за ним.

Он прислонил ее к толстому дереву и обнял. Она задрожала, но не сделала попытки вырваться. Атмосфера тяжелой, сводящей с ума чувственности наполнила душу, перечеркнула мысли. Дрожащими пальцами Джейк распустил шнуровку на лифе мулатки и нежно сжал ее грудь, а потом жадно впился губами в ее губы.

Он знал, что они неравны, что он не должен с ней играть, но не мог остановиться. В эти мгновения для него не существовало никого и ничего, кроме Лилы, и он жарко ласкал ее, проводя руками по бедрам, целуя груди и плечи.

И все же в нем победила порядочность, а быть может, страх перед последствиями: он порывисто отстранился и подчеркнуто холодно произнес:

— Я не должен был этого делать! Нам не стоит оставаться наедине.

В глазах Лилы стояли слезы. Джейк почувствовал себя паршиво. Он был не лучше Барта: едва не сделал девушку, которая в силу своего положения не могла ему отказать, инструментом для своих

удовольствий.

Лила плакала, и самое скверное заключалось в том, что он не знал, почему она плачет.

Не выдержав, Джейк вновь схватил ее в объятия и крепко прижал к себе.

— Я тебя обидел?!

Она глубоко вздохнула и прильнула к нему всем телом.

— Нет. Просто я люблю вас, а вы говорите, что нам не надо видеться. Потому вы и хотите отправить меня в хозяйский дом?

Джейк давно знал: если как следует прислушаться к себе, можно уловить истину. Сейчас он не нуждался в этом, ибо она лежала на поверхности. Оставалось без страха шагнуть навстречу тому, от чего все равно невозможно укрыться.

— Вовсе нет. Будь моя воля, я бы не расстался с тобой ни на миг! Ты и впрямь меня любишь?!

Вместо ответа она обвила его шею руками и прильнула губами к губам. Потом быстро повернулась и скрылась во тьме.

Джейку казалось, будто он парит над землей. Он сходил с ума. Да, это было немыслимо, в том числе потому, что он никогда еще не испытывал такого наслаждения и счастья.

А потом он протрезвел. Эта рабыня наверняка

стоит не меньше тысячи долларов. Ему, с его жалованьем пять долларов в неделю, никогда не удастся ее выкупить. И даже если бы она вдруг стала свободной, белому человеку, женатому на цветной, никогда не найти ни нормального пристанища, ни хорошей работы.

С точки зрения таких людей, как мистер Уильям и его дети, он бы пал ниже некуда. Даже Барт скрывал свои отношения с негритянками.

Джейк понимал, что тело Лилы способно подарить ему несравнимое блаженство, но могли ли они стать близки духовно? Он, белый молодой человек, закончивший университет, и неграмотная рабыня с плантации!

Поиграть с ней и бросить, как это делали другие? Чего тогда стоила его хваленая забота о темнокожих!

Когда Лила вернулась домой, Нэнси сидела возле очага, помешивая кукурузное варево, позвякивая браслетами и привычно глядя в огонь.

— Где ты была? — спокойно спросила она дочь.

Лила решила, что проще сказать правду:

— Мы с доктором Джейком лечили нового невольника, которого избили и заперли в карцере.

— Что тебе этот мулат? Ты едва его знаешь.

— Мне стало жаль его.

Нэнси покачала головой, и на ее шее блеснули нити ограненных стеклянных бус.

— Не могу сказать, что он мне понравился. Столь же высокомерный, сколь и красивый. Он никогда не согласится, чтобы его считали одним из нас, — заметила она и спросила дочь: — Как ты там оказалась?

— Случайно. Это я позвала доктора Джейка.

— Ты постоянно вьешься возле него. Я предупреждала тебя, но, видать, от судьбы не уйти!

Еще минуту назад Лила была готова сделать признание, но сейчас лихорадка недавнего безумия унялась, знойный туман любовной горячки рассеялся, и она поняла, что пока не готова защищать свое чувство от непонимания и осуждения окружающих.

— Мне интересно то, что он делает. Я с детства видела, как лечат заклинаниями и травами, и не знала, что есть другие способы.

Нэнси сделала паузу, потом обреченно произнесла:

— Ты тянешься к нему не только поэтому.

— Просто он единственный белый, способный понять таких, как мы.

— Это неправда, — тяжело обронила Нэнси.

Лила села на пол, и мать опустила ладонь на ее голову, лаская шелковистые волны волос. — Белые не живут сердцем, как мы. Ими всегда владеет расчет. Этот человек наиграется с тобой и бросит: ради денег, другой женщины, неведомой цели, к каким так любят стремиться мужчины.

— Быть может, не все истории так печальны, как твоя?

— Моя история не печальна, а обыкновенна. Человек, от которого я тебя родила, продал нас с тобой, когда женился. У него я была домашней прислугой, но после сделала все, чтобы оказаться среди полевых работников и больше не попадаться на глаза белым мужчинам. А еще я надеялась уберечь тебя от тех ошибок, какие совершила сама.

— Чего же ты хочешь для меня?

— Чтобы ты вышла за негритянского юношу и была счастлива.

Лила вскочила на ноги. В ее черных глазах заплясало пламя, ноздри раздулись, а губы раздвинулись в недоброй улыбке.

— Так не бывает! Рабыня может иметь детей, но не семью! Наши браки недолговечны и не признаются законом! Я не желаю спать с разными мужчинами и рожать для хозяев новых рабов!

Мать смотрела на свою всегда такую покладистую ласковую дочь с удивлением и тревогой. Ее худшие опасения начинали сбываться.

Нэнси думала о том, что вступила в пору, сходную с порой заката, когда небо еще горит ярким цветом, но солнце уже зашло. Тогда как на жизненном горизонте Лилы алела заря. Самое главное, чтобы эта заря не приобрела зловещий оттенок крови.

Нэнси добровольно отказалась от малейших попыток стать счастливой, дабы не быть обманутой еще раз. Но ее дочь не имела понятия о терновых объятиях любви, пока в ее девичьем сердце цвели только розы. Нэнси не знала, как уберечь Лилу от разочарований и горя; как и всякая мать, она могла только тревожиться и страдать.

— Завтра мне приказано явиться в большой дом, к хозяйке. Возможно, меня возьмут прислуживать новой белой мисс, которая приехала из-за океана, — собравшись с духом, призналась Лила.

Ожидая ответа матери, она ощущала легкое покалывание в сердце. К ее удивлению, лицо Нэнси разгладилось, и она облегченно промолвила:

— Думаю, это к лучшему. Во всяком случае, там ты будешь подальше от *него*.

Глава 5

Господский дом представлялся Лиле не больше ни меньше как целым миром, гигантским муравейником, населенным хозяевами и слугами.

Она тщательно вымылась, надела лучшую одежду и повязала голову пестрым тюрбаном. Она хотела выглядеть не как негритянка с плантации, а как хорошо воспитанная рабыня.

На пороге Лилу встретил чернокожий лакей и велел подождать.

В просторном холле стояла тишина. В высокие окна падали солнечные лучи и упирались в гладкий пол. Столбы колонн напоминали сказочные деревья. На красивой мебели лежал тончайший слой золотистой пыли.

Появилась очень черная и очень высокомерная молодая негритянка в форменном платье горничной и, не обращая ни малейшего внимания на Лилу, принялась изящно сметать пыль легкой метелочкой.

А потом по лестнице неторопливым царственным шагом спустилась хозяйка.

На ней было скромное голубое платье с узкими рукавами, белыми кружевными манжетами и

воротничком. Во взгляде притаился жесткий блеск, который не вязался с хрупким сложением и миловидным лицом.

Рабыня склонила голову и низко присела. Сара задала мулатке несколько вопросов. Потом последовал короткий рассказ о порядках в доме: Лила сопровождала каждую фразу хозяйки кивком головы.

После ей показали, куда пройти, и Лила впервые увидела свою новую госпожу.

Это была худенькая девушка с бледным лицом, пронзительно-зелеными глазами, такая же взволнованная и растерянная, как и сама Лила. Мулатка почувствовала, что в глубине существа молодой госпожи спрятан некий мучительный секрет, что ее не покидает тревога, тревога человека, гонимого собственной тенью.

Лила поклонилась, блеснув глазами и зубами, и новая хозяйка ответила на улыбку.

— Как тебя зовут?

— Лила, мисс.

— А меня Айрин. Расскажи о себе.

Рабыня откровенно поведала о своей короткой, небогатой событиями жизни, не обмолвившись только о Джейке. Айрин тоже рассказала о себе все, кроме того, какой ценой ей достался билет

в Америку.

— Подумать только! — прошептала Лила. — Мы никогда не голодали!

— А мы — были бы рады работать на плантации, лишь бы нам дали поесть. В Нью-Йорке нас презирали. Самое частое, что я слышала, это слово «грязь»: «Эти ирландцы дорожат своей грязью, как мы — золотом».

Лила кивнула.

— Про нас говорят другое: «Грязь рождает только грязь и ничего больше».

Она тут же испугалась, что сболтнула лишнее, однако Айрин сказала:

— Я рада, что тебя прислали ко мне!

— Я тоже, мисс. Только я мало чего умею и знаю, хотя надеюсь научиться. Я постараюсь быть хорошей служанкой.

— Служанка мне не нужна, у нас никогда не было слуг. Мне нужна… подруга. Мне плохо одной.

Лила задрожала. Глаза, похожие на кофейные зерна, смотрели в глаза цвета мрамора Коннемары. Рабыне казалось, что сбывается некое древнее пророчество, сулящее равенство всех людей независимо от их происхождения и цвета кожи. Судьба давала ей знаки. Сначала доктор Джейк, а теперь — эта удивительная белая девушка.

Когда наступило время обеда, Лила осторожной походкой вошла в кухню. Ей сразу понравилось это уютное помещение. Кухня буквально светилась от ярко начищенной медной посуды: по ней будто рассыпались десятки маленьких солнц. На длинных деревянных полках, протянутых вдоль стен, красовались нарядные жестяные коробки и банки. Здесь хозяйничала добродушная кухарка по имени Бесс; при виде новенькой она расплылась в улыбке, и у Лилы потеплело на сердце.

На широком деревянном столе, за которым расселись слуги, было полным-полно всякой снеди: большая тарелка свиных рубцов, сладкий картофель, кукурузные лепешки и целые горы зелени.

Лила заняла свободное место, и тут на кухне появилась Касси.

Горничная Сары была не в духе, больше того — она пылала гневом. Когда господа обедали, Юджин небрежно произнес, обращаясь к сестре:

— У нас новая служанка?

— Я взяла ее на пробу — для этой Айрин. Хотя едва ли с нее будет толк — это рабыня с плантации, — ответила Сара.

— По крайней мере, она не такая страшная, как твоя Касси! — рассмеялся Юджин.

Увидев Лилу, горничная Сары подошла к столу

и тронула мулатку за плечо. Когда та обернулась, Касси размахнулась и черной, словно вымазанной в смоле, рукой влепила Лиле пощечину.

Мулатка вскочила, испуганно хлопая глазами. Она беспомощно смотрела на слуг, но те отводили глаза. Как личная служанка хозяйки, Касси пользовалась большой властью среди домашних негров, те побаивались ее острого языка и вездесущего взгляда.

— Это мое место. А ты изволь сидеть вон там, в углу!

Лила молча пересела. Едва она принялась за еду, как Касси приказала:

— Расскажи нам про свою хозяйку. Правда, что она из тех мест, где свиней держат прямо в домах?

— Я знаю только, что мисс Айрин пришлось многое пережить. В ее стране люди сильно голодали, иногда им даже приходилось есть траву.

Лила надеялась вызвать сочувствие к своей хозяйке, однако Касси сказала:

— Теперь понятно, почему она такая обжора! Я нарочно накладываю ей столько еды, сколько не съел бы и Арчи! — она кивнула на рослого лакея. — И всякий раз тарелки оказываются пустыми!

— А еще она любит стоять возле кухни и смотреть, как выгружают продукты. Провожает жадным взглядом каждый мешок! — с восторгом подхватила кухарка.

— Расскажи лучше что-нибудь про свою хозяйку, Касси, — предложил Арчи, видя, что Лиле неприятно слушать этот разговор.

— Да что про нее говорить! — обронила горничная, привередливо ковыряя вилкой ямс. — Мисс Сара положила глаз на мистера Китинга, или, как его зовут на плантации, доктора Джейка!

— А он? — с любопытством произнесла кухарка.

— Откуда мне знать, что у него в голове! Он ведь живет на плантации, — в голосе Касси звучало презрение. — Надо полагать, он не полный дурак, чтобы упустить такой случай!

— Зачем он нужен мисс Саре? Он всего-навсего белый бедняк!

— Потому и нужен, что небогат. Денег у нее хватает. Зато такой, как мистер Китинг, всегда будет у нее в кулаке. К тому же мисс Сара мечтает остаться в Темре до конца своих дней, а у него нет своего дома.

Лила сидела, не шелохнувшись, и смотрела прямо перед собой. Ее чувства застыли в сердце,

слова замерли на губах, а в душе разверзлась пропасть. Судя по всему, Касси хорошо знала, о чем говорит.

После обеда Лила вернулась к Айрин, и они продолжили разговор. Айрин расспросила мулатку об Алане, и та подробно рассказала то, что ей было известно.

— Я непременно навещу его завтра, — сказала Айрин.

— Мисс, — Лила теребила подол юбки, — я не знаю, можно ли это говорить, но… хозяева никогда не появляются там, где живут полевые работники. Разве что по большим праздникам или если случилось что-то совсем необычное.

— Ты можешь говорить все, что считаешь нужным, а я буду делать то, что захочу. Если я решила туда пойти, значит, пойду и не стану никого спрашивать.

Мулатка вскинула взор.

— Мисс! Позвольте мне провести эту ночь у мамы? Она за меня волнуется.

— Конечно, иди. Вернешься завтра утром.

Лила радостно кивнула. На самом деле она не столько хотела повидать мать, как надеялась встретиться с Джейком.

Стоило ей приблизиться к воротам, как ее до-

гнал Арчи.

— Ты куда это собралась, малютка?

— На плантацию, к маме.

— Если тебя взяли в дом, ты переступила черту, все равно что выбралась из-под земли на поверхность. Ты или там, или здесь, обратного хода нет.

— Мне разрешила хозяйка.

— Хозяйка здесь — мисс Сара. И если она узнает…

Лила сложила руки в мольбе.

— Мне очень нужно! Я уйду и вернусь незаметно, никто не увидит.

Арчи покачал головой и отступил от ворот.

Лила бежала к полосе деревьев, зеленому поясу, отделявшему усадьбу от плантации, разделявшему белый и черный мир, и отныне — отгородившему ее от прошлой жизни.

Лила не любила хлопок, ибо работа на плантации постепенно убивала ее душу, превращая в бездумную машину. Весной — посев, летом — прореживание, окучивание и бесконечная прополка, а после — сбор урожая, который продолжался до декабря[7]. Каждый день нужно было сдать по двести фунтов; к вечеру ряды хлопчатника сли-

[7] Примечания: 7

Коробочки на кусте созревают не одновременно, потому их сбор производится в 3–4 приема по мере созревания, с августа и до конца года.

вались перед глазами в сплошное зеленое поле, а белые коробочки покачивались и плыли над ними, подобно крохотным облакам. Пальцы Лилы были изранены колючкой; иногда ей несколько часов приходилось стоять по щиколотку в воде, тогда как макушку пекло жаркое солнце.

Даже ночью, в своих снах она продолжала собирать хлопок.

И все же Лила была готова работать на плантации всю жизнь, работать, как проклятая, лишь бы иметь возможность хотя бы изредка видеться с Джейком.

Она вбежала в лес. В траве веселились стрекозы; оторвавшиеся от ветвей паутинки пускались в неведомое странствие по прозрачному воздуху. Кустарник стоял густой стеной, и за этим барьером двигались две фигуры, два белокожих, светловолосых человека, она и он, мисс Сара и доктор Джейк.

Лила отшатнулась и спряталась за деревом. Что-то раздирало ее изнутри, словно сотни острых игр впились в сердце. Она не слышала разговора Сары и Джейка, зато видела золотистое свечение над их головами, божественный знак высшей касты.

Черная грязная земля под ногами и белые пу-

шистые облака над головой — вот с чем можно было сравнить ее, мулатку, рабыню, и эту белую девушку, дочь владельца одной из самых больших плантаций в округе!

Лила бросилась прочь. Прибежав в хижину, она односложно и рассеянно отвечала на расспросы матери.

Если Нэнси и заметила что-то неладное, то не подала виду. Вскоре Лила простилась, сказав, что ей нельзя отлучаться надолго, и пошла обратно.

Лучи вечернего солнца пронизывали густую листву и озаряли фигуру Джейка Китинга, который стоял на тропинке. Он был один, без Сары; увидев мулатку, радостно помахал ей и поспешил навстречу.

Лила искала печать предательства на его лице, но не находила. Когда Джейк обнял девушку, ее вмиг накрыло горячей волной. Она падала в бесконечность, звенящую и манящую, словно неведомый рай. Любовь была могучим щитом, под прикрытием которого мир становился таким, каким она мечтала его увидеть, хотя еще минуту назад Лиле чудилось, будто уничтожить мечты не труднее, чем оборвать крылья бабочке.

Джейк знал, что рискует: они могли легко попасться на глаза неграм, и тогда он потерял бы

уважение и доверие рабов; во всяком случае, их сильной половины. Он не должен был использовать свое положение и посягать на негритянку, тем более, что женщин на плантации было гораздо меньше, чем мужчин, и не всякий мог найти себе пару. И все же он не мог сдержаться. Он упивался ее запахом, упругостью и податливостью тела, ответными движениями губ.

С трудом взяв себя в руки, Джейк спросил:

— Как тебя встретили в господском доме? Тебе понравилась мисс Айрин?

— Очень понравилась!

— Я знал, что вы найдете общий язык.

— Я никогда не думала, что смогу так легко разговаривать с белой леди! — подхватила Лила.

Джейк с тревогой подумал о том, что ни Сара, ни Юджин ни за что не признают Айрин своей ровней. Они сознательно оградили ее от общения с местным обществом. К чему это могло привести?

— Жаль только, что мне пришлось расстаться с мамой, — заметила Лила.

— Я только что говорил о ней с мисс Сарой. Сказал, что прежде Нэнси работала у господ. Ей велено прийти в дом. Кухарке нужна помощница.

Так вот зачем они встречались! Лила так обра-

довалась, что осмелилась спросить:

— А с вами… с вами мы будем видеться?

Он взял ее руками за плечи и посмотрел в глаза.

— Непременно. Только нам надо быть очень осторожными.

* * *

Медленно разгоравшаяся полоска зари на горизонте напоминала фитиль в огромном фонаре, который поворачивала рука великана. Ночной туман постепенно таял, и природа являла свои краски, такие же яркие, как в первый день Сотворения мира.

Айрин шагала по росистому травяному ковру, такому же густому, как в родной Ирландии. Таинственная предрассветная тишина навевала мысли о мире духов и иных бесплотных существ. Айрин вспомнила, как когда-то в далеком детстве искала жилища эльфов и, не найдя, пыталась строить их сама вместе с младшими братьями. А потом пришел голод, и они забыли об играх. Сколько чувств, желаний оказались заведомо похороненными, невыраженными, ненужными!

Когда Айрин обратилась к надсмотрщику с просьбой дать ей ключи от карцера, тот довольно

резко принялся объяснять, почему не может этого сделать. А потом появился Джейк с дружеской улыбкой на губах, и после недолгих препирательств ключи оказались в ее руках.

Айрин вошла в темное помещение с земляным полом, по которому была разбросана редкая грязная солома.

Узник сидел, прислонившись спиной к каменной стене, и смотрел на нее. Оба молчали, и только внезапно всколыхнувшееся волнение незримо передавалось от взгляда к взгляду, от сердца к сердцу.

Его раны начали заживать, и он выглядел намного лучше, чем несколько дней назад, когда Лила привела к нему Джейка.

Айрин подошла ближе.

— Здравствуй, Алан.

— Здравствуйте, мисс.

— Меня зовут Айрин.

Его губы чуть дрогнули, и в глазах появилась тень улыбки.

— Не беспокойся, — сказала она, — наш разговор останется между нами. Просто мне хочется знать, почему ты все время убегаешь?

Айрин боялась, что он посмеется над ней, но Алан серьезно произнес:

— Повинуюсь голосу сердца, которое говорит, что избранные или те, кто возомнили себя таковыми, должны нести в мир справедливость, а не способствовать его разрушению.

Айрин не ждала от него подобных слов и так растерялась, что с трудом нашла, что сказать:

— Но ведь твоя история имеет начало!

В его темных глазах появилось далекое, задумчивое выражение.

— Вы правы, мисс, всякая история имеет начало.

— Расскажешь?

Его взгляд ударил ее, будто камень, выпущенный из пращи.

— Зачем вам знать мою историю?

Айрин глубоко вздохнула и призналась:

— Я хочу тебе помочь, помочь убежать по-настоящему, чтобы тебя не поймали!

— Это опасно, мисс, да к тому же едва ли возможно. И еще… это против правил.

— Я не знаю здешних правил, я только вижу, что с тобой поступают несправедливо! — с волнением произнесла Айрин.

Алан с интересом смотрел на эту белую девушку. Все, что она говорила и делала, было непривычным и странным, хотя вовсе не каза-

лось таковым ей самой.

— Хорошо, я расскажу о себе, — сказал он, — в благодарность за то, что вам небезразлична моя судьба. Мой отец был плантатором, а мать — цветной рабыней. Он полюбил ее еще в юности, и с тех пор не желал с ней расставаться. Не секрет, что прежде чем взять в жены ровню, молодые люди южной английской аристократии часто сожительствуют с хорошенькими мулатками и квартеронками, но здесь было нечто другое. Когда отец моего отца стал настаивать на женитьбе сына, тот выбрал хилую белую девушку, дочку соседей, которой предрекали участь старой девы. Она так и не смогла подарить своему мужу наследника, тогда как у моей матери вскоре родился я.

Вопреки заведенным порядкам и здравому рассудку отец души не чаял во мне, ребенке, рожденном рабыней. Его наверняка осуждали, но он был чудаковат и упрям и делал то, что хотел.

С раннего детства у меня была отдельная комната, ко мне была приставлена кормилица, няня, а потом появились учителя. Мой отец считал себя просвещенным человеком и постоянно выписывал новые книги. Я читал, гулял по поместью, ездил верхом. Носил модные бриджи и рубашки

с гофрированными манишками. Слуги в имении относились ко мне, как к господину. У негров и мулатов не бывает фамилий, а меня звали Алан Клеменс. Разумеется, не было речи, чтобы меня принимали в обществе, однако это не мешало мне чувствовать себя настоящим сыном своего отца.

Он собирался отправить меня учиться на Север, но не успел: его хватил удар, и он умер. На следующий день после похорон его жена позвала нас с матерью в кабинет и сообщила, что мы… рабы моего отца! Я не поверил, тогда она показала бумаги. Я никогда не задумывался об этом, я не знал, что мы несвободны, однако это было так. Миссис Клеменс поручила своему управляющему продать нас с матерью с торгов. Она сказала, что мой отец исковеркал ей жизнь, что он унижал ее открытым сожительством с рабыней, и теперь она намерена восстановить справедливость. У нее была своя правда, и я не могу ее осуждать…

Узнав о том, что нас ждет, моя бедная мать повесилась у себя в комнате, а у меня… не хватило духу. Меня купили за большие деньги, а после без конца перепродавали и всякий раз — дешевле: я старался сохранить свое достоинство, зато падал в цене! Чаще из меня хотели сделать лакея, реже

— кучера. А один плантатор решил, что я должен спать со всеми негритянками подряд, потому что от меня получится хорошее потомство! Пришлось ему объяснить, что я не жеребец-производитель. Я отказывался покоряться, потому что не чувствовал себя рабом. И никогда не почувствую. Потому единственным выходом для меня должен стать тот, какой выбрала моя мать: смерть.

— Это означает сдаться, — прошептала Айрин.

— Да, к сожалению, это означает сдаться. Однако рано или поздно меня все равно убьют!

— Я могу предложить выход, — боясь потерять решимость, быстро проговорила Айрин. — Я попрошу дядю отдать тебя… мне. Научишь меня ездить верхом и станешь сопровождать на прогулках. А потом мы вместе придумаем, как тебя освободить.

— Вы говорите иначе, чем местные жители, мисс. Откуда вы приехали? — поинтересовался Алан, не отвечая на ее предложение.

— Из Ирландии. Я бежала от голода.

— Голод в Ирландии? Ничего об этом не слышал.

— Так же, как я не знала о неграх-рабах. Мы говорили и думали только о картофеле да о хлебе.

— Теперь мне понятно, почему вы… такая, —

медленно проговорил Алан и спросил: — Я могу подумать?

— Конечно. Только не думай слишком долго, пока тебя не забили до смерти или снова не продали!

Алан смотрел на нее снизу вверх. Зеленые глаза Айрин были полны искренности и надежды. В них таились чувства, смысл и богатство которых не оставляли сомнений и которые не нуждались в словах.

Алан не мог отказаться от неожиданного подарка судьбы, хотя гораздо лучше Айрин понимал, к каким непредсказуемым последствиям это может привести.

— Вы правы, мисс. Я согласен.

Айрин не смогла скрыть радости.

— Я поговорю с дядей!

В тот же день она вошла в кабинет Уильяма О'Келли, который сидел за столом, просматривая бумаги. Заслышав шаги, он поднял голову и посмотрел на племянницу.

Уильям вспомнил, какой была Айрин, когда он впервые ее увидел: изнуренное тело, отчаявшееся сердце, пустая душа. Теперь отталкивающая худоба почти исчезла, цвет лица изменился, а во взгляде появились настойчивость и упрямство,

которые она, впрочем, пыталась скрыть. Только одета она была по-прежнему бедно. Заметив это, Уильям нахмурился.

— Рад видеть тебя, Айрин. Надеюсь, у тебя все хорошо?

— Да.

Уильям улыбнулся.

— Уверен, ты уже забыла о голоде.

Айрин постаралась ответить на улыбку. Она изо всех сил пыталась разорвать внутренние путы, прийти в себя, забыть прошлое, но у нее не всегда получалось. Иногда она просыпалась в холодном поту: ей чудилось, будто она заперта в «плавучем гробу», а порой казалось, что сейчас в дверь войдет тот мужчина, имени которого она не знала и лица которого не запомнила, и, словно дьявол, предъявит свои права на ее душу и тело. Это было похоже на загнанную внутрь болезнь или неоплаченный долг.

И Касси, и Бесс были правы: Айрин не могла оставлять еду на тарелке и любила смотреть, как в кухню вносят продукты, словно ей было важно убедиться, что в этот дом никогда не постучится голод.

— Три фунта кофе, шесть бушелей сладкого картофеля, четыре — кукурузных початков. Во-

семь цыплят, одна свиная туша; три корзины с кабачками, две — с тыквой, три — с бобами. Пятифунтовый мешок соли, двухгаллоновая банка сорго! — громко перечисляла Бесс, и эти слова звучали для Айрин небесной музыкой.

— Да, — ответила она дяде, — почти забыла.

— Только платьев у тебя маловато. Надо купить несколько новых; я поговорю об этом с Сарой. Надеюсь, она сможет дать тебе совет и помочь с выбором на правах старшей сестры.

Айрин подумала о том, что хотя Уильям и был младше ее отца, его дети родились раньше, чем дети Брайана. Браки в среде ирландских крестьян заключались поздно: обычно молодые люди женились только после смерти родителей, потому что крохотные земельные участки не могли дать средства на содержание новой семьи.

— Я тоже хочу с вами поговорить, — сказала она.

— О чем?

Собравшись с духом, Айрин рассказала про Алана; разумеется, не всю правду, а то, что было необходимо. Не выдержав, выразила недоумение по поводу существования рабства, отношений белых и негров и почувствовала, что в тоне мистера Уильяма появился холодок:

— Если освободить негров, станут неизбежны смешанные браки, и белая раса будет обречена, ибо через несколько поколений Америку заполонят мулаты! А мулат много хуже, чем негр, потому как обычно наследует худшие черты темнокожих и белых. Для черных рабство — это благо. Под присмотром белых хозяев они стали более нравственными, разумными. Что они делали в своей дикой Африке? Ели друг друга?

— Однако вы приехали из страны, где рабства не было и нет, — рискнула напомнить Айрин.

— Я не помню родины, ибо был слишком мал, — терпеливо произнес Уильям. — Что касается негров, я немало их повидал. Для большинства из них ничего не стоит притвориться, солгать, украсть. Им нельзя верить. Разумеется, среди них встречаются преданные и верные, но это опять-таки результат неустанного труда их хозяев.

— Так вы не отдадите мне Алана?

— Мне докладывали, что этот мулат ненадежен, он постоянно сбегает.

— Он дал мне слово.

— Я уже говорил, что рабам нельзя верить.

— Значит, вы мне отказываете?

Мистер Уильям вздохнул.

— Нет. Я не могу тебе отказать, потому что это

твоя первая просьба. Хотя иметь грума несколько странно для девушки. Кстати, ты не задумывалась о своем будущем? Мы может присмотреть для тебя в округе хорошего жениха.

Айрин вздрогнула.

— Я не хочу выходить замуж.

Мистер Уильям улыбнулся.

— Напрасно! Я не собираюсь тебя прогонять, просто здесь всем заправляет Сара, а так у тебя появился бы собственный дом, где бы ты чувствовала себя хозяйкой. Хотя если ты еще не готова, никто не станет тебя неволить.

Он взял перо, бумагу и набросал записку.

— Вот, отдашь управляющему. Если мулат посмеет дерзить или попытается убежать, пожалуешься мне или мистеру Фоеру.

Когда Нэнси впервые появилась на кухне, домашние слуги сразу поняли, что эта женщина не позволит обидеть ни себя, ни свою дочь. Когда же порог переступил Алан, наступила такая тишина, что было слышно лишь гудение пламени в печи.

Касси исподволь бросала на юношу короткие, стремительные взгляды. Ее глаза, губы, все движения вдруг сделались соблазнительными, зовущими; она немедленно уступила новенькому место рядом с собой, потеснив Арчи и поломойку

Трейси.

— Так ты и есть тот самый знаменитый Беглец? — кокетливо поинтересовалась Касси, предварительно представив ему всех присутствующих.

— Да, только я больше не бегаю, — ответил Алан и приветливо улыбнулся сидящей напротив Лиле, которая смущенно опустила ресницы.

— Какой красавец! — улучив момент, шепнула Трейси соседке.

Никто не знал, хорошо или плохо, если раб умеет пользоваться столовыми приборами не хуже своих хозяев и вообще ведет себя так, будто обедает в столовой с белыми господами, а не на кухне, с черными слугами. Поскольку Касси, с успехом подражавшая своей госпоже, решила, что это хорошо, остальные были вынуждены согласиться, и Алана приняли в общество домашних слуг.

Вечером Лиле удалось получить разрешение выйти из дома: мулатка отправилась в хижину, чтобы забрать оттуда оставшиеся пожитки.

День выдался на редкость душный; Нэнси, мастерица угадывать погоду, предрекала грозу.

Пока Лила шла по тропинке, наверху то и дело вспыхивала и гасла алая полоса, а затем раздавался запоздалый раскат грома. Гроза приближалась,

и мулатка ускорила шаг: как и многие темнокожие, Лила испытывала суеверный страх перед грозой.

Она не успела добраться до леса, как ливень обрушился на землю с такой яростью, что сквозь его завесу ничего нельзя было разглядеть. Одежда Лилы вмиг превратилась в мокрые тряпки, а волосы облепили голову. Ветер яростно трепал верхушки деревьев, дождь шумно стекал по листве, под ногами хлюпала вода.

Лила вздрогнула, увидев фигуру человека, который стоял под огромным дубом и смотрел на нее. Внезапно она ощутила странную радостную легкость, бессмысленность и ненужность терзаний и сомнений. Он ждал ее в дождь, он знал, что она придет!

Она бросилась ему навстречу, в его объятия, и мгновенье спустя Джейк ощутил жар ее кожи, упругость груди, мягкость и сладость губ. Лила казалась частью омытой ливнем природы с ее неповторимыми ароматами, первозданной свежестью и чистотой. Она была непознанным миром, землей, которую не отыщешь на карте.

— Ты вся промокла! Куда ты идешь?!

— В хижину.

— Я с тобой!

Они взялись за руки и побежали. Лила неслась длинным стремительным шагом, будто пущенная из тетивы стрела, и он едва поспевал за ней.

Дверь в хижину оказалась незапертой, и внутри было пусто. Лила свернула волосы жгутом и выжала, потом принялась выкручивать подол. В хижине был очаг, и она решила развести огонь. Вскоре пламя начало потрескивать, помещение наполнилось приятным теплом, а воздух словно сгустился от пара.

Хижину озаряли вспышки молний, на стенах плясали причудливые тени. В расширенных зрачках мулатки дрожало пламя. Ее лицо, ее губы были очень близко. Она молчала, но Джейку чудилось, будто он читает ее мысли.

Он часто слышал о распущенности цветных женщин, однако знал, что этой девушкой движет только любовь, она хочет, чтобы именно он, а не кто-то другой стал ее первым и, возможно, единственным мужчиной.

Джейк не стал выжимать одежду, он с нетерпеливой силой стянул ее, путаясь в мокрой ткани. Его тело блестело от влаги и огня, незагорелая кожа будто светилась изнутри. Он привлек к себе Лилу и почувствовал ее горячее дыхание на своей груди и шее.

Он раздел ее; она дрожала — от волнения, а не от холода, потому что в хижине стало почти жарко.

Когда на ней не осталось ни лоскутка, у Джейка невольно вырвался вздох восхищения. Ее полные груди с большими темно-коричневыми сосками напоминали тяжелые плоды на ветках тонкого дерева. Сильные ноги казались удивительно длинными. Джейк любовался ею, как драгоценностью, она была его черной, неподдельной, а потому по-настоящему редкой жемчужиной.

На кровати лежал набитый соломой матрас. Они опустились на него и сплели объятия. Когда он проник в ее тело, она слегка напряглась, но потом покорно обвила его гибкими, как лианы, руками и крепко прижала к себе.

На матовой коже Лилы поблескивала влага. Струйки воды стекали по шее и собирались в ямках над ключицами. Джейк видел в ее глазах свое отражение. Она вобрала его в себя и не хотела отпускать, так же как он желал навсегда остаться там, где находился сейчас.

У Джейка не было мыслей причинять ей страдания, использовать ее, как вещь. Он просто хотел почувствовать себя счастливым хотя бы в эти мгновения, ибо теперь жизнь как никогда пред-

ставлялась ему чересчур короткой и не слишком справедливой.

Дождь стих. Гром отдалялся, был слышен только глухой рокот. Неизменный порядок вещей, обыденность, нерушимые правила казались насмешкой судьбы. Мирозданием правила любовь, и она же рождала доселе немыслимые порывы.

— Я очень рад, что это случилось. А ты?

— Да.

Почувствовав, что она говорит искренне, Джейк улыбнулся.

— Только не надо, чтоб кто-нибудь знал.

— Я никому не скажу!

— Даже матери?

— Ей тем более.

— Почему?

— После того, что случилось с нами, когда я была совсем маленькой, мама всегда боялась, что я повторю ее ошибку. Она презирала темнокожих, которые вступали в отношения с белыми. Она не верила в то, что между ними возможна любовь.

— А ты веришь?

Ее глаза казались очень большими и очень черными, а в голосе прозвучал невольный испуг:

— Не знаю.

Он нежно погладил ее волосы.

— Мы не выбираем, кого нам любить, — это просто случается, даже если приводит к большим сложностям. И у белых, и у черных сердца одного цвета: по крайней мере, в этом мы всегда будем равны.

— Я несвободна.

Лила закинула руки за голову и смотрела в закопченный потолок. Она уже не казалась наивной девочкой; Джейк видел на ее лице выражение, свойственное взрослой и мудрой женщине, и ему было горько осознавать, что, возможно, именно он что-то разрушил в ее прежде неприкосновенной душе.

Веру? Во что? Неграм с детства внушали, что они рождены для того, чтобы жить в неволе и принадлежать белому человеку. Он показался бы себе полным негодяем, если бы взялся поддерживать эту иллюзию.

— Я стану копить деньги. Потом пойду к мистеру Уильяму и все объясню. Мы с тобой уедем на Север или в Канаду. Там я наверняка сумею найти работу, и тогда женюсь на тебе.

Лила порывисто прижалась к нему, и Джейку казалось, что он всей кожей чувствует, как она счастлива.

В эти минуты он искренне верил, что способен

пройти этот путь. Единственное, о чем он должен был позаботиться прямо сейчас, так это о том, чтобы Лила не зачала ребенка: пока она несвободна, этого нельзя допустить.

Джейк не сомневался в том, что их тайные встречи сулят редкое наслаждение: Лила вспыхивала мгновенно, как сухой тростник, и отдавалась с бессознательной страстью, не думая о пресловутых «приличиях».

К сожалению, пришла пора расставаться. Пока мулатка одевалась, Джейк любовался ею. Казалось, все ее существо было рождено, изваяно, создано для того, чтобы дарить любовь и радость.

Они договорились, что он не станет ее провожать, и она поспешила в особняк.

Дождевая вода осыпалась с веток и скатывалась с листьев, так что вскоре Лила опять промокла; впрочем, она надеялась, что это поможет ей скрыть свой смятенный вид. Ее страшила встреча с матерью, она опасалась выдать себя. Однако ни о чем не жалела. Это случилось с тем, кого она полюбила, и — Лила была в этом уверена — принесло ей больше удовольствия, чем любой другой женщине.

Когда Джейк вернулся в свое жилище, Барт,

сидевший за столом со стаканом виски, заметил:

— На твоем месте я бы не обжимался по углам с мулаткой, а направил усилия на то, чтобы заморочить голову мисс Саре.

— Самый бесполезный совет, какой я когда-либо слышал! — огрызнулся Джейк, полный досады на то, что его раскусили.

— А ты последуй ему. Если тебе удастся окрутить хозяйскую дочь, у тебя будет все, что пожелаешь. В том числе — и мулатка.

Глава 6

На следующее утро воздух дышал такой свежестью и чистотой, что казалось, его можно пить. Листва была еще тяжела от влаги, а в траве сверкали сотни тысяч похожих на бриллианты капель. Над горизонтом клубились тяжелые серые тучи, но небо над головой сияло голубизной.

Ветер, подувший в полураскрытое окно, растрепал листы нот, которые Сара оставила на столе. Этот шорох разбудил ее, и она поднялась раньше обычного.

Сара выглянула во двор, как делала каждой утро. Вид из окна всегда радовал ее. Темра жила и процветала — в том числе благодаря ее усилиям. В усадьбе царил безукоризненный порядок. До самого горизонта простирались многие акры земли, на которой зрел хлопок — белое золото, взращенное ордой черных рабов.

Сейчас было сложно представить, что несколько десятилетий назад вместо возделанных полей здесь были заросли чертополоха и колючего боярышника, в воздухе вились москиты, по земле ползали змеи, а в болотах водились аллигаторы! Сара гордилась своими предками, прибывшими

в этот край без гроша в кармане и сумевшими обуздать судьбу.

Однако были и те, кто так ничего и не добился. Белых бедняков в округе не любили; эти люди, не владеющие рабами, были бельмом на глазу местного общества: считалось, что они живут милостью богатых плантаторов и подают плохой пример неграм. По всем признакам Джейкоб Китинг был именно таким человеком, человеком второго сорта, однако Сара решительно отметала эти мысли. Он был порядочным и умным, и если помочь ему подняться на ноги, он даст фору многим молодым людям из ее окружения. В конце концов именно так получилось с ее матерью и отцом.

Ей нравилась история их любви, нравилось, что романтическое бегство в конечном счете привело к столь ощутимым практическим результатам.

Сара отошла от окна, чтобы позвать Касси, а когда снова выглянула на улицу, то едва не задохнулась от возмущения. Во дворе стояли две верховые лошади из отцовской конюшни; их держал в поводу выскочка-мулат, которого неожиданно выпустили из карцера и взяли в дом. Рядом с ним она увидела Айрин.

Сару поразила ее радостная, безмятежная улыб-

ка. Куда собрались эти двое, и как они посмели взять лошадей?!

Она немедленно отправилась к Юджину. Брат ничего не знал. Он быстро оделся и спустился вниз. Сара видела из окна, как он разговаривал с Айрин и мулатом, но не слышала слов.

Вероятно, Юджин велел негру-конюху отвести лошадей обратно в конюшню, а странная пара преспокойно побрела к воротам пешком, переговариваясь и смеясь.

Юджин взбежал по лестнице наверх. Его карие глаза горели, и даже веснушки, казалось, сделались крупнее и ярче.

— Я иду к отцу! — бросил он сестре и направился в кабинет.

Вопреки расхожему мнению о буйном характере ирландцев, Уильям О'Келли старался воспитывать детей рассудительными и спокойными. Он так привык к ровным семейным отношениям, что несказанно удивился, когда в кабинет ворвался Юджин, ворвался столь стремительно, что со стола слетел свежий экземпляр «Южного литературного вестника».

После того, как сын сообщил отцу о вещах, которые казались ему крайне возмутительными, Уильям прокашлялся и сказал:

— С момента появления в нашем доме Айрин грустила и не находила себе места. Мне казалось, ее что-то гнетет. Она пережила смерть родителей и еще много такого, о чем мы не имеем ни малейшего представления. Когда она пришла ко мне несколько дней назад, она впервые чего-то хотела, в ее глазах светилась надежда. Я не дарил ей мулата, он по-прежнему принадлежит нам. Я всего лишь предоставил его в распоряжение вашей кузины.

— Они взяли лошадей и хотели ехать на прогулку.

— И тебе это не понравилось?

— Нет! — резко произнес Юджин. — Я не желаю, чтобы наглый мулат и эта девушка, назвавшаяся твоей племянницей, пользовались нашими лошадьми!

— Хорошо, — ровным тоном произнес Уильям, — я куплю для нее коня; благо они стоят дешевле рабов.

— Не понимаю, — нервно проговорил Юджин, видя, что отец остался при своем мнении, — чем и как эта католичка заслужила твою любовь!

Лицо Уильяма потемнело.

— Да, она католичка, как и миллионы ирландцев, у которых не осталось ничего, кроме их веры.

Смею напомнить, я тоже католик, хотя тебя и Сару для удобства приобщил к Епископальной церкви, к которой принадлежала ваша мать.

— Сколько времени она будет у нас жить?

— Пока мы не устроим ее судьбу. Она ваша сестра, запомни это. И пришли ко мне Сару. Я намерен с ней поговорить.

Юджин передал беседу с отцом Саре слово в слово, и они вместе обсудили поведение Айрин. С их точки зрения, она была похожа на пригретую бездомную собаку, которая прежде молча сидела под столом, ожидая, когда ей дадут еды, а теперь принялась нагло лаять.

Несколькими минутами позже Уильям сообщил Саре, что на следующей неделе они едут в Чарльстон. Надо купить Айрин несколько платьев, потому что он намерен пригласить соседей на ужин и наконец представить племянницу местному обществу.

Дул пронзительный ветер. Желтая пыль взлетала над дорогой, клубилась в воздухе, скрипела на зубах, оседала на волосах и одежде.

Айрин не обращала на это внимания. Ее интерес всецело сосредоточился на спутнике, который поневоле будил ее воображение и возбуждал любопытство.

Когда Юджин запретил им брать лошадей, Алан беспечно произнес:

— Не все ли равно, давайте пройдемся пешком!

Теперь эта прогулка казалась ей самой увлекательной прогулкой на свете: она была готова бродить и час, и два, и три, слушая голос своего спутника, глядя в его бархатистые карие глаза.

— Мисс Айрин, вы ходили в школу?

— Да. Я умею читать и писать, но у меня никогда не было книг. Все, что рассказывал священник, приходилось запоминать. А ты, почему ты любишь читать?

— Потому что книги позволяют верить в то, что жизнь способна меняться к лучшему.

— А что ты читал?

— Разные произведения. Эдгара По, Байрона, Уолта Уитмена. Последнее, что попалось мне в руки, «Песнь о Гайавате» Лонгфелло и роман Готорна «Алая буква».

— О чем эти книги? — спросила Айрин, и Алан продекламировал:

— Вы, в чьем юном, чистом сердце
Сохранилась вера в Бога,
В искру Божью в человеке;

Вы, кто помните, что вечно
Человеческое сердце
Знало горести, сомненья
И порывы к светлой правде,
Что в глубоком мраке жизни
Нас ведет и укрепляет
Провидение незримо, —
Вам бесхитростно пою я
Эту песнь о Гайавате![8]

— Это поэма об индейцах, об их легендах. Я знаю ее наизусть, — сказал он и добавил с горькой усмешкой: — Иногда я думаю: зачем отец сделал это со мной? Разве не было бы лучше, если б я оставался таким, как все!

Айрин поняла, что его терзало. Гордыня. Из-за этого он не был счастлив. Она вспомнила, как отец Бакли говорил: «Все, в ком есть гордыня, рано или поздно споткнутся и упадут».

— Ты хотел стать вровень с белыми, но они не принимали тебя в свой круг, и ты не мог с этим смириться, тогда как черные казались тебе совершенно чужими?

---

[8] Примечания: 8
Перевод И. Бунина.

Алан остановился, словно натолкнувшись на стену.

— Да. Вы правы. Самовлюбленный ангел, возомнивший себя равным Богу. Вернее, богам. При этом я презирал негров и ненавидел ту каплю крови, из-за которой мне было отказано в принадлежности к миру господ. Я был уверен, что, очутившись на Севере, смогу много добиться и наконец избавлюсь от этого проклятия. Получу образование, стану богатым и — не сочтите за немыслимую дерзость! — женюсь на белой женщине. Тогда я еще не знал, что за одни лишь подобные мысли меня могут повесить!

— Почему отец не дал тебе свободы?

— Не знаю. Мне трудно поверить, что он просто забыл.

— О чем роман «Алая буква?» — спросила Айрин, желая уйти от болезненной темы.

— Пожалуй, не стоит рассказывать. Будет лучше, если вы его прочитаете. Скажу только, что это история о запретной любви.

— Если так, то я обязательно прочитаю! — сказала Айрин и неожиданно покраснела.

— Вы обещали рассказать про Ирландию, — напомнил Алан.

Ирландия была чем-то таким, что принад-

лежало лично ей; Айрин ревниво оберегала воспоминания, которые никто не мог с ней разделить, но сейчас у нее развязался язык.

Она говорила об ощущении пустоты, отсутствии связи с шумным и хлопотливым миром, какое охватывает человека в царстве безмятежных холмов и скал. О крохотных полях, которым угрожают болота и раздирают злые ветра. О безлюдных равнинах, усыпанных мохнатыми валунами. О загадочной древней вере былых поколений, которую никто не может растолковать. О святом Патрике, признанном «апостолом Ирландии», и связанных с ним легендах.

— Ирландия. Что означает это название?

— Отец Бакли говорил, что в древности наша страна называлась Эриу, что переводится как «самая прекрасная женщина на свете», — сказала Айрин.

— Теперь понятно, почему ирландки так красивы! — заметил Алан.

Айрин улыбнулась. Ей и в голову не приходило, что любая женщина, родившаяся на Юге, упала бы в обморок от подобной дерзости, и только она не находит в его поведении ничего предосудительного.

* * *

Центр Чарльстона, одного из старейших южных городов и крупнейшей резиденции плантаторов, был застроен белыми оштукатуренными домами с колоннами, окруженными литыми оградами и пышными садами. На окраинах теснились серые домишки с крытой верандой и двускатной крышей, где ютился народ попроще.

Расположенный на узком полуострове, в бухте, образованной слиянием двух рек, Чарльстон являлся крупным морским портом и торговым центром плантаций хлопка, табака, риса и индиго.

В городе были разбиты парки, где росли магнолии и пальмы и прогуливались нарядные горожанки. Сара смотрела на них свысока. То были белоручки, не знавшие, что такое настоящая работа и жизнь на плантации.

Всю дорогу она сидела прямо и ни разу не повернула голову в сторону Айрин, занимавшей соседнее место. На заднем сиденье расположились столь же неподвижные и безмолвные Касси и Лила. Узнав, что Сара берет с собой Касси, Айрин сочла возможным предложить Лиле поехать с ней, и та с радостью согласилась.

Когда коляска торжественно въехала в Чарльстон, мулатка не удержалась и принялась вертеть головой. Никогда не покидавшую плантации Лилу поражало все, начиная от пышной субтропической растительности и вплоть до вымощенных крупным камнем дорог.

Мистер Уильям проделал путь верхом, по-молодому, лихо держась в седле. Он пытался развлечь дочь и племянницу разговором, но Сара отвечала сухо и односложно.

Очутившись в центре города, они оставили коляску под присмотром кучера и отправились кто куда: мистер Уильям — повидать старых знакомых, женщины — по магазинам, где продавалась всевозможная одежда и предметы дамского туалета.

Отец велел дочери не скупиться и приобрести хорошие вещи для себя и Айрин.

Сара и Касси небрежно перебирали и рассматривали наряды, тогда как Айрин и Лила не могли опомниться от изумления при виде волн кружев и каскадов шелков.

До сего времени мулатка знала только дешевый ситец, холст да одежду из домотканой шерстяной материи цвета скорлупы грецкого ореха, а ее новая госпожа и вовсе ходила в лохмотьях.

Айрин нуждалась в панталонах, нижней юбке, сорочке и корсете, потому сначала они зашли в магазин, торговавший дамским бельем. Сара разговаривала с продавцами деловым, даже резким тоном, не реагируя на любезности. Она придирчиво ощупывала материю, разглядывала швы. Отец дал ей поручение, и она была обязана выполнить его как можно лучше, отрешившись от эмоций и подчинившись долгу.

В результате Айрин получила спускавшиеся до щиколоток панталоны с широкой кружевной оборкой, сорочку и нижнюю юбку из белого льна и корсет из простеганного хлопчатобумажного атласа. В следующей лавке ее поджидали вышитые по тюлю и органди шали с оборками из кружев или похожей на дождь бахромой. Затем настал черед летней шляпки из золотистой соломки, украшенной цветами и лентами, и перчаток, как позднее сказала слугам Касси, «чтобы скрыть грязь под ногтями».

Сара без труда выбрала для Айрин несколько домашних платьев с гладкими, натянутыми на каркас юбками, а вот с бальным вышла проблема. Их было так много — разных цветов, с низко вырезанными лифами, с крошечными рукавами или вовсе без них, с массой воланов из круже-

ва, атласа и тафты, гирляндами искусственных цветов, петлями из лент, плиссированными оборками и тесьмой!

Пока Сара подыскивала что-нибудь более-менее подходящее, хозяйка магазина разговорилась с Айрин. Выяснилось, что она тоже ирландка, приехавшая в Америку почти двадцать лет назад: женщина с жадностью расспрашивала Айрин про покинутую родину. Узнав об ужасах голода, опустевших деревнях с домами-призраками и заброшенными кладбищами, хозяйка прониклась сочувствием к покупательнице и показала ей дивное платье из шелка цвета морской волны, отделанное золотым кружевом.

Айрин примерила платье. Оно выгодно оттеняло цвет волос и глаз и сидело как влитое. Вместо бедной изголодавшейся родственницы Сара внезапно увидела привлекательную юную особу. Она замерла, не зная, что сказать. Хозяйка принесла и туфли — золотистые бальные туфли с перекрещивающимися на щиколотках лиловыми лентами.

Глаза Лилы загорелись от восторга. Не выдержав, она звонко рассмеялась и захлопала в ладоши. Остальные немедленно сбросили оцепенение: лицо Айрин залила краска удовольствия,

взор Сары потемнел, а Касси привычно фыркнула.

— Берем? — Айрин смотрела на Сару с такой наивной радостью, что та невольно ощутила себя женщиной намного опытнее и старше, чем была на самом деле.

— Хорошо, — отчеканила она и заплатила.

Платье уложили в коробку, и служанки отнесли покупки в экипаж. Оставалось купить кое-какие мелочи туалета и порадовать подарками рабынь. Лила получила отрез пестрой ткани, хотя больше всего ей хотелось, чтобы для нее сшили черное форменное платье, какое было у Касси, а в придачу белоснежную наколку и накрахмаленный фартук.

Напоследок заглянули в магазин, где торговали мебелью и предметами интерьера, и Айрин с некоторым страхом разглядывала диваны и кресла, обитые бархатом и плюшем, отделанные бахромой и кистями, лампы из цветного стекла и массу драпировок, ярких и пышных, как в восточной сказке.

Вскоре они встретились с мистером Уильямом. Он похвалил дочь и племянницу за то, что они так быстро и удачно справились, и сказал Айрин, что ее ждет сюрприз.

Сюрпризом оказалась лошадь, великолепная гнедая лошадь под изящным дамским седлом: самое чудесное животное, какое Айрин случалось видеть. Мистер Уильям заметил, что племяннице необходимо сшить амазонку, а потом повел девушек в ресторан. Касси и Лила отправились обедать в харчевню на берегу, где обслуживали цветных.

Рабыни спросили жареного цыпленка с бататом; в ожидании заказа Касси решила поболтать с Лилой.

— Когда ты работала на плантации, у тебя был ухажер? — спросила она.

Мулатка покачала головой.

— Я слышала, что вы там спите с каждым негром и сами не знаете, от кого рожаете детей!

— Это неправда.

Касси рассмеялась.

— Только не говори мне, что ты еще девственница!

Лила смутилась и ничего не ответила. После вечера, проведенного в негритянской хижине, она встречалась с Джейком всего два раза и многое отдала бы за то, чтобы спать в его объятиях каждую ночь.

Между тем Касси продолжала говорить:

— Правда, что старший надсмотрщик не пропускает ни одной молодой негритянки?

— Ко мне он ни разу не приставал.

— А красавец Алан? Что ты о нем знаешь? Он обращается с тобой, как с давней знакомой.

— Когда он был заперт в карцере, я привела к нему доктора. А вскоре его взяли в дом.

— После бала, — сказала Касси, — домашним слугам поставят угощение. Думаю, от стаканчика виски у него развяжется язык, и я узнаю, что у него на уме. Кстати, зачем он понадобился твоей хозяйке?

— Она его пожалела. На плантации его могли забить до смерти.

— «Пожалела»! — передразнила Касси. — Лучше бы пожалела себя. Мисс Сара ее не любит, а я не завидую тем, кто впал к ней в немилость.

Лила невольно сжалась в предчувствии грозы. Если мисс Сара, как говорила Касси, и впрямь «положила глаз на мистера Китинга», ей несдобровать.

После обеда господа и слуги встретились возле экипажа. Настало время возвращаться домой.

Айрин держала в руках книгу. Завидев книжную лавку, она попросила у дяди позволения посмотреть романы и к немалой радости обнару-

жила на полках «Алую букву». Она была готова прижать к сердцу изданный в Бостоне томик с необычным названием: ей казалось, что между строк этой книги спрятан ключ к ее будущему.

Через несколько дней после возвращения из Чарльстона Сара отправила негритенка на плантацию с поручением позвать доктора Китинга.

Когда Джейк вошел в комнату, на бледных щеках Сары вспыхнул румянец, ее каштановые ресницы затрепетали, а во взоре голубых глаз промелькнула затаенная обида.

Она каждый вечер прогуливалась знакомой тропинкой, но он не появлялся, и Сара ломала голову над тем, что бы это значило.

Как ни странно, мысль о том, что Джейку безразличны ее деньги, полный черных слуг дом, поля с величавыми рядами хлопчатника, невольно вызывала у Сары уважение.

— Простите, что отвлекаю вас от дел, — сказала она, поднимаясь из-за стола. — Мне необходимо с вами поговорить.

Джейк неловко поклонился.

— У меня в самом деле много работы. Несколько человек заболели малярией, один негр сломал ногу, а еще я принял трудные роды и пока не уверен, что младенец выживет. Мне кажется,

надо освобождать негритянок от работы в поле самое меньшее за три месяца до родов. Они не должны напрягаться и поднимать тяжести. Вы, как женщина, должны это понимать.

Сару задел его деловой тон, вдобавок ей хотелось заметить, что в их среде не принято, чтобы мужчина обсуждал с дамой столь деликатные вещи.

— Если вы считаете, что так надо, тогда — пожалуйста. Я не разбираюсь в этих вопросах. Хотя Юджин считает, что вы готовы идти навстречу любому рабу, которому вздумается отлынивать от работы.

Уловив в ее голосе ледяные нотки, Джейк решил, что хватил через край. Он слишком сильно зависел от этой девушки, от ее мнения и расположения духа.

— Простите, — сказал он, — в следующий раз я обращусь к мистеру Уильяму или мистеру Юджину.

— Я хотела кое-что вам сказать, — напомнила Сара, и Джейк смиренно произнес:

— Я вас слушаю.

Она прошлась по комнате, шурша юбкой и распространяя легкий запах новых духов, которые купила в Чарльстоне.

— Через несколько дней мы устраиваем ужин, после которого будут танцы. Я составила список гостей, куда включила и вас.

Джейк замер. Его душу заполнили противоречивые чувства.

— Но я… я не принадлежу к вашему кругу. Что скажут ваши родные и… соседи?

— Неважно, что они скажут. Хозяйка бала — я, и вы — мой гость.

Джейк подумал о том, что у него нет подходящей одежды, а еще о… Лиле.

Вспомнив ее доверчивую улыбку, он решил, что любовь этой девушки стоит искушения переступить порог другого мира, мира людей, из коих никто и никогда не поверит в то, что между ними возможно нечто большее, чем плотская связь.

— Прошу простить, но я… у меня нет приличной одежды, и я не успею съездить в город, чтобы что-то купить, — сказал Джейк Саре, думая о том, что дал себе слово откладывать каждый заработанный доллар.

— Это неважно, — сказала она, — приходите в том, что у вас есть. Мы обычные провинциалы, хотя и не любим об этом вспоминать.

Ему ничего не оставалось, как ответить:

— Спасибо, мисс Сара. Я обязательно приду.

Джейк поклонился и поспешил уйти. Он шел в сторону негритянского жилья, а из головы не выходили слова Барта, которые тот произнес, когда узнал о связи Джейка с Лилой:

— Я тебя понимаю. Самая последняя чернокожая в постели всегда лучше любой белой леди. Они отдаются без единой мысли в голове, подчиняясь только желанию, тогда как белая женщина никогда не перестает думать.

Глава 7

Айрин ехала в дамском седле вдоль хлопковых и кукурузных полей, простиравшихся насколько хватало глаз и казавшихся золотыми от яркого солнца. Сейчас ей чудилось, что она любит эту землю так, как любила Ирландию, потому что здесь ее жизнь наконец наполнилась смыслом. Айрин больше не казалось, что она — никто и ничто, а ее существование — сплошная нелепость.

Алан вел Донна (так назвали коня) в поводу и разговаривал с госпожой:

— В библиотеке вашего дяди есть книги Виктора Гюго?

— Не знаю. Я могу посмотреть.

— Если найдете, дадите мне? Только чтоб мистер Уильям об этом не знал.

— Я могу попросить их для себя.

— Вы говорите, что прочитали «Алую букву»? Вам понравилась книга?

— Очень.

Айрин казалось, что она чувствует себя в душе главной героиней романа, Эстер Прин. Уличенная в преступной связи, эта женщина была вынуждена носить на одежде вышитую алыми

нитками букву «А» от слова «адюльтер». Но она не раскаялась в содеянном и не отказалась от своей любви.

Айрин оттягивала важный разговор с Аланом, потому что ей не хотелось с ним расставаться, и все же она понимала, что рано или поздно должна решиться, ибо от этого зависела его судьба.

Она вспомнила, как отец Бакли говорил о жертвенности — основе истинной любви. Айрин хорошо запомнила его слова. Тот, кто по-настоящему любит, довольствуется малым, отдавая любимому все, что имеет.

— Алан, я хочу поговорить о твоей… свободе. Когда мы вернулись из Чарльстона, мистер Уильям позвал меня в кабинет и дал мне сто долларов. Он сказал, что я могу распоряжаться этими деньгами по своему усмотрению. Если я отдам их тебе и ты возьмешь Донна, думаю, тебе удастся добраться до Севера.

Он повернул голову и посмотрел на нее. Иногда выражение его темных глаз пугало и озадачивало Айрин, хотя чаще взгляд Алана пробуждал в ее душе пьянящее тепло.

— Я передумал. Я решил остаться.

Она покачнулась в седле.

— Почему?!

— Вы нуждаетесь во мне, мисс Айрин, я это вижу. А если так, то я не могу вас покинуть. Я буду рядом столько, сколько понадобится.

Айрин была рада, что на ее лицо падает тень широкополой соломенной шляпы, иначе он бы заметил жар, опаливший ее щеки.

— А если я скажу, что ты будешь мне нужен всегда?

Алан улыбнулся.

— Значит, я останусь навсегда, хотя, надеюсь, вскоре рядом с вами окажется человек, который сумеет по-настоящему вас защитить.

— Что ты имеешь в виду?

— Ваше замужество.

— Я никогда не выйду замуж! — вырвалось у Айрин.

— Почему?

— На то есть несколько причин… — начала она и умолкла.

У нее пересохло в горле, а на плечо вновь опустилась черная птица тоски, которую Айрин, будь ее воля, давно отпустила бы на свободу.

Эстер Прин была вынуждена носить на одежде первую букву слова «адюльтер», а какую пришлось бы вышить ей, Айрин О'Келли? Как ее можно было назвать?!

— Простите меня, мисс Айрин, — сказал Алан, — иногда я забываюсь и задаю вам чересчур откровенные вопросы.

— Я хочу, чтобы ты всегда был откровенен со мной, — призналась Айрин.

— Тогда я скажу, что уверен в том, что предстоящий бал затеян для того, чтобы познакомить вас с молодыми людьми и подыскать для вас подходящую партию.

Айрин попыталась улыбнуться.

— Я знаю, что дядя и его дети мечтают избавиться от меня, но у них ничего не выйдет.

— Разве вы не будете на балу?

— Буду. У меня даже есть бальное платье. Оно очень красивое, только я не знаю, как его носить. Наверное, оно смотрится на мне очень смешно. Поэтому я рада, что мне не придется танцевать.

— Почему не придется?

— Потому что я никогда не танцевала.

Алан остановил коня.

— В этом нет ничего сложного.

— А ты умеешь?

— Да. Отец сам показал мне основные па. Еще одна из его причуд! — усмехнулся Алан. — Я слышал, в молодости он вальсировал лучше всех кавалеров в графстве!

Айрин не могла сказать, что побудило ее задать вопрос:

— А ты не можешь меня научить?

Они посмотрели друг на друга. Взгляд Алана казался таинственным, неотразимым, а по глазам Айрин можно было прочитать, как ей нестерпимо хочется, чтобы он согласился, и как сильно ее это пугает.

— Да, но тогда мне придется… дотронуться до вас!

У нее пересохло в горле и подогнулись колени, а тело словно пронзила молния. Незнакомое чувство было столь властным и сильным, что она решилась сказать неправду:

— Я не боюсь.

Они отошли от дороги и разыскали небольшую поляну. Когда Алан осторожно обнял Айрин, мягко взял ее руку в свою, она не смогла сдержать дрожь. Он оказался очень близко, его кожа была горячей и гладкой.

Ей казалось, что она переживает один из самых ярких и прекрасных моментов в жизни, и мечтала о том, чтобы корни этого настроения проросли в бесконечность, чтобы все, что происходило сейчас, имело свое продолжение.

Айрин старалась слушать объяснения Алана,

а сама не могла привести в порядок ни мысли, ни чувства. В эти мгновенья она была сосудом, который внезапно опустошили до дна и тут же наполнили совершенно новым содержимым.

Небольшая, покрытая бархатным мхом поляна казалась сценой, на которой они играли чужие, но такие интересные, волнующие роли. Завеса зелени и тишины отделяла их от реальности, создавала иллюзию того, что окружающего мира не существует.

Рука Алана лежала на талии Айрин, его лицо было спокойным и серьезным. То, что они делали, делали с самого начала, было чистейшим безумием, нарушением всех устоев. Но… разве не благословенно безумие, способное подарить секунды такого счастья, какое не оплатишь ничем?

Стол накрыли тончайшей полотняной скатертью, полы натерли воском, подсвечники начистили до зеркального блеска. Волнение господ передалось слугам; Арчи облачился в парадную ливрею и перчатки и вместе с Касси расставлял посуду и раскладывал приборы. На кухне хозяйничала Бесс: помещение наполнял густой ароматный пар, вырывавшийся из-под крышек кастрюль. Лила, временно заменявшая

мать, со стуком резала овощи и зелень: она не умела делать прически и шнуровать корсет, и Нэнси поднялась в комнату, чтобы помочь ее госпоже.

Негритянка приподняла волосы Айрин надо лбом и уложила в виде двух валиков, а остальные локоны распустила по плечам и спине. Хотя сердце Нэнси изо всех сил желало забыть прошлое, ее руки сохранили память.

Из глубины зеркала на Айрин смотрела незнакомка, зеленоглазая, светловолосая незнакомка, Афродита, рожденная из пены шелка и кружев. Ей было безразлично, что подумают и скажут о ней чужие люди. Она хотела, чтобы ее увидел Алан.

Принимая в своем доме гостей, мистер Уильям, казалось, помолодел на десять лет. Юджин флиртовал с соседскими барышнями, не отдавая предпочтения ни одной из них. Молодые люди присматривались к Айрин, оценивая ее внешность и прикидывая, какое отношение она может иметь к хлопковому раю семейства О'Келли. С Сарой они держались почтительно, но не более, очевидно, давно потеряв надежду заслужить ее интерес. Девушки и их матери были вежливы с Айрин, но любой бы сказал, что они сразу распо-

знали в ней чужачку.

После ужина и танцев Джейк и Сара вышли в сад.

— Вам понравилось? — с надеждой спросила она.

— Да, — ответил он. — Вы были прекрасны.

Он ругал себя за то, что не нашел другой, не такой избитой фразы, однако, похоже, Сара испытала искреннее удовольствие. Она взяла его под руку, и они пошли по тропинке.

Хотя они обменивались ничего не значащими словами, Джейк чувствовал, что этот вечер может иметь продолжение. Но какое? Он вновь погружался в водоворот сомнений и вопросов, о которых размышлял гораздо больше, чем о своей собеседнице. Увы, ему совсем не хотелось вдыхать ее запах, ощущать ее плоть под своими пальцами. Она была интересна как собеседница, и все по большей части он думал о ее деньгах.

Находясь рядом с ней, он будто видел свою жизнь в зеркале, и ему не нравилось то, что там отражалось.

Когда последний из гостей скрылся в глубине подъездной аллеи, над домом уже взошла большая медово-желтая луна.

Айрин поднялась в свою комнату. Она вспоми-

нала дивные ароматы блюд, которые прислуга одно за другим торжественно вносила в столовую, дрожание пламени свечей, причудливые тени на белом полотне скатерти. Белые цветы на корсаже Сары, золотой свет на ее лице и улыбку, обращенную к Джейку Китингу.

Айрин с наслаждением вдохнула ночной воздух. Она так и не решилась принять хотя бы одно приглашение на танец и обрадовалась, когда вечер закончился. Ей хотелось снять платье, казавшееся чужой кожей, расшнуровать корсет, который стискивал ребра. Хотелось лечь в постель и всласть погрустить, вспоминая Ирландию.

Комната была усыпана лунными бликами, а на ковре перед кроватью свернулось что-то большое и темное.

Айрин услышала тихий плач. Навстречу поднялась Лила с залитым слезами лицом и выражением такого горя, что у ее госпожи сжалось сердце.

— Что случилось? Кто тебя обидел?!

— Они были вместе весь вечер, я видела. Она смотрела только на него, танцевала только с ним. И ему это нравилось. Он тоже не сводил с нее глаз. Брал ее за руку, обнимал. Говорил с ней.

— О ком ты? О мисс Саре и мистере Китинге?

— Да, о них.

Айрин приподняла обруч кринолина и опустилась на стул. Она обняла Лилу за плечи.

— Он тебе нравится?

— Не просто нравится. В нем моя жизнь.

— Он знает об этом?

— Он должен знать.

Айрин помедлила.

— Между вами… что-то было?

— Да, и не один раз. Он хотел этого, и я тоже. И он дал мне обещания, о каких я никогда бы не осмелилась попросить.

Сердце Айрин глухо стучало в груди. Она не подозревала, что рядом творятся такие вещи!

— Поговори с ним. Возможно, он был вынужден притворяться. Мисс Сара пригласила его, и у него не было иного выхода, как ухаживать за ней.

— Разве у меня есть право в чем-то его упрекать?!

Айрин долго гладила плечи мулатки, не зная, как ее утешить. В конце концов Лила встала, расшнуровала корсет госпожи и помогла ей снять платье. После они молча легли: Айрин — на кровать, Лила — на кушетку в углу.

Айрин долго лежала без сна, потом поднялась и решила пройти на кухню. Ей хотелось пить.

Перед тем, как выйти за дверь, она тихо подошла к ложу Лилы и увидела, что мулатка спит. Айрин силилась отыскать в чертах ее лица хотя бы одну неверную линию, и не могла. Кто бы решился обидеть это наивное, прекрасное, способное на беззаветную преданность существо?!

Айрин хотелось сказать Лиле, что между ней и доктором Китингом невозможны нормальные отношения, пока она не перестанет относиться к нему, как к высшему существу, но могла ли она давать ей советы, она, та, что испытывала столь противоречивые чувства, что ей казалось, будто они вот-вот раздерут ее душу на части!

Она накинула на ночную сорочку длинную шаль и спустилась вниз. Дом спал. Поблескивали каменные плиты пола, тускло серебрились перила лестницы. Потолок тонул во тьме. За высокими окнами шевелились ветви деревьев и сиял золотой глаз луны.

Айрин заметила бледную полоску света, пробивавшуюся из-под кухонной двери. Кто там? Бесс? Едва ли кухарка, умаявшаяся за день, стала бы сидеть на кухне ночью! Или кто-то из слуг забыл погасить лампу или свечу?

Чуть поколебавшись, она толкнула дверь и вошла в помещение.

Свеча сияла во тьме пронзительной желтой точкой; в углах кухни сгустились черные тени. За столом сидел Алан. Он повернул голову, и Айрин увидела его темные глаза: они словно вбирали в себя ее лицо и фигуру, отчего ей стало не по себе.

— Это вы? — промолвил он странным чужим голосом.

— Да. Мне захотелось пить.

Айрин взяла стакан и наполнила его водой, стараясь не смотреть на Алана. Она не осмеливалась спросить, почему он здесь.

— Все прошло хорошо? Я имею в виду прием гостей и танцы.

Айрин получше закуталась в шаль и присела к столу.

— Мне кажется, я была очень неловкой, а гости смеялись над моим ирландским акцентом.

— Это не страшно. Со временем они привыкнут, а вы, в свою очередь, приспособитесь к новой жизни.

Она покачала головой.

— Думаю, я навсегда останусь чужой в этой стране.

— Почему? Я не вижу никаких препятствий к тому, чтобы вы освоились на новой земле.

Айрин поднесла к губам стакан, который

неожиданно показался ей очень тяжелым, сделала глоток и сказала:

— Ты ничего не знаешь обо мне, Алан. Когда мы приехали в Америку, то были вынуждены рыскать по свалкам, где собирали всякий хлам. Я жила в окружении зловонных куч, костей дохлых животных, распространявших заразу, питалась отбросами и объедками. И так — полгода. Когда мисс Сара об этом узнала, она пришла в ужас.

— Это означает только одно: мисс Сара не видит сути. Какой бы грязи ни касались ваши руки, на вашем сердце нет пятен. Я никогда не был столь откровенен ни с одним человеком. Мне вообще трудно поверить, что я сижу за одним столом с белой женщиной и она общается со мной так, будто мы на равных, — ответил Алан.

Что-то дрогнуло внутри нее и отчаянно запросилось наружу.

— Прошу тебя, Алан, давай отбросим условности! Я готова принять все, что есть в Америке, кроме рабства.

— Но оно существует, и мое самомнение сломлено. Я с самого начала играл по чужим правилам. Полагаю, отец неслучайно не дал мне свободу. В глубине души он все понимал. То, что он признавал меня своим сыном, ничего не меняло, ибо

при всем желании ни он, ни я не могли изменить мое происхождение, мою внешность.

— Мне очень нравится цвет твоей кожи, — призналась Айрин.

— Разумеется, мне приятно сознавать, что вас притягивает ко мне та самая капля африканской крови, которую я всегда считал каплей яда, — сказал Алан и улыбнулся.

Глаза Айрин лихорадочно заблестели, и она с трудом вымолвила:

— Дело не только в этом.

— В вашем воспитании, а еще в том, что ваши родные, сознательно или нет, отстранили вас от своего круга, и вам ничего не оставалось, как довольствоваться обществом слуг, — заметил Алан.

— Я никогда не относилась к тебе, как к слуге.

— Знаю. Вы никогда не прикажете высечь меня за те дерзкие вещи, какие я постоянно вам говорю, И все-таки нас разделяет бездна.

Свеча догорела, но глаза Айрин сверкнули в темноте, как у кошки, и в них внезапно появилась решимость.

— Ты единственный, кому я могу довериться, и ты отталкиваешь меня! Почему?

— Потому что слишком близкое и непосред-

ственное общение со мной может вам навредить, — сказал он, потом прикоснулся к вискам кончиками пальцев и помотал головой, словно желая избавиться от наваждения или боли. — Я не отталкиваю вас, я… пытаюсь убежать от самого себя.

Айрин встала. Она была так сильно взволнована, что ей не пришло в голову задуматься над смыслом его последних слов.

— Послушай, Алан! Сейчас я скажу тебе правду о себе, такую правду, какая мгновенно опустит меня намного ниже тебя! Знаешь ли ты, как я добыла билет в Америку?! У меня не хватало денег, а потом и те, что были, украл какой-то человек. Я не знала, что делать, куда идти, боялась ночевать на улице. Некая миссис Биглер охотилась за такими, как я. Я согласилась с ней пойти, и она привела меня в дом, где женщины продают свое тело мужчинам. Я отдала себя за семь фунтов. Мне было плохо, и я страдала. Но я не знала, как сильно буду страдать *потом.* — Она посмотрела в его огромные глаза и неподвижное лицо и добавила с потрясающей искренностью и неизбывным трагизмом: — Я не знала никого, кто помог бы мне избавиться от этого, ничего, что заставило бы меня забыть о том, что случи-

лось! Но когда появился ты, я почувствовала, что смогу перешагнуть через это и жить дальше. Наши прогулки, разговоры… все это сделало меня счастливой.

Умолкнув, она со страхом ждала, что он сделает или скажет.

Алан опустился на колени, бережно обхватил ее тело руками и промолвил:

— Я обещал, что всегда буду рядом. Просто я боюсь того, к чему это может привести. Можно долго скрывать ненависть, но не… любовь.

Она видела жаркий огонь в его глазах, и ей стало трудно дышать.

— Это… правда?

— Самая безумная правда, какая существует на свете.

Алан встал, и Айрин увидела его таким, каким он был на самом деле, сбросившим маску раба и слуги. И она наконец смогла открыть правду своего сердца, правду, которая жгла ее изнутри вот уже много дней:

— Я тоже тебя люблю.

Он осторожно обнял ее и прижал ее голову к своему плечу. В его объятиях было столько спокойствия и уверенности, что Айрин захотелось плакать от счастья.

— Я понял это, хотя не сразу сумел поверить. Прости, что вынудил тебя сделать признание. Я рад, что сумел хоть чем-то тебе помочь. Главное, что ты выжила, что ты оказалась здесь, что мы смогли сказать друг другу то, что сказали. Остальное забудется. Просто мысленно переверни эту страницу и никогда в нее не заглядывай.

— Для тебя это… неважно?

— Для меня важна только ты. Такая, какая есть.

Алан запустил пальцы в ее распущенные светлые волосы, а потом приблизил губы к ее губам.

Айрин замерла. Он целовал ее не страстно и жадно, а осторожно и нежно, будто прикасался не к женским губам, а к лепесткам хрупкого цветка. Айрин испытала то потрясающее ощущение, когда кажется, будто освобождаешься и улетаешь на небеса, и вместе с тем осознала власть и тяжесть собственной плоти.

Она осторожно дотронулась до его восхитительно нежной и гладкой кожи. Его волосы были шелковистыми и мягкими, как у ребенка. В его больших карих глазах отражалась любовь, они заглядывали в ее душу.

— Я боюсь того, что нас ждет, — сказал Алан. — Обитатели Темры не слепые. На нас и без того

косятся из-за того, что мы без конца где-то пропадаем вдвоем.

— Саре это выгодно. Она старается меня не замечать. Юджина подолгу не бывает дома. Мистер Уильям много времени проводит в своем кабинете.

— Есть еще управляющий, другие белые работники и — негры. Последние обладают звериным чутьем, они способны мгновенно уловить то, о чем белый догадается лишь через сто лет.

Айрин постаралась улыбнуться.

— Остается положиться на волю судьбы.

— И все-таки мы должны быть очень осторожны. Скажем, сейчас тебе лучше вернуться к себе.

— Что ты делал на кухне? — спросила Айрин. — Почему пришел сюда ночью?

Алан усмехнулся.

— Из-за Касси. Она сделала мне недвусмысленное предложение, а я ответил равнодушным отказом. Она разозлилась и принялась меня оскорблять. Тогда я удалился на кухню.

— Касси?!

Он пожал плечами.

— Чему удивляться? Где бы я ни появлялся, женщины не давали мне прохода.

— Негритянки?

— Конечно, не белые.

— Ты их презирал?

— Нет. Они следовали своей природе, а я… мне не всегда хотелось довольствоваться только влечением.

Когда Айрин вернулась в свою комнату, то увидела, что Лила проснулась и сидит на кушетке.

— Где вы были, мисс? — спросила она.

— Спускалась на кухню попить.

— Я решила поговорить с мистером Джейком. Пусть скажет мне правду!

Айрин опустилась рядом. Ее не отпускало ощущение нереальности происходящего. Она призналась Алану в своем страшном секрете. Она выдала свои чувства. Она с ним целовалась. Она любила и была любима.

— Ты не должна называть его мистером. Постарайся быть с ним на равных.

— Разве такое возможно?!

Айрин улыбнулась. Теперь она знала: на свете возможно все, во что решишься поверить, так же как любовь способна подтолкнуть человека к тому, чего он не мог вообразить в самых безумных мечтах.

Сара считала, что не верит в чудеса. Но когда коробочки хлопка начинали раскрываться одна за

другой и зеленое поле будто покрывалось снегом, она забывала об этом. Хлопок был легким, как пух, почти невесомым, но его собирали столько, что он мог прокормить не одну сотню человек!

Сара видела, что Джейку безразличен хлопок. С другой стороны, если б он был сыном или зятем владельца плантации, то наверняка сумел бы по достоинству оценить чудеса Юга.

На вечере Джейк танцевал только с ней. Сара чувствовала, что отлично выглядит, и это наполняло ее уверенностью в себе. Она плыла и скользила по полу, встряхивая кружевными манжетами, а ее пышная юбка легко кружилась вокруг затянутой в корсет, тонкой, как ножка хрустальной рюмки, талии.

Пока что она не задумывалась о том, к чему могут привести их отношения, но ей нравилось робкое поклонение этого человека. Его слова пробудили в ней тоску по романтике, которой она, рожденная на земле, была лишена.

Неспешные приятные мысли Сары прервала Касси, которая буквально ворвалась в комнату и взволнованно заявила с порога:

— Мисс, я должна с вами поговорить!

Сара медленно повернула голову и уставилась на служанку, пораженная столь непривычным

поведением.

— О чем?

— Об Алане. И я, и Арчи, и Бесс, и другие слуги, мы работаем целый день, сбиваемся с ног, а он ничего не делает! Только гуляет с мисс Айрин! А в остальное время лежит в своей комнате и читает!

— Что ты сказала?!

— Читает книги, мисс!

Касси была так сильно возмущена, что не сумела по обыкновению насладиться изумлением госпожи.

Сара в самом деле была потрясена. Рабов официально запрещалось обучать грамоте, и она ни разу не встречала ни мулата, ни негра, интересующегося книгами.

— Он умеет читать?

— Да.

— Кто его научил?

— Не знаю.

— А откуда у него книги?

Касси пожала плечами.

— Наверное, из библиотеки мистера Уильяма. Думаю, их взяла мисс Айрин.

— Где он сейчас? — спросила Сара.

— Во дворе. Они с мисс Айрин собираются на

прогулку, — сообщила Касси и, не удержавшись, заметила: — В том, что белая мисс и цветной раб повсюду разгуливают вдвоем, есть что-то странное. И неприличное.

— Ты права, — сказала Сара и направилась в комнату брата.

Однако Юджин, перебравший виски во время вчерашнего ужина, отказался вставать с постели. Тогда Сара сама спустилась во двор и успела вовремя: Айрин собиралась садиться в седло.

Ее лицо разрумянилось, глаза сверкали, как изумруды. Сару вновь поразил и задел ее заливистый беспечный смех.

Мулат стоял рядом и глядел на Айрин с обожанием и преданностью. Он и впрямь был красив: высокий, великолепно сложенный, стройный. Его волнистые черные волосы растрепал ветер, а белые зубы сверкали, как полированный мрамор.

Даже Сара, привыкшая смотреть на красивых рабов, как на породистых животных, не могла не заметить, что на облике Алана лежит печать хорошего воспитания и образованности. Он казался не темнокожим, среди предков которого были белые, а белым с каплей африканской крови.

Сара не знала, как с ним разговаривать, потому

обратилась к Айрин:

— Почему бы тебе не заняться какой-нибудь работой? Ты только и знаешь, что бездельничать!

Вопреки ожиданиям, Айрин смотрела открыто и дерзко.

— В первый день я спросила, не надо ли мне что-нибудь сделать, и ты ответила, что в этом доме всем занимаются слуги. Что-то изменилось?

Сара вспыхнула.

— Ты не имеешь права брать лошадь и уезжать, когда и куда вздумается.

— Почему нет? Мистер Уильям купил Донна для меня.

— Тебя не может сопровождать этот раб!

— Может. Твой отец разрешил.

— Хорошо, я пойду к нему и расскажу о твоем поведении, — сказала Сара и повернулась на каблуках.

Она чувствовала, что проиграла. У этой ирландской девчонки хватило наглости отплатить ей той же монетой!

Когда Алан и Айрин выехали за ворота, юноша сказал:

— Прошу, не зли ее. Мы слишком сильно зависим от этой женщины. Нам надо быть хитрыми и осторожными.

Айрин тряхнула волосами так, что они рассыпались по спине. Ее взгляд был омрачен отчаянием и ненавистью.

— Давай убежим вместе!

Он покачал головой.

— Нет. Пока нельзя.

— Почему?

— Потому что я несвободен. Одно дело, когда бежит раб, и совсем другое — раб и свободная белая женщина. В первом случае его ждет наказание плетьми или карцер. Во втором — линчевание, смерть. Не говоря о том позоре, который покроет *ее.*

— Как в «Алой букве»?

— Нет, в сто раз хуже.

— Что же нам делать?!

Он долго медлил, подыскивая ответ, которого не было, и наконец произнес:

— Подождать.

— Ты по-прежнему не хочешь бежать один? — тихо спросила Айрин.

— Нет. Одинаково опасно оставлять тебя одну и бежать с тобой, потому я еще не решил, что делать.

Айрин опустила голову, потом резко подняла ее и в отчаянии повторила:

— Давай убежим!

— Нет. Ты дорого заплатила за то, чтобы добраться сюда, многие годы ты не ела досыта, ты могла умереть. В этом смысле Темра — безопасное и надежное место.

— Я согласилась бы голодать, лишь бы быть с тобой.

Алан привлек Айрин к себе, и его губы обожгли ее кожу.

— Не говори так, — прошептал он, — ты разрываешь мне сердце!

— Теперь я думаю, что на свете есть нечто пострашнее голода.

— Возможно, — сказал Алан. — Однажды я слышал песню, которую пели негры на плантации. Там были такие строки:

Нечего было есть,

Негде было спать.

Мерзлая земля служила мне кроватью.

Но я на пути.

О Боже, я на пути!

В холле Сара столкнулась с Лилой. Белинда О'Келли иногда называла домашних негров «наша черная семья», но сейчас Сара была далека от того, чтобы следовать примеру матери. Она

резко оттолкнула Лилу, и та заметила, что лицо молодой хозяйки посерело от злости.

Мулатка замедлила шаг. Нет, она не могла уйти сейчас, уйти просто так, тем самым вызвав подозрения и гнев господ.

Лила вернулась на кухню, где в эти минуты никого не было, и, не дрогнув, плеснула на руку кипятком, а после, не морщась, глядела, как горячая влага пожирает ее плоть. По щекам потекли слезы, но само лицо оставалось каменным.

В дверях ее поймала Нэнси.

— Ты куда?

— Я обожгла руку. Мне надо к доктору Джейку.

Нэнси пристально посмотрела на дочь и увидела все, что хотела увидеть.

— Что я всегда чуяла сердцем, так это беду. Ты спала с ним. Не отпирайся. А теперь ты ему надоела, он тебя избегает, и ты хочешь броситься ему в ноги. Я тебя предупреждала. Наши миры разделены, как разделены жизнь и смерть. Такие истории всегда заканчиваются одинаково. Ты никуда не пойдешь. Я сама займусь твоей рукой.

Когда настал вечер и Лила вновь поделилась своей бедой с Айрин, та решительно произнесла:

— Иди. Иди сейчас. Если что, я тебя прикрою.

Лила бежала во тьме, задыхаясь и не глядя по

сторонам. Вокруг не было ни души, лишь сотни ночных бабочек кружились в воздухе, то и дело задевая ее лицо своими невесомыми крыльями. Звенели цикады; над головой рассыпались похожие на булавочные головки звезды.

Когда мулатка робко вошла в комнату, которую делили Барт и Джейк, последний вздрогнул от неожиданности.

Барт с ухмылкой спросил:

— Мне выйти?

Джейк кивнул, и надсмотрщик покинул помещение.

Глаза Лилы были полны слез, дрожь искажала нежный изгиб ее губ. Обожженная рука нестерпимо ныла, а в душу все глубже проникало тревожное предчувствие.

Лила надеялась, что Джейк бросится к ней, крепко обнимет, и все ее тревоги спадут с души, как шелуха, но он не двигался и только смотрел на нее.

Она не знала, как освободиться от этой муки, а потому сделала то, что предрекала ее мать и от чего предостерегала Айрин: повалилась в ноги Джейка, и ее вопли напомнили ему заунывный негритянский плач, плач людей, лишившихся родины и не знающих, где отыскать пристанище.

— Лила! Прошу тебя, встань!

— Я больше вам не нужна. Скажите мне правду!

— Я сказал тебе правду еще тогда, в хижине, и не собираюсь от нее отказываться.

Ей показалось, что он произнес эти слова, подчиняясь некоему внутреннему усилию, и потому продолжала плакать.

— Пойми, Лила, мы должны быть осторожными. Ты не можешь вот так внезапно врываться ко мне. Барт нас не выдаст, но тебя могут увидеть негры, и тогда пойдут слухи. Если мисс Сара или ее родные что-то заподозрят, я могу лишиться места, и тогда мне придется уехать, — его голос звучал раздраженно и устало.

Мулатка поднялась на ноги.

— Простите меня, сэр. Больше это не повторится.

Она собиралась открыть дверь, когда Джейк не выдержал и окликнул:

— Постой! Ты ошибаешься. Ты все придумала. Ты мне нужна.

Он подошел к ней и наконец обнял. Покорившись его рукам, Лила обрела тень покоя. Возможно, он прав: она слишком мнительна и нетерпелива и только зря сердит его и мучает

себя.

Целуя Лилу, Джейк думал о том, что во многих городах Америки люди вынуждены работать на фабриках по двенадцать — четырнадцать часов, получая пятьдесят центов в неделю, о долговых тюрьмах, о голодных, дрожащих от холода нищих, наводнявших благотворительные учреждения и умиравших в очередях за бесплатным супом. А еще — вспоминал слова Сары о том, что каждый урожай хлопка приносит ее семье по двести — двести пятьдесят тысяч долларов.

Семья О'Келли жила достаточно скромно, их провинциальный дом не был похож на роскошные палаты, однако стоило им с Сарой сесть на корабль или в поезд, и их взорам открылась бы та Америка, какую Бог создал для успешных и богатых белых людей.

Глава 8

«Хлопок правит миром» — Сара О'Келли настолько привыкла к этой фразе, что не придавала ей какого-то особого значения. Она не задумывалась о том, что «белое золото», бывшее основой жизненного уклада, может также стать орудием политики.

Вчера ей не удалось поговорить с отцом: и Уильям, и Юджин были взбудоражены вестями, которые пришли из Чарльстона — столицы Южной Каролины. Не так давно там появилась скандальная книга публициста Хинтона Хельпера «Неминуемый кризис Юга», где говорилось об экономической невыгодности рабства, и которую северяне использовали в агитации против южан.

Плантаторы-рабовладельцы были возмущены. Что станет делать наглый Север без хлопка, который дает благодатный Юг?! Тут же пошли слухи о предстоящем расколе демократической партии и выходе Южной Каролины из Союза.

Уильям коротко рассказал об этом Саре, когда она вошла в кабинет и заметила, что хотела поговорить с ним еще вчера. Выслушав отца, Сара

спросила:

— Нам грозит непосредственная опасность?

— Нет, разумеется, нет, — ответил Уильям и грустно улыбнулся.

Юджин слишком легкомыслен, а Сара чересчур серьезна — вот почему у него до сих пор нет внуков! Если бы сын и дочь могли поменяться местами, все сложилось бы по-другому.

— Если у нас не будет рабов, кто станет собирать хлопок!

— Ты совершенно права. Янки не знают, что такое негры, и не умеют управляться с ними. Освободить их — значит, посадить себе на шею до скончания века. Если это произойдет, в стране воцарится хаос, — сказал Уильям и спросил: — О чем ты хотела со мной поговорить?

— О хаосе в нашем доме.

Уильям удивленно приподнял брови, а Сара продолжила:

— Что ты скажешь, если я доложу, что некий раб вместо того, чтобы работать, как другие, целыми днями читает книги из твоей библиотеки?

Уильям рассмеялся.

— Примерно то же, что бы сказал, если б узнал, что Касси надела одно из твоих платьев, велела запрячь коляску и отправилась наносить визиты

соседям. А о ком ты говоришь?

— О мулате Алане, которого ты почти подарил Айрин.

Когда речь шла об Айрин, Уильям всегда вставал на ее сторону. Сара надеялась, что в этом случае он поведет себя иначе.

— Не может быть! Откуда он знает грамоту?

— Мне неизвестна его история.

— А кто разрешил ему брать книги из библиотеки?

— Разумеется, *она.*

— Подумать только! Вели прислать этого мулата ко мне.

— Ты хочешь его наказать?

— За что? — удивился Уильям. — Если он умеет читать и писать, это надо как-то использовать.

Это был тот случай, когда с отцом не приходилось спорить. Уильям не терпел, когда личное отношение к рабам мешало хозяевам осознать их полезность. Скрепя сердце Сара выполнила отцовский приказ, и вскоре Алан вошел в кабинет своего хозяина.

Уильям впервые внимательно разглядел недавнее приобретение. В этом человеке на редкость гармонично сочетались черты европейского и африканского народов. Черное и белое, дикость

и ум, чувственность и хладнокровие. Плантатор вспомнил доклад управляющего: раб непокорный и дерзкий, его не может сломить даже жестокое наказание, его лучше продать, а неплохо было бы и убить.

Уильяму стало интересно докопаться до правды, и он спросил:

— Кто был твоим хозяином?

— Их было много, сэр.

— Я имею в виду первого, в доме которого ты родился.

— Этого человека звали Гарольд Клеменс из Джорджии.

— Гарольд Клеменс? Мы не были близко знакомы, но я слышал о нем. Кажется, он умер?

— Да. Два года назад, — ответил Алан и добавил: — Он был моим отцом.

От неожиданности Уильям покачнулся на стуле.

— Этого я не знал. Так это он распорядился обучить тебя грамоте?

— Да, сэр. Я с детства много читал. Отец собирался отправить меня на Север, когда мне исполнится двадцать. Мы говорили об этом накануне его смерти.

— Почему же он не дал тебе свободу?

Алан нервно сцепил длинные пальцы, но его лицо осталось спокойным.

— Я по сей день задаю себе этот вопрос. Он воспитывал меня, как сына, и я знаю, что он меня любил.

— Что произошло с тобой после того, как он умер?

— Его законная белая супруга распорядилась продать меня людям, единственным стремлением которых было оставить на моем теле как можно меньше живого места и втоптать мою душу в грязь.

Уильям почувствовал странное смущение, какое никогда не испытывал в присутствии рабов. Он невольно подумал о том, что отношение плантаторов к этому юноше напоминало поведение дикарей, в руки которых попала ценная вещь.

— Ты не хотел покоряться?

— Не хотел.

— Почему?

— Поставьте себя на мое место, сэр!

Это был дерзкий ответ, но Уильям сделал вид, что ничего не заметил, и спросил:

— А как у тебя с арифметикой?

— Хорошо. И я также увлекался географией и историей.

Уильям вновь ощутил неловкость. Этот юноша держался с редким достоинством; в нем было легко угадать человека, привыкшего думать и истолковывать жизнь согласно личному пониманию. Многие знакомые мистера О'Келли, мнившие себя столпами местного общества, жили словно вслепую: все представления о том, что правильно, а что нет, что хорошо, а что плохо, заимствовали от окружающих и никогда не имели своего мнения. Уильям понимал, что умение возвыситься над своей средой — редкое качество, данное немногим.

— Мы привыкли называть мулатами всех, кто имеет смешанную кровь, но, полагаю, ты черный только на четверть, а то и меньше?

— Не знаю, сэр. Моя мать тоже была достаточно светлой, но она не помнила своих родителей, — ответил Алан, при этом в его взгляде ясно читалось: «Какое это имеет значение, если я все равно несвободен?».

Очевидно, хозяева ненавидели этого раба не за его знания, грамотную речь и хорошие манеры, а в первую очередь — за отсутствие подобострастия и страха. Подумав, что должен принять достойное и великодушное решение, Уильям сказал:

— Вижу, ты отличаешься от большинства рабов

не только цветом кожи. Люди, которые пытались силой загнать тебя на низшую ступень, чем та, на которой ты находишься на самом деле, были неправы. Я поступлю иначе: отправлю тебя в контору нашего управляющего, мистера Фоера. У нас большая плантация, и ему требуется помощник.

Алан не удивился, он только спросил:

— Мистер Фоер подчиняется непосредственно вам, сэр?

— Да, но я хочу, чтобы плантацией занимался мой сын Юджин. Потому в случае каких-то вопросов лучше обращайся к нему.

Услыхав о решении Уильяма, Сара в сердцах сказала Касси:

— Подумать только, отец заявил, что этот Алан — очень ценное приобретение и Айрин — единственная, кто сумел это понять!

— Полагаю, она разглядела в нем кое-что другое, — пробормотала Касси и задумалась.

Мысль, которую она случайно высказала, была откровенно неприличной, скандальной: многие рабыни сожительствовали с господами, но чтобы белая женщина заинтересовалась цветным, а цветной осмелился посягнуть на честь белой?! Вместе с тем от этой бесстыжей ирландской рвани и высокомерного мулата можно было

ожидать чего угодно! Касси решила при первой же возможности проследить за ними.

Узнав о том, что Алан будет работать в конторе управляющего, Айрин и обрадовалась, и огорчилась. Возможно, со временем дядя поймет, что такого умного и талантливого молодого человека надо отпустить на свободу; в то же время теперь им с Аланом придется куда меньше видеться.

Когда управляющий узнал, что ему в помощники определили мало что раба, так еще и раба, который посмел его оскорбить, он впал в холодное бешенство, и когда молодой человек явился в контору, демонстративно не желал его замечать.

Алан взялся просматривать хозяйственные книги, многие из коих были начаты давно, еще при прежнем управляющем и когда Юджин еще не вернулся с учебы.

Он обратил внимание, что документы, касавшиеся продажи хлопка или покупки рабов, были составлены безукоризненно (эти записи и поныне проверял мистер Уильям). А вот в тех, где речь шла об обеспечении негров продуктами и одеждой, цифры не сходились.

Мистер Уильям установил, что полевым работникам должно выдаваться на лето по две рубашки, пара брюк из холста и башмаки. Еже-

месячно — минимум двенадцать фунтов соленой свинины, два бушеля кукурузы и пинта соли. Однако когда Алан подсчитал количество рабов, а также израсходованных продуктов и вещей, уравнение не сошлось. Судя по всему, эти отчеты проверял Юджин или, скорее, не проверял, хотя везде стояла его подпись.

Алану была известна манера управляющих наживаться на бесправных неграх (получит ли черный работник двенадцать или десять фунтов солонины, он все равно не помрет от голода), и он счел необходимым сообщить Фоеру:

— Сэр, я нашел ошибку в счетах.

— Где?! — управляющий не скрывал свой злобы.

— Вот здесь, — ответил Алан и показал столбики цифр.

— Мистер Уильям отправил тебя сюда, чтобы ты проверял мою работу?!

— Нет, но я должен войти в курс дела.

— Ты обязан выполнять *мои* приказания. Скажем, если я велю тебе вымыть полы в конторе, ты это сделаешь.

Алан молчал. Фоер раздраженно перевернул станицу гроссбуха и, холодно усмехнувшись, сказал:

— Счета подписаны мистером Юджином. Не значит ли это, что ты соображаешь лучше него?

Алан поднялся из-за стола.

— Это означает, сэр, что рабам выдавали продуктов и одежды меньше нормы, установленной хозяином. Мистер Юджин поставил свою подпись, не проверив отчетность.

Они обменялись долгими взглядами. Фоеру страшно хотелось отвесить наглецу пощечину, но он был неглуп и потому ограничился тем, что заметил:

— Когда мистер Юджин придет в контору, я изложу ему твои соображения.

Молодой хозяин появился около полудня. На нем был летний сюртук, бриджи и сапоги для верховой езды. Едва ли Юджин собирался задерживаться в конторе, потому что, окинув помещение рассеянным взглядом, нетерпеливо спросил:

— Все в порядке?

— Мистер Юджин, — вкрадчиво произнес Фоер, делая шаг вперед и от волнения хромая больше обычного, — не лучше ли мне взять расчет, поскольку у меня появился очень ретивый помощник? Он сказал, что вы ленитесь просматривать счета и что ваши рабы голодают.

— Да они откормленные, как боровы! — сказал Юджин.

Он повернулся к Алану и посмотрел на него так, словно у того не было лица. Алан вздрогнул и ответил молодому хозяину взглядом, в котором сквозило не непонимание или презрение, а глубокое сожаление по поводу его испорченной породы, породы людей, чей мир некогда казался ему манящим раем, а потом превратился в собрание демонов и масок.

Юджин побагровел так, что под краской исчезли веснушки, и резко спросил Фоера:

— Почему он здесь?

— Приказ мистера Уильяма, сэр.

— Я тоже могу отдавать приказы, — сказал Юджин. Он взял перо и что-то написал на клочке бумаги. Потом вручил записку Алану со словами: — Я даю тебе поручение. Мистер Фоер доложит, как оно будет выполнено.

Алан прочитал записку. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он молча поклонился и вышел за дверь.

Когда домочадцы улеглись спать, Айрин проскользнула в пристройку, где жили слуги, направилась к комнате Алана и, легко постучав, вошла. Она не думала о приличиях. Ей не терпелось

узнать, чем занимался Алан в конторе управляющего и остался ли Фоер доволен его работой.

Вопреки ожиданиям, Алан не шагнул ей навстречу, он всего лишь сел на постели, кутаясь в простыню. В каморке было мало места, но царил порядок. В отличие от жилищ полевых работников в комнатах домашней прислуги можно было увидеть хорошие, даже красивые вещи.

На небольшом столике стоял стакан с водой и лежала книга, заложенная стеблем тысячелистника. Айрин растерянно переступила с ноги на ногу. Ей показалось, что Алан не рад ее видеть, и она нерешительно спросила:

— Как прошел день?

— Неплохо.

— Чем ты занимался в конторе управляющего?

— Просматривал хозяйственные книги.

Айрин почудилось, будто он отвечает неохотно и держится настороженно. Что в нем идет некая внутренняя борьба: глаза лихорадочно поблескивали, а кожа приобрела оттенок меди.

Айрин заметила, что, разговаривая с ней, он слегка морщится, словно от боли, и слегка поводит плечами, словно пытается расправить несуществующие крылья.

— Ты заболел?

— У меня небольшой жар.

— Ты обращался к доктору Джейку?

— Нет.

— Почему?

— Не стоит тревожить его по таким пустякам.

Айрин глубоко вздохнула.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

Он посмотрел на нее долгим взглядом и кивнул.

Она не поверила.

— Ты что-то скрываешь от меня!

— Ничего.

Айрин присмотрелась внимательнее. На светлой ткани простыни, прикрывавшей тело Алана, проступало несколько кровавых пятен.

Она отшатнулась.

— Что это?!

Он молча отбросил ткань в сторону. Гладкую кожу плеч и спины Алана пересекали багровые ленты длинных ссадин, похожих на следы огромных когтей.

— Кто это сделал?!

— Старший надсмотрщик. По приказу мистера Юджина.

— За что?!

Алан коротко рассказал.

— Тебе надо было пойти к моему дяде!

— Нет. Если я б встал между отцом и сыном, было бы только хуже.

— Почему ты ничего не сказал *мне?!*

— Потому что в этом нет ничего необычного или страшного. Такое случалось со мной много раз. Это пройдет.

Он вновь посмотрел на нее, и Айрин прочитала в его глазах правду. Он обуздал себя и покорно подставил спину под плеть, потому что боялся потерять *ее.* Он принес гордость в жертву любви.

Айрин содрогнулась от гнева и жалости. Она вспомнила день, когда впервые увидела его связанным и избитым. Тогда она еще не знала, что не сможет без него жить.

Точно так же Айрин не подозревала, что когда-нибудь решится первой обнять мужчину, осмелится опуститься на его постель. Наверное, это произошло потому, что лежать так близко, соприкасаться телами сейчас казалось единственной возможностью проявить истинную заботу, любовь и нежность.

В глазах Алана появилось какое-то новое выражение. Похоже, несмотря на все признания, он не мог представить, что между ними возможно что-то большее, чем поцелуи.

Айрин боялась причинить ему боль: физическую — неосторожным прикосновением, душевную — неправильным словом. Она совершенно не знала, как себя вести, и не осмеливалась пошевелиться.

— Иди, ты должна идти. Со мной все в порядке. Все будет хорошо.

— Ты меня прогоняешь?

— Я не могу позволить тебе оставаться здесь.

— Сюда никто не войдет.

— Тебя могут хватиться там, в доме.

— Разве ты не хочешь, чтобы я была с тобой?

— В данном случае мое желание не имеет значения.

Айрин смежила веки, задержала дыхание, а потом прошептала:

— Я не уйду. Обними меня и сделай то, что желаешь сделать.

Они лежали и целовались, а тем временем Алан постепенно освобождал ее от одежды, незаметно и легко, словно обрывая лепестки цветка. Что-то трепетало у нее внутри, но это был не страх и не стыд. Сейчас между ними существовало что-то бывшее единственно значимым, по-настоящему сближающим, соединяющим навсегда. Все происходило так же естественно, как день переходит

в ночь. Айрин хотелось хотя бы отчасти вернуть Алану то, что было отнято другими людьми, а также отдать нечто такое, что могла отдать только она.

Он не набросился на нее, как можно было ожидать, она даже не заметила, как он оказался внутри. Он двигался осторожно, неспешно, будто боясь причинить ей боль или потревожить ее сокровенные чувства.

Их слияние получилось на удивление нежным, а наслаждение тихим, будто все происходило во сне. То была не бурная, сжигающая страсть, а глубокое неспешное познание друг друга.

После Айрин боялась открыть глаза. Почему-то ей чудилось, что она увидит Алана другим и весь мир — совершенно новым. Ей нравилось лежать неподвижно в ожидании нового рождения, слушая стук сердца Алана и вбирая в себя жар его тела.

Когда он шевельнулся, она заставила себя посмотреть на него. Алан был таким же; нет, еще более любящим, изумленным, благодарным. Рядом с его телом кожа Айрин казалась молочно-белой, а его — более темной, чем была на самом деле.

— С тобой уже было… такое?

— *Такого* не было. Твоя любовь, как бриллиант на раскрытой ладони. Я думал, что буду просто смотреть на него, но никогда не осмелюсь взять.

Ей захотелось плакать. Айрин с трудом могла вынести пронзительность этих мгновений. А Алан был потрясен тем, что в эти минуты все казалось таким, каким и должно быть.

Когда Джейк вернулся домой, Барт сидел за столом со стаканом виски и казался погруженным в себя. Лицо выглядело застывшим, в темных глазах отражалось пламя одинокой свечи.

Джейк сел рядом. Он думал о Саре. О том, что она будет умелой хозяйкой и заботливой женой, о ее кровати с кружевным пологом и белым как снег бельем. О том, что могут дать ему ее деньги. Джейк понимал: непорядочно ухаживать за ней за спиной отца и брата, стараясь заморочить ей голову, хотя игра стоит свеч.

По вечерам Сара могла бы читать ему вслух приятным голосом и немного неуверенно, но с чувством играть на фортепиано. Он мог бы следить за серебристой иголкой, ныряющей и выныривающей из ткани ее шитья, и… думать о Лиле, вспоминать ее смуглую кожу, запах разгоряченной желанием плоти, ее сверкающую улыбку и… то, как он с ней поступил.

От размышлений Джейка оторвал голос Барта:

— Сегодня ко мне пришел тот мулат, Алан, и принес записку от молодого хозяина. Я растерялся, потому что… не умею читать. Могу лишь кое-как подписать свое имя — и все. Он посмотрел мне в глаза, посмотрел с пониманием, а потом сказал, что там написано. К дьяволу! — Барт махнул рукой, задел стакан, и виски расплескалось. — Я знаю, как заставить черных работать, безжалостно наказываю ленивых, но несправедливость чую нутром. Конечно, я мог бы закрыть на это глаза, как закрывал не раз, но… этот Алан меня удивил. Прежде он не был таким покорным. Что заставило его смириться?

Джейк молчал. Он начинал догадываться об истинных отношениях Алана и Айрин и говорил себе, что эти двое сошли с ума.

Между тем Барт продолжал говорить:

— Я впервые задумался, зачем я здесь? Днем — работа в поле, на жаре, в которой плавятся мозги, по вечерам — дешевое виски, похотливые или покорные негритянки в постели! Чего мне не хватало, так это угрызений совести! Я ведь почти собрался отправиться в Калифорнию на поиски золота, но услышал, что в Темре требуется надсмотрщик над полевыми работниками, и

приехал сюда.

— Ты мог бы не бить Алана.

— Как бы не так! Следом приковылял этот шакал Фоер и сказал, что хозяин прислал его посмотреть, как выполняется поручение. Если б речь шла о ком-то другом, он бы ни за что не пришел, а тут стоял и ухмылялся! Я с трудом удержался, чтобы не хлестнуть плетью по его наглой роже! — выпалил Барт. — У него же на лбу написано, что он презирает меня не меньше, чем чернокожих! Для него я цветной, полукровка.

— Ты никогда не говорил, где родился и из какой ты семьи.

— Наверное, потому, что мне нечем хвастать. Я родился во время войны с семинолами[9]. Моя мать была индианкой, а отцом — белый солдат, который захватил ее в каком-то форте. Каким-то чудом его угораздило жениться на ней, потому у меня есть фамилия. После победы генерала Джексона он увез нас на Юг, а потом бросил. Я с шести лет работал на фабрике, чтобы не умереть с голоду, и потому не ходил в школу. На фабрике нам постоянно внушали ненависть к чернокожим, мол, если б не они, у нас бы было больше работы

[9] Примечания: 9

Индейское племя, возникшее в XVIII в. и происходящее из Флориды. Война американской армии с семинолами шла с 1835 по 1842 г.

и платили бы не так мало. Я впрямь начал их ненавидеть, хотя мать говорила, что семинолы всегда принимали рабов, которые бежали из Джорджии и Южной Каролины, — сказал Барт и заметил: — Негры ведь как собаки, все чуют, и если ты их терпеть не можешь, начинают тебя бояться. Потому меня и взяли надсмотрщиком. Правда, мистер Уильям сразу предупредил, чтобы я зря никого не бил.

— Мне кажется, ты именно так и поступал.

— Я же видел: для них здесь вовсе не рай, как им пытаются внушить. Просто им ничего не остается, как верить. Негры, они же как дети. Если радость — смеются во все горло, если горе — плачут навзрыд; при этом совсем не умеют заботиться о себе и смотрят в рот господам.

— А что случилось с твоей матерью? — спросил Джейк.

— Спилась и умерла, — равнодушно произнес Барт и добавил: — Эта проклятая жизнь научила меня ненавидеть не только негров, но и себя, свои индейские корни, из-за которых мне всегда приходилось страдать.

— Ты останешься здесь?

— Не знаю. Может, все же поехать в Калифорнию?

— На приисках везет одному из миллиона. К тому же золото в Калифорнии открыто давно, и там ничего не осталось.

Барт тряхнул прямыми черными волосами и сказал:

— Неправда, люди еще открывают жилы. Везет выносливым и упорным. По крайней мере, на приисках все зависит от того, нашел ты золото или нет, а не от происхождения и цвета кожи.

Джейк задумался. Золотые прииски. Место, где самые лучшие и худшие человеческие качества вылезают на поверхность и расцветают буйным цветом, где корысть не прикрыта высокими словами.

Он вздохнул. Лучше выбросить из головы эти мысли. Это будет борьба с ветряными мельницами, погоня за призрачной мечтой. Он же всегда предпочитал жить трезво и твердо стоять на ногах. Так он и жил, пока… не повстречал Лилу.

Особняк — белый островок посреди зеленого моря — остался далеко позади. За мелкой речушкой простирались нескошенные луга; трава стояла почти по пояс, в ней желтели пушистые метелочки, над которыми жужжали пчелы.

Хотя Касси была черна, как кухонная плита, гонору ей было не занимать. Она была дочерью

«мэмми», кормилицы и няньки, вырастившей Юджина и Сару и отошедшей в мир иной вскоре после смерти их матери, мисс Белинды. С малых лет Касси прислуживала Саре, донашивала ее одежду, сопровождала на прогулках в коляске и жила не в кирпичной постройке, примыкающей к дому, а в самом особняке.

Для полевых работников такие, как она, являлись образцом воспитанности и элегантности. Иные завидовали ей, другие тайно и жестоко ненавидели. Домашняя челядь заискивала перед ней и искала ее расположения. Любой мужчина из числа слуг, которого она соизволила бы выбрать, не помнил бы себя от счастья. И только Алан посмел указать ей на дверь.

Заботливо приподняв юбки, Касси перешла через мелкую воду и пошла по лугу. Боясь быть обнаруженной, негритянка то и дело приседала. Далеко впереди мелькало васильковое платье девушки, ее светлая голова, а рядом виднелась высокая фигура молодого человека.

Вскоре Касси вошла в заросли густого кустарника, прячась за которыми могла видеть тропинку, на которую свернули Айрин и Алан. Негритянка следила за ними, пока они не остановились в местечке, которое, судя по всему, облюбовали

уже давно.

Касси присела и осторожно раздвинула ветви. Она была похожа на собаку, сидящую возле норы сурка и караулящую добычу.

Увиденное потрясло ее сверх всякой меры: Алан и Айрин остановились посреди леса, поцеловались, потом принялись раздевать друг друга, а после опустились в траву.

Пелена света была прозрачной, словно шелковая шаль. Кожа Айрин казалась удивительно тонкой и белой, обнаженная грудь была усыпана солнечными бликами, проникавшими сквозь прорези лиственного шатра. Светлые волосы густыми волнами рассыпались по изумрудной траве.

То, что Касси довелось наблюдать дальше, было чистейшей алхимией любви. Она никогда не думала, что чувства людей могут так полно выражаться в слиянии тел. Они не извивались, не задыхались, не сходили с ума от желания — это был сплав нежности, целомудрия, глубокой страсти, некоего подспудного, на редкость полного единения.

Обратно Касси бежала быстро, словно лисица, поднятая охотником, не обращая внимания на то, что в подол вцепляются колючки, а в башмаки

набилась земля. Ее душу саднило, будто кожу, на которую пролили кипяток.

Она слышала, что кое-где негров вешают или забивают до смерти за воровство, за постоянные побеги, но… что может грозить цветному за сожительство с белой женщиной?!

Касси привыкла наушничать, она могла довести до сведения мисс Сары все, что угодно, но это… Она не знала слов, какие можно подобрать, чтобы госпожа не упала в обморок, чтоб ее мир разом не перевернулся с ног на голову!

В определенном смысле хозяйка жила, будто не касаясь ногами земли: Касси не переставала удивляться, как ей это удается. Она, не жалея сил, занималась делами поместья, но при этом некоторые стороны жизни оставались для нее подчеркнуто закрытыми. Сколько бы мисс Сара ни негодовала по поводу совместных прогулок Алана и Айрин, ей и в голову не могло прийти, что они способны дотронуться друг до друга!

Между тем Айрин очнулась от мгновенного забытья и самозабвенно обняла Алана.

С тех пор, как им довелось впервые познать друг друга, они не однажды были близки, и всякий раз это было сродни безумию. Они делали то, что ни в коем случае не должны были делать. Эта

мысль таилась где-то на грани их сознания и все же никогда сполна не овладевала душой.

Айрин выбирала из волос мелкие веточки и травинки. Алан обнимал ее сзади: маленькие груди девушки целиком помещались в его ладонях. Он изо всех сил старался, чтобы ей было хорошо с ним, чтобы она не только дарила, но и брала.

Однако ему далеко не всегда удавалось думать только о том, как он счастлив с нею, все чаще наружу прорывалась тревога.

— Иногда мне становится страшно: чем нам придется за это заплатить?

В зеленых глазах Айрин появилось отчаяние.

— Почему нам нельзя любить друг друга, делать то, что мы хотим!

— Не только из-за разницы в нашем положении. Ты можешь забеременеть. Эта мысль не дает мне покоя.

Айрин посмотрела на свой плоский живот. Во время голода в Ирландии дети рождались редко, а те, кому удавалось появиться на свет, почти сразу умирали.

— Не думаю, что это возможно, хотя я была бы не против. Как хорошо было бы вместе жить и работать, воспитывать детей. А ты бы женился на мне?

— О чем ты спрашиваешь?! Будь моя воля, я осыпал бы тебя розами, построил бы для тебя дворец, положил бы к твоим ногам все блага мира.

— Я не раз говорила, что мне будет довольно простой и скромной жизни.

Алан нежно поцеловал ее, но его лицо накрыла мрачная тень.

— Для тебя будет лучше остаться в Темре, где есть еда и крыша над головой. После того, что ты пережила, только бездушный и недальновидный человек может заставить тебя работать на фабрике, прозябать в нищете, рисковать своим здоровьем и жизнью.

— Меня не волнуют ни еда, ни кров. Я могу быть счастлива только рядом с тобой.

— Ты и будешь, пока… есть такая возможность.

— Ради меня ты вынужден терпеть Фоера! — с отвращением произнесла Айрин.

— Он уже смирился с моим присутствием, к тому же я сижу тихо, как мышь, и делаю все, что он скажет. Даже мистер Юджин не знает, к чему придраться.

Алан улыбнулся, подумав о том, что в последнее время и сам не раз путал цифры, потому что слишком часто и много думал об Айрин. Он должен был бы отказаться от нее ради ее блага, ради

спасения ее чести, но не мог устоять перед силой влечения к ней. Он знал, что рано или поздно их разоблачат, что его ждет страшная кара, но впервые не желал ничего менять в своей судьбе, позволял себе плыть по течению, жить настоящей минутой.

Глава 9

В вечернем солнце крыша особняка казалась медной, окна — золотыми, а сам дом будто плавал в дымке прозрачного света. На наборном паркете гостиной застыли, как во фрагменте изысканного танца, стулья гнутого дерева. Ряды стаканов в серванте сияли чистотой, складки занавесок на окнах были идеально разглажены. Роскошная софа располагала к отдыху. В комнатах пахло накрахмаленным бельем и воском для пола.

Жизнь в Темре казалась безупречной и оттого — невыразимо скучной. Бесконечные дни незаметно перетекали один в другой, сливались в месяцы и годы.

Первое время после возвращения из университета жизнь в имении казалась Юджину интересной, несмотря на то, что он с некоторой насмешкой относился к восторгам отца по поводу «существования на природе и в седле» и сравнению законов южан едва ли не с греческой демократией.

Вместе с приятелями он охотился на лис, устраивал попойки, ездил на пикники, но это быстро прискучило. Юджина угнетала необходимость

заниматься делами плантации: выросший на вольном воздухе, он ненавидел цифры и не испытывал ни малейшего благоговения перед рядами золотоносного хлопка, которые привык видеть с детства.

Ему было негде применить юношескую отвагу, склонность к приключениям, первобытный азарт. Не с кем было даже подраться на дуэли, ибо в их краях взаимные оскорбления и притязания были крайне редки. Негры тоже не доставляли беспокойства.

Разумеется, Юджин читал в газетах о мятежных рабах, о суде Линча, но все это происходило где-то там, в другой жизни. Он ни разу не встречал наглого раба, разве что кроме мулата Алана. Однако в последнее время тот явно одумался и присмирел.

Юджин сидел в кресле со стаканом вина и грезил о тех удовольствиях, которых его лишала жизнь в провинции, когда в комнату вошла Сара.

Всегда уравновешенная, серьезная, она выглядела крайне взволнованной; Юджин еще ни разу не видел сестру в таком смятении. Глаза Сары покраснели, она нервно комкала в руках кружевной платок.

Она долго не могла заговорить, а когда все же решилась, Юджин не сразу сообразил, что хотела сказать сестра. Наконец до него дошло.

Он быстро вскочил, его лицо запылало, а зубы лязгнули, как у хищника.

— Тебе сказала Касси? Ты уверена, что черномазая не лжет?!

— Касси никогда не смогла бы придумать такое!

— Пожалуй. И она сама все видела?

— Да. Она проследила за ними.

Юджин принялся ходить по комнате, потирая руки. Если Сара выглядела опустошенной и подавленной, то ее брат, казалось, испытывал прямо противоположные чувства.

— Значит, мулат надругался над ней?

— Касси сказала, что все происходило по доброй воле, — выдавила Сара и добавила, с трудом сдерживая слезы: — Я с самого первого дня знала, что эта Айрин навлечет на нас позор! Я говорила отцу, а он не хотел слушать! Не представляю, как сообщить ему о том, что случилось!

Юджин остановился и посмотрел ей в глаза.

— Не надо ничего говорить отцу, тем более, что его нет дома. Он сказал, что, возможно, заночует у Скоулсов. Я сам справлюсь. Позову надежных

людей…

Сара испуганно отшатнулась.

— Неужели ты кому-то расскажешь?!

— Не бойся, не расскажу. Такую историю нельзя придавать огласке. Нет ничего хуже публичного унижения. Моим приятелям будет довольно знать, что наш раб совершил нечто непозволительное. А где *она*?

— В своей комнате.

— Одна?

— Да.

— Ты говорила с ней?

— Нет! Что я могу ей сказать после того, что она совершила!

— У тебя есть ключ от ее комнаты?

— У меня есть ключи от всех помещений в доме.

— Отлично. Идем.

Юджин взял Сару за руку и почти потащил за собой. Он был взбудоражен; казалось, вокруг него кипел даже воздух. Чтобы цветной раб обесчестил женщину-южанку?! О таком он еще не слыхивал! Правда, Айрин нельзя было назвать южанкой, она была пришлой, пусть и считалась их родственницей, и по большому счету Юджину было на нее наплевать. Другое дело, мулат. Юд-

жин изнемогал в предвкушении охоты, дознания и суда, своего собственного суда.

Он позовет приятелей, которые будут рады развлечению. Все вместе они придумают, как лучше разделаться с рабом!

— Где этот Алан?

— Не знаю. Возможно, в доме для слуг.

— Хорошо, мы его найдем.

Когда Сара привела Юджина к комнате Айрин, он взял у нее ключ, осторожно вставил в замок и повернул, после чего вернул ключ сестре.

— Пусть он будет у тебя. Не выпускай ее ни при каких обстоятельствах!

— А ты? Куда ты пойдешь?

— Седлать лошадь.

Сара следовала за ним по пятам. Ее душу наполняло тяжелое предчувствие. Она смутно догадывалась, что хочет сделать брат, и сказала:

— Может, лучше подождать возвращения отца? Он наверняка захочет разобраться в этом деле.

Юджин вперил в сестру сверкавшие гневом глаза.

— В чем тут разбираться?! Цветной раб спал с белой женщиной! Ты когда-нибудь слышала о таком?!

Сара покраснела и отступила. Брат не щадил

ее чувств, между тем представить, *как* это происходило, для нее было все равно что заглянуть в адскую бездну.

Обычный распорядок вечера был разрушен. Юджин взял лошадь и поскакал во весь опор. Сара нервничала; все валилось у нее из рук. Негры почуяли грозу и притихли.

Сара не помнила такого долгого заката: казалось, солнце застыло на небе. Она не находила себе места и с трудом заставила себя опуститься в кресло-качалку и следить за подъездной аллеей.

День ото дня мысли о Темре, забота об имении занимали ее время и душу. Сара думала, что так будет всегда, но теперь ее охватило страшное подозрение, что когда-нибудь все будет разрушено, что из спокойной реки ее жизнь превратится в бурный и опасный водоворот.

Юджин и его приятели прибыли в имение, когда солнце почти зашло, красное зарево побледнело и стало нежно-розовым. Округу наполнял запах болотистой почвы, травы и сосновой хвои, а со стороны негритянского жилья тянуло дымком.

Чтобы не растерять запала, Юджин сразу направился в комнату Алана. Его поразил спокойный вид мулата и взбесила лежащая на кровати рас-

крытая книга.

Приятели Юджина, живущие по соседству молодые люди, столпились за его спиной и глазели на Алана, как на редкое и опасное животное. На их лицах застыло выражение омерзения и любопытства; почти каждый держал в руках кнут или заряженный револьвер.

Они могли только догадываться о том, что произошло, но это не имело значения. Для них это был удачный случай встряхнуться и немного развеять скуку однообразного существования.

— Я, — произнес Юджин, задыхаясь от нетерпения, — собираюсь повесить тебя без суда. Однако мне все же хочется услышать: ты понимаешь, за что?!

Разумеется, Алан все понял. Он вспомнил, как в последнюю встречу, когда они уже собирались возвращаться домой, Айрин обняла его и вновь потянула на траву, и как, отдаваясь ему, она тихо вскрикнула от восторга. Он подумал о ее судьбе, о ее будущем, о том, что ее могут вышвырнуть из Темры и ей будет некуда пойти.

Его голос прозвучал негромко, но внятно:

— Понимаю. Она не хотела. Это… это я.

— Замолчи! — прошипел Юджин и ударил его кулаком по лицу, а после сделал знак приятелям.

На шею Алана накинули веревку. Ему заломили руки, но он не сопротивлялся и дал себя связать.

— Куда его? — спросил один из молодых людей.

— В карцер. Я предлагаю немного передохнуть и выпить.

Приятели Юджина с готовностью согласились. Они отвели Алана в карцер, подгоняя пинками и тычками и распаляясь от собственных угроз.

Между тем Айрин, обнаружив, что она заперта, сперва звала Лилу, а потом — своих родственников. Сара, испуганная тем, что крики переполошат всю округу (по вечерам звуки были слышны за несколько миль), приблизилась к дверям и через силу заговорила с кузиной:

— Не кричи. Никто тебе не откроет.

— Почему меня заперли!

Сара помедлила, потом с отвращением произнесла:

— Потому что ты нас опозорила.

Айрин обо всем догадалась. По жилам побежал страх, сердце заколотилось и заныло. Внезапно к ней вернулись те ощущения, какие она испытывала в Ирландии, когда смерть косила ее родных и в жизни не было никакого просвета: невыносимый груз на плечах, а в груди — холодный и

твердый камень.

В объятиях Алана к ней пришло ощущение полноты жизни, ей казалось, будто она наконец очутилась на другой стороне земли, вдалеке от всех горестей и напастей.

Теперь все грозило рухнуть. Айрин чувствовала: если в переполненную чашу упадет еще хотя бы капля страдания, она будет не в силах это пережить.

— Ты не имеешь права держать меня под замком! Позови дядю! Я хочу с ним поговорить!

— Его нет дома.

Айрин отчаянно дергала дверь, потом принялась колотить ногами.

— Сара, открой! Все не так, как вы думаете. Не трогайте Алана!

Она и не думала отпираться в преступной связи, не пыталась свалить вину на своего любовника! Саре казалось, что Айрин пытается вывернуть ее душу наизнанку, выбить почву из-под ног, оскорбить сокровенные чувства.

— Ты развратная. А еще сумасшедшая. Завтра вернется отец и поговорит с тобой.

Айрин услышала удаляющийся стук каблуков. Она отошла от двери, потом бросилась к окну и распахнула его. Второй этаж. Высоко. Окно вы-

ходило на каменную террасу, по углам которой были расставлены большие кадки с пестрыми цветами.

Айрин сняла туфли, подобрала юбки и, не колеблясь, прыгнула. Серые плиты ринулись навстречу, и ее сознание будто раскололось от удара.

На мгновение Айрин лишилась чувств, а потом попыталась встать. Она видела кровь на камнях, у нее сильно болели разбитые руки, а правая нога неловко подгибалась.

Ее нашел Арчи. Он позвал Сару; повинуясь ее приказу, отнес Айрин в комнату и опустил на кровать, после чего ключ вновь повернулся в замке.

Айрин застонала, а после заплакала в голос, уныло, отчаянно, как плачут в смертельном горе, и звуки этого плача разнеслись по всем уголкам дома.

Не спрашивая ни у кого разрешения, быстрая как лань Лила побежала в сторону негритянского жилья — за Джейком.

— Мы сделаем это, когда стемнеет и взойдет луна. Я уже присмотрел хорошее место, — сказал Юджин, сидя вместе с приятелями на той самой террасе, откуда недавно унесли Айрин.

Когда Арчи обходил их с подносом, его руки

дрожали, хотя он прислуживал семейству О'Келли больше пятнадцати лет. Однако сегодня в его жизнь вошло то, чего прежде никогда не было. Ненависть, жестокость, самосуд. Впервые в жизни Арчи боялся белых господ, боялся поднять на них взгляд, вымолвить слово.

Пятна крови на плитах террасы, которые не успели убрать, казались очень яркими, они резали взгляд, но Юджин подчеркнуто не обращал на них внимания, ведь ночью должно было разыграться куда более кровавое действо!

Джейк, не раздумывая, последовал за Лилой, хотя далеко не все понял из ее сбивчивых объяснений. Одно было ясно: Айрин требовалась срочная помощь.

Свет понемногу убывал. Пейзаж был словно нарисован акварелью: нежные, спокойные, умиротворяющие краски. Но в этих мягких, розоватых сумерках таилось что-то обманчивое. Немного погодя Джейк понял, что. Издалека доносились крики опоссумов, но оттуда, где жили негры, не долетало ни единого звука. Там будто остановилась жизнь: не было слышно привычных гортанных голосов, бесконечных песен.

Джейк вспомнил, как Барт говорил: «Негры все чуют». Очевидно, сейчас они чуяли что-то очень

страшное.

Внезапно остановившись, он крепко обнял мулатку и сразу почувствовал, как воспрянула Лила: в нее словно влились новые силы. И тогда он безвозвратно осознал, что ни он, ни она не смогут жить без взаимной любви.

— Что же все-таки произошло? Почему мисс Айрин прыгнула из окна?

— Потому что белые господа хотят повесить Алана!

— Повесить Алана?!

— Это все Касси. Она проследила за ним и мисс Айрин и донесла мисс Саре, а та рассказала мистеру Юджину. Тот позвал молодых джентльменов, своих друзей, они заперли Алана в карцере. Арчи сказал, что они повесят его в лесу, когда взойдет луна.

— О нет! А мистер Уильям дома?

— Он в гостях. Вернется завтра.

Сад был погружен в тишину. Чугунные ворота выглядели тяжелыми и внушительными, а особняк казался призрачным, бледным.

На террасе шел оживленный разговор. Юджин и его приятели, разгоряченный выпитым и предстоящим кровавым развлечением, развалились в креслах, закинув ногу на ногу, и болтали. Вре-

менами разговор прерывался взрывами смеха.

— Мне кажется, повешенья будет мало, — заявил один из гостей.

— Если так, то мы станем пытать его, пока он не сдохнет, а после вздернем для устрашения остальных, — сказал Юджин.

— А твой отец не рассердится? Этот мулат дорого стоил?

— Вовсе нет. Да и сколько бы ни стоил! Он с самого начала вел себя отвратительно!

Его сосед кивнул.

— Я слышал про этого Беглеца. Красивый и сильный, однако его никто не хотел покупать.

— Послушай, Юджин, а что он все-таки сделал? Однажды я видел его на дороге с твоей… кузиной: они ехали верхом и разговаривали. Он держался с ней… непочтительно? — полюбопытствовал один из приятелей, и вся компания мигом обратилась в слух.

Юджин вспыхнул от досады.

— Неважно, что он сделал, — процедил он сквозь зубы, — я решил его убить и убью!

На террасе появился Джейк. Видя, что на него не обращают внимания, он негромко кашлянул, и тут же встретил недоуменный взгляд шести пар глаз.

— Что вам надо? — холодно проговорил Юджин. — Кто вас позвал?

— Я пришел, потому что узнал, что мисс Айрин нужна помощь.

— Она обойдется без вашей помощи.

— Не думаю, что мистер Уильям будет рад, когда найдет свою племянницу со сломанной ногой, стонущей от боли!

— Кто вам сказал, что она сломала ногу!

Джейк пожал плечами.

— По-моему, об этом уже известно всем, вплоть до последнего негритенка.

Юджин ответил красноречивым взглядом, однако не стал возражать.

Он позвал:

— Сара!

Появилась Сара, заплаканная, бледная как тень. Она была так сильно расстроена, что даже не взглянула на Джейка.

— Впусти мистера Китинга к Айрин. При этом стой рядом и следи, чтобы она не сбежала.

Сара медленно поднялась по лестнице впереди Джейка и остановилась возле дверей, ведущих в комнату Айрин. Встретившись с ней взглядом, он понял, что в ее жизни ничто и никогда не сможет стать прежним.

Джейк знал, что любая южанка тверда в своих принципах, как алмаз, и горда, как коронованная особа. Она всегда следует установленным порядкам и придерживается определенной иерархии ценностей: ее душа, как и ее спина, затянуты в тугой корсет.

И все же для того, чтобы разрушить ее мир, превратить упорядоченную жизнь в хаос, достаточно самой малости.

Не зная, что ей сказать, Джейк ограничился тем, что заметил:

— Мисс Сара, будет лучше, если вы подождете снаружи.

Айрин сидела на краю кровати, и ее профиль казался тонким и бледным, как ранний месяц. Когда Джейк вошел, она повернула голову и смотрела на него горестным взглядом, в глубине которого прятался лихорадочный блеск.

— Джейк, спасите Алана!

— Мисс Айрин, я потеряю место.

Она уронила голову.

— Больше мне некого попросить. Если вы не согласитесь помочь, Алана повесят.

Однажды Джейк присутствовал при повешении. Он помнил противный скрип веревки, судороги жертвы, обмякшее тело, медленно рас-

качивающееся в лунном свете. А еще — лицо человека, в котором не осталось ничего человеческого.

Он знал, что эта пара перешла все границы, но имел ли он право их осуждать?

— Хорошо, я попробую.

Бледное лицо Айрин озарила тень улыбки.

— Вот сто долларов, их дал мне дядя. А еще возьмите в конюшне Донна.

— Если получится.

— Пешком ему не уйти.

— Я постараюсь. А теперь, если позволите, я осмотрю вашу ногу.

Она молча ждала, и было видно, что ей глубоко безразлична физическая боль. Ей было не занимать терпения, ведь она страдала почти всю свою жизнь.

— Сильный вывих, но перелома нет. И все же вы некоторое время не сможете ходить.

Джейк вправил вывих, туго перевязал ногу Айрин, взял деньги и поспешил уйти.

Обратно он почти бежал, то и дело поглядывая на небо цвета дешевой бумаги. Надо было успеть до наступления темноты, до того времени, как Юджин и его компания решат приступить к задуманному. А еще он не знал, есть ли второй

ключ от карцера. Без ключа обитую железом дверь с мощным замком не откроет ни он, ни кто другой.

Джейк добежал до своего жилья и, задыхаясь, произнес с порога:

— Где ключ от карцера?!

— Я отдал его мистеру Юджину, — ответил Барт.

— У тебя есть запасной?

— Допустим. А что?

— Дай его мне. Я выпущу Алана. Пока не поздно, он должен бежать.

Узкие черные глаза Барта смотрели в округлившиеся серые глаза Джейка.

— Меня завтра же выгонят вон!

— Я скажу, что стянул у тебя ключ, когда ты спал.

Барт медлил, и тогда Джейк тихо сказал:

— Неужели ты хочешь, чтобы этого парня повесили?!

— Он сам виноват. Думал бы, прежде чем дотрагиваться до белой женщины!

— Откуда тебе известно?

— Негры знают, — усмехнулся Барт, — а я читаю в их душах.

— Мы не понимаем, как и почему это случи-

лось, — твердо произнес Джейк, — но только мисс Айрин очень просила его спасти. Она сказала, чтобы мы взяли ее лошадь. А еще дала мне сто долларов.

— Она сумасшедшая!

Джейк пожал плечами.

— Наверное, это любовь. Ты когда-нибудь любил?

— Нет.

— Значит, не нам судить.

Барт долго молчал, потом тяжело промолвил:

— Ладно, иди открой карцер, а я пойду в конюшню.

— Осторожнее, там негры. Как бы не доложили мистеру Юджину!

— Негры? Эти негры у меня вот где! — Барт показал кулак. — Дадут любую лошадь и будут молчать.

Джейк бросился к карцеру. Стремительно темнело, скоро взойдет луна. Из грязно-желтого небо сделалось свинцово-серым, деревья казались черными и мертвыми. Дул пронизывающий ветер.

Джейк возился с замком, и его пальцы дрожали. Он почти видел, как Юджин с приятелями налетают сзади и оттаскивают его от двери. Но когда ему удалось повернуть ключ и войти внутрь,

вокруг все еще было тихо.

— Алан! Это я, Джейк. Тебе надо бежать. Вот деньги, а Барт приведет коня. Сейчас я разрежу веревки!

Алан поднялся с соломы. Он смотрел с несвойственным ему выражением нерешительности и обреченности, и Джейк добавил:

— Ты бежал не раз и знаешь, где можно нарваться на патруль.

— А как же… мисс Айрин?!

— Вдвоем вам не удастся уйти. К тому же, в отличие от тебя, ей не грозит смерть.

Появился Барт с лошадью. Он протянул Алану бутыль и сказал:

— Хлебни. Это придаст тебе сил.

Алан сделал пару глотков. Потом вскочил на коня и разобрал поводья.

— Правь на север, там железная дорога. Если что, бросай коня и прыгай в поезд, — сказал Джейк.

Он вновь подумал о «тайной дороге», по слухам, начинавшейся прямо с хлопковых плантаций и пересекавшей всю страну — с Юга до Севера. Говорили, что после пересечения реки Огайо беглецы могли быть уверены в том, что им удастся добраться до Канады.

Алан пустил коня вскачь, и огромная луна мчалась за ним. Кругом было призрачно красиво, будто во сне: белые от лунного света поля, невысокие темные холмы, река, сверкающая искрами так, будто в нее упали звезды. Ветер плавно колыхал темную листву; трава ложилась под ним, подобно волнам прохладного шелка. Она что-то шептала, переливаясь ночной росой.

Когда вдали мелькали огни человеческого жилья, Алан вздрагивал и тут же сворачивал в сторону, а когда услышал вдали мощные громыхающие звуки, то едва не сошел с ума.

Он знал, что в негритянских душах всегда живет страх, первобытный страх перед человеческой властью и силой природной стихии, и считал, что избавление от этого страха есть первый признак цивилизованности. И потому направил коня вперед.

Это был поезд; черная громада катила, извергая дым, шлейф которого тянулся вдоль половины состава. Беглеца обдало воздушной волной; в ноздри бил запах гари. Поезд ехал на Север, и Алан увидел в этом свое спасение.

Он направил коня вдоль состава, лихорадочно высматривая, нельзя ли куда-то запрыгнуть. Наконец он увидел открытую дверь и сделал

рывок, уповая на везение, судьбу и сто долларов, которые лежали в кармане.

Он был оглушен и в первые мгновения ничего не слышал, зато увидел множество глаз, которые смотрели на него: одни равнодушно, некоторые — с любопытством, а иные — враждебно. В вагоне стоял запах пота, сена, нестиранной шерсти, дрянного виски и дешевого табака.

В поезде, куда ему удалось заскочить, ехали эмигранты, в основном ирландцы, отчаявшиеся найти работу в южных городах. Они постоянно пересекали страну с Юга на Север и с Востока на Запад. Существовали даже отдельные эмигрантские поезда и вагоны.

Алан знал о том, что белые бедняки не любят рабов. В вагоне было темно, и он надеялся, что пассажиры не заменят, что в нем есть негритянская кровь.

Сделав шаг вперед, он тихо приветствовал их; при этом не стал снимать шляпу, напротив, надвинул ее на глаза.

— Откуда ты взялся? Мы не звали тебя в компанию! — развязно произнес какой-то мужчина.

— Это точно! — рассмеялся другой. — Прыгай назад!

— Если появится кондуктор и узнает, что у

тебя нет билета, все равно придется убираться отсюда.

— Я куплю билет. Я могу заплатить.

— Он купит! Слышали? Ишь какой прыткий!

— Ладно, — примирительно произнес кто-то, — чего вы набросились? Верно, у него была причина забираться к нам на ходу и рисковать своей шеей! Дайте-ка ему глоток, пусть успокоится. Садись!

Алан опустился на солому. Внезапно на него накатила такая слабость, что он сразу понял: если его надумают выбросить из поезда, он не сможет сопротивляться и полетит под откос, точно куль с тряпьем.

Кто-то сунул ему в руку бутылку.

— Пей.

Алан сделал глоток, и его горло и легкие опалило огнем, а на глазах выступили слезы.

— Как тебя зовут?

— Алан.

— От кого и куда бежишь?

Алан медлил, не зная, что сказать, в это время один из мужчин зажег керосиновую лампу, оглядел его с головы до ног, а потом посветил в лицо.

— А парень-то, — сказал он, — *не наш!*

Алан зажмурился. Так было и будет: нигде и никогда его не примут за своего. На доли секунды

ему стало все равно, что с ним сделают эти или другие люди. Между тем к нему потянулись руки, схватили поперек туловища и поволокли к зиявшему проему.

Когда Алан открыл глаза, перед взором мелькали стволы деревьев, а потом появилось лицо Айрин: в ее глазах под резко надломленными бровями застыло выражение напряженного ожидания.

Он всегда старался обнять ее так, чтобы она почувствовала: он хочет защитить ее от всех ветров, мечтает, чтобы ее израненная душа постепенно зажила, и она наконец почувствовала себя счастливой. Он знал: она готова отдать все на свете, лишь бы остаться с ним. А теперь он глупо погибнет, и Айрин никогда не узнает, что с ним случилось, навсегда потеряется в этом жестоком мире.

Он из последних сил вцепился в дверную перекладину и выпалил:

— Отпустите меня! Я сам прыгну! Мне грозила смерть, так что хуже уже не будет! Лучше сгинуть под колесами поезда, чем позорно болтаться на веревке!

Он ни на что не надеялся, но случилось чудо: от него отступили, и он понял, что ему не придется

прыгать. Как ни были озлоблены эти люди, они не стали трогать того, кто находился на грани такого отчаяния, что утратил страх смерти.

— Ты совершил преступление? — спокойно произнес кто-то.

— Нет. Я всего лишь мечтал очутиться там, где смогу забыть о кошмарах рабства!

— И ради этого рисковать своей жизнью?

— Вам меня не понять, — выдавил Алан, — вы свободные люди.

Человек расхохотался.

— Глупые негры! Бежать от жратвы и работы! Я бы с радостью продался в рабство, лишь бы мне дали в руки мотыгу и сунули под нос миску с едой!

— Оставьте его! — раздраженно произнес другой. — В чем-то доля цветных похожа на нашу. «Америка для американцев», но не для нас и не для них!

Больше никто ничего не сказал. Алан опустился на солому рядом с грубоватыми небритыми людьми в потертых куртках, штанах с продранными коленями, в картузах, надвинутых на лоб так, чтобы скрыть жесткий блеск в запавших глазах.

Постепенно он расслабился, задремал, и ему чудилось, будто он уезжает все дальше от неволи

и смерти, что впереди его ждет новая жизнь, в которой будет все, о чем он мечтал.

Алан проснулся от того, что его бесцеремонно трясли за плечо.

— Эй, парень! Сюда идет проверка, сейчас они в соседнем вагоне.

Алан не стад уточнять, кто это — кондуктор или патруль. Главное, поезд еще не пересек границу северных штатов, и ему могло не поздоровиться.

— Значит, — сказал он, — все же придется прыгать.

Поезд медленно скользил мимо каких-то полей, вдоль рельсов тянулись овраги.

— Погоди, — остановил его сосед, — похоже, сейчас будет станция.

Он оказался прав: вскоре состав дернулся и остановился. Алан осторожно выглянул наружу. Он увидел кучку каких-то строений, но людей не было видно.

Он собирался спуститься вниз, когда сосед сказал:

— Не беги. Тебя могут заметить. Встань у стенки вагона и подожди. Потом залезешь обратно.

Алан спрыгнул на землю, успев бросить взгляд на пассажиров: они незаметно, но зорко следили за ним. Они смотрели так, будто у него на лбу

было отпечатано клеймо, словно он пытался залезть в чуждое тело и жить не своей жизнью. У этих людей было одно лицо на всех, и это лицо выражало скрытую враждебность. Они не трогали его, пока он не причинял им беспокойства, но сейчас могли выдать.

Алан прислонился к стенке вагона. Он был готов броситься сломя голову через поля и все же не двигался. В его зрачках отражался тусклый утренний свет, а на лице было выражение узника, смотрящего на мир сквозь решетку темницы.

Ощущение близости свободы ушло, его терзали нерешительность и страх. Прошли долгие минуты, и он услышал:

— Они ушли. Давай полезай в вагон!

Алан сошел с поезда перед пересечением узкоколейки с крупной железнодорожной магистралью. Он не стал благодарить случайных попутчиков словами, лишь коротко поклонился, а они, в свою очередь, не стали желать ему удачи, ибо мало кто из них в нее верил.

Он долго шел по полям, стараясь держаться близ оврагов, в которых в случае опасности надеялся схорониться. Стояла пасмурная погода: над головой проносились косматые черные облака. Алана терзал голод; к счастью, на пути то и дело

попадались ручьи, и он хотя бы не страдал от жажды.

На полях выжигали остатки жнивья, и он видел белесый дым, но ни разу не встретил людей. Он не был уверен в том, что движется в правильном направлении, и его мучило предчувствие неотвратимой беды. Случайный каприз судьбы — и все пойдет прахом! Конечно, вдали от прежнего места обитания он мог молчать, откуда сбежал, но в этом случае его могли и убить…

Как ни странно, его задержали не днем, а ночью, когда он, обессиленный дневным переходом, спал под черным небом с мертвенно-бледной дырой луны.

Неизвестные пнули Алана, а когда он открыл глаза и попытался вскочить, навалились на него, прижимая к земле.

— Чей ты? Откуда сбежал?

— Я свободный! — выкрикнул Алан.

— Врет! Сразу видно, что беглый!

Они не стали медлить и ударили его камнем, острый угол которого рассек кожу на лбу: по лицу Алана заструилась липкая кровь.

— Разведем костер и подпалим его — сразу расскажет правду!

— Не надо, — остановил кто-то, — он светло-

кожий; небось, дорогой раб. Если попортим ему шкуру, можем не получить награды.

Ему связали руки и заставили идти по дороге. Это были всего лишь юнцы из ближайшей деревни, но их было шестеро, а Алан слишком измучился и устал.

Каждый шаг давался ему с трудом. Его переполняла боль, но не физическая, а то, что зовется болью унижения. Это была, пожалуй, единственная боль на свете, которую он не мог вынести.

Алан не сразу понял, что произошло, когда услышал гулкий звук, который эхом пронесся над головой, распугал птиц и постепенно затих, вибрируя на ветру, а один из парней резко вскрикнул и согнулся пополам.

— Оставьте связанного, забирайте раненого и ступайте прочь! — прозвучало из-за деревьев.

У двух парней имелись ружья, но преимущество было на стороне тех, кто скрывался в лесу.

Алан не заметил, как остался один на дороге. Кровь продолжала сочиться из раны, заливая глаза, попадая в рот. Он ощущал невероятную слабость и тошноту и с трудом поднялся на ноги.

Когда лезвие кинжала решительно разрубило веревку, которой были связаны его руки, он вытер кровь с глаз и посмотрел на тех, кто его спас.

Один из них был чернокожим мужчиной, другой… Длинная шея, светло-коричневая кожа, изящно изогнутые контуры тела, которые не могла скрыть простая одежда, идеальные выпуклости грудей.

Когда их взгляды встретились, Алан понял, что глаза этой женщины отличаются от миллиона других глаз: в них был ум, решимость и сила.

— Меня зовут Хейзел Паркер, — сказала она, протягивая руку.

— Алан Клеменс.

— Не будем терять времени, Алан. Эти люди скоро вернутся и станут нас искать.

В лесу их поджидала кучка испуганных негров, среди которых была молоденькая женщина с ребенком на спине.

Спутник Хейзел без слов протянул Алану фляжку с водой, тогда как мулатка развязала мешок.

— Сейчас я перевяжу твою рану. И ты, наверное, хочешь есть?

Негры смотрели голодными глазами, и Хейзел раздала им по *куску* копченой свиной шейки и по половинке кукурузной лепешки.

После еды негры обхватили руками колени и раскачивались взад и вперед, тогда как их губы что-то шептали. В это время прохладные уве-

ренные руки Хейзел накладывали на лоб Алана чистую повязку.

Как бы он ни был измучен, все же нашел в себе силы спросить:

— Кто ты?

Почему-то он сразу почувствовал, что с ней будет легко говорить о любых вещах.

— Кондуктор «дороги». Льюис — мой помощник в этом рейсе. Наша цель — граница с Канадой.

— Я тоже шел туда.

— Один ты едва ли сумел бы до нее добраться. На границе северных штатов местные жители охотятся на беглых рабов, как лисы на кроликов, ибо это последняя возможность получить за них награду.

Алан не удержался от вопроса:

— Спасая меня, ты рисковала жизнями других беглых рабов. Да и сейчас рискуешь. Зачем?

По ее губам скользнула усмешка.

— Ты прав. Одно из наших правил: не ставить на карту жизнь многих ради спасения одного.

— Тогда зачем? — повторил он.

Хейзел небрежно пожала плечами, погладила ружье и ничего не ответила.

Они двинулись через лес и вскоре вышли к деревушке, прилепившейся на склоне холма в

окружении маленьких огородов и кукурузных полей.

Слегка пригнувшись, Хейзел быстро направилась к крайнему дому. Остальные двинулись за ней.

Дом был старый, будто покрытый черными струпьями. Его окружала ограда из кольев, напоминавших расшатанные зубы. Однако в нем кто-то жил: Алан увидел на пороге бедно одетую белую женщину, которая смотрела на них, приставив руку ко лбу.

— Это снова мы, Дороти, — сказала Хейзел. — Подобрали еще одного, и, похоже, теперь нас будут искать. Нам надо запутать следы, а лучше — отсидеться до ночи.

Женщина не удивилась. У нее было самое обыкновенное лицо, которое нельзя было назвать ни привлекательным, ни приветливым, ни добрым, однако ее голос прозвучал спокойно и твердо:

— Проходите в дом и спускайтесь вниз.

Внутри было бедно: некрашеный деревянный пол, вместо стекол — промасленная бумага, из мебели — громоздкий буфет, стол, покрытая стеганым одеялом кровать и три стула.

Алан увидел на столе кукурузный хлеб и несколько луковиц, а в углу — кучу сухих по-

чатков.

Из другого угла с любопытством, но без страха смотрел белоголовый мальчик; посреди комнаты висела грубо сколоченная люлька, в которой спал спеленатый младенец.

Дыра в полу, прикрытая облезлым плетеным ковриком, вела в некое подобие подвала. Алан удивился: по его мнению, в первую очередь беглецов станут искать именно в таких укромных местах.

Ребенок за спиной у негритянки захныкал, а потом разразился тоненьким плачем.

— Нас могут услышать, — сказала Хейзел.

Дороти без слов взяла у негритянки младенца, тщательно завернула его в тряпки и положила в люльку рядом со своим ребенком.

Алан был поражен: в этом затерянном среди лесов, почти непригодном для житья месте, где едва ли можно питать даже робкую надежду на счастье, находились люди, сохранившие в душе нечто такое, во что он уже не верил.

Подвал был похож на шкатулку с двойным дном: за стеной с полками, на которых хранились скудные припасы, скрывалось дополнительное пространство, куда они кое-как протиснулись и уселись в ряд.

Когда Хейзел взяла Алана за руку и потянула за собой, он почувствовал, что именно она сможет стать его проводником в новую жизнь.

— Почему эта белая женщина нам помогает? Она очень бедна, и у нее ничего нет, — прошептал он.

— Наверное, потому, что у нее ничего нет, — Хейзел ответила отголоском его фразы.

— Ты говорила, здешние люди охотятся на беглых рабов?

— Иные охотятся, а другие выручают. Разве тебе неизвестно, что большое зло нередко соседствует с непостижимым добром?

Сидя в темном и тесном пространстве, похожем на могилу, Алан вспоминал рассказ Айрин о ее путешествии через океан. Она плыла в огромном «гробу» через тяжелые темные воды, веря в то, что есть врата, способные вывести в мир, существовавший за пределами мрака, врата, способные раскрыться перед тем, кто окончательно опустошен и отчаялся.

Алан не верил в чудеса и все-таки представлял, как когда-нибудь они вновь заключат друг друга в объятия. Эти мысли хотя бы немного отвлекали от страха и заглушали боль, которая пульсировала в ране при каждом биении сердца.

Наверху топали ногами люди. Было слышно, как кто-то спустился в подвал и осветил стены.

Хейзел была напряжена, как струна. Позднее она рассказывала, что, случалось, негры не выдерживали и выдавали себя: вскакивали, начинали голосить, словом, вели себя так, будто их одурманили злые духи. Когда белые находили их, выволакивали наружу и набрасывали на шею веревку, они успокаивались, затихали, будто грядущая смерть была их спасением.

В те минуты Алан впервые понял, насколько сам был близок к тому, чтобы сдаться.

Перистые облака отливали нежным светом, в зените кружились ласточки. Шустрые сойки вели бесконечный разговор в зарослях магнолий, над пышными клумбами гудели пчелы.

Хотя Темра понемногу пробуждалась от оцепенения, возвращаясь к нормальной жизни, многое изменилось.

Когда домашние слуги садились за стол, наступала непривычная тишина. Между неграми было установлено молчаливое соглашение: отныне Касси — вне «кухонного общества». При ней — никаких разговоров и — не дай Бог! — обсуждения того, что творилось в господском доме. Возможно, Алан поступил нехорошо, однако все же лучше,

чем Касси. Плохо нарушать правила касты, но еще хуже — идти против законов совести.

Юджин пребывал в бешенстве. Он набросился обвинениями на старшего надсмотрщика, у которого был второй ключ от карцера, а когда Джейкоб Китинг признался в том, что это он, а не Барт выпустил Алана, велел ему немедленно убираться из Темры. Однако Джейк сказал, что дождется мистера Уильяма, потому что именно тот нанял его на работу.

Юджину и его приятелям не удалось догнать Алана, несмотря на то, что они подняли на ноги и взяли в подмогу патруль. Юджин считал, что надо поместить в газетах объявления о поимке Алана и объявить его вне закона.

Сара лежала в постели. Едва ли не впервые в жизни она не вскакивала ни свет ни заря, дабы заняться делами имения.

На Темру, прекрасную благородную Темру, легло несмываемое клеймо. Их поместье больше не сможет служить примером для всей округи. Рано или поздно слухи о случившемся просочатся во все дома, и ей, Саре О'Келли, до конца жизни придется терпеть тайные вздохи, жаркие перешептывания и косые взгляды.

По возвращении мистер Уильям выслушал

сына с гробовым молчанием. Он отправился в комнату Айрин и, вернувшись оттуда, попросил лекарство от сердца. Потом велел прислать к себе Джейка и Барта.

Джейк сразу сказал:

— Во всем виноват я один. Я взял ключ, пока мой сосед спал. Я понимаю, что должен взять расчет, но решил дождаться вас.

— Почему вы это сделали? — спросил мистер Уильям.

Он выглядел если не сломленным, то заметно сдавшим: со вчерашнего дня он, казалось, постарел на десяток лет.

Джейк молчал, не зная, что сказать.

— Я говорил с племянницей, и она рассказала мне о том, что произошло. Так что будет лучше, если вы ответите правду, — заметил хозяин.

— Мисс Айрин просила меня помочь Алану, потому что ему грозила смерть. Я сделал это ради них двоих.

— Вы знали о том, что происходит между ними?

— Не знал и даже не мог предположить!

Мистер Уильям сделал долгую паузу, после чего спросил:

— Вам известно, сколько стоит этот раб?

Джейк пожал плечами.

— Боюсь, что нет, сэр.

— В другом графстве мы продали бы его за полторы тысячи долларов, но здесь, в Южной Каролине, за него не дадут и двухсот. Я распоряжусь вычитать из вашего жалования доллар. Если мулата не поймают, вы вернете мне его стоимость. Таким образом, вы должны остаться в Темре еще самое малое на три месяца.

Джейк поклонился.

— Хорошо, сэр.

— Идите. Больше мне нечего вам сказать.

— Плевать я хотел на эти объяснения! — внезапно вмешался Барт. — Никто бы не смог вытащить у меня ключ, даже если б я был мертв! Что касается правых и виноватых, это вам, сэр, следовало бы получше разбираться в том, что творится у вас под носом! В конце концов, это ваша семья!

Мистер Уильям окаменел. Джейк посмотрел на Барта, закусившего удила, и решил поддержать его:

— Я вырос в Новом Орлеане, где случаются браки между цветными мужчинами и белыми женщинами. Разумеется, в том случае, если первые — свободные люди. Согласитесь, Алан оказался рабом по чистому недоразумению. Да, они

с мисс Айрин вступили в некие недозволенные отношения, однако я не назвал бы это развратом. Она родилась за океаном, в простой семье, и ей чужды взгляды, которые царят в вашей среде.

Уильям продолжал молчать. Из его головы не выходили слова сына: «Возможно, я допустил ошибку и действовал сгоряча. Но кто бы на моем месте поступил иначе! Клянусь, столь омерзительной истории не случалось ни в одном из штатов Юга! Мы упустили мулата, но я не могу понять, почему ты отказываешься выгнать из дому Айрин! Сперва я решил, что этот раб ее изнасиловал, но теперь верю, что все было так, как говорит твоя драгоценная племянница. Что мы знаем о ее прошлом? Как ей удалось добраться до Темры, не имея ни гроша за душой? Я слышал об ирландках, которые торговали собой в портах и Ливерпуля, и Нью-Йорка! Сдается, эта перещеголяла всех! Плохо, когда женщина отдается мужчине до брака, отвратительно, когда она торгует собой, но лечь с цветным?! Из-за этой шлюхи наше имя покроется позором, мы лишимся общества, а Сара будет вынуждена остаться старой девой!»

Разговор с Айрин ошеломил Уильяма. Ни капли не таясь, она призналась, что они с Аланом полюбили друг друга и, если б была такая возможность,

вступили бы в брак! Все его возражения и доводы разбились об ее уверенность и упрямство, словно волны о камень. Уильям понимал, что не сможет выставить племянницу за порог, но что делать с ней дальше, он тоже не знал.

— Что ж, — сказал он, обращаясь к Барту, — если вы тоже в этом участвовали, тогда возместите мне ущерб пополам с мистером Китингом.

Когда молодые люди вышли из кабинета, Джейк протянул Барту руку.

— Ты настоящий друг. Пусть это не поможет ни Алану, ни мисс Айрин, однако пусть мистер Уильям знает, что мы видим эту историю в ином свете и сочувствуем им.

Барт рассмеялся и нахлобучил потрепанную шляпу с широкими полями.

— Да ну? Голову даю на отсечение: когда ты впервые меня увидел, то сказал себе: «Уж с этим-то типом я никогда не смогу подружиться!».

Глава 10

Минуло четыре месяца. Алана не поймали, хотя, вероятно, не переставали искать.

Айрин сама видела объявление в одной из свежих газет, которые Арчи складывал на столике в гостиной: «Из имения Темра (Южная Каролина) сбежал раб по имени Алан (владелец мистер Уильям О'Келли). Приметы: возраст двадцать лет, рост около шести футов; стройный. Особые приметы: светлая кожа, хорошие манеры, грамотная речь. Предлагается объявить о местонахождении или задержать и привести к хозяину за вознаграждение в размере двадцати и пятидесяти долларов соответственно».

Все, что можно было сказать о ее любимом, уместилось в нескольких сухих строках. В ее сердце сохранилось гораздо больше.

От него не было никаких вестей. Айрин понимала, что Алан не может себя обнаружить, что он должен соблюдать осторожность, и все же ее не покидала тревога.

Ее отец, Брайан О'Келли, и его приятели выходили в море на утлых суденышках. В холодную погоду они надевали шерстяную одежду, кото-

рую связали их жены и дочери. Каждая женщина вывязывала свой собственный узор. Кто-то предпочитал «пчелиный улей», другие «рыбачью сеть», третьи — «древо жизни». Это делалось не для красоты, а для того, чтобы опознать рыбака, если он вдруг погибнет в море и тело найдут через много дней.

А как отыскать человека — даже если он жив! — среди необъятной людской стихии?!

Айрин много времени проводила с Лилой и старалась не сталкиваться с Сарой, которая шарахалась от нее, точно от прокаженной, с Юджином, при виде нее щелкающем зубами, будто бешеный пес, и даже с дядей, который с некоторых пор просто терпел ее в доме.

Она взяла книги, которыми интересовался Алан, и прочла их от корки до корки. Ей казалось, что таким образом она сумеет постичь его мысли, прикоснуться к его душе.

Случалось, она целыми днями в одиночестве бродила по имению, предаваясь воспоминаниям.

Одним из поздних вечеров им с Аланом удалось встретиться за пределами усадьбы. В те минуты в ее жизни не было ничего, кроме пустых черных небес с редкими звездами, далекого крика ноч-

ных птиц, биения собственного сердца, близкого дыхания Алана и ощущения того, что он проникает не только в ее тело, но и в ее душу. Как жаль, что их счастье было таким коротким и от него не осталось ничего, кроме памяти и надежды.

Однажды на одной из тропинок, ведущих к негритянскому жилью, Айрин столкнулась с Джейком Китингом. Лила говорила, что после истории с Аланом Джейк словно разрешил все сомнения. Он утверждал, что со временем выкупит ее и увезет в Новый Орлеан, где к цветным относятся намного лучше, чем в Южной Каролине.

Джейк заметил, что она похудела. Ее шея стала почти такой же тонкой, какой была в тот день, когда он впервые ее увидел. Однако грудь налилась и выпирала под платьем. Ее тело казалось хрупким, и вместе с тем в нем будто поселилась неведомая тяжесть. Выражение глаз Айрин тоже стало другим, неподвижным, глубоким, словно она смотрела не на внешний мир, а в себя.

Они поздоровались и вместе пошли по тропинке.

— Я давно хочу попросить у вас прощения за то, что доставила вам неприятности, — сказала Айрин.

— Вам не за что извиняться. Благодаря этой

истории я сумел избавиться от некоторых иллюзий.

— Разве это хорошо?

— Иногда это приносит пользу, — заметил Джейк.

— Вы правы. Если б я была уверена в том, что Алан жив и что он на свободе, я чувствовала бы себя счастливой, даже если б знала, что мы никогда не увидимся. Но я ни в чем не уверена и ничего не знаю.

— Вы обязательно встретитесь, мисс Айрин. Судьба не бывает такой жестокой, — сказал он, желая подбодрить ее, но при этом не веря в свои слова.

Она сжала пальцы.

— О нет, я знаю, какой она может быть!

— Вы похудели, — заметил Джейк.

Айрин улыбнулась призрачной улыбкой.

— Я почти ничего не ем. Кто бы сказал мне раньше, что наступят времена, когда я не захочу даже думать о еде!

Джейк задумался. Потом предложил:

— Давайте ненадолго зайдем ко мне. Барт на работе.

Я хочу поговорить с вами не как друг, а как врач.

— Вы думаете, я больна?

— Посмотрим, — уклончиво произнес он, хотя ответ вертелся на языке.

Когда они вошли в дом, Джейк усадил ее на стул и задал несколько вопросов. Потом расправил покрывало на своей постели и предложил лечь. Она слегка напряглась, когда он осторожно провел руками по ее бедрам. Джейк помрачнел. У нее был узкий таз, и он сразу подумал, что ее ждут трудные роды, особенно если плод окажется крупным.

— Так что со мной? — спросила Айрин, глядя на него снизу вверх.

Он понятия не имел, надо ли ее подготавливать, огорчится ли она или обрадуется сверх всякой меры, ибо еще не сталкивался с таким случаем: свободная белая женщина забеременела от цветного раба!

— Вы ждете ребенка.

На мгновение в ее мире наступила полная тишина. Джейк подождал, пока она вдоволь наслушается себя, потом осторожно сказал:

— Надо подумать, как к этому отнесется ваш дядя.

— Тут не о чем думать; главное, что это значит для меня! — промолвила Айрин и положила руку

на живот.

На смену ощущению жестокой потери пришло сладкое ожидание грядущего обладания. Айрин казалось, что перед ней внезапно рухнула стена, и она увидела горизонты будущего. Надежды были, как половодье, они затопили ее душу до самых краев.

Она казалась отстраненной и тихой, исполненной нежности к неведомому, еще не родившемуся существу. Полуопущенные веки, слегка разомкнутые губы, глубокое и ровное дыхание.

Джейк подумал, что она не понимает, что ее ждет. Теперь ей понадобятся мужество и храбрость иного рода, чем те, что помогали ей раньше.

— Вы расскажете дяде?

— Почему нет? Неважно, как он это воспримет. Я буду думать только о себе и о ребенке. Я давно не видела ничего красивого; быть может, потому, что не хотела видеть? Мне нужны новые вещи. И я хочу побывать в церкви, посмотреть на зажженные свечи! Послушать службу. Дядя может отвезти меня в Чарльстон; он ведь тоже католик.

Айрин говорила лихорадочно, возбужденно, горячо, и Джейку почудилось, будто ею владеет не только радость, но и страх. Страх перед тем,

что ее будет некому защитить.

Она в самом деле очень быстро призналась дяде; как подозревал Джейк, не потому, что не могла держать эту весть в себе, а оттого, что ей не терпелось узнать, что ее ждет.

На сей раз мистер Уильям был мрачнее тучи. Он не стал ни порицать, ни утешать Айрин и только сказал, что ему придется сообщить эту новость своим детям.

Уильям предвидел череду бесконечных разрушительных неприятностей. Им придется поплатиться положением в местном обществе. Юджин прав: теперь не только Айрин, но и Сара никогда не сможет выйти замуж. Друзья и соседи перестанут посещать Темру. Отказы последуют один за другим — под благовидными предлогами, хотя на самом деле всем будет известно об истинных причинах. Надежные люди из числа белых не захотят им служить. Доходы тоже могут пострадать.

— Прогони ее отсюда, пока не поздно! — сходу заявил Юджин. — Пусть убирается вместе с цветным младенцем в животе. Скажи, что ты не желаешь ее знать, что она нам никто! Быть может, нам еще удастся замять эту историю.

— Я не могу выгнать ее из дому, потому что

она дочь моего брата и потому, что ей некуда идти, — в тысячный раз повторил Уильям и, не сдержавшись, признался: — Хотя я не в силах понять, как девушка, близкая нам по крови, сумела заварить такую чудовищную кашу!

— Она нам чужая, отец! — вскричал Юджин. — Почему ты не хочешь это признать!

— Надо спрятать ее до родов, — вздохнул отец, игнорируя реплику сына, — чтобы ее не видела ни одна живая душа. Потом мы увезем отсюда ребенка, а ей скажем, что он заболел и умер.

— Нельзя сделать так, чтобы этот ребенок вообще не появлялся на свет?

— Это против религии, — укоризненно произнес Уильям, бросив тревожный взгляд на смущенную дочь.

— А то, что она совершила, — не против религии?! — вскипел Юджин. — Даже священники утверждают, что Господу никогда не пришло бы на ум вложить душу белого человека в тело, в котором течет хотя бы капля африканской крови! Надеюсь, все понимают, *что* она родит!

— Я уже сказал, что намерен сделать с ребенком, — отрезал Уильям.

— А как заставить негров молчать?!

— Никак. Рано или поздно все узнают, — на-

рушила свое молчание Сара. — Такое нельзя утаить.

Она выглядела потерянной, поникшей. Лицо окаменело, взгляд потух. Отныне в Темре никогда не наступит покой, из нее не уйдет вражда, ее обитателям всегда придется быть начеку!

— За какие прегрешения Бог послал нашей семье эту тварь! — в сердцах вскричал Юджин.

Уильям О'Келли ничего не ответил. Кажется, впервые в жизни он чувствовал, что находится в тупике.

Прошло несколько месяцев. Объявления о бегстве Алана исчезли из газет. Полосы пестрели сообщениями о выходе из Союза одиннадцати штатов и об образовании Конфедерации. Назревала война. Аграрный Юг с его рабовладением и промышленный Север, который использовал наемный труд, были готовы сцепиться друг с другом не на жизнь, а на смерть. Всюду шли разговоры о высоких налогах, о том, что Север душит Юг и не дает ему свободно торговать.

Все это хотя бы немного помогало мужчинам семейства О'Келли отвлечься от мыслей о том неминуемом событии, что назревало в их семье. Куда сложнее приходилось Саре.

Она никогда не думала, что будет вынуждена

смотреть на жизнь новыми глазами и пытаться облечь свою душу в броню. Она ненавидела Айрин, которая невольно отняла у нее беззаботную юность и в определенной степени — будущее.

Видя страдания Сары, отец и Юджин старались убедить ее в том, что рано или поздно Айрин со своим незаконнорожденным ребенком, плодом преступной связи, превратится в страшное воспоминание. Но пока Сара была вынуждена терпеть кузину с ее растущим животом и странной улыбкой на бледных губах, улыбкой, в которой виднелся отсвет счастья.

Из-за этого у Сары создавалось ощущение, будто она проиграла битву на своем собственном поле.

Уильям запретил Айрин покидать пределы усадьбы, но она ничуть не расстроилась, к тому же это ничего не меняло. Домашняя челядь вовсю судачила за спинами хозяев, и на всей плантации (и на соседних плантациях) не осталось негра, который не был бы наслышан об этой скандальной истории. Разумеется, некоторые рабы передавали слухи своим хозяевам, а уж те решали, верить или не верить.

Очевидно, многие поверили, потому что постепенно и мистер Уильям, и Юджин начали ощущать натянутость в общении с соседями.

Несколько раз их забывали куда-то пригласить, а однажды, когда хозяину Темры пришлось присутствовать в суде, кое-кто поглядывал на него так, будто обвиняемым был именно он.

Роды у Айрин начались раньше срока, и Лила помчалась за Джейком. Он быстро пришел и сразу подготовился к долгой и изнурительной борьбе за новую жизнь.

Осунувшееся лицо Айрин то и дело искажала судорога боли, она вся сжималась, несмотря на то, что Джейк просил ее расслабиться. Она словно болталась в какой-то заводи, бездонной и темной, как топь, без малейшей надежды выплыть. Ее зубы были стиснуты, а в глазах, принявших цвет болотной воды, стояла мольба, мольба спасти если не ее саму, то хотя бы ребенка.

Вошла Нэнси; в ее черных руках была чашка с какой-то жидкостью. Не говоря ни слова, не спрашивая разрешения, она приподняла голову Айрин и напоила ее. Потом села рядом и что-то тихо запела. То ли от напитка, то ли от ее пения Айрин стало немного легче.

В присутствии матери Лилы Джейк испытывал неловкость, ибо понимал, что она знает об их отношениях. Когда он хотел, чтобы Лила принесла воду, Нэнси заметила, что дочери нечего здесь

делать, потому что сама она еще не рожала. И Джейк прочитал в ее глазах все, что она не пожелала сказать вслух.

Однако когда он вошел в кухню и попросил кого-то из женщин пойти с ним и помочь, одна только Нэнси поднялась с места и безропотно последовала за ним.

Он не стал возражать, когда она распустила волосы роженицы и засунула под матрас кухонный нож, хотя и считал такие вещи бесполезными.

Айрин тяжело дышала и не открывала глаз. Во время схваток она крепко держала Джейка или Нэнси за руки, а в остальное время казалась почти безжизненной.

Однако вскоре она начала кричать. Джейку казалось, что ее крики вспарывали прозрачную ткань воздуха и уносились в темные небеса. Слыша их, обитатели дома притихли и, казалось, попрятались по углам. Негры беззвучно молились, но никто из белых господ не пожелал поддержать Айрин ни словом, ни делом.

Ей чудилось, будто ее душа отделилась от бренного тела и летит над родной землей. Она видела море, покрытое мелкой рябью, поросшие сиреневым вереском пустоши, серебристые озера и частокол деревьев. Песня ее души сливалась с

зовом ветра, дождя, приливов и отливов, с тем вечным, что существует на свете.

А потом она рухнула вниз, и из нее полилась бурная, горячая, красная река. Айрин не удивилась, когда, с трудом открыв глаза, увидела, что руки Джейка испачканы кровью. А еще он держал в них что-то слабо пищащее, маленькое и вместе с тем такое большое, что она не могла представить, как оно помещалось в ее теле.

— Мальчик, — сказал Джейк, и ребенок обрел пол. Теперь надо было дать ему имя.

— Коннор, — прошептала Айрин. — Я назову его Коннор.

— Хорошо.

Вокруг ее глаз залегла чернота, нос заострился. Однако кровотечение понемногу останавливалось, и Джейк надеялся, что она выживет.

Нэнси осторожно обмывала ее лицо и тело. Потом Джейк бережно приподнял Айрин, и негритянка поменяла окровавленные простыни.

Нэнси искупала и спеленала младенца. Притихший в ее умелых руках, он был похож на птенца, спрятавшегося в белой скорлупке яйца. Были видны только смуглые щечки и черные волосики на маленькой круглой головке.

— Надо найти кормилицу. Наверное, проще

взять негритянку с плантации, которая недавно родила, — сказал Джейк.

Нэнси кивнула. Он заметил, что она не глядит на него, и промолвил:

— Я благодарен тебе за помощь. Все могло закончиться хуже.

Оставив Нэнси с Айрин и новорожденным и немного приведя себя в порядок, Джейк отправился на поиски мистера Уильяма.

Дядя Айрин сидел в своем кабинете. Бумаги в беспорядке разлетелись по столу, будто вспугнутые белые птицы, и посреди этого хаоса стоял полупустой стакан, при виде которого Джейк подумал о том, что ему тоже не помешало бы выпить.

— Как она? — спросил Уильям, не называя племянницу по имени.

— Мисс Айрин спит. Она сильно измучена, но я надеюсь, она поправится.

— А… ребенок?

— Это мальчик. Он здоров. Мисс Айрин решила, что его будут звать Коннор.

Джейку почудилось, что Уильям его не услышал. Взяв стакан, дядя Айрин сделал большой глоток и сказал:

— Вас не затруднит сказать ей, что ребенок

умер?

Джейк пошатнулся.

— Я… я не могу сделать этого, сэр! Она… она же сойдет с ума!

Его реакция не произвела впечатления на мистера Уильяма. Посмотрев на Джейка так, будто тот был стеклянным, он заметил:

— Полагаю, мистер Китинг, вы заслуживаете отдых. Ступайте к себе.

— Необходимо найти кормилицу для мальчика.

— Я распоряжусь об этом.

— Мистер Уильям, надеюсь, вы не станете лгать мисс Айрин и оставите ей ребенка? — голос Джейка дрогнул.

Глаза дяди Айрин блеснули из-под густых бровей, будто угли из-под охапки хвороста.

— Это семейные дела, — жестко произнес он и, видя, что Джейк не собирается уходить, добавил: — Вы еще молоды, у вас нет ни семьи, ни детей, ни устоявшихся взглядов на жизнь. Вам меня не понять. — И, допив виски, закончил: — Идите.

Несмотря на поздний час, Нэнси отправилась за кормилицей и привела в дом молодую негритянку с черным младенцем за спиной. Ни разу не бывавшая в господском доме, та удивленно

таращила глаза на высокие стены и роскошную мебель.

Младенец наелся и уснул. Айрин лежала, словно в забытьи, но она ровно дышала и выражение ее лица было спокойным: казалось, она отдыхает после долгого плавания, наконец прибившись к новому берегу.

Нэнси решила, что ей тоже пора отдохнуть, и оставила в комнате Лилу, которая с готовностью вызвалась посидеть возле постели своей госпожи.

Вскоре в комнату Айрин неслышно вошли мистер Уильям и Юджин. Оба были в дорожной одежде, в двубортных пальто, жестких фетровых шляпах и ботинках на толстой подошве.

Лила спала, свернувшись в большом кресле. Негритянка со своим младенцем лежала на полу, на циновке. Она проснулась и испуганно посмотрела на две темные мужские фигуры, но не произнесла ни звука.

Никто не слышал, как от дома отъехал экипаж.

Мистеру Уильяму пришлось держать ребенка на руках (Юджин наотрез отказался прикасаться к младенцу), и он досадовал на то, что у него нет для него ни еды, ни смены белья.

К счастью, мальчик спал. Его не разбудили ни

тряска, ни прохладный ночной ветер.

Они ехали несколько часов. Темра осталась позади. Впереди был Чарльстон, куда им хотелось попасть до утра, ибо далеко не все дела стоило вершить при свете дня.

Отец и сын не разговаривали. Кучер тоже молчал. Кругом стояла мертвая тишина; только ночные птицы порой со свистом рассекали воздух своими быстрыми крыльями. Темнота перед глазами напоминала густую вуаль, а высоко над головой виднелся серебристый слой далеких звезд. Орион был похож на взор Всевышнего, но ни Уильям, ни Юджин не смотрели наверх.

Они прибыли в Чарльстон до рассвета, что соответствовало их планам. По городу еще не сновали экипажи, а набережную не заполонили толпы молодых леди в ярких платьях с оборками и рюшами, в шляпках, похожих на праздничные торты, и с кружевными зонтиками над головой, и джентльмены в элегантных темных костюмах и котелках.

Юджин сказал, что слышал от приятеля о человеке, который пристраивает незаконнорожденных цветных младенцев в хорошие семьи.

Уильям осторожно взял младенца с сиденья (произошло неизбежное, а чистых пеленок у

них не было), так, чтобы не испачкать пальто, и пошел за сыном.

Они миновали центр города и очутились в квартале с дощатыми бараками. Здесь плохо пахло. На веревках, пересекавших захламленные дворы, развевалось ветхое тряпье.

Уильям с тревогой взглянул на Юджина, но тот уверенно кивнул. Он спросил некоего Хейта, и ему указали дорогу.

Этот дом выглядел лучше остальных и был окружен живой изгородью. Дверь открыл молодой мужчина с острым лицом и взглядом, на вид — типичная белая рвань, выбившаяся в люди не вполне легальным и честным способом, какие только и достаются на долю рвани.

— Мы слышали, вы пристраиваете детей смешанной расы в хорошие дома? — резко и без всяких предисловий произнес Юджин.

— Если и так, то что? — нагло ответил Хейт.

— За этим мы к вам и пришли, — поспешно проговорил Уильям и протянул живой сверток.

Его возмущало, что он, богатый, уважаемый всеми плантатор, вынужден унижаться перед каким-то проходимцем, но другого выхода не было.

— Кто рассказал вам про меня? — продолжал допытываться молодой человек, игнорируя жест

Уильяма.

Юджин разозлился.

— Послушайте, неважно, кто! Мы отдаем вам здорового мальчишку, за которого вы сможете выручить немало денег! Не хотите, уйдем и найдем другого, посговорчивее вас!

Хейт скривил лицо.

— Ладно, давайте его сюда.

Он умело подхватил ребенка, и у Уильяма слегка отлегло от сердца.

— Он только что родился. Вы сможете найти для него кормилицу?

— Смогу.

— Его зовут Коннор, — помявшись, сообщил Уильям. — Это ирландское имя. Если возможно, скажите об этом его людям, которые… его возьмут. Вы уверены, что он попадет в хорошие руки?

— У ребенка очень светлая кожа. Таких мы отдаем только в приличные дома, — сказал Хейт и с любопытством посмотрел на Юджина.

Тот побагровел. Этот проходимец мог подумать, что он, Юджин О'Келли, избавляется от своего сына! Да он скорее согласился бы умереть, чем прикоснуться к грязной негритянке!

Едва они отошли от дома, как сын набросился

на отца:

— К чему такая забота! И зачем ты просил этого человека сохранить ребенку имя? Чтобы его можно было разыскать?!

Уильям ничего не ответил. Отец и сын вернулись к экипажу и приказали кучеру ехать в Темру.

— Если начнется война, я вступлю в армию, — произнес Юджин после долгого молчания. — А, по-моему, она неизбежна. Здесь вовсе не тот случай, когда нужно быть снисходительными и терпеливо ждать, пока янки одумаются. Уверен, им не удастся навязать нам очередную парламентскую сделку! Весь кадровый состав федеральной армии в наших руках, и если мы двинем в бой регулярные части, присоединив милицию и кавалерию, то быстро возьмем Вашингтон! А если нам помогут Англия и Франция…

Разговор о войне увлек и отвлек мужчин; они беседовали о ней почти всю дорогу.

Когда они почти подъехали к Темре, Юджин сказал:

— Послушай, отец, не вздумай снова звать этого доктора Китинга! Он может выболтать правду.

— Он ее не знает, — ответил Уильям, умолчав о последнем разговоре с Джейком.

— Может догадаться. И вообще он мне не нравится.

— Почему?

— Слишком уж любит якшаться с неграми!

— В конце концов, это его работа.

Джейка все же пришлось позвать — это случилось через сутки после того, как Айрин сообщили, что ее ребенок умер. Уильям сказал, что это произошло внезапно, пока она была в забытьи, и что мальчика похоронили на семейном кладбище.

Разумеется, Айрин не поверила в эту неуклюжую ложь. Она не могла встать, потому только тихо умоляла принести ей ребенка. Потом у нее началась горячка, вызванная неожиданным потрясением и тяжелыми родами, и она впала в беспамятство.

Джейк был уверен, что она умрет, и старался не думать о том, что О'Келли наверняка обрадует такой исход.

Через несколько дней горячка прошла, но она унесла не только часть плоти, но и сердцевину души Айрин.

Больше она никого не звала. Не спрашивала о ребенке. Ее взгляд беспомощно блуждал; возможно, она улавливала какие-то образы, потому что иной раз обращала внимание на детали — сол-

нечное пятно на полу, на яркую юбку Лилы или цветы, которые мулатка принесла в комнату. При этом она не отвечала на вопросы и, казалось, не видела людей. Ее лицо напоминало гипсовую маску, а взгляд был совершенно пустым.

Когда мистер Уильям спросил Джейка, может ли он что-нибудь сделать, тот ответил:

— Ничего. Вы добились своего. Я слышал, в Саванне есть лечебница для умалишенных, вроде бы там хороший уход.

Он умел, если надо, вгрызаться инструментами в глубины плоти, но как проникнуть в суть поврежденной души?!

— Вы думаете, там ей будет лучше?

— А разве вы захотите оставить ее у себя? — резко произнес Джейк.

В то утро, когда Айрин увозили из Темры, усадьбу окутал нежный, белый, как молоко, туман. Он поглощал звуки, отчего казалось, что Темра накрыта большим стеклянным колпаком. Особняк дремал за строем сосен, застывших в молчании, словно призраки, и видел сны, доступные только ему.

Когда Айрин вынесли из дома, негры высыпали на крыльцо и стояли, сбившись в кучу. Лицо Бесс было похоже на сморщенное запеченное яблоко,

у Арчи отвисла губа, а Лила рыдала в голос. Накануне Джейк пытался ее утешить, он говорил, что в Саванне Айрин, возможно, вылечат, но мулатка не видела в его глазах ни малейшей надежды.

После того, как экипаж отъехал, Лила поднялась в комнату госпожи. Здесь надо было убраться, но она пришла не за этим. Воспоминания о том, что она умудрилась заснуть в ту ночь, когда ребенок Айрин исчез, вставали перед ней чудовищным упреком.

Мулатка опустилась на край постели и закрыла лицо руками. Вскоре она уловила чье-то присутствие и подняла голову. Перед ней стояла мисс Сара с ее обычным холодным взглядом, строгим лицом и ртом, сжатым в тонкую решительную линию.

Хозяйка была гладко причесана, и Лила поразилась изящной форме ее маленьких ушей, в которые были вдеты простые серьги: казалось, через тонкую розовую кожу просвечивает солнце. Она выглядела безупречно и оттого — странно безлико; аккуратная, чистая, заключенная в розовый корсет, словно креветка — в панцирь.

Лила поднялась с кровати и вытянулась в струну, но отнюдь не потому, что перед ней стояла белая леди.

Она уставилась на Сару темными, обвиняющими, ненавидящими глазами. Ровные брови нахмурились, тонкие ноздри затрепетали над полным ртом, на высокой шее забилась жилка.

Ее глодало чувство вины, тогда как этой женщине вовсе не было стыдно! Лила не знала ничего более страшного, чем видеть свое отражение в ее равнодушных глазах.

Между тем Сара почувствовала беспокойство. Впервые в жизни она не знала, чего ожидать от рабыни.

— Здесь надо хорошенько убрать. Вымой полы. Белье отнеси в прачечную.

— Кто теперь будет жить в этой комнате? — спросила Лила, намеренно не прибавляя слово «мисс».

— Это комната для гостей. Для тех, кто не задерживается в Темре надолго.

Лила уловила в тоне хозяйки иронию, и это подействовало на нее, как удар наотмашь. Мулатка сжала кулаки, и на ее глазах закипели слезы.

— Вы сделали все, чтобы мисс Айрин уехала отсюда! Вы свели ее с ума! Будь ваша воля, вы добились бы того, чтобы она умерла! Клянусь, вы получите по заслугам!

Лицо Сары пошло красными пятнами. Все-

ленная вновь переворачивалась на глазах. Ей, хозяйке Темры, дерзила рабыня! Больше того — обвиняла и, казалось, была готова ударить.

Мать учила Сару сохранять достоинство в любой, самой непредсказуемой и щекотливой ситуации.

— Ступай на плантацию. Немедленно. С этого дня ты снова работаешь там. Но прежде…

Сара не собиралась марать руки. Для этого существовали специально нанятые люди. «Для всякого из нас Бог определил свое место» — такую фразу она не единожды слышала от родителей. И тот, кто об этом забыл, будет наказан.

Вернувшись, она дала Лиле записку.

— Передай надсмотрщику.

Мулатка не удивилась и не испугалась. Впервые в жизни она чувствовала, что правда на ее Стороне, пусть даже власть находится в руках хозяйки.

Лила вышла из дома и пошла знакомой тропинкой. Мулатка вспоминала любовные песни темнокожих девушек, полные жалоб на свою судьбу. Она ни разу не слышала, чтобы в них пелось о счастье. И все же верила в то, что Бог не сможет отказать ей ни в праве на счастливую жизнь, ни в праве на любовь.

Всю свою жизнь с момента рождения и Лила, и ее мать были среди белых черными. Сейчас мулатка спросила себя, а не наступят ли такие времена, когда мисс Саре и остальным придется жить как белым — среди великого множества негров!

Глядя на зеленые поля, Лила думала о том, что она тоже любит эту землю, и эта земля в том числе принадлежит и ей, потому что она трудилась на ней больше, чем кто бы то ни было.

Пусть она вновь целыми днями будет работать меж рядов хлопчатника, с ноющей спиной, исцарапанными руками, открытым солнцу телом, она выдержит, ибо за ней будут стоять невидимые сонмы чернокожих предков, привезенных в эту стану из-за океана в вонючих тесных трюмах кораблей, предков, чьими костями удобрена эта земля.

Барт был в поле, но Лиле удалось разыскать Джейка. Прочитав записку, юн стиснул зубы.

— Уверен, Барт и пальцем тебя не тронет. А мисс Саре я скажу все, что думаю и о ней, и о том, что произошло. Иди за Нэнси, и возвращайтесь на плантацию.

— Если она разозлится, вас уволят.

Джейк понимал, что своими словами нанесет

ей неизлечимую рану, но выхода не было.

— Я без того беру расчет. Уезжаю вместе с Бартом.

— Куда?

— В Калифорнию. Попробую отыскать золото для того, чтобы выкупить тебя. А еще ты должна понять, что после того, что случилось с мисс Айрин и ее ребенком, я не могу оставаться здесь.

По лицу Лилы потекли слезы.

— Вы забудете меня!

Он ответил нежным взглядом.

— Я тебя не забуду. Мне кажется, ты все время смотришь на меня. Даже когда я закрываю глаза, даже когда тебя нет рядом, даже когда ты очень далеко. И прошу тебя, не говори со мной, как рабыня со своим господином, давай попробуем быть на равных!

Лила не вернулась в хозяйский дом. Барт сказал, что переночует в другом месте, и она осталась с Джейком.

Они впервые провели вместе всю ночь, сплетаясь в объятиях в жаркой постели. Джейку казалось, что частый пульс Лилы впивается в его тело; он чувствовал ее всю: тонкие запястья, созданные для того, чтобы носить звенящие браслеты, ее налитую смуглую грудь с сосками,

напоминавшими спелые финики, потайные складки ее тела, ароматные и сочные, словно мякоть персика, тяжелую охапку ее черных волос.

Ее привлекательность была лишена утонченности, как у белых леди; то была сама жизнь в ее естественном чувственном воплощении.

Джейк угадал и полюбил в Лиле странную черту ее народа: годы могли отшлифовать ее внешнюю оболочку, но ее удивительная полудетская сущность, ее трогательная доверчивость оставались нетронутыми. То была единственная возможность победить время, время разлуки.

— Я не знаю, куда способна повернуть наша жизнь, и прошу тебя на всякий случай запомнить имена моих родителей: Энгус и Кетлин Китинг. Они живут в Новом Орлеане, это очень красивый город. Он защищен высокими плотинами; четырнадцать улиц, прямых, как лучи солнца, ведут к реке Миссисипи. На Кэнел-стрит всякий знает лавку моего отца: вот уже несколько поколений моих предков торгуют на этой улице.

— Твой отец не может одолжить тебе денег, чтобы ты мог взять меня с собой? — робко спросила она.

Джейк не мог признаться в том, что отец ни за что не даст ему тысячу долларов для того, чтобы

он женился на цветной женщине, и уклончиво произнес:

— Не думаю.

— Я так страдаю из-за того, что случилось с мисс Айрин и ее ребенком! Если б я не заснула…

— Ничего бы не изменилось, — твердо произнес Джейк. — Они бы все равно это сделали.

— Что стало с малышом?

— Боюсь, мы никогда об этом не узнаем.

Они вышли на крыльцо ранним утром. Яркий свет слепил глаза. К аромату зелени примешивался долетавший издалека запах мхов и болот. Джейк ощущал себя принадлежащим к прошлому Темры, и ему было жаль того, что ушло и никогда не вернется. Он оставлял негров, и его не покидало чувство, будто он бросает на произвол судьбы беспомощных маленьких детей.

Вместе с тем он не видел иного выхода. Ему оставалось уповать на удивительное свойство этого народа даже в условиях рабства сохранять веселый общительный нрав и быстро забывать о несчастьях.

Разговаривая с Лилой, Джейк обнимал ее за плечи. Он не сразу сообразил, в чем дело, когда она резко отстранилась от него.

Навстречу непривычным размашистым шагом

шла Сара. На ее лице была написана растерянность. Подойдя к Джейку, она с ходу спросила:

— Вы уезжаете?!

— Да, уезжаю. Я уже взял расчет в конторе мистера Фоера.

— Почему?

— Я не могу оставаться в доме, где творятся такие вещи.

Сара беспомощно заморгала глазами и подняла руки к лицу в непроизвольном жесте защиты.

— О чем вы говорите? Кто пострадал, так это мы! Мы предоставили ей кров, приняли в семью, а она нас опозорила!

— Она никогда не была членом вашей семьи. Лучше б вы сразу прогнали ее прочь, чем сводить с ума! — твердо произнес Джейк.

— Она и была сумасшедшей. Если б она обладала здравым рассудком, то никогда бы не сделала того, что сделала!

Джейк сделал паузу. Потом сказал:

— Вы тоже женщина и будущая мать. Надеюсь, когда-нибудь вы посмотрите на случившееся другими глазами.

Сара вспыхнула. Он сознательно отстранялся от нее, ясно давал понять, что отныне у них не может быть ничего общего. Зря она наступила на

гордость и пришла сюда. В конце концов, кто такой Джейкоб Китинг? Наемный работник, белый бедняк, руки которого каждый день прикасаются к грязным телам полевых работников!

С ее глаз внезапно спала пелена, и она увидела Лилу, стоявшую рядом с Китингом. Она велела наказать мулатку, но, судя по всему, ее приказ не был выполнен.

— Что здесь делает эта рабыня?

— Провожает меня в дальний путь, — произнес Джейк, и в его тоне против воли прозвучала ирония.

Сара все поняла. Ей было больно признавать свое поражение, и все-таки она постаралась взять волю в кулак.

— Вижу, вы, как и Айрин, предпочитаете общество черных?!

— Я предпочитаю то общество, в каком больше искренности и человечности.

Лила посмотрела на Джейка, и он прочитал в ее глазах, что отныне ей не нужно никаких доказательств его любви.

В гостинице канадского города Шербрука, почти на самой границе с Америкой, были сырые кровати, затхлый воздух и запах плесени. Зато за окном стоял аромат осени, и высокие клены

устало роняли листву на угольно-черную землю. Иные листья были похожи на пожелтевший пергамент, другие — на обрывки парчи, а третьи алели, будто политые свежей кровью. Эти переливы желтого, красного и рыжего неизменно радовали глаз, а на горизонте возвышались горы, далекие и прекрасные, как во сне.

Алан поражался, какое значение имеют клены в жизни жителей этого края. Они без устали любовались ими, высаживали и растили, собирали и выпаривали кленовую воду, создавая золотистое лакомство.

На сборищах бежавших на свободу рабов, в которых он участвовал почти ежедневно, всегда подавался кленовый сироп, в который макали лепешки.

Лепешки пекла Хейзел. Она умела делать и многое другое: стрелять, ездить верхом, врачевать раны. Работая «кондуктором» «Тайной дороги», она без конца пересекала границу и ни разу не была поймана.

— Ты мог бы стать полезным для нас, — с ходу заявила она Алану, и он согласился стать проводником, хотя совсем недавно поклялся себе, что не станет иметь ничего общего ни со словом «рабство», ни со словом «Юг».

Кроме того, это давало пусть маленькую и во многом безумную надежду на то, что когда-нибудь он сумеет вернуться в Южную Каролину и забрать с собой Айрин.

— Я не боюсь, — промолвил он, когда Хейзел объяснила, что провал будет равносилен смерти: за участие в деятельности «Тайной дороги» грозило линчевание.

Он учился у нее и у других негров, мулатов и белых, которые тоже рисковали жизнью, проводя партии беглецов от одной «станции» к другой.

Хейзел была старше Алана, намного опытнее и в работе, и в жизни, и он искренне восхищался ее качествами. Решив, что именно она сумеет ему помочь, Алан признался:

— Я был бы признателен, если бы ты помогла мне переправить в Канаду одну девушку.

Длинные ресницы Хейзел дрогнули. У нее была кожа того же медового цвета, что и кленовый сироп, а оттенок глаз напоминал лесной орех. Если б не любовь к Айрин, Алан сказал бы себе, что никогда не встречал такой красивой женщины.

— Она твоя родственница?

— Невеста.

— На какой плантации она работает и кто ее хозяева? — спросила Хейзел, сохраняя привычное

самообладание.

— Она свободна. Это белая женщина.

Хейзел решительно покачала головой.

— Мы не помогаем белым. Только неграм и только рабам.

— Тогда я бы хотел послать ей письмо.

— Ты же знаешь, Алан: никаких письменных сообщений. Только устная негритянская почта. И передать свои слова ты можешь лишь негру.

— Хорошо. Я знаю одну мулатку. Лила из поместья Темра, что в Южной Каролине.

— И что ты хочешь ей сообщить?

— Что Алан жив и обязательно вернется за Айрин.

Часть вторая

Глава 1

С конца сороковых годов Калифорния сделалась центром притяжения человеческих страстей. За несколько лет Сан-Франциско, город старателей, наспех построенный из досок и парусины, вырос как на дрожжах: новоявленные аргонавты штурмовали корабли во всех портах Восточного побережья, дабы успеть отвоевать у судьбы место под солнцем.

В пятидесятые золотой мираж понемногу начал рассеиваться, но и поныне сюда устремлялись люди, охваченные алчностью и жаждой чуда, устремлялись затем, чтобы просеять тонны земли и песка в надежде отыскать крупицу драгоценного металла. После чего большая часть — разочарованных и по-прежнему нищих — возвращалась обратно.

Как и все новички, Джейк и Барт надеялись наткнуться на жилу, которая не рисовалась даже в самом богатом воображении.

Стоя на палубе, они жадно смотрели на набережную Сан-Франциско — Длинный Причал, заслоненный паутиной мачт и слегка подернутый утренней дымкой. Море сверкало, как

перламутр; приятели жадно вдыхали его острый запах, а солнечные блики играли на их растрепавшихся волосах и обветренных за время путешествия лицах.

Сан-Франциско с первого взгляда показался им процветающим, преуспевающим и многообещающим молодым городом. Жизнь в нем била ключом: звучали голоса, раздавался шум повозок, гулкий стук шагов. Вдоль улиц тянулись лотки торговцев, магазины были забиты товарами, по улицам сновали двуколки.

Этим городом правили стремления к грубым развлечениям и неистребимая вера в счастливый случай.

— Надо зайти в какой-нибудь известный салун, там можно узнать все новости, — сказал Барт, едва они сошли на берег, и спросил: — Кстати, ты умеешь драться?

Джейк пожал плечами.

— Никогда не пробовал.

— Ладно, тогда, если что, драться буду я, а ты — лечить меня.

На том и порешили.

Когда они зашли в «Голубое крыло», большой салун на Монтгомери-стрит, публика показалась вполне миролюбивой: в клубах дыма люди с

выдубленными солнцем и ветром лицами ели, пили, курили, что-то обсуждали и спорили. Чувствовалось, что это отчаянный и вместе с тем вполне разумный народ.

Появление незнакомцев прошло без внимания; Джейк и Барт сели за плохо вытертый, безжалостно изрезанный деревянный стол и заказали излюбленное старательское блюдо — жареную говядину с картошкой и по стакану виски.

Вскоре к ним подсел человек в потрепанной одежде, по внешности которого нельзя было догадаться ни о его прошлом, ни о его характере. Единственной отличительной особенностью этого мужчины можно было считать отсутствие правой руки. Он представился Недом Истменом и недвусмысленно предложил поведать о приисковых обычаях за доллар и стаканчик виски.

Барт хотел возразить, но Джейк согласно кивнул.

Нед долго рассказывал о том, как жить, питаться и развлекаться, избегая высоких приисковых цен, и — что самое важное — какие инструменты, одежду, предметы обихода необходимо купить, как зарегистрировать участок и какой налог придется платить.

— Если дело не пойдет, можете наняться в гор-

норудную компанию, там платят два доллара в неделю.

— А врачи у вас есть? — спросил Джейк.

— Есть, да только дорого берут и все — золотом.

— Я врач, — сказал Джейк.

Нед склонил голову на бок.

— Вот как? Пустить о вас слух?

— Пока не надо.

— Зря, — заметил Нед. — Цинга, дизентерия, лихорадка, переломы, а уж ран просто не сосчитать! Станете брать унцию золота за прием — и богатство у вас в кармане!

Джейк вспомнил о том, как в Новом Орлеане совесть не позволяла ему брать деньги с нищих эмигрантов. Здесь будет то же самое: к нему потянутся бедняки, и ему придется раздать последнее.

— Оставим это на крайний случай, — сказал он.

Нед допил виски и поднялся с места.

— Вроде все сказал. Добро пожаловать в Город Грез, ребята! — промолвил он напоследок, а потом вдруг спросил: — Совсем забыл: женщины вас интересуют?

— Интересуют, — быстро произнес Барт, опере-

жая Джейка.

— С белыми лучше не связывайтесь. Порядочные вымотают душу, а шлюхи разденут до нитки. Тут как раз уехала большая партия старателей, после них остались индианки. Наверняка какая-нибудь заглянет и к вам. Можете взять одну на двоих, так многие делают. Кроме того, она станет готовить еду, стирать и чинить одежду.

— А платить ей надо?

— Не надо. Кормите и не слишком часто бейте — и она останется. Иной раз подарите дешевую побрякушку — и она будет счастлива.

Вскоре Джейк и Барт вышли из салуна и отправились разыскивать пансион, который рекомендовал им Нед в качестве пристанища до той поры, пока они не уедут в старательский лагерь.

Улица гудела, словно гигантский улей. Приятели без устали отбивались от торговцев, предлагавших всякую всячину — от дешевой снеди и каких-то ненужных мелочей до моментальной лотереи.

Барта поразили газовые фонари и трамвайная линия. Джейк с любопытством разглядывал красивые каменные и кирпичные дома. От былых палаток не осталось и следа: Сан-Франциско был

солидным городом, имеющим все учреждения, присущие цивилизованному миру.

Они нашли пансион и спросили комнату. Когда Джейк повернул ключ и вошел внутрь, на него повеяло сыростью и затхлостью. Вдобавок откуда-то долетал запах скверного жира. В комнатке были низкие потолки; пожелтевшие обои покрыты пятнами, а окно не мыли, наверное, сто лет. Однако Джейк хорошо знал, что от таких вещей, во всяком случае, можно отстраниться. Куда хуже было бы, если б ему пришлось о ком-то заботиться.

Приятели покидали на пол мешки и присели на одну из кроватей, чтобы обсудить дальнейшую жизнь.

— Нед сказал, каждый стремится разрабатывать участок самостоятельно, но я подумал, может, нам все-таки взять один на двоих? — с сомнением произнес Джейк.

— Почему?

— Тридцать долларов налога в месяц не шутка.

— Думаешь, мы ничего не найдем?

— Если б я так думал, не приехал бы сюда.

— Когда что-то делишь, рано или поздно возникают разногласия, — заметил Барт.

— Вдвоем легче работать, тем более и ты, и я

— новички в этом деле.

— Хорошо, давай попробуем.

— Когда отправимся в контору?

— Можно прямо сейчас.

Они не успели подняться, как раздался негромкий стук в дверь. Барт и Джейк переглянулись, и последний сказал:

— Войдите!

Дверь медленно приоткрылась, и на пороге появилась молодая индианка. Вероятно, это было одно из тех неприкаянных существ, о которых говорил Нед.

Джейк сразу отметил чистые, яркие цвета ее внешности, точеные черты лица, воскресившие в его памяти облик Лилы, хотя эта девушка принадлежала к другому народу.

У нее были широко расставленные черные глаза под длинными загнутыми ресницами и гладкая медная кожа. Одежда — поношенное коричневое платье явно с чужого плеча. Блестящие волосы цвета воронова крыла спадали почти до пояса. Джейк обратил внимание на изящные босые ступни, выглядывавшие из-под потрепанного подола.

— Кто ты такая и что тебе надо? — спросил Барт, с интересом разглядывая девушку.

Она ничего не сказала. Позднее Джейк привык к ее манере молчать, когда она не знала, что говорить, или когда ответ был понятен без слов.

— Как тебя зовут?

Она тихо ответила:

— Унга.

— Хорошенькая, — заметил Барт и с надеждой посмотрел на напарника: — Оставим?

Тому стало жаль девушку. Судя по всему, предыдущий покровитель ее не баловал: при ней не было даже крохотного узелка с вещами. Представительница некогда независимого, гордого, а ныне безжалостно согнанного со своей земли народа, она напоминала бездомную собачонку.

— Оставляй, если она тебе нужна, — сказал Джейк.

— Поступим по справедливости, — решил Барт и обратился к индианке: — Кого из нас ты выбираешь?

Унга нерешительно посмотрела на Джейка, и тот сделал быстрое движение глазами. К счастью, она оказалась понятливой и шагнула к Барту, на лице которого появилась довольная усмешка.

Он повернулся к Джейку.

— Ты не погуляешь хотя бы четверть часа? Думаю, этого нам хватит… для знакомства.

— Кажется, мы собирались заняться делами, — заметил Джейк.

— Дела могут и подождать.

Джейк пожал плечами и направился к двери. Краем глаза он заметил, как индианка покорно принялась расстегивать платье, под которым не было даже белья.

Он остановился на крыльце и думал о величии неисследованных пространств, берущих начало где-то за горизонтом, о поросших лесом каньонах и прозрачных реках. И неожиданно утратил почву под ногами, осознав, как далеко он находится от родного края и привычных ощущений.

Ему было некому даже писать. Едва ли родные будут рады узнать, что его занесло на прииски! А негры-рабы не получают писем, потому что не считаются полноценными людьми и потому что, как правило, не умеют читать.

Джейк вспоминал о Лиле. О том, как она шла ему навстречу в грозу и вода струилась по ее лбу, щекам, шее и груди. Как блестели ее глаза, а губы изгибались в нерешительной, но счастливой улыбке.

Пройдет время, и — сможет ли он также легко воскресить в памяти ее запах, ее взгляд, неповторимый цвет ее кожи? Где найти раковину,

в которой можно было бы спрятать хрупкую, неосязаемую ткань воспоминаний?

Когда он вернулся в комнату, Унга с невозмутимым видом разбирала вещи. В ее движениях чувствовались уверенность и сноровка. Джейк подумал о том, сколько временных домов ей приходилось обустраивать, сколько мужчин использовали ее для удовлетворения своих телесных потребностей, а после оставляли на произвол судьбы, выбрасывали, как ненужную вещь. Это происходило в обоих случаях: если они находили золото и если уезжали ни с чем. Едва ли хотя бы один из них задумывался о том, что творится в ее душе. Возможно, многие полагали, что у индианки ее просто нет.

Когда они с Бартом собрались уходить, Джейк спросил себя, не улизнет ли индианка вместе с их пожитками, и тут же решил, что этого не случится. Если б такое было в ее привычках, она бы не имела одно-единственное платье.

Очутившись на улице, Барт заговорил об Унге:

— Ничего девчонка! Только очень худая — я все ее кости чувствовал.

— Надо как следует кормить ее — вот и все.

— Послушай, — Барт замялся, — так ведь питаться мы будем вместе, а спать с ней — только

я.

— Это неважно. Мне не жаль для нее еды. А ты не жалей человеческого отношения — думаю, она в нем нуждается.

— Я и не собирался ее обижать. А ты решил хранить верность своей мулатке? — насмешливо поинтересовался Барт.

Джейк ничего не ответил.

Они довольно быстро узнали все, что было нужно, об оформлении участка и уплате налога, после чего отправились по магазинам закупать продукты, посуду, инструменты, снаряжение, одежду и оружие. Все это Нед советовал приобрести в городе, а не в самом лагере, где торговцы заламывали дикие цены.

Денег оставалось немного, между тем им предстояло продержаться не одну неделю, если только не случится чудо.

Когда они проходили мимо ювелирной лавки, Барт заметил:

— Подумать только, чтобы добыть золота на одно колечко, надо перелопатить тонны породы! — А потом вдруг сказал: — Помнишь, Нед говорил, что индианки любят украшения?

— Их любят все женщины, но для начала лучше купи ей новое платье и обувь.

— Стоит ли тратить на это деньги?

Джейк пожал плечами.

— Она не может отправиться с нами в одном платье и босиком! Ты ведь хочешь взять ее с собой в лагерь?

— Не отказался бы. Пока мы промываем песок, она будет готовить и стирать.

— Значит, надо приобрести для нее одежду.

Барт смутился.

— Я не разбираюсь в женских вещах. Что ей подойдет?

— Идем.

Они вошли в заваленную товарами лавку, где Джейк выбрал для Унги простую, добротную, хорошо сшитую одежду. А потом его взгляд неожиданно упал на чудесные туфли на высоких каблуках, из мягкой коричневой кожи, украшенные медными гвоздиками. Джейк вспомнил узкие ступни Унги с тускло поблескивающими, как рыбья чешуя, ногтями и спросил о цене туфлей.

— Пять долларов.

— Беру.

— Зачем?! — изумился Барт, и Джейк ответил:

— Не знаю.

Он не мог объяснить, что иногда люди покупа-

ют что-то совершенно непрактичное просто как знак веры в счастливые перемены. А еще он подумал о том, что, вероятнее всего, у Унги никогда не было красивых вещей.

— Ты не спрашивал, с кем она жила прежде? — поинтересовался Джейк, когда они вышли на улицу.

— Спрашивал. Только с нее не вытянешь лишнего слова.

— Судя по всему, ей не очень приятно об этом говорить.

Барт раздраженно отшвырнул носком сапога лежащий на дороге мелкий камушек.

— Да и я предпочел бы не знать, со сколькими старателями ей довелось переспать, прежде чем она добралась до моей постели!

— Думаю, будь ее воля, она до конца жизни спала бы только с одним, — заметил Джейк.

Нагруженные скарбом, они едва дотащились до дома. Их встретил аппетитный запах. Индианка сумела договориться с хозяйкой, и та пустила ее на кухню. Унга нажарила картошки на жире от бекона, вдобавок сварила кофе и к приходу мужчин накрыла на стол. Когда они вошли, она встала, подошла к Барту и принялась снимать с него куртку, но тот нетерпеливо отстранил ее.

— Не надо, я сам.

Когда Джейк развернул покупки, у Унги заблестели глаза. Ей понравились новая посуда, одеяла, ружье и, конечно, вещи, купленные лично для нее.

А потом Барт преподнес ей туфли. Они стояли на его ладонях, как две крохотные диковинные лодочки, матово поблескивая и источая дивный запах новой кожи, лодочки, приплывшие из таких далей, куда никогда не заглядывала душа бедной индианки.

На мгновение Джейк увидел, как в выражении лица Унги, словно в зеркале, отразилось то море нищеты, неверия, нелюбви и горя, в котором она дрейфовала много лет, не в силах прибиться к берегу.

— Мне? — осторожно произнесла она.

— Да.

Она быстро схватила их и примерила. Туфли пришлись впору; Джейк поразился тому, какой невыразимо прямой и гордой внезапно стала осанка девушки.

Унга сделала несколько нетвердых шагов, онемев от восхищения и словно прислушиваясь к чему-то, а после прильнула к Барту всем телом, самозабвенно обхватив его руками, уткнувшись

лицом ему в плечо. Странно смущенный, он неловко обнял индианку и принялся гладить ее волосы.

На ночь помещение разделили занавеской, но когда Джейк проснулся рано утром, то увидел, что ткань упала на пол. Барт спал, обняв и крепко прижав к себе индианку, и Джейк подумал, что эти двое удивительно гармонично смотрятся вместе. И сказал себе, что, возможно, когда-нибудь их свяжет не просто влечение плоти — с его стороны, и желание обрести хотя бы иллюзию опоры — с ее, а неискоренимая память предков, зов общей крови.

Через три месяца начались дожди. Город уже не выглядел праздничным и нарядным, а старательский лагерь представлял собой жалкое зрелище: влага, стекавшая со склонов гор, превращала поселение с его дощатыми бараками под крышей из дранки, бревенчатыми домиками и парусиновыми палатками в унылое болото. Порывы ветра трепали самодельные флаги; когда ветер ненадолго стихал, насквозь промокшие под дождем, они обвисали, как тряпки. Лес был окутан пугающей теменью, и из него не доносилось ни звука.

От земляного пола и ветхих стен примитивного жилья веяло сыростью. Люди возвращались с

участков промерзшие и продрогшие, смотрели друг на друга исподлобья и срывались по каждому поводу.

Джейк и Барт без устали копали землю, дробили киркой камни, промывали песок, надеясь найти жилу или обнаружить самородок, но, похоже, на их участке была только грязь.

Им удавалось платить налог и покупать продукты благодаря тому, что Джейк все-таки стал принимать больных. Он делал это по вечерам или когда скверная погода не позволяла им с Бартом отправиться на участок.

Последний нервничал от того, что приятель был вынужден содержать их с Унгой, но Джейк говорил, что Барт намного выносливее и сильнее, потому на его долю выпадает большая и наиболее тяжелая часть работы на прииске.

Свою — и немалую — лепту в общее дело вносила и Унга. В этих нечеловеческих условиях индианка была поистине незаменима. Каким-то образом она умудрялась стирать и сушить одежду, содержала дом в порядке и относительной чистоте. По утрам намазывала куски хлеба толстым слоем лярда, пекла блины и варила обжигающий кофе, никогда не забывала собрать еды, чтобы мужчины могли перекусить днем, а

вечером их ждала свинина с фасолью или другое сытное блюдо.

По вечерам троица разжигала во дворе большой костер — не только для того, чтобы погреться, высушить одежду и приготовить еду, но и для того, чтобы порадоваться веселому потрескиванию огня и хоть как-то поддержать угасающие силы.

Далеко не все старатели привезли с собой женщин, и многие из них пытались переманить Унгу. С одним из них, дерзким парнем по имени Стивен Флетчер, у Барта вышла крупная ссора — дело едва не дошло до поножовщины.

Джейк утверждал, что индианке и в голову не приходит уйти к другому. Если к ней, занятой стиркой, сбором топлива или другой работой, подходил мужчина и пытался заговорить, она молча поворачивалась спиной и делала вид, что не понимает или не слышит его слов.

Однажды утром Джейк услышал, как Барт и Унга о чем-то спорят. Он занимал проходную комнату, а они спали в крохотном чуланчике за перегородкой. На его памяти они ссорились впервые. Индианка вообще говорила мало и тихо, но сейчас ее голос звучал раздраженно, в нем прорывались нотки отчаяния.

Когда они вышли из-за перегородки, Джейк

сделал вид, что ничего не заметил.

Барт сел за стол и окинул мрачным взглядом жилище с грубо сколоченной мебелью, полками для посуды и разных вещей и сваленными в углу инструментами и оружием.

— Может, нам попытать счастья в другом месте? — устало произнес он.

— Ты имеешь в виду перейти на другой участок? — Да.

— Мне кажется, надо подождать. Полагаю, счастье не зависит от места, — сказал Джейк.

Вошла индианка и принялась расставлять посуду. На ней было чистое платье, волосы заплетены в две толстые косы, из которых не выбивалось ни прядки.

Джейк удивлялся, как ей удается всегда выглядеть такой собранной, аккуратной, невозмутимой. Ему было трудно понять, что ей нужно от жизни, от людей, волей судьбы оказавшихся рядом. Сердечной привязанности? Она не ждала этого от мужчин, ставших циничными и равнодушными от вечных неудач и непреходящей усталости. Денег? Она знала, что едва в их руках окажется золото, они бросят ее и найдут себе порядочную белую девушку или дорогую шлюху. Какие надежды жили в ее душе? Обрести семью,

пустить где-то корни? Она никогда об этом не говорила и, возможно, в самом деле ничего не планировала. Каждодневный тяжелый труд и привычка заботиться о временном покровителе спасали ее от мыслей о будущем.

Однако Джейк мог сказать, что ее присутствие в их лишенной радостей жизни было очень ценным, ибо она оберегала и хранила нечто такое, что невозможно выразить словами, но без чего легко потерять себя.

Пока мужчины ели, Унга не проронила ни слова. Барт тоже молчал и старался не смотреть на нее. Потом они с Джейком отправились на участок.

Джейку казалось, что именно суровость придает этим местам такую своеобразную красоту. В таких краях люди осознают власть и силу природы и вместе с тем никогда не сдаются, ибо сдаться — означает погибнуть.

Они шли по узкой тропе, под деревьями, листья которых уже начали менять свой цвет, в дымке тумана, напоминавшего пороховой дым, когда Барт сказал:

— Она беременна. Подумать только, прошло всего три месяца! Ох уж эти женщины! Самое главное, она не хочет избавляться от ребенка. Так

и сказала: «Не хочу». И смотрела на меня своими дьявольскими глазами так, будто я ее ударил!

— Когда ты сказал, чтобы она это сделала?

— Да.

— С ней такое впервые?

Барт усмехнулся.

— Не задавай глупых вопросов; конечно, нет! Она сама призналась, что знает старуху, которая этим занимается. Придется дать ей пять долларов да еще денег на дорогу до Сан-Франциско и обратно, если она пожелает вернуться.

— Но Унга сказала, что не хочет ехать.

— Мало ли что она сказала! — в сердцах произнес Барт и внезапно остановился. — А ты… ты бы не мог ей… помочь? — В его голосе звучали смущение и досада.

Джейк подумал о своих руках, которым доводилось копаться в окровавленных внутренностях, зашивать раны и пилить кости. Иногда ему казалось, будто человеческие страдания въелись в плоть его ладоней и забились под ногти. Ему не хотелось, чтобы его руки помнили еще и такие вещи, о каких говорил Барт. И твердо ответил:

— Нет.

Они молча побрели дальше, волоча нехитрый инструмент. Сквозь редкие прорези в облаках

пробивалось солнце, а утопавшие в сизом тумане силуэты гор казались ненастоящими.

Вскоре приятели вошли в лощину, где пахло гнилью и сырой землей. Через нее протекал небольшой ручей, по берегам которого росли низкие, корявые, уродливые деревья, похожие на людей, которых убивает непосильная работа и убожество жизни.

Взглянув на них, Джейк сказал Барту то, что вовсе не собирался говорить:

— Женись на ней. И позволь оставить ребенка. Лучше нее тебе никого не найти.

— Это почему?!

— Не потому, то ты плох, а потому, что Унга — одна из немногих, кто способен стать настоящей спутницей жизни, — ответил Джейк и задал себе вопрос, много ли их вообще, женщин, способных дарить мужчинам покой и заботу среди грязи, суеты, шума и бедствий этого мира?

— Только потому, что она хорошо ведет хозяйство? Она стала бы делать это для любого, кто взял бы ее к себе! А вообще, ей приглянулся ты, а не я — я видел, как она на тебя смотрела!

Поскольку Джейк молчал, Барт продолжил:

— Она попала в Сан-Франциско в ранней юности — это я у нее узнал; и с того времени живет со

старателями. Представляешь, сколько их было!

— Думаю, если ты предложишь ей остаться с тобой навсегда, она никогда не посмотрит ни на кого другого, — заметил Джейк.

— А ребенок?! У меня нет денег, у нее — тоже. Ни своего угла, ни работы. Что у нас родится? Жалкое существо, вынужденное терпеть унижения, учиться защищаться с младых лет, обреченное жить в нищете! — выпалил Барт и подытожил: — В нем будет слишком много индейской крови.

В тот день они почти не разговаривали, пребывая каждый в своем невеселом мире. К счастью, дождя почти не было; лишь мелкая морось, которая не могла насквозь промочить одежду.

Когда приятели возвращались обратно, вновь ничего не найдя, Барт заметил:

— Я далеко не лучший человек на этой земле. Я бил негров, заставляя их работать, мои руки с наслаждением сжимали и плетку, и револьвер, и нож!

— Ты прав: у рук есть своя память, Барт. Если они когда-нибудь поднимут ребенка, запомнят что-то другое, отличное от того, о чем ты говорил.

Они вернулись в хижину. Снаружи было сыро, а внутри — тепло, там царил уют, какой можно

создать на скорую руку при отсутствии хорошей мебели и красивых вещей.

Унга приготовила бифштекс с луком на старой чугунной сковороде. Едва свалив инструмент в угол, мужчины набросились на еду. Они всегда сперва ели, а уж потом — мылись; Джейк не уставал поражаться тому, как быстро золотоискатели забывали о хороших привычках. Многие из них неделями ходили заросшие, грязные, напрочь позабыв о том, что на свете существуют такие вещи, как мыло и бритва. Те, в чьих хижинах не было женщин, стирали одежду не чаще чем раз в месяц.

Когда Барт под каким-то предлогом вышел на улицу, Джейк сказал Унге:

— Я хочу с тобой поговорить. Барт рассказал мне о том, что ты ждешь ребенка. Это правда?

Индианка покорно кивнула. Она опустила голову так, что пряди прямых черных волос, упавших вдоль щек, скрыли ее лицо.

— Ты уже была беременна, Унга?

— Да, не один раз, — она говорила медленно и, казалось, равнодушно.

— И что ты делала?

Она молчала.

— Мужчины давали тебе деньги, чтобы ты

съездила к той старухе?

— Не всегда. Иногда просто указывали на дверь.

— И как ты поступала в этом случае?

Унга ничего не сказала. Впрочем, ей не было нужды говорить. Джейк без того знал, что она делала: находила другого мужчину и сваливала на него вину за случившееся.

— То, что ты собираешься сделать, очень опасно, Унга. Ты можешь умереть.

— Умереть все равно придется, так не все ли равно, от чего и когда. К тому же я все равно никому не нужна.

— Если не хочешь избавляться от ребенка, оставь его. Это твое право.

Унга надолго умолкла. Когда она снова заговорила, Джейк удивился. Впервые увидев индианку, он решил, что она совсем девчонка, а теперь затруднялся определить ее возраст, ибо едва заметная трещина в ее душе внезапно расширилась, и он узрел бездну, полную страхов, потерь и беспросветного отчаяния.

— Что я стану с ним делать? У меня ничего нет. Никого и ничего. Я не помню своих родителей и почти не помню себя; знаю только, что однажды я открыла глаза в Сан-Франциско и по сей день

не могу их закрыть. Я всегда настороже и…

Унга умокла, и Джейк мысленно закончил: «…мне никогда не удавалось переложить свою заботу на чужие плечи».

— Чем ты занималась прежде?

— Работала на кухне — за еду. Ничего не видела, кроме грязной посуды и закопченных котлов, пока не нашелся мужчина, который позвал меня с собой.

— Ты больше не хочешь жить такой жизнью? — спросил Джейк, и Унга дала очень простой и понятный ответ:

— Я от нее устала.

— Как ты нас нашла?

— Нед подсказал. Сказал, приехали два парня, с которыми можно поладить, объяснил, куда вас отправил. А еще заметил: «У светловолосого — доброе сердце».

— У меня есть любимая женщина, — сказал Джейк. — А Барт… Когда-нибудь он поймет, что был неправ.

Индианка пожала плечами и ничего не ответила.

После этого разговора все текло, как прежде: Унга носила воду, готовила еду, мыла посуду и стирала одежду, а по ночам спала в объятиях

Барта. О ребенке они, по-видимому, не заговаривали.

Несколько раз, когда местный торговец привозил и пытался сбыть старателям червивую муку, лежалые галеты или тухлую рыбу, индианка ездила за продуктами в соседний поселок. Джейк был уверен в том, что она не утаила ни унции золотого песка, который он получал от больных в качестве платы за свои услуги.

А потом Стивен Флетчер нашел золото.

С ним произошло то, о чем мечтали все. Копаясь в земле, он внезапно увидел крупицы тусклого желтого металла и у него перехватило дыхание. Сжимая кирку трясущимися рукам, Стивен раскидал землю и обнаружил жилу.

Разумеется, весть об этом немедленно облетела весь прииск. Желающие приходили взглянуть на чудо. Вечером Стив, как было заведено, поставил приятелям выпивку. А после направился к хижине, где жили Джейк, Барт и Унга.

Стивен Флетчер был здоровый парень, больше шести футов роста, с растрепанными белокурыми волосами, голубыми глазами навыкате и массивной нижней челюстью. От него пахло зверем — застарелым потом, мокрой псиной; этот запах смешивался с густым духом недавно

выпитого виски.

К несчастью, Унга была на улице — снимала с веревки высохшее белье. Стив подошел к ней, взял за локоть и сказал:

— Я нашел золото, много золота. Полагаю, ты уже слышала? Надеюсь, теперь ты согласишься перейти в мою хижину?

Индианка сделала легкое, но уверенное движение и освободила локоть. Она выглядела совершенно спокойной. Ее грудь едва заметно поднималась и опускалась под плотной тканью платья. Унга, не торопясь, сложила белье в большую корзину и хотела войти в хижину, когда на пороге появился Барт.

— Что тебе надо? — угрожающе произнес он, заметив Стивена.

— Потолковать с Унгой.

— Убирайся отсюда!

— Почему?

— Потому что если ты нашел золото, это не значит, что ты имеешь право приходить, куда вздумается!

— Я пришел не к тебе, а к Унге.

— Это моя женщина!

Стивен переступил с ноги на ногу и усмехнулся.

— Она тебе не жена, не так ли? Она свободна. Или ты ее купил?

— Кажется, именно это собираешься сделать ты!

— Просто мне есть что ей предложить. Теперь я богат, очень богат. А у тебя ничего нет!

Атмосфера накалилась. Стивен угрожающе ворочал глазами, Барт был готов выхватить револьвер или нож. Унга по-прежнему не промолвила ни слова. Она умудрилась проскользнуть мимо мужчин и скрыться в хижине, а те еще некоторое время оскорбляли друг друга. Потом появился Джейк (он навещал больного) и сумел развести их в стороны, напомнив, что за вооруженную потасовку обеим грозит тюрьма. Былая безнаказанность осталась позади. Комитет бдительности, созданный в Сан-Франциско и действовавший на приисках, не давал спуску желающим пустить в ход оружие.

В результате Стивен ушел, а Барт долго не мог успокоиться.

Свет померк, хижину окутала тьма, но за перегородкой не стихал разговор. Казалось, Барт в чем-то обвинял индианку, а она устало оправдывалась.

Наконец Джейк заснул. Ночь пронеслась, как

одна минута; возможно, потому, что ему ничего не снилось, и когда его разбудил резкий стук в дверь, он не сразу понял, что наступило утро.

— Эй, ребята, вставайте! Началась война! Южане захватили форт Самтер! Северяне хотят освободить негров! — прокричал какой-то человек и побежал дальше.

Из-за перегородки вышел сонный Барт и проворчал:

— Какого дьявола! Могли бы поспать еще час.

Джейк сел на постели.

— Война. Между Севером и Югом, как давно предрекали. Думаю, это серьезно.

— Плевать я хотел на эту войну! — сказал Барт. — Поиграют и разойдутся.

Джейк так не считал. Война есть война: ее первыми, причем безвинными жертвами всегда оказываются женщины и дети.

Ночью лил дождь, но утро выдалось ясным. В чистых лужах, как в зеркалах, отражалось небо. Большая площадка между бараками, служившая местом сборищ старателей, представляла собой сплошное болото. Мужчины суетились, крича, жестикулируя, разбрызгивая грязь. Безусловно, то, что случилось по другую сторону материка, не могло непосредственно касаться тех, кто на-

ходился в Калифорнии, но обсуждение служило приятным разнообразием в беспросветной жизни золотоискателей.

Джейк послушал, что говорят старатели (толком никто ничего не знал), и оглянулся в поисках Барта, который нехотя пошел вместе с ним, но того нигде не было. Тогда он отправился обратно.

Барт был в хижине, он сидел за столом. Перед ним стояла полупустая бутылка виски, и его глаза тоже были пустыми. Джейк понял: что-то случилось, но он еще не мог отойти от недавних впечатлений.

— Слышал, что говорят про войну? Как думаешь, что теперь будет?

Барт разомкнул плотно сжатые челюсти и проговорил со злобным отчаянием:

— Повторяю еще раз: плевать я хотел на войну! Унга ушла.

Джейк прислонился к косяку.

— Ушла? Почему?

— Вчера она не стала со мной спать, отказала. Это случилось впервые. Ничего не объяснила, просто оттолкнула и все. Я решил, что это неспроста. А сегодня на площади я услышал про Унгу… — Он сделал паузу, тяжело покачал головой и продолжил: — Говорили, будто пока

мы с тобой работали на участке, она заходила в хижины старателей сам знаешь, зачем. Что те платили ей золотым песком, который она зашивала в подол.

— Полагаю, слухи об Унге пустил Стивен.

— Возможно. В любом случае это оказалось неправдой. Я разорвал ее платье и ничего не нашел. Но уже не мог остановиться, обозвал шлюхой, сказал, что у нее в животе чужой ребенок, пусть делает с ним, что хочет, я все равно никогда его не признаю, и я… я ее ударил. По лицу, сильно, так, что пошла кровь. Не понимаю, что на меня нашло?! Потом отправился в лавку за виски, а когда вернулся, ее уже не было.

— Как думаешь, куда она пошла?

— Не знаю. Возможно, к Стивену?

— Едва ли.

— Зачем я это сделал? — уныло произнес Барт и обхватил руками голову. — Она вся была гладкой, шелковистой, как вода: кожа, волосы, губы. И я всегда чувствовал, как она улыбается в темноте. Мне казалось, будто внутри нее завязан тугой узел, но когда… когда мы были вместе, этот узел ослабевал, а потом развязывался. И тогда и мне, и ей становилось удивительно хорошо.

Джейк понимал, что чувствует приятель. Мож-

но долго существовать, полагая, что тебе никто не нужен, а после приходит день, когда понимаешь: позади, впереди и внутри тебя — пустота. И не можешь с этим жить.

Он заметил, что все вещи находятся на своих местах. Индианка ушла в той одежде, которая была на ней, и больше ничего не взяла. На полке стояли туфельки из коричневой кожи — хрупкие лодочки, в которых — увы! — невозможно уплыть в волшебную страну.

Прошло несколько дней, потом недель. Унга не вернулась. Поиски не дали результата. Она исчезла, как будто ее никогда не было в их жизни.

Глава 2

Осеннее золото было смыто дождями, деревья стояли голые, и меж стволов проглядывала красная глинистая дорога. Хотя с виду жизнь в Темре шла своим чередом, Саре все чаще казалось, что эта дорога ведет в никуда.

В вышине все также стремительно неслись облака, холмы выгибались навстречу небу, но на земле поселилась печаль.

В первую очередь, в этом была виновата война. Пусть от отца и Юджина приходили бодрые письма (армия Конфедерации продолжала наступать, и все считали, что победа близка), Сара понимала, что и того, и другого в любую минуту могут убить.

Она хорошо помнила лихорадочное время, когда мужчины спешно записывались в добровольцы, женщины шили форму по выкройкам, опубликованным в газетах, и семьи южан собирали деньги для формирования пехотных рот и конных отрядов.

Сара была обескуражена тем, что отец и брат решили оставить ее одну, но Уильям сумел убедить дочь в том, что вскоре они с Юджином вернутся

домой и что она отлично справится с делами с помощью мистера Фоера, которого не взяли в армию из-за хромой ноги.

— Мы куда выносливее изнеженных янки! С раннего детства проводим жизнь под открытым небом и учимся владеть оружием! А что могут и на что годны они?! — хвастливо заявлял Юджин.

Как крупный плантатор и мужчина, коему перевалило за сорок, Уильям О'Келли мог избежать воинской повинности, но решил защищать землю, ставшую его второй родиной. Так же, как и сын, он был уверен в том, что солдаты Конфедерации без труда разобьют янки.

Несколько месяцев после начала войны армия южан в самом деле продолжала стремительно наступать. Военный министр Конфедерации заявлял, что к концу лета она войдет в Вашингтон и поднимет флаг над зданием Капитолия.

Тем временем в тылу начались трудности, о которых Сара пыталась сообщить в письме, втайне надеясь на то, что отец и Юджин каким-то чудом сумеют вырваться из армии и прийти к ней на помощь.

Она сидела одна в отцовском кабинете, где отныне проводила большую часть времени, и пыталась как можно понятнее изложить то, что

ее волновало.

Сара всегда считала, что с нее довольно вести дом и отдавать распоряжения слугам, а управление плантацией — мужское дело, потому, когда мистер Фоер стал обращаться к ней с требованием разрешить то одну, то другую проблему, она впала в растерянность.

Из-за блокады южных портов кораблями северян ощущался недостаток в обуви, одежде, медикаментах, бумаге, керосине, мыле, соли. Часть лошадей, мулов, крупного рогатого скота забрали «для нужд армии». В начале войны многие рабы умудрились самовольно покинуть поместье, да и сейчас постоянно пытались сбежать, несмотря на то, что Конфедерация выделила для охраны плантаций сто тысяч солдат.

Вскоре после начала военных действий были созданы органы снабжения армии, которые без конца обращались к населению с просьбой пожертвовать ткань, одеяла, продукты. Между тем имение, как и прежде, должно было кормить и обеспечивать одеждой больше двухсот негров, которые выращивали и собирали хлопок.

Некоторое время тишина в кабинете нарушалась лишь скрипом пера и шелестом переворачиваемых страниц, а после раздался легкий стук,

и в дверь вошел Фоер.

Сара не любила этих посещений: ей было неприятно осознавать, что хотя управляющий и вынужден беседовать с ней, как с хозяйкой имения, он явно не воспринимает ее всерьез.

Фоер небрежно поклонился и сел, не дожидаясь приглашения. На нем был наглухо застегнутый черный сюртук, и Саре чудилось, будто под маской старомодности скрывается цепкое, предельно расчетливое существо, видевшее в людях лишь средство для достижения своих целей.

Управляющий долго и нудно говорил о разных мелочах, а потом заявил:

— И под конец самое важное: боюсь, в этом году нам придется сократить посевы хлопка.

Сара посмотрела ему в глаза и ответила:

— Мистер Уильям не одобрил бы этого.

Фоер сделал выразительную паузу.

— Мистер Уильям на войне, а мы — здесь, и именно нам, то есть вам придется принимать решение.

— Полагаю, война скоро закончится.

— Возможно. Однако об этом говорили и месяц, и два, и полгода назад. Война — непредсказуемая и опасная штука.

Сара почувствовала беспомощность, но не хо-

тела подавать виду.

— Почему мы вынуждены сократить посевы?

— Хлопок сейчас не в цене, больший спрос имеют продукты. Стоит посеять больше кукурузы, и приказать рабам выращивать овощи. Кстати, после того, как старший надсмотрщик уволился, а ваш отец и брат уехали, негры явно распустились и перестали работать так усердно, как прежде.

— У Барта было два помощника: кажется, они неплохо справлялись со своими обязанностями?

— Один из них удрал, а за вторым приходится постоянно следить, чтобы он не напился.

— Может, мне выйти и… поговорить с неграми?

Фоер позволил себе усмешку.

— Поговорить? О чем? Взывать к сознательности черных, все равно что выть на луну. Давайте лучше обсудим вот что: необходимо также сократить некоторые расходы, например на питание негров.

Сара твердо ответила:

— Это невозможно.

— В противном случае Темра неминуемо понесет убытки. Вернее, мы несем их с начала войны из-за бесконечных поставок в армию, принудительных займов и прочих вынужденных

расходов, и я пытаюсь сделать все, чтобы облегчить это бремя.

— Но рабов необходимо кормить!

— Нормы, установленные мистером Уильямом, слишком высоки. Двенадцать фунтов соленой свинины, два бушеля кукурузы в месяц — уверен, солдаты в армии получают гораздо меньше!

Сара выпрямила спину и высоко подняла голову с тяжелым узлом волос на затылке.

— Разве мы не богаты? Мы можем позволить себе с честью пережить трудные времена. Отец говорил, что ежегодно мы зарабатываем на хлопке больше двухсот тысяч долларов! Где эти деньги?!

— Мисс Сара, я уже говорил, что хлопок подешевел, к тому же с начала войны Конфедерация выпустила слишком много бумажных денег, которые постоянно обесцениваются.

Фоер смотрел на нее в упор, смотрел изучающе и, как ей чудилось, — осуждающе. Сара занервничала. Ей приходилось признать, что в некоторых вещах она разбирается далеко не так хорошо, как хотелось бы.

— Деньгами в нашей семье всегда занимались мужчины. Право, отцу и Юджину не следовало оставлять меня одну!

— Вы не одна. Я преданно служу вам и ин-

тересам Темры. Что касается необходимости разделения мужских и женских занятий, в этом вы совершенно правы. Кстати, мисс Сара, позвольте… неделикатный вопрос: вы не думали о том, чтобы выйти замуж?

Если бы Фоер произнес какое-нибудь ругательство, она наверняка удивилась бы меньше. Что позволило ему так разговаривать с ней? Возможно, то была искренняя забота, но ведь он всего лишь наемный работник!

Внезапно Сара подумала о том, что не знает ни сколько ему лет, ни из какой он семьи, ни даже как его имя; впрочем, прежде ей не пришло бы в голову интересоваться такими вещами.

— Нет, — с холодным достоинством ответила она, — не думала. К тому же это не ваше дело.

— Извините. Просто я задался вопросом, что вы будете делать с Темрой, если я… уйду.

— Уйдете?!

Он улыбнулся, тогда как его глаза оставались холодными.

— Почему нет? Я же не раб мистера Уильяма, да и рабов в нынешние времена не удержишь на месте. Не могу сказать, что я доволен своим жалованьем, назначенным задолго до того, как началась эта неразбериха.

— Вы хотите прибавки?

— Да. Это вполне естественно. Инфляция растет, а расходы не уменьшаются. К тому же я вынужден решать почти все проблемы, кроме разве что обсуждения меню.

Сара вспыхнула. Она подумала о предложении Фоера урезать неграм паек. Себя-то он не собирался ущемлять! На ум пришли фразы, вычитанные в газетах, и она сказала:

— Разве вы, подобно остальным, не можете поддержать общее дело?

— Нет. Эта война затеяна политиками, и мне безразличны их игры. К тому же я не плантатор, мне нечего терять.

Сара прибегла к последнему доводу:

— Неужели совесть позволит вам бросить Темру в трудные времена?

— Позволит. Я уже сказал: Темра — не моя.

Сара сдалась:

— Какой прибавки вы хотите?

Фоер ответил, и она промолвила:

— Хорошо. Но негров мы будем кормить так, как кормили прежде.

— Воля ваша. — Он поднялся со стула и вдруг сказал: — Между прочим, мисс Сара, если вы всерьез задумаетесь о замужестве, я готов выставить

свою кандидатуру. Понимаю, прежде об этом не могло быть и речи, но сейчас… почему бы и нет?

Он поклонился, надел шляпу и ушел, оставив ее ошарашенную, онемевшую, задохнувшуюся от возмущения.

«Этому никогда не бывать!» — хотела она крикнуть вслед, но слова застряли у нее в горле.

Дрожащая рука Сары потянулась к перу. Сообщить о дерзости управляющего отцу? Она была уверена в том, что он немедленно уволит Фоера. Да, надо немедленно написать, как он себя вел! И вдруг она замерла. Не она ли всего лишь минуту назад уговаривала управляющего не уходить!

Вспомнив взгляд Фоера, Сара поежилась. Она никогда не думала о нем как о мужчине и ей не приходило в голову, что он может видеть в ней женщину. Хотя едва ли это было так. Она видела в его глазах и слышала в его словах только холодный расчет.

Сара твердо решила: как только отец или Юджин приедут в отпуск, она немедленно расскажет им о поведении Фоера. Лучше остаться старой девой, чем выйти замуж за собственного работника!

Она вспомнила о Джейке Китинге. Этот человек оскорбил ее чувства, его поведение заставило ее

разочароваться в представителях сильного пола.

Когда Сара думала о мулатке, в связи с которой состоял Джейк, ее губы кривились в презрительной и горькой усмешке. Вот что на самом деле нужно мужчинам!

Сара отправила Лилу обратно на плантацию и больше не видела ее и не желала видеть. Пусть эта девушка утонет в огромном черном болоте, канет в безликой массе рабов! Рано или поздно она поймет главное: Джейк Китинг никогда не вернется за ней.

Сара закуталась в шаль и спустилась вниз. Ей захотелось узнать, что делается на кухне.

Оттуда доносились голоса и взрывы смеха. Смеялись ли негры так до войны?

Сара открыла дверь. В помещении было душно, от кухонной плиты шел жар. Бесс готовила пирожки с рубленым мясом, жареных цыплят и картофельный салат, громко переговариваясь с Арчи, который сидел за столом и щелкал орехи.

После отъезда мистера Уильяма и его сына работы у лакея значительно поубавилось, и все же несколькими днями раньше Сара непременно сделала бы ему замечание. Сейчас она промолчала, ибо к ней пришло понимание некоторых вещей, вернее не пришло, а нахлынуло, накрыло

неприятной холодной волной.

Негров было много, а она — одна. Внезапно ее душу объял страх, как если б она узнала, что ад находится не под землей, а за соседней дверью.

Бесс и Арчи замолчали и молчали до тех пор, пока она не вышла из кухни, так же, как и они, не промолвив ни единого слова.

Сара вернулась наверх, села за стол и смотрела в недописанное письмо, в котором не было ни слова правды, ибо на самом деле в ее душе звучали печальные, потерянные слова.

Каким-то образом щупальца войны, которая, казалось, шла где-то далеко, сумели дотянуться до имения. Темра больше не была убежищем, тихой гаванью, крепостью и опорой. Потихоньку она превращалась в бремя, в капризное дитя, с которым трудно сладить.

Повинуясь неожиданному порыву, Сара схватила лист, скомкала его, бросила на пол и закрыла лицо руками.

Полная луна стояла прямо над головой, и небо отсвечивало серебром. Сквозь дым костра были видны силуэты танцующих: грациозные изгибы женских тел и мощные торсы мужчин. Лила не принимала участие в танцах, но ей нравилось смотреть на тех, кто самозабвенно предавал душу

и тело чудесным ритмам, создававшим иллюзию свободы.

Она сидела на траве, аккуратно подвернув пеструю, как лоскутное одеяло, юбку. Пламя костра трепетало на ветру, листья деревьев блестели в лунном свете, будто покрытые изморозью.

Большой котел был полон тушеных овощей, на чугунных сковородах жарились кукурузные оладьи и куски тыквы. Один из рабов притащил банку с черной патокой — любимым лакомством негров.

Пока одни танцевали, другие вели неторопливый разговор. Негры могли узнавать о событиях гораздо раньше своих хозяев — благодаря особой системе сообщения, недоступной белым людям. Другое дело, они далеко не всегда знали, как правильно истолковать ту или иную новость. Сейчас все понимали, что мир стоит на пороге каких-то больших событий, но хороших или плохих — бог весть!

Кое-кто из рабов предпочел убежать, но большинство полевых работников оставалось на месте. Они не были привязаны к хозяевам или к земле. Они просто не знали, куда идти.

Хотя рабы боялись Фоера, который время от времени объезжал плантацию, все же они во многом

оказались предоставленными самим себе. Чаще устраивали праздники, громче смеялись, подолгу засиживались возле общего костра.

В один из таких вечеров Лила решила облегчить душу и призналась матери:

— Я давно хотела сказать, что одна негритянка с соседней плантации передала мне сообщение: Алан жив. Он добрался до тех мест, где его никто не сможет схватить.

Нэнси ласково посмотрела на красавицу-дочь и мягко произнесла:

— Я знаю.

Лила опустила ресницы. Конечно, мать знала. Она знала все и про нее, и про других людей.

— Негритянка спросила, будет ли ответ…

Нэнси ждала, и Лила, тяжело вздохнув, продолжила:

— Я солгала. Сказала, что с мисс Айрин все в порядке. Я… я подумала, что, узнав правду, Алан решит вернуться и попадет в ловушку.

— Ты поступила правильно.

— Я слышала, — сказала Лила, — скоро всех нас отпустят на волю, и мы сможем пойти куда вздумается! Ради этого и затеяна война.

Нэнси долго молчала. Немногим раньше кто-то из негров попросил ее спеть, но она отказалась,

и дочь была этому рада. Лиле не нравились материнские песни, хотя у Нэнси был хороший голос: их мелодии были полны беспросветного одиночества и неразбавленной боли.

— Полагаю, даже если мы получим свободу, нам будет некуда идти. Я никогда не поверю в то, что белые люди воюют из-за нас или того пуще — за нас. У них свой мир и свои интересы.

Лила ничего не ответила. Она не разделяла мнения матери и верила в то, что когда-нибудь придут иные времена. Времена, когда Касси станет щеголять в нарядных платьях и ездить в коляске, Айрин выздоровеет, вернется и выйдет замуж за Алана, а она сама — за Джейка Китинга. Что у каждого негра будет собственная земля, и они по праву смогут назвать эту страну своей родиной.

День, когда мистер Уильям приехал домой, выдался пасмурным, мрачным. В низинах стояла вода. Деревья выглядели поникшими, и, несмотря на сильный ветер, небо не могло очиститься от туч. Изредка сквозь них проглядывало тусклое, как старая медная монета, солнце.

Завидев экипаж, Сара выбежала во двор. Ветер трепал концы ее шали. Готовясь обнять отца, она раскинула руки, как крылья, и чувство одиноче-

ства и безнадежности, камнем лежавшее у нее на душе, исчезло, испарилось как дым. Настоящий хозяин Темры сумеет решить любые проблемы, поставить все на свои места!

А потом она поняла: что-то не так.

Отец вылез из коляски еле-еле, он почти не держался на ногах. Обрадованный не меньше Сары, Арчи заботливо поддержал хозяина и бережно повел в дом.

Когда Уильям отвечал на объятия дочери, его лицо исказила гримаса боли. Он пробормотал, что ранен, и тут же отмахнулся, сказав, что это пустяки.

Уильям в самом деле надеялся, что возвращение в родные пенаты чудодейственным образом вернет ему силы. Темра! Бесконечно изменчивый, безграничный пейзаж. Место, где замечаешь все цвета, ощущаешь все запахи. Крепость, отделявшая жизнь от смерти.

Вместе с тем он чувствовал — это ненадолго. Бог подарил ему возможность повидать то, ради чего он жил, прежде чем призвать его к Себе.

Уильяма устроили в спальне. Арчи с великими предосторожностями стянул с него промокший мундир и укрыл хозяина одеялом.

Из обрывочного рассказа отца Сара поняла, что

он был ранен в сражении у реки Булл-Ран возле железнодорожной станции Манассас на подступах к Вашингтону, сражении, в котором армия конфедератов одержала блистательную победу.

— Мы недурно задали им. Янки вопили от бешенства и страха. Они бежали под хохот артиллеристов, которые не собирались по ним стрелять и лишь в шутку выпустили всего один снаряд. — Бледные губы Уильяма тронула улыбка, а после он неожиданно произнес: — Хотя на самом деле нам нечем гордиться. Это братоубийственная война, она ломает нормы морали, искажает понятие о чести, оставляет в сердце пустоту, которая со временем заполняется вовсе не тем, чем нужно. От имени Конфедерации я имею право убить соотечественника, даже… родного брата, если ему выпала судьба оказаться в армии Союза.

Сара замерла. В словах отца прозвучала некая обреченность. Уильям был ранен в плечо, но при этом тяжело дышал и в его груди что-то хрипело. У него сильно мерзли ноги: Касси то и дело приносила и меняла завернутые во фланель горячие кирпичи.

— Наверное, вам не надо было пускаться в столь дальний путь? — робко промолвила Сара:

— Мне очень хотелось вернуться в Темру. В

госпитале сказали, что я могу ехать домой.

— Поблизости не осталось ни одного врача. Все в армии. Доктор Уайтсайд ушел на войну в прошлом месяце.

— Ничего. Думаю, он мне не понадобится.

— А как Юджин? — спросила Сара. — Вы его видели?

— Нет. Мы в разных частях. Он пишет?

— Да, — ответила Сара, отметив про себя, что от Юджина довольно давно не было писем.

Ей не понадобилось слишком много времени, дабы понять, что она осиротела. Она была вынуждена охранять душевный покой отца и не могла сказать ему правду. Болезненная слабость, владевшая телом Уильяма, перенесла его в другой мир. Он мог задавать вопросы, но был не в состоянии принимать решения и заботиться о Темре.

— Как дела в имении?

— Неплохо. Я справляюсь с помощью мистера Фоера.

— Не стоит целиком полагаться на него. Ты должна проверять все счета, каждый день вести записи. Имение должно иметь свою летопись. Так издавна повелось в Темре.

Сара хотела ответить, что она мало что понимает в бухгалтерии, но вместо этого промолвила:

— Хорошо.

Вскоре Уильям заснул. Сара просидела возле его постели всю ночь. Она смотрела в лицо отца, на котором дрожали отбрасываемые лампой тени. Лицо было спокойным, отрешенным. Уильям считал, что оставляет Темру в надежных руках. Он прожил слишком счастливую жизнь, чтобы верить в разрушения и потери.

Утром дождь продолжал лить безостановочно. Темра утопала в потоках воды. Уильям проснулся и закашлялся. Дочь немедленно встрепенулась и протянула ему стакан воды.

Он сделал судорожный глоток и расслабился.

— Сейчас Арчи принесет умыться, а потом подадут завтрак, — как можно веселее произнесла Сара.

— Это хорошо. Я очень рад оказаться дома.

— Вы больше не поедете на войну, отец? — спросила Сара, заглядывая в глаза Уильяма.

— Нет, — мягко произнес он, — не поеду.

Им владело чувство, будто несколько месяцев назад его смыло отливом в огромный океан, а сейчас вынесло обратно из темной глубины прямо к родным берегам.

Глаза Уильяма запали, а рисунок рта изменился. За эту ночь он постарел на много лет. Видя

это, Сара трепетала от страха, но старалась не подавать виду.

Ее догадки подтвердились, когда отец сказал:

— Я хочу поговорить с тобой… об Айрин. Я вписал ее имя в свое завещание.

Сара вздрогнула и распрямила согнутые плечи. В ее взоре промелькнуло возмущение.

— Отец!

Он протянул холодную руку и сплел свои пальцы с пальцами дочери.

— Ничего не говори, просто послушай. Полгода назад я навещал ее в Саванне: она была похожа на привидение, и она меня не узнала. Испугалась, попыталась спрятаться. Доктор сказал, чтобы я больше не приезжал. Надежды на выздоровление нет, и все же… Сара! Я не могу умереть спокойно, не передав тебе своей просьбы: если случится чудо и она поправится, вопреки всему предоставь ей кров. Все это время я день и ночь думал о том, каким образом «помог» своему брату, как «спас» его дочь! Айрин совершила тяжелый проступок, но… возможно, мы чего-то не поняли? Я тоже был молод и тоже не думал ни о чем, кроме любви к твоей матери. Мы пошли против воли ее родителей, и мне пришлось приложить немало усилий для того, чтобы завоевать уважение и

признание общества, которое легко отвернулось от меня после того, как моей племяннице довелось оступиться. Я сделал выбор не в ее пользу, но был ли прав?

Ребенка Айрин мы с Юджином отвезли в Чарльстон, где его, вероятно, продали в какую-то семью. Оставили у человека по имени Хейт, который занимался такими делами. Многие состоятельные люди покупают маленьких мулатов, чтобы вырастить из них хороших домашних рабов. Быть может, когда-нибудь тебе удастся отыскать этого мальчика? Айрин дала ему имя Коннор, которое я попросил оставить, но скорее всего его назвали иначе. И еще: сохрани Темру. Любой ценой. Это — то единственное на свете, что никогда не предаст и не подведет.

— Отец! — Сара не смогла сдержать душивших ее чувств. — С тех пор, как Айрин появилась в нашем доме, все пошло наперекосяк. Она навлекла на Темру проклятие!

Уильям О'Келли закрыл глаза и твердо произнес:

— Обещай! Без этого я не смогу спокойно уйти.

И она была вынуждена прошептать:

— Обещаю.

Он умер на следующее утро. Ранение ослож-

нилось пневмонией, начавшейся во время путешествия в промозглую погоду. Могилу выкопали рядом с могилой его супруги Белинды. На похороны собрались соседи. Они старались поддержать Сару, однако она знала, что после они едва ли станут ее навещать.

Домашние негры стояли поодаль и громко рыдали. Сара понимала, что они с радостью позаботятся о ней, но только — как слуги. Отныне все заботы о Темре — до той поры, пока не вернется Юджин, — сваливаются на ее плечи.

Фоер тоже был тут. Краем глаза она видела его серое непроницаемое лицо. Ей чудилось, что от этого человека исходит непонятная угроза.

Когда могила была зарыта, у Сары неожиданно подкосились ноги и она упала на землю. Ее поднял кто-то из соседей, а Касси отвела в дом. На обратном пути начался дождь, его косые струи намочили волосы Сары, ее траурное платье и смешались с ее слезами.

Несколько дней она просидела возле окна, глядя на простиравшуюся за ним плантацию — самую существенную часть мира, какую она знала. Отныне эта земля представлялась ей живым существом, требующим ее забот, ее сил, ее крови.

Однако Сара не знала, где взять, как высечь ту искру, которая позволит ей воспрянуть духом, обрести уверенность в себе и озарит ее ум.

Через несколько дней она собралась с силами и поехала в Чарльстон. Сара решила телеграфировать командиру полка, в котором служил ее брат, о том, что Уильям О'Келли умер, и попросить полковника Гаррисона предоставить Юджину внеочередной отпуск.

Чарльстон был залит дождем и тонул в дымке размытых огней. Саре казалось, что хор привычных звуков напоминает траурный марш. Ей чудилось, будто город неожиданно сделался суровым, строгим и… одноцветным: многие люди, особенно женщины, были одеты в черное.

Саре представлялось, что она плывет в зыбком тумане, потерянная, никому не нужная, плывет, окруженная безликими призраками.

На телеграфе было полно народу. Встревоженные, озабоченные люди без конца отправляли и получали телеграммы, и Сара встала в хвост длинной очереди. Она покрепче завязала под подбородком ленты покрытой черным крепом шляпки, сжала в руках ридикюль и приготовилась к долгому ожиданию.

Когда через пару часов они с Касси выбрались

с телеграфа, Сара была ни жива ни мертва от усталости, однако сказала:

— Мне необходимо наведаться в одно место.

Она уверенно шла по улицам, а Касси — безмолвная черная тень — в недоумении тащилась следом. Служанка не рискнула задать хозяйке вопрос, ибо выражение лица Сары являло собой воплощение целеустремленности и упрямства. Хотя в целом Касси хорошо понимала белых господ, иногда ей казалось, что внутри них живет нечто такое, что нельзя объяснить словами, чего они и сами не были способны толком постичь.

Несмотря на свою практичность, они могли преследовать призрачные цели и служить глупым интересам. Порой Касси хотелось посмеяться над ними, как она смеялась над полевыми работниками, верящими во всякую чепуху: в духов, населяющих предметы, в грошовые амулеты, вроде пуговиц или гвоздей.

Касси шла за хозяйкой, внимательно глядя себе под ноги и тщательно придерживая подол. Иногда она брезгливо шипела и возмущенно закатывала глаза, а ее нижняя губа возмущенно оттопыривалась, словно носик кувшина.

Саре удалось отыскать человека по имени Хейт в квартале, куда прежде она не сунула бы носа

даже с самой надежной охраной.

Она выглядела усталой, волосы выбились из-под шляпы, подол платья был испачкан в грязи. Говоря с Хейтом, она не могла держаться спокойно; помимо воли в ее голосе прорывались истерические нотки.

Хейт выслушал Сару, не перебивая, а после сказал:

— Иногда господа обращаются ко мне с просьбой пристроить цветного ребенка в хорошую семью. Как правило, они не заинтересованы, чтобы я об этом болтал, и я всегда иду им навстречу.

— Дело в том, — нервно произнесла Сара, комкая в руках платок, — что это был… особый случай. Ребенка родила… белая женщина.

— Мне остается только посочувствовать ей, — развязно произнес Хейт, глядя в порозовевшее лицо Сары.

— Мальчика звали Коннор; цветных обычно так не называют. Мой отец попросил вас сохранить мальчику имя.

Ей почудилось, что во взгляде Хейта промелькнула тень воспоминания, однако он сказал:

— Сожалею, мисс. Это имя мне ни о чем не говорит. К тому же люди, которые забирают у меня детей, имеют право называть их по-своему, как

им заблагорассудится.

Сара сделала последнюю попытку:

— Я вам хорошо заплачу!

— Я все равно не смогу вам помочь.

Госпожа и рабыня пошли назад. Сару раздражал шум деревьев под порывами ветра, грохот колес экипажей с металлическими ободьями, крики возниц, стук копыт лошадей, а свет газовых фонарей казался слишком ярким.

Видя, что хозяйка расстроена, что она не в себе, негритянка сказала:

— Можно поступить гораздо проще, мисс: купить любого цветного ребенка и сказать, что это ее сын. Разве она помнит, как выглядел мальчик!

Взгляд Сары уперся в мокрые камни мостовой.

— У Айрин тяжелое помешательство. Она не узнала даже моего отца. Я хотела найти ребенка не для того, чтобы вернуть его ей.

— А зачем?

— Для того, чтобы увезти его в Темру.

У Касси округлились глаза.

— Что бы вы стали с ним делать?!

— Не знаю. Я хотела исполнить обещание, данное отцу, — сказала Сара и надолго умолкла.

Ее одолевали тяжелые думы. Неужели отец

оставил Темру и отправился на войну, потому что пытался убежать от самого себя, от чувства вины, которое глодало его душу?

Перед тем, как покинуть Чарльстон, Сара вернулась на телеграф в надежде получить телеграмму. Она пришла не напрасно: полковник Гаррисон успел прислать ответ. Когда Сара разворачивала листок, ее руки дрожали от волнения. Внутри ее ждало несколько сухих строк. Капитан Юджин Фрэнсис О'Келли не вернулся с разведывательной операции в Западной Виргинии и числился пропавшим без вести.

Глава 3

Здание для содержания душевнобольных в Саванне было выстроено согласно плану Киркбрайда[10] и представляло собой нечто, издали напоминавшее скалистый массив, а вблизи — викторианский дворец, окруженный обширным запущенным парком.

По ночам, когда оно погружалось во тьму, глубина пространства давила на обитателей огромных палат, и они сжимались в своих железных койках, боясь спустить ноги на истертый, потемневший от времени пол.

Те, кто не мог или кому было запрещено выходить в парк, круглый год видели сквозь решетки одно и то же: высокие деревья и тускло освещенные окна других корпусов.

Главный врач больницы Генри Брин старался содержать меланхоликов отдельно от буйных больных; впрочем, иногда случались ошибки — ведь с сумасшедшими никогда ничего нельзя

---

[10] Примечания: 10

Киркбрайд Томас Стори (1809–1883), американский психиатр, автор архитектурного плана, согласно которому до конца XIX в. в Америке создавались крупные психиатрические госпитали с целью улучшения терапии пациентов.

знать наперед.

Потому иногда по ночам несчастных меланхоликов пугали некие привидения, с диким криком вскакивающие с кроватей, а днем — не менее странные существа с перекошенными ртами, стеклянными глазами, неуклюжими или подчеркнуто театральными жестами. Однако большую часть времени обитатели выкрашенных тускло-зеленой краской палат для тихих больных, куда поместили Руби Хоуп, пребывали в дебрях своего собственного странного мира.

Руби не была меланхоликом и не страдала буйным помешательством. Единственным, что отличало ее от нормальных людей, была болезненная склонность к воровству. Она с детства брала себе все, что понравится, а иногда и то, что ей вовсе не было нужно.

Ее длинные тонкие пальцы напоминали змей, способных незаметно проскользнуть в любой карман, ее взгляд — в зависимости от обстоятельств — был полон обманчивой невинности, обаятельной наглости или неприкрытого цинизма.

Как и Джейк Китинг, Руби родилась в Новом Орлеане. Родители выгнали ее из дому, едва ей исполнилось четырнадцать. Все, что она делала,

казалось забавным, пока никто не принимал ее всерьез, но после это стало проблемой, на которую было трудно закрывать глаза.

Руби провела в тюрьме штата большую часть своей юности и начало молодости и, должно быть, встретила бы там старость, если б не доктор Генри Брин, занимавшийся поисками редких случаев психических заболеваний. Он нанял адвоката, который сумел доказать, что мисс Хоуп больна и нуждается в помещении в клинику.

Доктор Брин увез ее в Саванну. Возможно, не последнюю роль в его решении сыграла красота девушки, красота, к которой, равно как и к ее страсти брать чужое, без сомнения приложил руку дьявол.

Поначалу Руби даже понравилось в госпитале. Она рассчитывала немного отдохнуть и побездельничать, к тому же здесь ее, согласно новейшему французскому методу, неожиданно стали лечить каннабисом[11], который делал меланхоликов счастливыми и разговорчивыми и успокаивал тех, кто страдал какой-либо манией. Такое лечение пришлось Руби настолько по вкусу, что она даже сделала вид, будто ее больше

---

[11] Примечания: 11
Конопля (лат. *Cannabis*).

не интересуют чужие вещи. К несчастью, доктор Брин быстро распознал ее притворство и отменил каннабис.

На первых порах он довольно часто приглашал ее в кабинет и беседовал с ней: во время этих разговоров Руби много смеялась, и доктор не был уверен в том, что предметом ее веселья не являлся именно он. А потом он стал уединяться с ней все реже и реже.

Доктор Брин любил свою работу, но к пациентам относился, как к подопытным животным, чье поведение подтверждало или не подтверждало то, о чем написано в научных трудах. Если да, он был удовлетворен, если нет, это вызывало его неудовольствие. Являясь приверженцем определенных теорий, он раздражался, когда больные невольно пытались опровергнуть то или иное учение.

Вскоре Руби заскучала. Здесь было нечего красть, к тому же пребывать среди душевнобольных, многие из которых были весьма навязчивыми, оказалось нелегко. Она пыталась сбежать, но ворота запирались на замок, а прутья высокого забора были усажены острыми пиками. Мужское и женское отделения больницы разделяла глухая стена почти в два человеческих роста.

Она дважды вытаскивала у охранника ключ, и оба раза ее ловили. Самым скверным было то, что за попытку побега лишали прогулок, а блуждание по парку было едва ли не единственным развлечением Руби.

Хотя по натуре она была одиночкой, все же ей хотелось найти себе компанию. Руби стала приглядываться к соседям по палате и постепенно выделила девушку, в глубине зрачков которой сохранился какой-то печальный свет, свет приглушенного разума.

Гуляя по парку, она выглядела так, будто родилась в этом искусственном лесу, словно она — его дитя: босые ноги, мелкие веточки и листья, запутавшиеся в волосах, испачканный травой подол.

Она рассеянно созерцала окружающий мир, отчего производила впечатление не вполне разумного, но тонко чувствующего создания. Углубляясь в заросли, незнакомка не ломала кусты, не рвала цветы, не пугала птиц. Она была столь незаметна среди других больных, что казалась почти невидимкой.

Она самостоятельно одевалась и ела, спускалась по лестнице и гуляла по саду. Послушно исполняла все, что велели сестры. Наверное, она могла говорить, хотя Руби никогда не слышала

ее голоса.

В конце концов Руби надоело за ней наблюдать, и она сделала то, что делала чаще всего: без колебаний пошла напролом. Улучив момент, подошла к незнакомке и спросила:

— Как тебя зовут? Меня — Руби Хоуп.

Та вздрогнула, сделала долгую паузу, после чего медленно произнесла:

— Бриджит.

От Руби не укрылись ее сомнения, и она уточнила:

— Ты уверена?

Больная пожала плечами. «Как дела у нашей Бриджит?» — обычно спрашивал доктор Брин. Ей было спокойно и уютно с этим именем, оно ее защищало, как защищает материнская рука.

Руби сверлила ее взглядом своих темных глаз, похожих на две капли чернил.

— Как ты сюда попала?

— Не знаю.

— Ты что, совсем ничего не помнишь?

Бриджит опустила голову. Она в самом деле не понимала, каким образом краски и контуры действительности растворились, исчезли, а их место заняла темная пустота. Постепенно мрак рассеялся, и она осознала себя находящейся в госпитале.

Прошлое исчезло, будущего не существовало, а настоящее превратилось в унылую вечность. И все же она худо-бедно могла существовать в этом мире.

Однажды к ней явился человек из прошлого, неприглядного, безнадежного прошлого, которого она не помнила и не желала помнить, и это настолько потрясло ее и напугало, что она забилась в истерике.

Неожиданно руки Бриджит задрожали, а из глаз потекли слезы. Это заметила одна из сестер, сопровождавших больных на прогулках и следивших за их состоянием. Она быстрым шагом подошла к девушке и уверенно увлекла за собой.

Руби проводила сестру и больную подозрительным взглядом. Она знала, что персонал ее не любит: за жажду жизни, порой дерзкий, а порой блудливый взгляд, подчеркнутую легкомысленность и вульгарность. Они считали, что Руби здесь не место, в чем были несомненно правы.

Когда, возвращаясь с прогулки, Руби вновь попыталась приблизиться к больной, сестра строго сказала:

— Мисс Хоуп, не надо разговаривать с мисс О'Келли. Вы можете ее напугать.

Руби хитро улыбнулась и отошла, довольная

тем, что, не прикладывая никаких усилий, узнала фамилию «Бриджит».

В столовой, поедая безвкусный, недосоленный и переваренный обед, она исподволь следила за девушкой. Та вела себя рассеянно, ела вяло, но Руби чудилось, будто Бриджит о чем-то напряженно размышляет.

Руби решила дождаться ночи. Когда обитатели палаты погрузились в забвение или сон, она забралась в кровать соседки и решительно прошептала:

— Подвинься!

Та поджала колени к груди, застыла без движения и закрыла глаза. Так было в первые месяцы ее пребывания в госпитале: ей во что бы то ни стало хотелось уйти от действительности, погрузиться в темноту собственного замкнутого пространства. И сейчас она словно хотела сказать Руби: «Я тебя не вижу, значит, тебя не существует!». Однако та бесцеремонно тряхнула Бриджит за плечо и нетерпеливо произнесла:

— Я хочу с тобой поговорить!

За окном высились темные громады корпусов госпиталя, ночное одеяние неба пестрело звездами. Тишину палаты нарушало лишь прерывистое дыхание да изредка — бессвязное бормотание

больных.

Бриджит открыла глаза и столкнулась со взглядом соседки. Светлые волосы Руби в свете луны казались серебристыми, а темные глаза — куда более загадочными и глубокими, чем днем.

— Представь себе, я не помешанная. Думаю, что и ты — тоже.

— Кто ты?

Руби хихикнула.

— Обыкновенная воровка. Думаю, это давно поняли все, в том числе и доктор Брин. Просто он не хочет признавать свою ошибку. А я не желаю вновь попадать в тюрьму.

— А кто, по-твоему, я? — боязливо спросила Бриджит.

— Не думаю, что преступница. Скорее, жертва. Тебя не могли упрятать сюда какие-нибудь родственники?

— Не знаю, — с сомнением произнесла Бриджит.

— Ты хочешь, чтобы я тебе помогла?

Бриджит съежилась.

— Помогла?

Руби смотрела на нее в упор.

— Да. Помогла вспомнить.

— Зачем?

— Жизнь не стоит на месте. Она не меняется только здесь. Потому все, что ты видишь в этих стенах, — обман. Разве тебе не хочется узнать, что происходит на самом деле?

— Мне здесь хорошо, — неуверенно произнесла Бриджит.

— Человеку не может быть хорошо, если он не знает правды о себе, — отрезала Руби.

— Но как узнать эту правду?

Руби стиснула одеяло в кулаке.

— Надо подумать.

Они встретили утро каждая в своей кровати, но днем старались не разлучаться. В парке Руби пробралась вглубь зарослей и легла под ветвями, меж узловатых корней, с наслаждением вдыхая запахи земли, травы и древесной коры.

— Наверное, ты не сразу решилась выйти на дневной свет? — небрежно произнесла она.

Бриджит замерла.

— Нет.

Она хорошо помнила, как лежала, сжавшись в кровати, с единственным желанием — укрыться от всех. Как впервые робко спустившись в парк, щурила глаза, словно человек, который много времени провел во тьме.

— Я придумала, — неожиданно призналась

Руби и спросила: — Кстати, ты давно не видела себя в зеркале?

Она вытащила откуда-то мутный осколок и протянула Бриджит. Заглянув в него, та вздрогнула. Из зеркала глядело странное, бледное, худое создание с растрепанными, напоминавшими мочалку волосами: то ли девушка, то ли старуха. Но в глазах, пронзительно-зеленых глазах, теплилась жизнь. Бескровные губы шевельнулись, и существо ответило, то ли Руби, то ли самой Бриджит:

— Хорошо. Поступай, как считаешь нужным.

По вечерам доктор Брин обычно делал второй обход. Он редко задерживался в палатах, где содержались меланхолики, но в этот раз Руби была настроена игриво и не желала его отпускать.

Она встала и подошла к доктору, подметая пол подолом ветхого одеяния. Ее взор излучал лукавство, а на губах сияла улыбка.

— Если вы снова не пропишете мне каннабис, я впаду в такую меланхолию, какой еще не видывали стены вашего госпиталя!

Доктор принужденно засмеялся.

— Дорогая Руби! Полагаю, вы никогда не утратите способность радоваться жизни.

— Я давно ее потеряла, поскольку здесь нет

никаких развлечений. Я лишена привычных удовольствий. Скажем, возможности… потанцевать. А как вы относитесь к танцам?

Не дожидаясь ответа, она схватила его за руки, затем бесцеремонно обняла и попыталась сделать несколько па. Зная ее склонности, доктор Брин опасливо отшатнулся, а Руби расплылась в притворной улыбке.

— Не беспокойтесь. Все самое ценное останется при вас.

Когда он ушел, она немного подождала, после чего показала Бриджит блестящий ключ.

— Надеюсь, я не ошиблась. Я не раз видела, как он отпирал небольшим ключом комнату, где хранятся записи наших судеб.

Бриджит с благодарностью смотрела на соседку. То, что рядом находится человек, проявляющий к ней истинное участие, внушало ощущение безопасности и опоры. Руби не пыталась развеселить ее или утешить, вместе с тем ее присутствие чудесным образом поддерживало, бодрило.

Бриджит не знала, плохой или хороший человек доктор Брин, однако порой, когда он пытался с ней побеседовать, его улыбка ранила ее душу, и она испытывала чувство вины за то, что она — такая, какая есть, что с нею что-то не так.

Они с трудом дождались наступления ночи. В предвкушении настоящего приключения Руби дрожала от нетерпения.

Бриджит сидела на кровати в полотняной рубашке, обняв колени руками. Прежде она радовалась ночи, потому что когда на землю опускалась тьма, сон обволакивал ее, как пелена тяжелой воды, и ее собственный мрак сливался с мраком небес. Но сегодня все было иначе. Сегодня ночь могла подарить ей свет.

Госпитали, выстроенные по плану Киркбрайда, были хороши всем, кроме одного: их корпуса были настолько велики, а коридоры длинны, что дабы дойти из одного конца клиники до другого, персоналу требовалось не менее получаса.

Врачей и сестер не хватало, потому по ночам большинство из них дежурило близ палат с буйными больными, тогда как меланхолики были предоставлены сами себе.

Руби взяла Бриджит за руку и вышла в коридор. Пол холодил босые ноги; шаги казались бесшумными, словно по госпиталю брели не живые люди, а скользили бесплотные тени. В белых рубашках, с распущенными по плечам волосами и бледными лицами они впрямь походили на привидения.

Хотя окна казались огромными, мрак за ними был настолько плотным, что могло почудиться, будто стекла замазаны черной краской. Когда Руби и Бриджит свернули в другой коридор, стало светлее. По полу протянулись желтые полосы — отсветы одинокого фонаря, озарявшего пустынный двор.

Где-то слышались голоса — обитатели госпиталя жили своей ночной жизнью. Сколько раз Бриджит просыпалась от отрывистых натужных вскриков, невнятного бормотания, унылого плача, странного смеха и лежала в испуге, напряженно прислушиваясь, а порой до крови кусая губы!

Несколько раз она прокусывала кожу на обеих ладонях, отчего оставались следы, подобные стигматам. За такие проступки ее нещадно корили сестры и доктор Брин, а что ей хотелось испытывать меньше всего, так это чувство вины.

В такие минуты Бриджит понимала, что ее пребывание в этих стенах было вынужденным и что ей здесь вовсе не хорошо. Между тем атмосфера госпиталя успела проникнуть в каждую клеточку тела, превратив ее в послушное орудие непонятных сил.

Внезапно Руби вздрогнула и тихо зашипела: в

противоположном конце коридора появилась сестра в длинном белом одеянии и высоком накрахмаленном чепце. Если об их ночной вылазке донесут доктору Брину, другой возможности попасть в запретную комнату не представится!

Жизнь научила Руби выкручиваться из любых ситуаций: она без колебаний толкнула дверь какой-то палаты и проскользнула туда, не отпуская руки Бриджит.

Тут же раздался истошный вой кого-то из напуганных неожиданным вторжением больных, и шаги сестры в коридоре сделались неумолимо частыми и быстрыми.

Руби выругалась сквозь зубы, потом легла на пол и заползла под одну из кроватей. Вопреки ожиданиям Бриджит последовала ее примеру.

Пока сестра дошла до палаты, пока она зажгла лампу, атмосфера немного разрядилась. Сестра успокоила дрожащую больную; к счастью, ей не пришло в голову обыскивать помещение и заглядывать под кровати.

Когда звук ее шагов стих вдалеке, Руби все также ползком покинула палату. Она поднялась на ноги лишь в коридоре и отряхнулась как мокрая собака.

— Сколько пыли! А ты молодец! Ну что, идем?

Бриджит кивнула.

Они поднялись по лестнице на следующий этаж и остановились у небольшой белой двери.

— Здесь.

Бриджит вздрогнула. Может, уйти, пока еще не поздно? Она уже привыкла к неизменности своего существования, равно как к отсутствию надежд. И все-таки что-то заставляло ее стоять на месте.

Руби возилась с ключом.

— О нет! Неужели не тот?!

Когда ключ тихо повернулся в замке, из ее груди вырвался вздох облегчения.

Комната была до потолка забита бумагами. К счастью, в окошко проникал слабый свет фонаря.

— Откуда ты знаешь, что искать? — спросила Бриджит Руби, которая шарила взглядом по полкам, где громоздились кипы документов.

— Твоя фамилия О'Келли. Так сказала одна из сестер.

Бриджит замерла. В ее сознании и сердце словно растопился кусок льда. Сопряженная с невыносимой болью память нахлынула бурной волной, и будто сами собой из ее уст прозвучали слова:

— Да, О'Келли. Айрин О'Келли. Бриджит звали мою мать. Только это было очень давно, в другой жизни.

Руби в изумлении обернулась.

— Ты вспомнила! Как же все просто! Ты права: за этими стенами совершенно другая жизнь!

— Ищи, — сказала Айрин, — я вспомнила не все.

— Ты помнишь, откуда ты?

— Я приехала из Ирландии.

— Кто упрятал тебя сюда?!

— Догадываюсь, но точно не знаю.

— В каком году? На документах проставлены даты — так было бы проще искать.

— Этого я не помню.

— Ты права: здесь нет времени.

Потеряв терпение, Руби свалила бумаги в кучу, а потом принялась лихорадочно раскидывать.

— Ты умеешь читать? Тогда помогай!

Они возились не менее часа, пока нашли то, что нужно. Руби чихнула, отряхнула пыль с волос, уселась на пол и заглянула в документ.

Айрин присела на корточки. Содержимое этих бумаг для нее было ни больше ни меньше как Божьим откровением. В них было записано ее прошлое, а также лежал ключ к будущему, буду-

щему, которое перечеркнула чья-то невидимая, властная рука.

— «Дни мои прошли; думы мои — достояние сердца моего — разбиты»[12], — как нельзя к месту повторила она слова, которые некогда слышала от отца Бакли. Она его вспомнила. Значит, вспомнит и остальное.

Губы Руби шевелились — она читала. Айрин ждала, не сводя с нее взгляда, наблюдая за тем, как меняется ее лицо.

Внезапно Руби с силой скомкала бумаги и произнесла странным, чужим голосом:

— Зря я это затеяла. Пошли отсюда!

На что Айрин тихо, но твердо ответила:

— Отдай!

Глаза Руби забегали, она прижала документы к груди, потом вскочила и попыталась затолкать их на верхнюю полку. Завязалась бесшумная борьба. Бумажный поток хлынул на пол, и в комнатке воцарился хаос.

Возможно, из-за отчаянного желания узнать правду Айрин оказалась сильнее. Запыхавшаяся, растрепанная, она вырвала добычу из рук Руби, расправила листы и впилась взглядом в неров-

---

[12] Примечания: 12
Книга Иова *17:11.*

ные строки.

Руби тяжело дышала. Она успела проговорить:

— Постой! Тебя в самом деле зовут Айрин О'Келли, и с тобой произошло нечто ужасное — неудивительно, что ты повредилась умом!

— Мне все равно. Я хочу знать правду.

У Руби лязгнули зубы. Она никогда не страдала избытком милосердия; навидалась и звериной грубости, и жестокости и всегда считала, что человека проще научить плавать, если без колебаний швырнуть его в воду. Но то, что содержали эти бумаги, было слишком даже для нее.

— Хочешь знать правду?! Ты… тебя изнасиловал темнокожий невольник твоего дяди, после чего ты родила ребенка, который умер. У тебя были очень тяжелые роды, началась горячка, и ты очнулась такой, какой сюда попала. Родственники не захотели и не смогли держать тебя дома.

Айрин пошатнулась. Она перестала ощущать реальность. Память унесла ее сперва на зеленый остров, а после вернула туда, откуда начался ее печальный путь во тьму.

Она вырвалась из душной комнаты, словно надеясь, что глоток свежего воздуха поможет ей преодолеть острую боль, которая впилась в нее с такой силой, что она не могла ни кричать, ни

звать на помощь.

Мрак охватил ее со всех сторон, и она боролась с ним, разорвав на себе рубашку и расцарапав лицо. Перед глазами плыли грязно-белые стены коридора, в ушах стоял гул, а грудь сжимало железным обручем. Когда Айрин наконец поняла, что желает вырваться из самой себя, она упала на пол и застыла без единого движения и стона.

Руби сидела на грязном матрасе в комнате с голыми стенами. Звенящая тишина нарушалась лишь редкими шагами сестер.

Два раза в день одна из них проталкивала под решетку поднос, который Руби с решительным видом отодвигала обратно.

Она хотела видеть доктора Брина. Она желала знать правду о своей судьбе и о судьбе той, чью хрупкую жизнь до основания разрушила неосторожным прикосновением.

Наконец доктор пришел. Остановившись по другую сторону решетчатой двери, он вопросительно уставился на Руби, которая сказала, вызывающе тряхнув головой:

— Я позвала вас для того, чтобы задать вопрос: я в тюрьме? Или в монастырской келье? Если последнее, то не кажется ли вам, что мне поздно постригаться в монахини!

— Мисс Хоуп, вы в больнице.

— Вот как? Значит, таким образом меня лечат?

Доктор смотрел на нее с нескрываемой жалостью.

— Увы, мисс Хоуп, ваш случай безнадежен, и вы это знаете. Я решил вас запереть, чтобы вы еще чего-нибудь не натворили. Что касается вашей болезни, ее можно вылечить лишь отрубанием рук.

Руби презрительно усмехнулась.

— Вы узнали об этом только сейчас? Кстати, куда подевалась «дорогая Руби»?

— «Дорогой Руби» больше нет. Я должен признать, что ошибся. Вскоре вас увезут отсюда.

— Куда?

— В тюрьму.

Руби достойно приняла удар. Она только сказала:

— Хорошо, что вы умеете признавать свои ошибки.

Доктор Брин нахмурился.

— К сожалению, некоторые из них слишком дорого обходятся.

— Вы имеете в виду Айрин О'Келли?

— И ее тоже.

— Я хочу знать правду о том, что с ней стало.

— Правду? Вы сами часто ее говорите? — поинтересовался доктор Брин.

Руби моргнула.

— Почти никогда.

— Тогда откуда столь сильная жажда истины?

Руби тайно вздохнула. В глубине души она понимала, что натворила, хотя и не хотела этого показывать. Словно хищная птица, она напала на беспомощную добычу, впилась в нее мощными когтями и уничтожила. Просто так, ни за что.

Однако она скорее умерла бы, чем призналась, что ее гложет чувство вины, а потому небрежно произнесла:

— Мне кажется, неправильно скрывать от больных все, даже то, как их на самом деле зовут. Я имею в виду все ту же мисс О'Келли.

— Мисс Хоуп, вы не видели, какой она сюда попала. Я добился с ней больших успехов, а вы все испортили.

Руби приподняла брови.

— Успехов?

— Она хорошо себя чувствовала, — ответил доктор Брин, игнорируя иронию.

— Вы добились того, что она ничего о себе не помнила, ни к чему не стремилась, ничего не хотела. И это вы называете хорошим самочув-

ствием?

— В ее случае — да. Одно время в ее жизни были только Naht und Nebel[13], хотя едва ли это вам о чем-то говорит. Потом она понемногу научилась радоваться зелени в парке, солнечному свету, теплу. Когда я назвал ее «Бриджит»[14], просто потому, что она ирландка, она впервые ожила, повернула ко мне лицо, посмотрела на меня. Потому с тех пор я и звал ее так.

— Она не была самой собой, — упрямо заявила Руби.

— Боюсь, она никогда уже ею не станет.

Руби в волнении сжала пальцы.

— Что с ней сейчас?

— У нее тяжелая горячка, которая, боюсь, повлечет за собой полное безумие. Если ей вообще удастся выжить.

Пытаясь скрыть волнение, Руби пожала плечами.

— Она казалась вполне здоровой.

Доктор Брин печально улыбнулся.

— Вот видите: именно это я и называю улучше-

---

[13] Примечания: 13

«Ночь и мгла» *(нем.).*

[14] Примечания: 14

Бриджит — имя святой, покровительницы Ирландии, распространенное женское имя.

нием. Мисс О'Келли относится к числу пациенток, которые едва ли когда-нибудь смогут отсюда выйти, потому моя задача сделать их пребывание в госпитале если не счастливым, то терпимым.

Айрин открыла глаза и с трудом подняла руку, чтобы откинуть со лба влажные волосы. Собственное тело казалось ей удивительно тяжелым, хотя она весила очень мало. Несмотря на это, ее душа была полна внутренней энергии, а мозг работал удивительно четко; едва очнувшись, она испытывала стойкое ощущение, будто заново родилась.

Подошла сестра и напоила больную, после чего помогла ей переменить пропитанную липким потом рубашку.

Сорочка, в которую облачили Айрин, была старой, пожелтевшей от плохой стирки. Она застегивалась сзади на пуговицы; пока сиделка возилась с ними, вошла другая сестра, помоложе, и спросила, глядя на больную так, словно та не могла ни услышать, ни понять ее слов:

— Как она?

— Вроде выкарабкалась. Кто бы мог подумать? Смотри, уже садится!

Айрин хорошо понимала, что не должна давать выход эмоциям. Она притворилась безучастной

и слушала, о чем говорят сестры.

— Иногда мне кажется, что мы такие же пленницы нашего заведения, как эти несчастные, и что я была бы куда нужнее в госпитале для раненых, чем здесь, — с сожалением произнесла молодая сестра, а ее товарка ответила:

— Я не хочу иметь дела с тем, что связано с войной. Я привыкла к стонам душевнобольных, но не к виду кровавых ран. По крайней мере, здесь, в Саванне, я чувствую себя в безопасности.

— Война скоро закончится. Наша армия куда сильнее армии янки!

— Об этом без конца пишут в газетах, тем не менее бои продолжаются, а из-за этой проклятой блокады мы кормим больных все хуже и хуже.

— Большинству из них все равно, что им дают!

Из этого разговора Айрин узнала, что госпиталь находится в Саванне (она смутно помнила название такого города) и что в стране началась война. Она не имела понятия, сколько лет провела в лечебнице и какой сейчас год.

Нужно было как можно скорее поговорить с доктором Брином!

Вместе с тем Айрин испытывала нерешительность. Несмотря на улыбчивость и приятную внешность, этот человек внушал ей необъ-

яснимый страх. Как сделать так, чтобы он ей поверил?

Через несколько дней, к безмерному удивлению сестер, она встала на ноги, и ее вернули в прежнюю палату. Руби исчезла, ее койка стояла пустая.

Айрин выждала момент, когда персонала не было ни в палате, ни в коридоре, и отправилась на поиски доктора Брина.

Она не хотела говорить с ним во время обхода, при других больных: разговор был слишком серьезным и важным, он требовал уединения с глазу на глаз.

Айрин пожалела, что у нее нет зеркала. Она попыталась пригладить волосы и расправить складки старого пеньюара, который пожертвовала госпиталю какая-то дама, а после тихо выскользнула из палаты.

Она разучилась ориентироваться в пространстве и далеко не сразу сообразила, куда идти. Переход по коридорам и лестницам дался ей тяжело: Айрин слишком долго была лишена свободы передвижения и совершенно отвыкла действовать самостоятельно.

Все же ей удалось найти кабинет доктора Брина (при этом удачно избежав столкновений с

персоналом), и она, постучавшись, вошла.

— Здравствуйте, доктор. Я должна с вами поговорить.

Увидев ее, врач изумился. Прежде глаза Айрин О'Келли казались неподвижными, словно нарисованными на бледном лице. Теперь они ожили, и он почувствовал, что слабеет под их пристальным взглядом.

Доктору Брину всегда нравилась эта пациентка: она являлась живым подтверждением того, что написано в учебниках. Врач был уверен в том, что ее болезнь неизлечима. Согласно новейшим исследованиям, меланхолия могла смениться манией — только и всего.

— Присаживайтесь… мисс О'Келли.

Он слегка запнулся, и Айрин вспомнила, как он называл ее «наша Бриджит» и долгое время скрывал от нее правду. Орудие этого человека — ложь, и ему нельзя доверять.

Айрин продолжала стоять. Она лишь оперлась руками о стол.

— Я бы хотела узнать, где Руби Хоуп.

— Ее больше нет в госпитале. Мисс Хоуп перевели в другое место.

— В другую лечебницу?

Доктор Брин улыбнулся.

— Будем считать, что да.

— Она больше не вернется сюда?

— Боюсь, что нет. Дело в том, что ее присутствие вредно для… некоторой части здешних больных.

— Если б не Руби Хоуп, я бы никогда ничего не вспомнила, — заметила Айрин.

Врач откинулся на спинку стула.

— Если вам угодно приписать ей подобные заслуги, я не стану возражать.

— В данный момент меня больше волнуют иные вещи, — сказала Айрин. — Я случайно услышала, что в стране началась война.

Такое заявление удивило доктора Брина. Меланхолики крайне редко проявляли интерес к тому, что происходило за рамками их собственного мира, а тем более — за стенами госпиталя.

— Война? Ах да. Это не должно вас беспокоить. Военные действия идут далеко отсюда.

— Южная Каролина не захвачена?

— Разумеется, нет.

Врач был поражен тем, насколько четко она излагает свои мысли, и с трудом заставил себя не попасться на удочку.

— Мне нужно как можно скорее выйти отсюда.

— Думаю, вам стоит побыть в госпитале… еще некоторое время. Вы не вполне оправились от

болезни.

— Я здорова. Мне необходимо найти любимого человека и своего ребенка.

Доктор Брин вытаращил глаза. Разумеется, он слышал и читал о таких случаях. Под влиянием горячки или внезапного душевного удара внутренний лед растаял, чувства освободились, а воля больного разума преобразила внешний враждебный мир. Насильник превратился в возлюбленного, а ребенок воскрес.

Пока он собирался с мыслями, Айрин его опередила:

— Мой дядя, мистер Уильям О'Келли, и его сын обманули вас. Меня никто не насиловал. Я любила этого мужчину. Ему грозила смерть, потому он был вынужден бежать из имения. Я родила ребенка, но семья О'Келли отняла у меня мальчика, сказав, что он умер. Я в это не верю. Они увезли его и где-то оставили. Вот почему мне необходимо вернуться в Темру.

Пока она говорила, доктор Брин успел овладеть собой. Он участливо кивнул и серьезно произнес:

— Я понимаю вас, мисс О'Келли. Однако вы слишком долго были больны и едва ли способны самостоятельно проделать столь долгий путь.

Я напишу вашему дяде и попрошу его приехать за вами.

Айрин тряхнула головой.

— Я не хочу, чтобы он приезжал! Отныне он и его дети — мои враги.

— Вы только что сказали, что собираетесь вернуться в имение мистера О'Келли, — заметил врач.

— Да, чтобы заставить его сказать, где мой ребенок. А еще я надеюсь узнать, что стало с отцом моего сына.

— Вы утверждаете, что добровольно отдались невольнику своего дяди? Цветному мужчине?

Айрин видела во взгляде доктора Брина болезненный интерес, интерес к ее чувствам. Несмотря на временно помутившийся разум, в тайных уголках ее сердца сохранилась любовь к Алану и надежда на то, что они когда-нибудь встретятся. Однако доктора Брина занимало вовсе не это. На его лице явственно читалась мысль: если это в самом деле правда, значит, Айрин еще прежде страдала помешательством.

— Да. Для меня не имел значения цвет его кожи, — просто ответила она и спросила: — Какой сейчас год?

— Если не ошибаюсь, тысяча восемьсот шесть-

десят второй.

Айрин пошатнулась и смежила веки. Прошло два года! Жив ли ее ребенок и где он?! Как она могла о нем позабыть?! Тысячи картин промелькнули перед ее мысленным взглядом, после чего она открыла глаз и вернулась в действительность.

— Хорошо, напишите дяде. Мне интересно узнать, что он ответит, — с удивительным спокойствием произнесла она и вышла за дверь.

И только там дала волю своим истинным чувствам.

Дружелюбный и непринужденный тон доктора Брина не обманул Айрин. Она понимала, что ее не собираются отпускать.

Возможно, врач действительно напишет мистеру Уильяму? Как ни странно, в том заключалась ее единственная надежда.

Айрин смутно помнила, что дядя приезжал в госпиталь и она его испугалась, как пугается животное, завидевшее своего мучителя. Поверит ли он в то, что отныне она способна рассуждать и действовать здраво?

Прошло несколько унылых, тягостных, мучительных дней. Прежде она не замечала времени, а теперь оно превратилось в удавку, которую

невидимые руки медленно затягивали на ее шее.

Отныне Айрин смотрела на госпиталь другим взглядом, взглядом разумного человека. Несмотря на то, что стены были сложены из красного кирпича, а наличники выкрашены в белый цвет, здание казалось удивительно мрачным. Ничто не могло рассеять его зловещую ауру: ни просторные палаты, ни клумбы у входа, ни огромный зеленый парк. Это была тюрьма, хотя прежде Айрин даже нравилось здесь: атмосфера госпиталя смягчала душевную усталость и прогоняла страхи.

Сейчас тишина таила в себе неясную угрозу, большие комнаты с облупившейся краской пахли запустением, пища была ужасной, больные напоминали ходячих призраков, да и сам персонал представлял собой кучку задавленных жизнью, несчастных людей.

Айрин тщательно обследовала территорию. Убежать было сложно. Оставалось действовать хитростью или ждать. Она могла бы набраться терпения, но беда заключалась в том, что в ее распоряжении оставалось слишком мало времени.

Прежде она боялась ночи, оттого что мрак таил в себе одиночество и приближал смерть. Теперь ночная пора казалась мучительной, потому что вместе с ней к Айрин приходили сны, а в бес-

сонные часы — думы о Конноре, ее сыне. Эти видения и мысли разрушали крепость, которую она усилием воли воздвигала днем.

У ее мальчика были черные глаза, шелковистые волосы и нежная кожа. От него пахло грудным молоком и летним солнцем.

После родов она была так слаба, что не смогла его разглядеть и совсем не запомнила. Существовал ли на свете кто-то, кто заменил ему мать? Она надеялась, что да, и в то же время боялась этого.

Во время каждого обхода доктор Брин уверял ее в том, что давно написал мистеру Уильяму, но из-за войны почта плохо работает.

Крайне чувствительная к фальши, она понимала, что он лжет, отчего внутри начала скапливаться злость. Доктор Брин это видел и наблюдал за ней, делая записи в дневнике, до тех пор, пока она вновь не явилась к нему в кабинет.

— Дорогая мисс О'Келли, — торжественно произнес он, не давая ей заговорить, — я прекрасно знаю, что вы хотите сказать. Вы чего-то боитесь и чего-то ждете; вы уверены в том, что вам и вашим близким угрожает опасность. Вы меня ненавидите, ибо я кажусь вам виновником того, что с вами происходит.

Бледные губы Айрин задрожали, а глаза превра-

тились в узкие полоски сверкающего зеленого металла. Ее быстрый взгляд скользнул по столу и наткнулся на нож для разрезания бумаги. Будучи не в состоянии сдержаться, Айрин схватила его и что есть силы вонзила в руку доктора Брина, пригвоздив ее к столу. А потом потянулась пальцами к его горлу.

Вскоре ее волокли по коридору в ту самую комнату с решетчатой дверью, в какой прежде была заперта Руби Хоуп. Айрин визжала, царапалась и кусалась, и дабы справиться с ней, потребовались усилия двух санитаров из мужского отделения госпиталя и нескольких сестер.

Через несколько минут дверь с лязгом захлопнулась, ограждая ее от мира, в котором совсем недавно воскресла вера и затеплилась надежда.

Глава 4

Ничто так не будоражило жителей Сан-Франциско, как прибытие почтового парохода из Нью-Йорка, совершавшего рейсы каждые две недели. На почте выстраивалась длинная очередь желающих получить свои письма. И хотя Джейк Китинг прекрасно знал, что ему никто не напишет, он исправно появлялся в этом многолюдном месте, чтобы, пусть и с некоторым опозданием, прочитать пару нью-йоркских газет.

В первую очередь его интересовала война. Газеты сообщали, что южане подставили под угрозу Вашингтон; наступление было ликвидировано ценой больших трудностей и потерь. Вместе с тем в течение года северяне заняли такие южные города, как Коринф, Мемфис и Новый Орлеан.

Джейк испытывал противоречивые чувства. Как и многие южане, он считал родной город неприступным, особенно с моря, и когда Новый Орлеан пал, его одолела тревога за судьбу родителей и брата. С другой стороны, он не мог уверенно заявить, на чьей стороне находится, так как именно северяне собирались освободить рабов. Находясь вдалеке от места событий, он

совершенно запутался и не знал, как оценивать то, что происходило в стране.

На очередном заседании кабинета министров президент Линкольн[15] огласил проект Декларации об отмене рабства в штатах, входивших в Конфедерацию, и на всей территории, занятой войсками Союза. Если бы документ об освобождении негров без выкупа был принят, Джейк мог бы вернуться в Южную Каролину и беспрепятственно забрать Лилу из Темры.

Впрочем, его дела с накоплением денег тоже шли успешно. Несколько месяцев назад Джейк и Барт покинули участок, так и не найдя на нем золота. Барт устроился в горнорудную компанию, а Джейк занялся врачебной практикой. И если первый стал получать жалкие два доллара в неделю, то в карманы второго потек золотой песок.

Нед Истмен оказался прав: в краю, где свирепствовали лихорадка, дизентерия и цинга, а также повальное пьянство, приводившее к кровавым дракам, врачевание оказалось весьма прибыльным занятием.

Среди ирландских эмигрантов не было ни удачливых, ни богатых. Среди золотоискателей

---

[15] Примечания: 15

Линкольн Авраам (1809–1865), американский государственный деятель, 16-й президент США (1861–1865).

они попадались. Джейк мог оказать бесплатную помощь двум-трем бедолагам, а после к нему являлся тот, чьи карманы были набиты золотом.

Новоорлеанским богачам мешало чванство, потому они не обращались к таким, как доктор Китинг, выходцам из «неблагородной» среды. Разношерстное население Сан-Франциско не было столь разборчиво. Вчерашний неудачник мог обнаружить жилу, отпраздновать это событие в салуне, напиться, подраться и наутро явиться к Джейку с просьбой вправить вывих или залечить рану, а в качестве платы положить на стол увесистый мешочек с золотым песком.

Джейк и Барт вновь поселились вместе. Хотя после того, как приятели покинули участок, Барт ни разу не заговорил об Унге, Джейк чувствовал, что он часто ее вспоминает.

Вернувшись с работы, Барт ужинал, выпивал кварту виски и заваливался спать. Он редко куда-либо выходил; похоже, больше его не интересовали ни женщины, ни веселье в мужском кругу.

Джейк пробовал поговорить с приятелем о его будущем, но тот лишь огрызался в ответ, и он оставил Барта в покое. Однако сегодня он прочитал в «Нью-Йорк трибюн» нечто такое, о чем не

мог умолчать.

Джейк вошел в маленькую квартирку, зажав газету в руке. Он задержался на почте до темноты, потому Барт успел вернуться домой. Он сидел за столом перед стаканом с виски и имел вид смертельно уставшего от жизни человека. На его лице застыла хмурая гримаса, взгляд был беспросветно мрачен.

— Где ты был? — вяло произнес он, допивая виски.

— На почте.

— Ах да, я и забыл. Янки уже побили южан?

— Нет. Однако я прочитал в газете кое-что любопытное, — сказал Джейк и присел к столу.

Барт кивнул на бутылку.

— Выпьешь?

— Выпил бы, если б был уверен, что меня не разбудят посреди ночи! — ответил Джейк. Он развернул газету и пробежал глазами заметку. — Смотри, принят закон о земельных участках. Любой американец не моложе двадцати одного года может получить сто шестьдесят акров земли всего за десять долларов!

— Кто тебе сказал, что меня интересует земля?

— Разве нет? Ты много раз говорил о том, что тебе бы хотелось иметь что-то свое.

— Я имел в виду вовсе не землю.

Джейк хотел что-то сказать, но в это время в дверь постучали. Обычно посетители входили, не дожидаясь ответа: так произошло и на этот раз.

На пороге стоял молодой мужчина, на вид типичный обитатель приисков: застиранная фланелевая рубашка, замызганные штаны, потертый кожаный пояс, плохо постриженные волосы, на лице — порезы от тупой бритвы.

— Привет, ребята! Мне сказали, здесь можно найти доктора. Я из соседнего салуна — у нас произошла потасовка, похоже, одному из посетителей сломали руку. Не сможете глянуть? Разумеется, вам заплатят.

Джейк покорно встал. Когда он ступил в полосу света, падавшую от лампы, посетитель хлопнул себя рукой по бедру и воскликнул:

— Тебя зовут Джейк?! — Потом повернул голову. — А ты Барт, верно? Вы меня не помните? Мы с вами жили в одном лагере.

— Припоминаю. Ты Николас?

— Да. Я уехал оттуда вскоре после вас. Пробовал удачи на другом прииске, да все без толку. Не знал, что вы тоже в Сан-Франциско. Как вам тут? Предлагаю пропустить по стаканчику после того, как ты полечишь того неудачника!

— Ты пойдешь, Барт? — спросил Джейк приятеля и получил угрюмый ответ:

— Идите вдвоем. Мне и здесь хорошо.

— Ладно, — сказал Николас. — Передумаешь — догонишь. Кстати, ребята, помните, с вами жила индианка? Я видел ее на прииске Северная жила, что в пяти милях отсюда. Деловая девчонка; помню, все вам завидовали, а этот ублюдок Стивен Флетчер даже пытался ее отбить!

Он весело рассмеялся, как будто вспомнил удачную шутку. Лицо Барта вытянулось, а его пальцы сжали стакан. Он спросил чужим голосом:

— С кем она живет?

— Этого я не знаю. Мне понадобилось постирать одежду, и меня отправили к ней. Она и виду не подала, что мы знакомы. А за стирку взяла целый доллар!

— Давно это было?

— Недели две назад. Я пытался узнать, нет ли там хороших участков, а после плюнул на это и вернулся в Сан-Франциско, где мне предложили работу в салуне.

Барт поднялся.

— Идем. Выпьем, и ты расскажешь, как добраться до этой Северной жилы.

На следующий день они с Джейком отправи-

лись в путь. Барт упросил приятеля поехать с ним, признавшись в том, что испытывает страх, жалкий, презренный страх человека, не имеющего понятия, как исправить свою ошибку.

— Почти год я живу, как в аду. Я не мог представить, что когда-нибудь буду думать об одной-единственной женщине! Я не уверен в том, что она вернется. Я знаю только, что мне нечего ей предложить. Почему я ее не ценил, когда она была рядом?!

«Счастье Унги заключалось в том, что ей надо было слишком мало для счастья. Но даже этого никто не мог ей дать», — с горечью подумал Джейк.

Утренний туман расступился, по небу неслись облака, и между ними сияло яркое солнце. По равнине пробегали длинные тени, на горизонте вздымались скалистые холмы.

Джейк думал о том, что над этой суровой землей витает некий вызов, вынуждавший людей идти на безумства. Реки были бурными и холодными, воздух — острым, трава — жесткой. Все здесь существовало в чистом первозданном виде, в том числе и человеческие чувства. И ненависть, и привязанность многократно усугублялись: человек начинал понимать и видеть силу и слабость

своей натуры.

Вскоре перед приятелями открылась привычная картина. Над наспех сооруженными хижинами вился голубоватый дымок, слышался лязг инструментов, грубые голоса, тяжелые шаги, лай собак. Редкие, еще голые деревья, окружавшие лагерь, напоминали мачты брошенных кораблей.

Остановив первого попавшегося мужчину, Джейк спросил:

— Вы не знаете Унгу?

— Индианку? Ту, что занимается стиркой? Я только что видел ее возле ручья — она полоскала белье.

Приятели спустились по тропинке мимо колючего кустарника и вышли к небольшому ручью, в котором старатели брали воду, стирали одежду, мыли и посуду, и сапоги.

— Если она живет с каким-нибудь негодяем, я его пристрелю, — угрюмо заявил Барт.

— А если он вовсе не негодяй?

— Тогда застрелюсь сам.

Он произнес эти слова таким тоном, что ему было нетрудно поверить.

На берегу ручья они увидели женщину; она сидела на корточках рядом с огромной корзиной

и полоскала белье.

Это в самом деле была Унга. Она еще больше похудела, и медный оттенок кожи сделался резче. Ладони покраснели от постоянного пребывания в воде, но спина, как и прежде, была прямой.

Джейк подумал о жестоком человеке, который заставляет ее, помимо прочего, еще и стирать за деньги!

— Давай я вернусь и подожду тебя наверху?

— Нет, — сдавленно произнес Барт, — не уходи. — Потом подошел к женщине и нерешительно произнес: — Унга?

Она оглянулась и скользнула по нему быстрым взглядом. В лице индианки ничего не дрогнуло, и Джейк поразился ее выдержке. Можно было подумать, будто она впервые их видит.

— Я искал тебя, Унга. Я хочу, чтобы ты вернулась, — промолвил Барт, но его слова канули в пустоту: индианка не издала ни звука и продолжала заниматься своим делом. — Я вел себя по-свински и прошу у тебя прощения, — продолжил он, и она вновь не ответила.

Барт топтался на месте, не зная, что делать. Джейк видел, что приятель еще не бывал в такой ситуации. Он и сам не понимал, как следует поступить.

Закончив стирку, индианка выжала белье, аккуратно сложила его в корзину и поволокла ее по тропинке. Не сговариваясь, приятели подхватили корзину с двух сторон и понесли.

Унга обогнала их и, не оглядываясь, пошла впереди.

Мужчины невольно залюбовались ею. Густые, гладкие, черные волосы индианки, стянутые на затылке в конский хвост, отражали свет, походка была удивительно грациозной. Джейк давно подметил, что движения негров и индейцев отличаются куда большей гармонией, естественностью и свободой, чем у людей белой расы.

Хижина, в которой жила Унга, стояла недалеко от ручья, в стороне от домов старателей.

Едва заметным движением она велела мужчинам оставить корзину во дворе и вошла в дом. Немного помедлив, Джейк и Барт последовали за ней.

В хижине было не повернуться. Узкая кровать, стол, крохотный шкафчик с дверцами. Возле стены стояло ружье.

Джейк уловил какое-то движение, и его взгляд скользнул в противоположный угол. На полу стояла корзина чуть меньше той, в которую Унга складывала белье. В ней на куче тряпья лежал го-

ленький, раскидавший пеленки ребенок. Джейк пригляделся: мальчик. Он шевелил ручками, дрыгал ножками и таращил круглые, черные, как угольки, глазенки.

Джейк взглянул на Барта. На лице приятеля были написаны все обуревавшие его чувства; еще минуту назад замкнутое и жесткое, теперь оно полыхало внутренним пламенем.

Барт шагнул вперед и без малейшего сомнения и страха подхватил младенца на руки. Тот немедленно ударился в рев. Барт вздрогнул и тут же восхищенно воскликнул:

— Ишь как вопит! Сын, это мой сын!

Его, прежде мрачные, растерянные глаза искрились счастьем и смехом.

По нервам Джейка пробежал ток. Случалось, он задавал себе вопрос, что свело его с этим, таким непохожим на него человеком, и иногда жалел об этом. А сейчас понял: чтобы увидеть такие, незамутненные разумом, искренние чувства, можно было многое отдать. И пожертвовать еще большим для того, чтобы испытать их самому.

Индианка скромно стояла в стороне. Джейк понял, что должен выйти, и, коротко кивнув, покинул хижину.

Барт и Унга вышли оттуда через четверть часа.

Индианка несла ребенка, а Барт — ружье и узел с пожитками.

— Его зовут Мелвин, — сообщил Барт. — Хорошее имя! Завтра мы с Унгой найдем в Сан-Франциско какого-нибудь не слишком жадного пастора и поженимся.

Джейк знал, что эти двое не говорили о любви, но порой слова и не были важны. Унга не ждала от Барта признаний, она без того знала, что его чувства искренни. Точно так же она могла не давать ему никаких обещаний, и все же он мог быть уверен в том, что все, что она делает, за что борется и чего добьется в жизни, отныне будет принадлежать только ему и их сыну.

Когда они вернулись в Сан-Франциско, Барт сокрушенно произнес:

— Каким я был дураком, что ничего не откладывал! Теперь нам надо снять квартиру, и я бы хотел, чтоб у ребенка и Унги были хорошие вещи.

— Я одолжу тебе денег, — сказал Джейк.

— Возможно, я нескоро смогу их отдать.

— Ничего. Главное, чтобы у вас все получилось.

В то утро, когда Барт и Унга собирались пожениться, Джейк зашел в ювелирный магазин и выбрал два золотых кольца, надеясь, что не

ошибся с размером.

Вернувшись домой, он сказал жениху и невесте:

— Полагаю, будет лучше, если я отдам вам свадебный подарок до того, как состоится заключение брака.

— Что это? — Барт опасливо развернул бумагу и раскрыл коробку. Его глаза округлились. — Кольца! Зачем?! Они наверняка стоят кучу денег!

— Неважно. Некоторые траты просто необходимы, а иные вещи значат куда больше, чем деньги, которые за них заплатили.

После свадьбы Барт и Унга сняли квартирку по соседству; иногда Джейк заходил к ним в гости и почти всегда оставался на ужин, ибо все, что готовила индианка, будь то даже салат из листьев репы, казалось удивительно вкусным.

Барт изменился. На его губах все чаще появлялась улыбка, а в глазах вспыхивал свет.

Худощавое, но крепкое тело Унги дарило ему наслаждение, а ее душа источала покой. Старательная, немногословная, она словно обладала свойством образовывать вокруг себя некий магический круг.

Барт был искренне рад, что у него появился сын; его не раздражал даже ночной плач ребенка.

Единственное, что продолжало вызывать огорчение, так это слишком маленький заработок. Унга хотела снова взяться за стирку, но Барт не позволил, сказав, что ей довольно забот о Мелвине.

Однажды в разговоре с Джейком он заметил:

— Хорошая мысль с участком. Больше шестидесяти акров, и всего за десять долларов! — А после задумался и добавил: — Хотя надо будет построить дом, купить инвентарь, скотину и много чего еще! Да в придачу эта война! Кстати, ты собираешься возвращаться?

— Да. Судя по тому, с каким напором янки стремятся к цели, они все-таки возьмут Юг.

— Если ты вернешься, тебе придется вступить в армию, — заметил Барт. — Здесь ты в безопасности, да и золото идет в твои руки.

Джейк покачал головой.

— Находясь так далеко от родных и от Лилы, я чувствую себя очень тревожно.

Оба всерьез задумались о том, чтобы вернуться на родину, и все-таки медлили. Раз в две недели Джейк продолжал приносить и читать вслух газеты. Приятели жадно впитывали новости. Иной раз их грызло нетерпение, и они были готовы сорваться с места, в другой — вновь откладывали отъезд. Между армией Конфедерации и солда-

тами Союза шли жестокие бои, и можно было случайно угодить в самое пекло.

Однажды Барт показал Джейку довольно крупный самородок, а на вопрос, где он его взял, коротко и уклончиво ответил:

— Нашел.

Разумеется, Джейк знал, что рабочие горнорудной компании стараются утаить часть намываемого ими золотого песка, а случается — им удается спрятать и самородки.

— Как тебе удалось пронести его за ворота?

— Неважно, — ответил Барт, а потом признался: — Вошел в долю с одним охранником. Мне подсказали, к кому обратиться.

Джейк покачал головой. Его одолевали плохие предчувствия.

— Зря ты это сделал! Не стоит так рисковать!

Лицо Барта сделалось напряженным, а взгляд — упрямым.

— Я давно понял, что этот мир создан не для таких, как мы с Унгой! И все-таки я не намерен сдаваться! Я не хочу, чтоб мой сын влачил такое же существование, как я, в темноте и грязи. Когда наберу достаточно золота, отправлюсь в плодородные края и построю там ферму, — сказал он. — А когда Мелвин вырастет, отправлю его

учиться.

Прошло два месяца. Во время очередного визита на почту Джейк узнал неутешительные новости. Важнейший источник получения продовольствия — Верхний Юг был опустошен в ходе военных действий, и проблема снабжения армии обострялась с каждым днем. Участились восстания негров в тылу Конфедерации, а их бегство на Север стало массовым явлением.

Всего месяц назад армия Союза стояла в семи милях от Ричмонда, и ее с трудом удалось отбросить назад! Так они дойдут и до Чарльстона; между тем хорошо известно, что озверевшие солдаты делают с женщинами, особенно если среди этих женщин есть бесправные рабыни, которых многие не считают за людей!

Хотя в последнее время Барт приходил домой поздно, Джейк все же решил заглянуть к приятелю. Возможно, тот вернулся пораньше, и ему удастся поделиться с ним новостями.

Джейк постучал, а когда никто не отозвался, толкнул дверь и вошел. Он сразу почувствовал запах, который ему приходилось вдыхать слишком часто и который невозможно спутать ни с чем: густой, сладковатый, металлический запах крови.

На полу лежало два тела. Хватало беглого взгляда, чтобы понять, что люди мертвы. У одного из них не было лица: выстрел вдавил плоть в череп, превратив ее в кровавое месиво. Глаза второго были открыты, а в уголке рта виднелась засохшая красная струйка. Пуля угодила ему в грудь.

Хотя вокруг все было раскидано, Мелвин спокойно спал в колыбели. На стуле сидела Унга. Ее взгляд был внимательным, холодным, тяжелым; она все еще сжимала в руках револьвер. На столе стояла одинокая свеча. Ее слабый дрожащий свет делал эту картину еще более зловещей.

Джейк опустил руки. Он был настолько растерян, что задал нелепый вопрос:

— Почему ты не заперла дверь?

— Она была заперта. Они сорвали щеколду.

— Кто эти люди?

— Не знаю. Они ворвались ко мне и сказали, что Барт утаил золото и должен его сдать. Я ответила, что здесь нет золота. Тогда они принялись искать, все перевернули, но ничего не нашли. Один схватил меня за ворот платья и сказал, что если я не признаюсь, он вытрясет из меня душу, а другой подошел к Мелвину и заявил, что знает способ получше: взять ребенка за ножку и немного подержать в воздухе. Когда он попытался вынуть

моего сына из колыбели, я выхватила кольт, который Барт оставил мне на случай защиты, и застрелила обоих мужчин.

— Когда он вернется?

— Наверное, скоро.

Барт пришел через полчаса. Заслышав шаги приятеля, Джейк вышел за дверь и там рассказал ему о том, что случилось.

Губы Барта искривила горькая усмешка, а сквозь кожу цвета жженого сахара проступила бледность.

— Бог не ведет счета нашим несчастьям. Я никогда не думал, что наша встреча и совместная жизнь будет такой короткой, — на удивление спокойно произнес он, и Джейк сразу понял, что приятель мгновенно принял решение. Он окончательно убедился в этом, когда Барт спросил:

— Ты позаботишься об Унге и о нашем сыне? Не оставишь их одних?

— Не оставлю.

— Обещаешь?

— Конечно.

Когда Барт вошел в комнату, он лишь мельком взглянул на трупы, а после приблизился к жене, порывисто обнял ее и крепко прижал к груди.

— Ты будешь делать все, что скажет Джейк. Ко-

гда Мелвин подрастет, расскажешь ему обо мне.

Унга не выдержала и сникла. Она была счастлива совсем недолго, и теперь счастье ушло из ее загадочных темных глаз.

Видя и слыша все это, Джейк решился на крайние меры.

— Давайте спрячем тела!

— Нет. Эти люди — охранники с горнорудной. Наверняка кому-то известно, куда они пошли.

— Ты уверен, что они действовали от имени властей?

Барт усмехнулся.

— Кто знает! Может, решили набить свои собственные карманы. Ну да не все ли равно?

Взяв волю в кулак, Джейк предложил:

— Сбежим?

— Нет, — твердо произнес Барт. — Если нас поймают и начнется расследование, пострадаешь и ты, и Унга.

Джейк сам знал, что мосты сожжены. Свидетелей, которые не сочли нужным сообщить о преступлении властям, Комитет бдительности карал не менее сурово, чем самого преступника, в результате чего политика укрывательства в Сан-Франциско сошла на нет.

Когда наступило утро, дабы не быть подверг-

нутым линчеванию, Барт Хантер добровольно сдался властям, признавшись в хищении золота и взяв на себя вину за убийство. Разбирательство было недолгим: его приговорили к двадцати пяти годам тюремного заключения без права переписки и свиданий.

Джейк и Унга возвращались домой по неприглядным унылым улицам. Недавно прошел ураган, едва не срывавший крыши с домов, и город был завален мусором, а некоторые улицы превратились в сточные канавы. Вплоть до вчерашнего вечера порывы бешеного ветра с дождем метали из стороны в сторону верхушки деревьев и хлопали ставнями ослепших окон.

Плечи индианки были согнуты. Она брела, не разбирая дороги, шлепая по лужам и разбрызгивая грязь. Ее прочная, как черепаший панцирь, выдержка дала трещину. Глядя на нее, Джейк с горечью думал о том, что мир устроен неправильно, все в нем нагромождено кое-как, без порядка и смысла.

Очутившись в комнате, Унга села на кровать и закрыла лицо руками. Черные волосы рассыпались по плечам, а на пальце ярко блеснуло золотое кольцо.

— Я должен кое-что сказать тебе, Унга, — тяже-

ло промолвил Джейк. — Я должен вернуться в Новый Орлеан. Вы с Мелвином поедете со мной.

Когда индианка отняла ладони от лица, ее глаза были сухими.

— Зачем ты берешь нас с собой?

— Потому что меня попросил Барт. Дать ему обещание было все равно, что дать обещание умирающему. Позволь мне не уговаривать тебя. Ты должна продолжать жить дальше.

— Хорошо. Только дай мне еще один день, а лучше — два или три.

— Зачем? — удивился Джейк.

У нее никого не было, да если б и был, она не отличалась сентиментальностью, чтобы устраивать долгие прощания.

— Мне необходимо избавиться от ребенка. Дело в том, что я снова беременна.

Джейк замер. В его голове пронеслось множество противоречивых мыслей.

— Думаю, теперь Барт не одобрил бы этого, — осторожно произнес он.

— Он не знает. И никогда не узнает. А двоих детей мне ни за что не поднять.

Разумеется, она была права, и все-таки Джейк спросил:

— Почему после того, как Барт так скверно

обошелся с тобой, ты все же решила родить Мелвина?

— Мне захотелось иметь что-то свое.

Джейк стиснул пальцы. То же самое говорил Барт. Иметь что-то свое от плоти и крови. Не быть одному.

Он вновь произнес то, что не собирался произносить:

— Оставь ребенка. Мне кажется, так будет правильнее. Я отвезу тебя в Новый Орлеан к своим родителям и попрошу мою мать позаботиться о тебе, пока ты не родишь. А потом ты найдешь работу.

Она покачала опущенной головой.

— Никто ни для кого ничего не делает просто так.

— Но ведь ты делала — для Барта.

Когда индианка подняла на него взгляд, Джейк впервые увидел в ее глазах слезы.

Им с Унгой не удалось подняться ни на одно судно: из-за блокады южных портов и жестоких военных действий на море пассажирское сообщение было крайне затруднено, и правительство штата настойчиво советовало калифорнийцам подождать с отплытием хотя бы несколько месяцев.

Глава 5

Когда Хейзел Паркер впервые явилась в нью-йоркскую штаб-квартиру «Тайной дороги» в ярко-синем платье, темно-синем жакете и сине-белом шарфе, Алан был поражен, насколько она красива и как ей идут цвета формы федеральных войск. У него мелькнула мысль, что она неслучайно так нарядилась, однако Хейзел как всегда держалась деловито и серьезно.

За их плечами были десятки рейдов на Юг, встречи и размещение беглецов в Филадельфии и Нью-Йорке и препровождение их в Канаду.

Хотя болота Флориды, заросли Луизианы, леса Миссисипи и горы на побережье Атлантики были переполнены беглецами, Хейзел никогда не посылала Алана дальше Огайо. Возможно, она дорожила им больше, чем другими кондукторами. Или в ней жило тайное нежелание того, чтобы он встретился со своей невестой?

Вскоре Алана назначили на должность секретаря штаб-квартиры организации: то была почетная, но не опасная работа.

Когда ему передали ответ Лилы, что с Айрин все в порядке, он немного успокоился. Однако со-

общение пришло давно, и сейчас, когда началась война и янки неуклонно приближались к Южной Каролине, он снова стал волноваться.

— Принят закон, запрещающий армии Союза возвращать беглых рабов их владельцам, — сказала Хейзел, отрывая его от мыслей о любимой женщине. — Кроме того, негры получили право служить в федеральной армии, и я собираюсь в нее вступить.

Алан улыбнулся.

— Разве женщины могут служить в армии?

— Другие женщины — нет. Но меня не касаются правила.

Алан знал, что она особенная. Она умела мгновенно ориентироваться в любой обстановке и принимать единственно правильное решение, а ее проницательности мог позавидовать самый блестящий военный разведчик. А еще Хейзел обладала даром убеждать и подчинять себе людей.

Вместе с тем в ней было нечто загадочное, странное. Казалось, она совсем не боялась смерти и будто играла с ней. Так ведут себя люди, которым нечего терять. Алан не знал, были ли, есть ли у нее близкие, и не решался лезть к ней в душу.

— Я охотно последую твоему примеру.

Хейзел внимательно посмотрела на него свои-

ми янтарными глазами и неожиданно сказала:

— Вообще-то и ты, и я можем остаться в Нью-Йорке или уехать в Канаду. Вступление в армию — добровольное дело.

— Разве?

— Конечно. Мулаты, как и чернокожие, не подлежат обязательному призыву. Ты сам себе хозяин. Ты без того сделал немало: твои действия по сопровождению беглых негров через границу можно считать настоящим подвигом. Возможно, в Канаде мы будем нужнее, помогая бывшим рабам найти себя в чужой стране.

Алан смотрел на нее, не в силах догадаться, что она имеет в виду на самом деле. Между тем Хейзел присела к столу и продолжила:

— Послушай, Алан, есть нечто такое, о чем я хочу и могу поговорить только с тобой. Служба в федеральных войсках опасна и не так уж почетна, во всяком случае, для таких, как мы. Нам позволят служить лишь в специальных негритянских полках, потому что многие белые не хотят воевать рядом с бывшими рабами. Невзирая ни на какие подвиги, ты едва ли получишь офицерское звание. Белому солдату назначают жалованье тринадцать долларов в месяц, черному — только семь. Пленных негров не отправляют в лагеря,

их убивают, ибо для южан мы не больше чем взбунтовавшиеся рабы. Эта страна нам ничего не дала и не даст. Закон об освобождении? Нам он не нужен: мы освободились сами и освободили множество других рабов. Даже если Союз победит, никто не позволит нам ходить в те магазины, какие посещают белые, сидеть рядом с ними в театре или ресторане, свободно разгуливать по главным улицам городов. Не говоря о том, что браки между белыми и черными никогда не будут разрешены. И даже если такое случится, найдутся сотни людей, которые воспрепятствуют этому.

У Алана пересохло в горле.

— Что ты предлагаешь?

— То, о чем уже говорила. Уехать в Канаду. Да, в этой стране жестокий климат, непривычный для нас, южан, суровая северная природа и жизнь, ничуть не похожая на сказку. Но там… там можно забыть прошлое и начать все заново.

Алан решил, что будет честнее сказать правду:

— Хейзел… Дело в том, что я не хочу ничего забывать.

Она встала и пристально смотрела на него, прямая, гордая и немного разочарованная.

— Мне понятны твои мечты. Ты придумал то,

что могло возвысить тебя над средой, в которой ты был заперт по воле судьбы. Богатый отец-плантатор, любовь к изнеженной белой женщине…

— Я ничего не придумывал, это правда. К тому же Айрин нельзя назвать неженкой, ей пришлось пережить много трудностей. Она эмигрантка, приехала из Ирландии. В Америке она такая же чужая, как и мы.

— И все-таки между вами лежит пропасть.

Алан молчал.

— Почему ты хочешь вступить в армию? — спросила Хейзел.

— Чтобы отомстить. Я никогда не был слабым и не был трусом, однако меня всегда побеждали, били, унижали белые, потому что их было больше, потому что все законы были на их стороне. Неужели теперь я не воспользуюсь правом взять в руки оружие?!

— Ты лжешь, — спокойно сказала Хейзел.

— А ты кажешься мне непохожей на себя! — не выдержал Алан.

Она жестко усмехнулась.

— Я такая, как все. Всеми нами руководит что-то личное. Ты стремишься отомстить белым не за унижения и побои, а за то, что они тебя отвергли, не дали возможности стать тем, кем ты

хотел стать. А еще ты подумал о том, что сумеешь попасть в Южную Каролину вместе с армией северян. — В коридоре послышались шаги, и Хейзел поспешно произнесла: — Вечером я приду к тебе и скажу больше, чем сказала сейчас.

Алан возвращался домой в смятении. Он не ожидал от Хейзел такой проницательности и не хотел, чтобы она приходила к нему домой.

Алан уважал мулатку за ее ум, восхищался ее прозорливостью, мужественностью и, что греха таить, красотой, но они не были настолько близки, чтобы проводить вечера наедине. Правда, он несколько раз заглядывал к Хейзел по делам, но она ни разу его не навещала.

Алан жил в крохотной квартирке в Нижнем Ист-Сайде, снимаемой на скромные средства организации. Он по-прежнему много читал. Но даже чтение не приносило такого удовлетворения и радости, как раньше.

Бледное солнце медленно таяло посреди серого неба, дома напоминали скалистые массивы, улицы были полны снующих теней. Сейчас Нью-Йорк казался ему удивительно мрачным, чужим, а ведь когда-то он так сильно стремился попасть в этот город!

Алан купил в лавке на углу фунт филе для биф-

штекса, а потом — бутылку вина. Надо как-то скрасить этот вечер, если уж Хейзел зайдет к нему! Он больше не хотел слушать о войне. Он смутно желал чего-то другого.

Алан вошел в квартирку и повернул газовый рожок. Его всегда раздражал этот беспокойный, мерцающий свет. Все в нем виделось иным, чем на самом деле. Живой человек мог стать похожим на покойника, а нечто мертвое, казалось, было способно ожить и заиграть красками.

Он приготовил мясо, открыл вино, поставил два бокала и тарелки. Если б эту убогую комнатку могла оживить улыбка Айрин! Если б сейчас сюда вошла она, а не Хейзел! Ему была нужна женщина, которая пахнет домом, олицетворяет уют и тепло.

Хейзел пришла вовремя. Алан помог ей снять накидку и сказал:

— Садись за стол.

— Ты умеешь готовить?

— Почему нет? Я живу один.

Она обвела комнатку внимательным взглядом.

— Похоже, у тебя не часто бывают гости?

— Ты первая, кто меня навестил.

Хейзел улыбнулась. В домашней обстановке она выглядела совсем иначе. Платье из вишне-

вого тарлатана с довольно глубоким вырезом делало ее удивительно женственной. Она красиво причесала свои густые черные волосы, и Алан впервые увидел на ней украшения — гранатовый браслет и такие же серьги.

Он подумал, будет странно, если Хейзел снова начнет говорить о войне, но она заговорила о другом:

— Ты рассказал о своей возлюбленной; будет нечестно, если я не поведаю о человеке, которого любила я. — Она сделала тяжелую паузу и продолжила, потихоньку отпивая из бокала: — Он был мулатом — в этом смысле я никогда не переходила границ дозволенного — и тоже работал кондуктором «дороги». Мы познакомились в Канаде, и часто отправлялись на задания вместе. Однажды нас выследили. Майк сдался, чтобы спасти меня. Его подвергли суду Линча, проще говоря, повесили на первом же дереве. Я все видела, но ничего не сделала, даже не закричала. Со мной были беглые негры, и я была обязана завершить задание. После гибели Майка я сделалась такой храброй, что все только диву давались. На самом деле мной руководило отчаяние — я желала умереть. Но смерть редко настигает тех, кто ее ищет. — Она подняла на Алана полные слез глаза

и призналась: — Мои небеса долго были черны — до тех пор, пока не появился ты. Едва увидев тебя, я подумала, что мы сможем быть вместе. Я впервые потеряла благоразумие и решила тебя спасти, рискуя жизнью целой группы рабов. Я старше тебя на пять лет: надеюсь, это не много? Нас объединяет похожая судьба, происхождение, цвет кожи: надеюсь, это не мало?

Алан сделал глубокий вдох и сказал:

— Я глубоко сочувствую твоей потере, Хейзел, но наши судьбы кое-чем отличаются: *моя* возлюбленная жива.

Почувствовав в его словах и его тоне непривычную отчужденность, Хейзел умолкла. Она сама разлила остатки вина. Это было в ее духе: она всегда была ведущей, а не ведомой.

— Жаль, что я не могу приказать тебе полюбить меня, — невесело пошутила она, и он искренне ответил:

— Прости.

— Я могу задать откровенный вопрос?

— Конечно.

— Ты был близок со своей… невестой?

Алан решил, что ему нечего скрывать.

— Да.

Золотистые глаза Хейзел изумленно распах-

нулись.

— Как она решилась на это, она — белая леди?!

— Это слишком личное, я не могу об этом говорить.

— И все же ее никогда тебе не отдадут, — жестко заметила она и получила ответ:

— Я сам возьму себе то, что мне нужно.

— Жаль, что я не могу сделать то же самое!

Вскоре Хейзел собралась уходить. Алан был и рад, и не рад тому, что она открылась для него с другой стороны — как женщина, слабая женщина, которая нуждается в защите, утешении, ласке. Ему искренне хотелось сделать для нее что-то хорошее, как-то ее поддержать, но он страшился чрезмерной близости, ибо это могло все осложнить.

Хейзел стояла возле дверей; ее лицо казалось удивительно выразительным и красивым, меж полуоткрытых влажных губ мерцали белоснежные зубы, большие глаза в упор смотрели на Алана.

— Обними меня, Алан; вот уже пять лет, как меня никто не обнимал! — с надрывом произнесла она, а когда он выполнил ее просьбу, прошептала: — Одна ночь ничего не значит, это не преступление и даже не измена. Мы останемся друзьями,

я никогда ничего от тебя не потребую, ни о чем тебе не напомню.

Не дожидаясь ответа, она принялась раздеваться. Сердце Алана раздирали противоречивые чувства. Если бы он сказал, что она совершенно ему безразлична, что он вовсе ее не хочет, то покривил бы душой. Зная, какой удар будет нанесен гордости Хейзел, он не хотел ее отвергать, но еще меньше он желал предавать Айрин.

Алан прикрутил газовый рожок, и приглушенный свет переливался на коже Хейзел желтоватыми отблесками. Ему казалось, что эта кожа пахнет можжевельником и медом. Обнаженная Хейзел казалась красивее, чем в одежде, ее губы имели привкус вина и солнца.

Алан всегда занимался любовью с Айрин очень нежно и бережно. С Хейзел все было не так. Они удивительно подходили друг другу в постели: Алан был вынужден признать, что ему ни с кем еще не было так хорошо. Он с силой погружался в ее пылающее лоно, а она плавно двигалась ему навстречу. Она садилась на него и гнала вперед, как гонит корабль ветер, надувающий паруса, а потом принимала позу покорного существа, отдающего себя своему хозяину.

Хотя Алану нравилось сознавать, что они похо-

жи, при общении с ней его сердцу недоставало того, что придает смысл самому убогому существованию, ради чего стоит жить.

— Ты всегда был дорог мне, Алан, — сказала Хейзел.

— Именно потому ты никогда не отправляла меня на слишком опасные задания? — спросил он.

— Да. Я боялась тебя потерять, как потеряла Майка, пусть ты и не был моим. — Она сделала паузу и заметила: — Вообще-то я всегда нравилась мужчинам: многие из них были готовы следовать за мной на край света.

— Ты очень красива.

— Полагаю, дело не в этом. Я казалась им необычной: мужественность, таинственность, налет трагизма. Хотя на самом деле я обычная женщина, которая жаждет не только страстных объятий, но тепла и заботы.

Да, она могла быть разной. Холодной, жесткой, даже надменной, не желающей пачкать руки. А потом — источающей милосердие, не гнушавшейся самой грязной работы. Хейзел была для него загадкой, и даже сегодня, несмотря на порыв откровенности, на дикую, сводящую с ума близость, раскрылась далеко не до конца.

Утром, перед тем как уйти, она сказала:

— Считай, что это была последняя проверка. Ты не струсил, не захотел остаться в Нью-Йорке или ехать в Канаду. Сегодня мы вместе отправимся на призывной пункт. Не волнуйся насчет того, что произошло между нами: если время не вылечит нас, то, по крайней мере, поможет расстаться с иллюзиями. Я не собираюсь посягать на то, что принадлежит другим, хотя всегда считала, что любовь ничему не подвластна, ей нет дела до нашей морали и принципов.

Она вновь выглядела собранной и серьезной, как перед заданием, и Алану было трудно поверить, что это та самая женщина, которая с такой бешеной страстью отдавалась ему в минувшую ночь.

«Хейзел права: время все лечит, — подумал он. — А еще — заставляет забывать то, что прежде казалось незабываемым».

Глава 6

С некоторых пор в округе сделалось непривычно тихо, и это был тот случай, когда тишина пугала куда сильнее шума.

Большинство соседей-мужчин ушли на войну, а их матери, жены и дочери сделались немногословными и терпеливыми. Краски жизни угасли: яркость довоенных нарядов сменили черные вдовьи платья и желтоватый цвет домотканой материи.

Сара тоже носила траур; от Юджина по-прежнему не было ни слуху ни духу, и она почти уверилась в том, что он погиб. Она боялась подступающей темноты, дразнящих криков пересмешников, шевелящихся теней на стене — боялась дома, в котором родилась и выросла. Ночь утратила таинственную глубину, легкий волшебный свет. Теперь в ней скрывалось что-то давящее, мрачное, похожее на гранитную глыбу.

Читая газетные сообщения, Сара в волнении теребила бахрому шали: в начале июля 1863 года, в День независимости США, был захвачен Виксберг — южане сложили оружие к ногам победителей, что означало окончательный перелом в войне в

пользу Севера. Через несколько дней ближайший к Темре город Чарльстон был взят в блокаду. Это событие привело к взрыву паники и судорожной воинственности, в результате чего округа обезлюдела: многие уехали подальше, кто-то из прежде уклонявшихся от службы в армии ушел бить янки, тем более что правительство Линкольна еще весной ввело обязательную воинскую повинность.

Она страдала от одиночества. Соседи к ней не заглядывали, и из белых в имении остался только Фоер. После обнародования Декларации об освобождении негров полевые работники понемногу разбегались. Домашние негры, похоже, не собирались покидать Темру, но Сара привыкла воспринимать их как существа низшего порядка, с которыми немыслимо держаться на равных.

Скрепя сердце Сара занялась счетами. Она не то чтобы не доверяла Фоеру, просто ей было неприятно целиком зависеть от него. Управляющий ей не мешал; он терпеливо отвечал на вопросы молодой хозяйки, но по его губам часто пробегала снисходительная усмешка.

Однажды, когда Сара корпела над бухгалтерией, Фоер вошел в контору, где держал себя как хозяин, и сказал:

— Мисс Сара, пришла пора поговорить начистоту.

— Вы снова хотите прибавки к жалованью? — растерянно произнесла она.

— Нет. То есть не отказался бы, но дела таковы, что едва ли вы сможете дать мне эту прибавку.

Сара изменилась в лице.

— Мы разорены? Прошу, скажите мне правду!

— Если я скажу вам правду, она будет еще страшнее, чем вы ожидаете.

Сара сжала подлокотники старого кресла так, как сжала бы руку врага, пытавшегося отнять у нее самое дорогое.

— Говорите, — мужественно промолвила она.

— Мне кажется, янки окажутся здесь гораздо быстрее, чем думаете вы и ваше окружение, — небрежно произнес Фоер, наслаждаясь ее потрясенным видом. — И вы, наверное, слышали, что они сжигают поместья, которые встречаются на пути, разграбляют имущество и делают еще много нехороших вещей?

— Да… я… слышала, — запинаясь, произнесла Сара.

Она слышала и читала в газетах, и в ее воображении не раз возникала картина: сотни, нет, тысячи северян, столько же орудий и лошадей

— полчища злой силы, которая вторглась в ее родные края, — движутся к Темре.

— Так вот: если я останусь здесь, ваше имение не пострадает.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я родился на Севере, — сказал Фоер, а поскольку Сара смотрела на него почти с ужасом, добавил, не скрывая иронии: — И, как видите, у меня нет ни когтей, ни острых зубов, ни хвоста. Когда янки явятся в Темру, я сумею убедить их в том, чтобы они не трогали ни поместье, ни… вас, мисс Сара.

— Буду очень признательна, если вы сможете нас защитить.

— Вам будет трудно обойтись простой признательностью. Как я уже говорил, Темра не моя, и я не вижу смысла в том, чтобы рисковать ради нее своей жизнью. Я всего лишь наемный служащий, которого можно рассчитать в любую минуту.

— Мистер Фоер, я никогда не забуду, что вы единственный, кто не покинул меня в трудные дни, — искренне произнесла Сара, и в его блеклых глазах зажегся непонятный огонь.

— Я рад, что в конце концов вы сумели меня оценить! В таком случае вам будет проще обдумать мое предложение. Итак, мисс О'Келли, я

встану на защиту вашей чести и имущества в том случае, если вы… согласитесь выйти за меня замуж.

Перехватив ее ошеломленный взгляд, Фоер торжествующе усмехнулся. Он ненавидел южан за их спесь, за их взращенную на пустом месте гордыню.

— Я… я совсем вас не знаю! — это было единственное, что она нашлась ответить, хотя прежде повела бы себя совсем иначе.

Фоер подошел к столу и, опершись руками о крышку, склонился над Сарой, словно для того, чтобы не дать ей убежать.

— Почему нет? Я служу у вас больше трех лет, меня зовут Стюарт Фоер, мне тридцать восемь лет, я родился на Севере, в городишке, название которого ничего вам не скажет. Да, я небогат и незнатен, но, смею заметить, ваши предки тоже не отличались высоким происхождением; во всяком случае, по линии отца. Прежде вас можно было считать состоятельной молодой леди, но с тех пор, как правительство ощипало богатых плантаторов, словно кур, а ваши негры разбежались кто куда, вы перестали быть завидной невестой. Да еще эта постыдная история с вашей кузиной! Я слышал болтовню о том, что она роди-

ла ребенка от того наглого мулата, которому ваш отец дал слишком много воли!

Сара едва сдержалась, чтобы не растворить свое горе в слезах. Он уничтожал ее каждым словом и тем не менее был прав во всем.

Год за годом, с самого рождения многоголосая, многогранная сущность Темры проникала в ее душу, опутывая бесчисленными невидимыми нитями, которые было невозможно разорвать. Сара знала, что у нее не осталось ничего, кроме этого поместья. Не осталось не в смысле богатства, а как якоря, пристанища, приюта души и сердца.

Умирая, отец сказал: «Сохрани Темру. Любой ценой. Это — то единственное на свете, что никогда не предаст и не подведет». Она была обязана исполнить его наказ даже ценой отказа от личного счастья.

И все же Сара сделала попытку отступления:

— Вы меня не любите. И я никогда не смогу вас полюбить!

— Любовь столь непрочная и редкая штука, что я бы не стал на нее уповать. Куда легче прийти к соглашению. Скажем, у вас есть свои условия?

Сара проглотила комок в горле и облизнула пересохшие губы.

— Да. Я… я против того, чтобы между нами

существовали… супружеские отношения.

Ее замечание нисколько не уязвило Фоера.

— Вот как? Разве Темре не нужны наследники? Впрочем, воля ваша, хотя я не понимаю, что хорошего в том, чтобы, выйдя замуж, оставаться старой девой! Я готов принять это условие в том случае, если вы не станете оспаривать мое законное право распоряжаться делами Темры.

— Если… если я соглашусь, то не стану, — запинаясь, произнесла Сара, — но вы должны дать мне время подумать.

— Разумеется.

День, когда Сара О'Келли отправилась в Чарльстон, чтобы обвенчаться со Стюартом Фоером, был ветреный и дождливый: казалось, сами небеса оплакивают ее участь. Земля набухла от влаги, и в колеях хлюпала вода. Воздух был холодным, сырым; хотя кучер поднял верх кареты, влага просочилась внутрь, и сиденья были влажными.

Бледное лицо Сары выражало невероятное напряжение. Она поминутно боролась с желанием распахнуть дверцу и пуститься бежать прочь прямо через хлопковые поля, вид которых причинял ей нестерпимую боль. Если б не хлопок, если б не то, что она почитала залогом счастья, ей бы не пришлось вступать в этот нелепый брак!

С другой стороны, она прекрасно понимала, что проявляет не героизм, а малодушие. Ей так хотелось сбросить с себя непосильное бремя, вернуть то время, когда она не занималась делами плантации, а лишь управляла домом и при этом считалась хозяйкой Темры, что она была готова на все.

Узнав о том, что госпожа выходит замуж за управляющего, Касси пришла в ужас. Сара велела горничной приготовить светло-серое муаровое платье с синим поясом и скромным кринолином и темно-синюю шляпку с густой вуалью — она не хотела, чтобы кто-либо видел ее несчастное, осунувшееся лицо.

Бесс, которой не отдавали распоряжения по поводу свадебного обеда, не знала, что делать. В конце концов она приготовила гуся с яблоками и испекла кекс с изюмом.

— У нас что, Рождество? — устало и раздраженно произнес Арчи, входя на кухню.

— Откуда я знаю! Нынче все перепуталось и встало с ног на голову! — проворчала Бесс.

На пороге появилась Касси, которую Сара брала с собой в Чарльстон, чтобы не оставаться наедине с Фоером. Платье горничной было мокрым до колен, а курчавые волосы усыпаны капельками

дождя. С началом войны ей удалось вернуть, пусть и не вполне искреннее, расположение кухонного общества, ибо она была единственной, кто мог приносить домашним слугам более-менее правдивые сведения о том, что происходит в мире.

Она тряхнула головой и со скорбной торжественностью обронила:

— Поженились!

Бесс в сердцах громыхнула посудой.

— Я уеду, сбегу, благо, негров объявили свободными, и никто не станет меня ловить, — пригрозила она.

Арчи сжал кулаки.

— Тебе то что? Этот дьявол не станет совать нос в твои горшки. А каково придется мне?! Да я умру, если Фоер сядет на место мистера Уильяма, займет его комнату и кабинет! Я… я не стану ему прислуживать и выполнять его приказания!

— Куда ты денешься? — презрительно произнесла Касси. — Отныне он — муж мисс Сары, а стало быть, твой хозяин. Вздумаешь бунтовать, прикажет тебя выпороть.

— Тогда я тоже уйду.

— И оставишь мисс Сару? Ты — единственный мужчина-негр в доме, не считая кучера Дейва, ну

да тот слишком стар!

Арчи смутился.

— Нет, мисс Сару я, конечно, не брошу. Мистер Уильям всегда был добр ко мне, а она — его дочь.

Касси присела к столу и, после того как Бесс налила ей кофе (с некоторых пор настоящий кофе стал редким лакомством и предназначался исключительно для господ, однако Касси не могла отказать себе в удовольствии выпить чашечку), важно проговорила:

— Я видела, как из глаз мисс Сары скатилась слезинка и упала на бумагу, которую она подписывала после того, как дала согласие стать его женой! И, — негритянка понизила голос, — мне точно известно, что у них не будет общей спальни.

— Зачем же они поженились?! — опешила Бесс.

— Затем, что мистер Фоер задумал прибрать Темру к рукам.

— Почему мисс Сара согласилась?! — воскликнул Арчи, и Касси заявила:

— Потому что он запугал ее или заставил. Я и сама испугалась, когда увидела, что творится в городе!

Зрелище осажденного Чарльстона поразило не

только Касси. Сара была морально раздавлена стремлением янки поставить на колени город, который она так сильно любила.

Укрепления гавани были превращены в руины, многие магазины закрылись из-за отсутствия в них самых необходимых товаров. Старомодный, чопорный, полный важной неспешности Чарльстон сделался суетливым, шумным: громыхали санитарные фургоны, повозки беженцев, сапоги военных. В отличие от Сары, больше года не посещавшей город, его жители видели и черный дым орудий, и алую кровь раненых, слышали оглушительную пальбу и разрывающие сердце стоны.

Сара окончательно поняла, что дела Юга плохи. Вот уже не первый год в ней тлела неуверенность в завтрашнем дне; теперь она приобрела масштабы настоящей трагедии.

Праздничный обед в Темре, если его можно было так назвать, прошел в полном молчании. Арчи в парадной ливрее и белых перчатках мужественно стоял за стулом, который не один десяток лет занимал мистер Уильям О'Келли и на котором теперь восседал бывший управляющий и новый хозяин поместья. А Саре казалось, что она предала не только Темру, но и ее верных слуг.

Тем не менее в течение нескольких дней, а

то и недель после свадьбы у нее сохранялось призрачное чувство, будто новый жестокий мир отодвинулся далеко-далеко и она вернулась в прежнюю жизнь.

Сара больше не появлялась в конторе, предоставив мужу право вести все дела. Фоер целыми днями просиживал над бумагами и несколько раз ездил в Чарльстон. Сара встречалась с ним лишь за завтраком и ужином (обедал он в конторе), а остальное время занималась домом. Он не посягал на ее свободу и не претендовал на внимание, потому они почти не общались.

Она вновь принялась совершать одинокие прогулки, любовалась зелеными пастбищами, девственным лесом, округлыми холмами и, конечно, хлопковыми полями — главным богатством этой земли, хотя иногда ей казалось, что во всех ее бедах виновато как раз «белое золото».

По вечерам Сара распахивала окна, вдыхала запах дубовой листвы и земли, слушала крики ночных птиц, пение древесных лягушек и треск цикад. Она пыталась уверить себя в том, что ей не надо другой любви, кроме любви к Темре, и что пока эта любовь жива, никто не сможет вторгнуться в поместье и попытаться его осквернить.

В 1864 году начался знаменитый марш более

чем стотысячной армии генерала Шермана к морю, армии, которая оставляла за собой полосу черной выжженной земли, превращая некогда процветавшие города в жалкие пустыри. Уничтожались фабрики, фермы, дома, сады, поля. Все, что встречалось на пути, предавалось огню.

Саванна была взята за три дня до Рождества, взята без боя, о чем генерал Шерман сообщил президенту Линкольну в телеграмме, текст которой вошел в историю: «Разрешите предложить Вам в качестве рождественского подарка город Саванну со ста пятьюдесятью пушками, большим запасом снарядов и около двадцати пяти тысяч тюков хлопка».

Солдаты армии Союза жгли костры из банкнот Конфедерации, варили кофе и жарили бекон на глазах у голодающих жителей Саванны.

Янки обшарили буквально весь город; на третий день небольшой отряд явился в лечебницу для умалишенных, которую возглавлял доктор Брин.

Охрана безропотно открыла солдатам ворота, и они проследовали по огромным коридорам. Персонал от страха попрятался кто куда; только больные, пребывавшие в собственных туманных мирах, оставались на своих местах.

На стене кабинета доктора Брина висел лист со следующей строфой:

Свет струится, тень ложится,
на полу дрожит всегда,
И душа моя из тени, что волнуется всегда,
Не восстанет — никогда[16].

Хотя офицеры-янки не имели понятия, кому принадлежат эти строки, мрачная атмосфера стихов проникла в их сердца, и один из них пробормотал:

— Очень весело!

— Эти стихи — плод больного воображения, — услужливо подсказал доктор Брин. — Эдгар По был достоин того, чтобы завершить свои дни в нашем заведении. Ему было свойственно болезненное видение мира.

— А если этот мир в самом деле болен? — задал вопрос офицер и, не дожидаясь ответа, приказал: — Покажите нам больницу, доктор. Мы должны все осмотреть.

— С какой целью, господа? — осторожно произнес Генри Брин.

---

[16] Примечания: 16
Перевод К. Бальмонта.

— Мы должны убедиться в том, что здесь не укрылись государственные преступники из числа мятежных южан.

— Лечебница для душевнобольных не совсем подходящее для этого заведение! — усмехнулся доктор Брин.

— Почему нет? На их месте я бы спрятался именно здесь.

Солдаты обошли почти все здание, но не обнаружили ничего подозрительного. Когда они приблизились к отделению для буйных, доктор Брин попытался преградить им путь.

— Здесь содержатся самые тяжелые, неизлечимые больные. Ваше… вторжение может их напугать.

— Мы не собираемся причинять им зла. Наша задача сделать так, чтобы все граждане, в том числе и ваши пациенты, подчинялись законам Соединенных Штатов, — веско, хотя и совершенно невпопад произнес офицер, и врач был вынужден отступить.

Вид стонущих, бормочущих, кричащих, лишенных разума людей произвел неизгладимое впечатление даже на повидавших ужасы войны, закаленных в боях солдат. Не менее тяжким оказался вид приспособлений, которые приме-

нялись для их лечения, равно как и условий, в которых содержались больные. Все эти прикованные цепями кружки и миски, смирительные кровати и стулья… В одном из помещений солдаты обнаружили молодую женщину, на голову и тело которой был надет мешок.

У нее было тонкое, бледное, точно фарфоровое лицо, на котором, казалось, жили только глаза; пронзительно-зеленые, окруженные глубокими тенями, они смотрели через тонкую ткань, будто сквозь туманную пелену. Встретившись с ними взглядом, молодой офицер-янки по фамилии Парнелл невольно содрогнулся и пробормотал:

— По-моему, эта больная вот-вот испустит дух. — И приказал солдатам: — Развяжите-ка ее!

Когда доктор Брин попытался протестовать, офицер спросил, зачем женщину поместили в мешок, и получил ответ:

— Для того чтобы она поняла, что разрушительные действия бесцельны и начала считаться с действительностью.

— Сдается, ей станет лучше, если мы несколько изменим ее нынешние представления о том, какова эта действительность, — заметил Парнелл.

Когда женщину освободили, она тут же задала вопрос:

— Какой сейчас год?

— Тысяча девятьсот шестьдесят четвертый, мэм, — ответил изумленный офицер.

— Кто вы? — спросила она, без малейшего страха обведя глазами людей в синих мундирах и нарочито игнорируя доктора Брина.

Парнелл щелкнул каблуками.

— Офицер армии генерала Шермана, мэм. Мы защищаем и освобождаем территорию Союза.

— Я рада вам. Я знала, что вы придете, — с глубокой уверенностью промолвила она и попросила: — Выведите меня отсюда!

— Хоть кто-то нам рад, — усмехнулся Парнелл, а доктор Брин торопливо произнес:

— Эта женщина тяжело больна, ее нельзя выпускать!

— Не слушайте его. Я должна уйти. Я потеряла слишком много времени. — Она старалась держаться спокойно, но в ее голосе против воли нарастало волнение. — Вы должны меня спасти!

Офицер колебался, и, видя это, доктор Брин не замедлил вставить:

— Очутившись за воротами лечебницы, эта женщина неминуемо погибнет!

— Не уверен. Зато я убедился в том, что она умерла бы, если б мы не освободили ее из этого

мешка, — заметил Парнелл и повернулся к больной: — Мы тоже джентльмены, мэм! Вы правы: мы не только разрушаем, но и спасаем. Куда вы собираетесь пойти?

— В имение Темра. Это владение мистера Уильяма О'Келли, оно находится неподалеку от Чарльстона, в штате Южная Каролина, — четко произнесла она.

— Чарльстон в осаде, но он все еще принадлежит мятежникам. Вам будет нелегко туда попасть; разве что вы последуете за нашей армией.

— У меня получится, — заверила женщина. — Четыре года назад мне удалось пересечь океан на судне, которое называли «плавучим гробом».

— Так вы ирландка, мэм?! — догадался Парнелл.

— Да.

— Я сражался бок о бок с ирландцами, это храбрые парни, особенно после глотка доброго виски! — сказал офицер и заметил: — Что-что, а с головой у нее совершенно в порядке! Как вы сюда попали, мэм?

— В этом повинны люди с белой кожей, но черными сердцами. Этот человек, — она кивнула на доктора Брина, который невольно отступил, —

сделал все, чтобы меня погубить, но я все-таки выжила.

— Вы кому-то мешали?

— Моему дяде, богатому южному плантатору, и его сыну.

— Плантатор-южанин?! Знаем мы этих душегубов! — воскликнул Парнелл и заявил доктору: — Мне неведомо, каким образом командование поступит с вашей лечебницей, но судьбу этой женщины я решу сам. — Потом повернулся к больной и с достоинством произнес: — Идите за нами, мэм.

— У меня небольшая просьба, — подумав, сказала Айрин, — вы можете показать мне, как обращаться с оружием? Мне придется отправиться в путь совершенно одной, и я должна уметь защищаться.

Офицер ухмыльнулся ее просьбе, как ухмыльнулся бы неудачной шутке, однако кивнул.

Так после четырех лет неведения и мучений, пройдя все круги ада, Айрин О'Келли очутилась на свободе благодаря тем самым янки, которые внушали смертельный ужас всем, кто вырос на земле Юга.

В тот же день она покинула чужой, враждебный, наводненный солдатами город. Она ушла

без крошки еды, босиком, в рваном пеньюаре, не зная маршрута, уверенная в том, что судьба, чутье и сердце приведут ее к цели.

Айрин брела по дороге, по сторонам которой высился лес, не чувствуя ни усталости, ни жажды, ни голода, ни холода. Зато она ощущала прикосновение ветра к лицу, вдыхала запахи, слышала звуки. Ткань того мира, в котором она провела четыре года, была сшита гнилыми нитками; теперь они порвались, и в образовавшийся просвет хлынули новые чувства.

Неожиданная свобода сотворила с ее рассудком что-то странное: до сего времени в голове Айрин царила пустота, а теперь в ней не помещались мысли. Она больше не ощущала горечи или боли; действительность, простиравшаяся вокруг, казалась бесконечной, она поглотила ее и наполнила силами. Деревья были ее руками, трава — волосами, она сливалась с синевой небес, птичьим пением, невесомостью облаков, богатством земли, она видела все, что желала видеть, в том числе — свое будущее. За четыре страшных, черных года душа Айрин выгорела, словно трава под жестоким солнцем; теперь, глотнув свободы, она начала возрождаться.

Ей не изменило чувство осторожности: за-

слышав стук сапог, позвякивание уздечек и поскрипывание сбруи, она сходила с дороги и укрывалась в лесу. Вскоре лес сделался не таким плотным, стали попадаться поля и фермы.

От иных строений остались только руины, посреди которых торчали печные трубы, напоминавшие огромные гранитные пики, защищавшие ее родной остров. Груды камней были похожи на разрушенные памятники былой славы.

Иногда, поднимаясь на холмы, Айрин видела вспышки огня, белые кольца дыма от взрывов гранат и гаубиц, блеск оружия и слышала яростные крики: где-то по-прежнему шли ожесточенные бои.

Она не имела понятия, сколько времени займет ее путь, между тем начались дожди, по дороге катились потоки воды и грязи. Айрин удалось отыскать в брошенном жилье кое-какую одежду и обувь, что не могло спасти ни от пронизывающего ветра, ни от непрекращающегося ливня. Однако все это казалось таким несущественным по сравнению с теми муками, какие некогда причиняло ей превратившееся в открытую рану сознание или похожая на сгусток боли душа!

И все же она свалилась: сказались недоедание, холод и невероятное напряжение последних

дней. Несколько суток Айрин пролежала на заброшенной ферме, слушая, как дождь, не прекращая, барабанит по крыше, а после выползла на дорогу. Она не имела права останавливаться, а потому шла и шла, хотя ей казалось, будто с каждым шагом Темра отодвигается все дальше и дальше, а резкий ветер все сильнее пригибает ослабевшее тело к земле.

В конце января, дав армии отдых, пополнив запасы боеприпасов и продовольствия, обновив обмундирование, Шерман выступил из Саванны на север. Время года не подходило для дальних маршей, и все же войско неумолимо двигалось вперед, двигалось, несмотря на размытые дороги, вязкий грунт, болота, вышедшие из берегов реки, двигалось, волоча с собой артиллерию и груженые фургоны.

За ними следовала стайка легкомысленных пестрых «бабочек», кормившихся на ниве неутоленного телесного голода ожесточенных войной, истосковавшихся по женским прелестям мужчин.

Во время долгого перехода мадам Тайлер умирала со скуки; от нечего делать она наблюдала за дорогой сквозь серую сетку дождя. Пройдет немало времени, прежде чем будет объявлен привал

и к ее девочкам наведаются желанные гости.

Всего лишь три года назад мадам Тайлер была одной из многих уличных проституток, а теперь превратилась в «мадам». Война выдала ей щедрый кредит, а предприимчивость окупилась сторицей. Отныне на свете не существовало заносчивых, помешанных на чести южан, а были только жадные, неразборчивые янки и их многотысячная армия, которая набивала ее кошелек.

Мадам Тайлер, прежде известная под кличкой Рыжая Летти, надеялась начать оседлый образ жизни после того, как армия северян достигнет своей цели, а пока она глазела на распутицу, мысленно проклиная зиму и тупое упорство вояк.

Так продолжалось до тех пор, пока ее взгляд не натолкнулся на нечто не то чтобы непривычное в условиях войны, но все же весьма неожиданное.

На обочине дороги лежала женщина. Ее волосы слились с грязью, но выглядывавшие из-под задравшейся юбки жемчужно-белые ноги были похожи на отполированную дождями безупречно ровную слоновую кость. Именно они решили судьбу несчастной: мадам Тайлер велела остановить повозку, сошла на землю и приблизилась к незнакомке.

Полчаса спустя Айрин очнулась внутри по-

возки благодаря не столько усилиям мадам и девочек, сколько запаху крепкого кофе, от которого дрожали ноздри и перехватывало без того затрудненное дыхание. Этот пьянящий аромат не мог перебить даже божественный запах яичницы с беконом.

Отведав того и другого, Айрин поняла, что ее тело и дух способен воскресить только щедрый идол под земным названием «еда».

Придя в себя, она огляделась. В повозке было тесно от множества ярких вещей, что казалось тем более удивительным, что окружающий мир напоминал линялую тряпку. Снаружи было холодно, как в склепе, а здесь тело обволакивало приятное тепло.

Какая-то вульгарная женщина принялась расспрашивать Айрин, кто она такая.

Айрин ответила, умолчав о цели путешествия, как и о том, где провела последние годы. Выслушав, мадам Тайлер отрезала:

— Поправляйся, но учти, долго даром кормить не буду! Придется принимать мужчин, как и всем моим девочкам!

Поняв, куда она попала, Айрин содрогнулась. Ей вовсе не хотелось оживлять кошмары прошлого, но она заставила себя промолчать. У нее

появился шанс выжить. К тому же фургон двигался туда, куда она желала попасть, — в Южную Каролину, к Темре.

Прошла неделя. Хотя ее тело не успело обрести соблазнительных округлостей, зато восстановило часть утраченных сил, и хозяйка сказала, что во время очередного привала Айрин придется взяться за работу.

Это случилось в тот день, когда солнце внезапно выглянуло из-за туч и осветило землю призрачно-слабым, нежно-лимонным светом. Утром была объявлена остановка, а к вечеру к фургону с «девочками» мадам Тайлер потянулись мужчины.

Слышалась беззлобная ругань и грубый смех; в сгущавшейся темноте светились огоньки самокруток. Мужчины разминались в ожидании заслуженного удовольствия, между тем «девочки» торопливо натягивали шелковые чулки, затягивали корсеты, завивали и взбивали волосы, пудрились, румянились и душились.

Айрин не могла понять, к чему все эти старания, если вскоре фургон наводнят запахи дешевого табака, нестиранной одежды и немытых мужских тел? Если к утру каждая из этих женщин будет лежать без сил, будто куль с тряпьем? Если они

не будут помнить имен тех, кто обладал их телом, и ни разу не назовут своего — настоящего?

Оставшись одна, Айрин обшарила помещение. И отец, и мать, и священник завещали ей никогда не трогать чужие вещи, но сейчас об этом стоило забыть.

В красном лакированном ридикюле мадам Тайлер нашлась пачка денег, которых Айрин не взяла, а под ворохом белья и платьев — револьвер, который она поспешила спрятать под своим матрасом. Оставалось надеяться, что хозяйка публичного дома на колесах нечасто проверяет свой ненадежный тайник.

Мадам Тайлер велела Айрин накраситься, нарядиться и быть готовой принять «ухажеров».

— Шестеро за ночь. Не думай, это немного, другие девочки обслуживают не менее дюжины мужчин, — жестко произнесла она.

Айрин смотрела, не мигая. Она еще не знала, что отныне далеко не каждый способен вынести ее пристальный беспощадный взор.

— Только не говори, что ты непорочна! — занервничала хозяйка. — Твой взгляд не дает обмануться.

Когда к ней вошел первый солдат, Айрин невольно сжалась на соломенном ложе. У нее

не было плана действий, она знала лишь свою цель.

Мужчина в синей форме видел перед собой бледное женское лицо и зеленые, будто болотная ряска, глаза, взгляд которых показался ему неотступным, непокорным и дерзким. Это разозлило солдата, ибо он привык к повиновению.

Сейчас рядом находился противник, с коим было глупо сражаться всерьез, но которого стоило унизить, дабы он знал свое место.

Грубая рука с въевшейся в поры грязью жадно скользнула под юбку Айрин, а низкий голос неумолимо произнес:

— Раздвинь пошире ноги, крошка, сейчас я тебя отделаю. Надеюсь, тебе понравится!

— Отделать и я могу. Раскрой пошире рот, парень: клянусь, ты не будешь в восторге, но на это мне наплевать!

Солдат в самом деле открыл рот — от изумления и неожиданности — и тут же ощутил твердое, мертвенно-холодное прикосновение стали к языку и нёбу. Засунув ствол поглубже, Айрин приказала:

— Вставай и иди на улицу. Веди меня к коновязи.

Она быстро вытащила револьвер изо рта сол-

дата, но тот не успел пикнуть, как ствол уперся ему в бок.

Он натянул штаны и спрыгнул на землю. Айрин не отставала. Она не позволила мужчине застегнуть пояс, и его оружие осталось в фургоне. Зато сама успела прихватить приготовленную заранее сумку с провизией и теплую суконную накидку.

Увядшие травы развевались по ветру, уныло шелестя во тьме; под ногами чавкала глина. Сырой воздух холодил кожу; над землей нависли плотные неподвижные облака.

— Куда это ты направился, Билл? — бросил один из солдат.

Почувствовав, как револьвер воткнулся ему между ребер, Билл выдавил:

— Решил прогуляться.

В ответ послышались глумливые шуточки. Откуда-то доносились взрывы смеха и пьяная болтовня. Солдаты грелись возле костров, похожих на огромные огненные цветы, распустившиеся в кромешной тьме.

Возле коновязи было пусто и тихо, лишь сонно всхрапывали и изредка беспокойно переминались лошади. Часовой привстал было, но успокоился, узнав сослуживца, идущего рядом

с девушкой.

Несколько лошадей стояло под седлом; Айрин подошла к крайней из них и сунула ногу в стремя.

Очень давно, еще в Ирландии, когда отец брал лошадь у кого-то из односельчан, дабы вспахать небольшое поле, он сажал на нее Айрин. То был смирный деревенский мерин, которого Брайан О'Келли, пока его дочь восторженно царила над пешим миром, вел под уздцы. Потом, в Темре, она ездила верхом вместе с Аланом, и все же они никогда не пускали лошадей вскачь.

Выбора не было: Айрин рывком перекинула тело на спину коня и ударила его пятками по бокам.

Послышались возмущенные, испуганные крики, раздались судорожные выстрелы, но ни одна пуля не задела Айрин.

Конь понесся во тьму очертя голову, не слушая неопытную всадницу, угрожая сбросить ее на землю. Айрин взвизгнула от страха, а после исторгла длинное ругательство, какое слыхала еще в Ирландии. В ее отчаянном голосе зазвучал металл, и бег лошади неожиданно выровнялся.

Она ехала через темные покинутые поля, и проглянувшая сквозь тучи луна шаг за шагом

следовала за ней. Резкий ветер проникал сквозь одежду, но Айрин не чувствовала холода. Ее лицо горело, а тело прошибал горячий пот.

Она остановила лошадь, лишь окончательно убедившись, что за ней нет погони.

Вдалеке вздымались в небо стены какого-то строения. Вероятно, то был заброшенный дом, каких немало попадалось на пути. Айрин подъехала поближе и спешилась.

Это была небольшая бедная ферма, стоявшая в стороне от дороги и не представлявшая интереса для армии Шермана. Однако ее обитатели покинули родной кров из страха перед разрушением и смертью.

Айрин привязала лошадь к изгороди и вошла внутрь. Когда ее глаза привыкли к темноте, она смогла разглядеть очертания мебели и вещей, сваленных в кучу из-за спешных приготовлений к отъезду.

Тишина дома была давящей, неподвижной: молчание брошенного очага, в котором еще теплилась зола, забвение могилы, где погребены недавние чувства.

Айрин вспомнила ощущение присутствия чего-то властного и чужого, какое всегда охватывало возле дольменов, которыми были усеяны берега

Ирландии. Подумала о странной силе, позволявшей камням, которые, казалось, могут упасть от малейшего дуновения ветра, удерживаться на месте.

Привычно расположившись в опустевшем брошенном доме, Айрин вдруг осознала, что мир изменился гораздо сильнее, чем она могла предположить.

Даже если ей удается обогнать армию Шермана, она может найти во владениях мистера Уильяма лишь унылую пустоту и жуткую тишину.

Тогда она останется совсем одна, окутанная безбрежным мраком, и погрузится в такое отчаяние, каких еще не знал ни ее пошатнувшийся разум, ни ее израненная душа.

Глава 7

В былые дни Сара поднималась до света, но теперь у нее появилась привычка подолгу лежать в постели. В этом была виновата не только промозглая погода или тяжелые мысли, а и то, что ей было нечем заняться. Отныне Стюарт Фоер, называвшийся ее мужем, единолично заправлял делами имения, а ведение дома, в котором проживало двое белых господ да горстка черных слуг, не требовало больших усилий.

День ото дня Сара мучилась мыслью о том, как обработать плантацию силами оставшихся негров, и всякий раз со страхом откладывала вопрос, сколькими полевыми работниками располагает Темра.

Однако сегодня она твердо решила поговорить об этом с Фоером.

Сара оделась без помощи Касси, благо при скромности нынешних туалетов это было нетрудно, и причесалась, не глядя в зеркало.

Утро было на редкость темным, а пейзаж — унылым. Поля побурели под чередой непрерывных дождей, повсюду торчали пучки жесткой прошлогодней травы, напоминавшие неопрят-

ную щетину. Печальный вид оживляла лишь молодая, веселая, бойкая сосновая поросль, думы о которой вызывали у Сары содрогание, какое вызвали бы мысли о вязкой трясине.

Если поля начнут зарастать лесом, постепенно край вернется к тому состоянию, когда он стоял безмолвный, необозримый, нетронутый человеком, дававший приют лишь бессловесным Божьим тварям!

К чему тогда усилия ее предков, некогда обильно поливавших эту землю своим потом и кровью?! Она лишится самого главного: незабвенного прошлого, истории своего народа.

Сара обратила тревожный взор на окно — окно в бесконечность, где парили орлы и стояли холмы, неизменные с тех самых пор, как их любовно вылепила рука всемогущего Господа, а еще — простирались хлопковые поля, основа процветания Темры, символ надежды ее хозяев.

Сара упрямо сжала губы, расправила плечи и прошла в столовую. Кресло Фоера пустовало. Наверное, он с утра пораньше отправился в контору и еще не вернулся.

— Есть свежие газеты? — спросила молодая хозяйка Арчи, когда он наливал ей кофе.

В округе этот напиток было днем с огнем не

достать, но благодаря заботливости и экономии Бесс у них сохранился некоторый запас.

Саре было трудно представить, что где-то голодают люди. В кухне, сараях и коптильне Темры было довольно продуктов, и на стол подавалось почти то же самое, что и до войны.

— Газеты давно не приходят, мисс Сара. Разве вы не заметили?

Сара невольно встряхнулась и внимательно посмотрела на Арчи. Да, он прав: последние недели она словно пребывала в полусне.

— А что слышно?

Лакей вздохнул.

— Ничего хорошего, мисс. Янки подходят.

— Они скоро будут здесь?!

— Кто знает! Армия ползет по дороге как гигантская синяя змея, а за ней движется огромная черная туча — негры с окрестных плантаций!

— Вот как?

— Это нехорошие негры, мисс, — убежденно произнес Арчи. — Янки пообещали им свободу, а вдобавок клочок земли и пару мулов, вот они и сорвались с места. Полевые работники — что с них возьмешь!

«Тем не менее их руками было создано наше богатство, и именно без них этот некогда щедрый

край может превратиться в пустыню», — подумала Сара.

— Сколько у нас осталось негров, Арчи?

Лакей перечислил домашних рабов. Он, Касси, Бесс, девчонка-поломойка Трейси и старый кучер Дейв.

— А тех, что выращивали хлопок?

Если для работы в усадьбе было достаточно нескольких рабов, потеря негров, которые трудились на плантации, способна обернуться настоящей катастрофой! Неужели они разбежались?!

Арчи важно ответил:

— Я не знаюсь с полевыми работниками, однако, сдается, их осталось человек тридцать.

У Сары перехватило дыхание.

— Куда подевались остальные?!

— Да кто их знает! Видать, подались кто куда, — сказал лакей и услужливо склонился к хозяйке. — Мисс Сара, вам плохо?

Она глубоко вздохнула и попыталась ослабить хватку плотно прилегающего к шее кружевного воротничка.

— Нет, Арчи, все в порядке. Где мистер Фоер?

— Не знаю. Его нет в комнате.

— Пошли мальчишку в контору. Мне надо

немедленно повидать… моего мужа.

— Хорошо, мисс Сара.

Она машинально принялась за завтрак, не ощущая вкуса еды. Если б вместо бисквитов ей подали бумагу или мел, она едва ли это заметила.

Сара напряженно размышляла над словами Арчи. Янки пообещали неграм свободу, землю и мулов. Она не способна сделать даже этого. Сара невольно вспомнила речи местного пастора, когда он толковал рабам о рае, где кормят жареными цыплятами и арбузами, равно как и о том, что их может осчастливить и спасти только белый человек. Едва ли она могла подарить им мир, в котором они найдут осуществление своих чаяний и освободятся от бед этой жизни!

— Мисс Сара, мистера Фоера нет в конторе.

Хозяйка подняла глаза на слугу.

— Где же он?

— Думаю, он покинул Темру, — в тоне Арчи звучала не тревога, а явное облегчение.

— Когда он уехал?

— Никто не видел. Коляска на месте, и Дейв говорит, ему никто не приказывал запрягать. Однако одна из лошадей исчезла, и на рассвете Трейси слышала стук копыт.

— Возможно, он отбыл по делам?

Арчи пожал плечами.

— Не знаю.

Сара встала из-за стола. Она позвала Касси, и вдвоем они осмотрели все комнаты. Исчезла пачка денег из бюро мистера Уильяма, шкатулка с украшениями Белинды, которую отец хранил в своем кабинете, столовое серебро. Те деньги, которые Сара держала у себя в комнате, остались, так же, как и ее украшения.

Она не могла поверить, что управляющий оказался обыкновенным вором. Неужели он женился на ней лишь для того, чтобы получить доступ к ценным вещам!

Через неделю, в течение которой она с трудом приходила в себя, Сара получила письмо от поверенного из Чарльстона, который писал, что дело не терпит отлагательства, и просил ее немедленно приехать в город.

В тоне послания было нечто настолько тревожное, что Сара немедленно начала собираться.

В пути она нервничала сильнее обычного. Пытаясь успокоиться, Сара смотрела на небо, капризно изменчивое, как море, и вместе с тем величавое, вечное небо, которому не было дела ни до войны, ни до ее тревог.

Она размышляла о том, как сложно быть чело-

веком, даже обычным человеком, а уж тем более — хозяйкой Темры.

Когда коляска въехала в город, внезапный туман укрыл плотным серым плащом те непомерные разрушения, каким день ото дня подвергался Чарльстон.

Сара сошла возле конторы поверенного, велев Касси и кучеру обождать в экипаже.

Мистер Вудворт, нотариус, пожилой человек с озабоченным, но добрым лицом принял ее без промедления.

— Я рискнул пригласить вас сюда, мисс Сара, поскольку не знаю, насколько вы осведомлены о делах имения, — с ходу начал он. — Вам известно, как высоко я ценил вашего покойного отца, потому мне также не безразличны вы и ваши интересы. Могу я узнать, где сейчас находится ваш… супруг?

— Он уехал, вернее, сбежал, прихватив с собой все ценное, что сумел забрать, — просто ответила Сара.

Мистер Вудворт не удивился.

— Этого следовало ожидать.

Следующая минута показалась долгой, как вечность.

— Случилось что-то еще? — осторожно спро-

сила Сара.

— При нынешней неразберихе это сложно сказать, хотя полагаю, положение довольно серьезно. При жизни вашего отца и до начала войны ваше имущество оценивалось довольно высоко, потому вы по сей день вынуждены платить большой ежегодный налог. Я сообщил об этом мистеру Фоеру, и он ответил, что у него нет таких денег.

Сара судорожно сжала руки в черных сетчатых митенках. Она была близка к панике.

— О какой сумме идет речь?

— Пятьсот долларов.

— Фоер был прав: у нас нет таких денег.

— Это понятно — банкноты Конфедерации обесцениваются с каждым днем.

— Что же нас ждет?!

— Если не сможете заплатить — имение пойдет с молотка.

— Как нам его спасти?!

— Мисс Сара, — тон мистера Вудворта звучал почти по-отечески, — я позвал вас для того, чтобы поговорить не о том, как спасти имение, а о том, как спасти… вас. Особенно теперь, когда ваш муж улизнул с деньгами и оставил вас одну.

— Спасти… меня? — растерянно пробормотала

Сара.

Склонив голову на бок к внимательно глядя на собеседницу, нотариус мягко, по-дружески спросил:

— Как вас угораздило за него выйти?

— Он признался, что приехал с Севера, и обещал защитить меня от янки.

— Янки, — в голосе мистера Вудворта звучало нескрываемое презрение. — Когда они прибудут в Темру, ни налоги, ни что иное не будет иметь значения. Потому, мисс Сара, советую вам немедленно собрать оставшиеся ценные вещи, взять с собой преданных слуг и уехать.

— Куда?

— У вас не осталось родственников?

— Настолько близких, чтобы они поселили меня у себя и стали заботиться обо мне? Нет.

— По крайней мере, поезжайте туда, где пока относительно безопасно. Например, в Мейкон.

В голубых глазах Сары промелькнуло отчаяние.

— Я не могу оставить Темру! Она слишком дорога для меня.

— Мисс Сара, мне тяжело признаться в этом, но… вам не за что бороться.

— И все-таки я не уеду! Это… это моя земля!

Мистер Вудворт покачал головой.

— Никакая земля не стоит вашей жизни и чести. Иногда надо иметь мужество признать очевидное. Подумайте об этом. В ближайшее время мы вряд ли увидимся: янки подходят, и наши войска станут держать оборону на суше: вероятно, дороги будут закрыты.

Обратный путь был проделан в гробовом молчании. Сокрушительная новость подкосила Сару, и она не знала, что делать. Она не думала об отъезде, ибо это означало бы предать все, чем она жила с рождения, за что боролись ее предки.

В конце концов она решила начать с того, что по силам. Признать очевидное означало также сказать себе, что сейчас она нуждается в бывших рабах гораздо больше, чем они в ней.

В тот же вечер Сара направилась к негритянским хижинам. Кучка домишек застыла на фоне обнаженных полей и голых деревьев, чьи вершины, словно мечи, пронзали низкое небо. Ветер печально свистел и рвал подол ее платья; Саре было неуютно, зябко, тревожно, словно она очутилась в чужих краях и ее ждало тяжелое испытание.

Она принялась ходить от хижины к хижине, созывая негров, испытывая неловкость от того,

что не помнит их лиц, не знает имен: до недавнего времени они были для нее безликой массой, обыкновенной рабочей скотиной.

На пороге одной из хижин Сара столкнулась с женщиной средних лет с величавой осанкой, надменно изогнутыми полными губами и нимбом черных курчавых волос над головой.

— Нэнси? Ты еще здесь?

— Да. И я, и моя дочь, — настороженно промолвила негритянка.

— Я думала, вы давно ушли, — растерянно проговорила Сара.

— Ушли бы, если б нам было куда идти.

За спиной Нэнси появилась та самая Лила, чьи уста некогда бесстрашно обвиняли Сару. Она была по-прежнему красива, хотя на ее лице лежала печать сурового терпения и нелегких дум.

Заглянув в глаза мулатки, в которых застыла темная, густая, будто патока, печаль, однако не было ни вражды, ни упрека, Сара наконец постигла истину. Она осталась одна — белая среди черных, — и у нее не было никого, на кого она смогла бы положиться больше, чем на этих незлопамятных, преданных, послушных, терпеливых людей, чьи предки строили дороги, рубили леса, обрабатывали поля — иначе говоря, создали этот

край. И сейчас она была готова предложить им то, чего они никогда от нее не потребуют.

— Нэнси, ты можешь собрать полевых работников на площадке перед бывшим домом надсмотрщика? Я предложу им переселиться в пристройку к особняку — там хватит места для всех. Необходимо обработать поля и посеять хлопок. Не задаром. Если нам удастся сохранить землю — часть урожая достанется вам. Я даю это обещание как единственная хозяйка Темры.

Негритянки молчали. Сару не покидало ощущение, будто Лила ждет каких-то особых слов, и она добавила:

— Я была неправа, сослав тебя на плантацию и… велев наказать. Отныне и ты, и Нэнси будете работать в доме.

— Осталось слишком мало рабов, которые согласны и способны трудиться в поле. Такие, как Касси, туда не пойдут, не станут ни сеять, ни собирать хлопок. Потому мы поддержим тех, кто работает на плантации, — сурово произнесла Нэнси.

Увидев жалкую кучку полевых работников, добрую толику которых составляли пожилые негры и детвора, Сара едва не разрыдалась, однако они смотрели на нее, как дети на мать или

бессловесные твари — на существо из высшего мира, хотя сейчас она была куда слабее и беспомощнее, чем они.

Они послушно собрали пожитки и направились к господскому дому. Узнав о том, что полевые негры поселятся в пристройке, Бесс разохалась, а Касси расфыркалась, однако Сара быстро укоротила и ту и другую. Прошли времена, когда домашняя челядь презрительно смотрела на тех, кто работал в поле. Пришла пора выживать вместе.

С некоторых пор Саре снился один и тот же сон: она просыпается ночью и выходит из спальни. В доме темно, как в преисподней, пусто, холодно и сыро. Негры ушли. Она осталась одна в ожидании судьбы, янки и смерти.

Ее пугала не только тишина, но и неожиданные звуки. Так однажды на рассвете она услышала стук копыт, пронзительно-звонкий, будто капли дождя, и всполошилась. Это янки, они движутся к Темре!

Сара вскочила с постели и почти сразу пришла в себя. Всадник был один, и в ее сердце затеплилась надежда. Юджин! Он вернулся, вырвался из плена или воскрес из небытия и спешит к ней на помощь! Узнав, что отец умер, а Фоер сбежал и

она осталась совсем одна, он примет на свои плечи непосильную ношу: Темру, хлопок и негров.

Она прислушалась. Звук то затихал, таял в отдалении, то вновь усиливался. Как она могла испугаться стука лошадиных копыт, такого же привычного, как шелест листвы или скрип дверей?!

Сара накинула поверх ночной сорочки темно-синий кашемировый капот, сунула ноги в домашние туфли и выбежала на лестницу.

Желанный звук неуклонно приближался, неведомый всадник, таинственный спаситель летел сквозь туман, и с каждой секундой сердце Сары колотилось все радостней и сильней.

Послышался хруст гравия на подъездной аллее, потом бег коня замедлился; человек спешился и вошел в дом.

Сара сжала рукой перила и замерла в ожидании неизвестности. У незнакомца были быстрые, легкие не мужские шаги. Женщина?!

Да, это была женщина в суконной накидке и широкополой войлочной шляпе. Она задрала голову и смотрела на Сару.

Встретив этот взгляд, та окаменела. Пустота и одиночество не были столь страшны, по-настоящему страшно стало тогда, когда из тумана и

мрака того отрезка прошлого, какой хотелось навсегда забыть, явилось странное существо, готовое вцепиться в подол, в руку, в горло и утянуть за собой в ад безумия, в пекло мести.

Это была Айрин, совсем не такая, какой она явилась сюда в первый раз: не жалкая просительница, а грозная фурия. Соломенные волосы выбились из-под шляпы, плотно сжатый рот напоминал жесткую складку, а яростный блеск зеленых глаз, казалось, был способен прорезать мрак ночи.

Сара вспомнила: в газетах писали, что северяне взяли Саванну. Наверное, Айрин сумела сбежать из лечебницы, а возможно, янки, движимые присущим им инстинктом разрушения, попросту разогнали и персонал, и больных.

Как ей удалось добраться до Темры, опередив федералов?!

Айрин вскинула руку, и Сара увидела револьвер.

— Отдай моего ребенка! Я знаю, что он не умер!

Сара пошатнулась. Воздух перед глазами покачнулся и поплыл, в ушах зазвенело, кровь молотком застучала в висках. Теперь она могла сказать, что чувствует человек перед смертью,

чувствует, когда из него уходит душа.

Где негры, где все, почему никого нет?!

Отворилась кухонная дверь, и в холл выглянула Лила. Она занесла в кухню корзину с кукурузными початками и собиралась уходить, когда услышала голос Айрин и посчитала, что ей почудилось: мать недаром говорила, что дом способен запомнить, таинственным образом запечатлеть все самые трагические или величественные моменты того, что некогда происходило в его стенах.

— Мисс Айрин! Вы вернулись! Не стреляйте! Мисс Сара здесь ни при чем. Это я виновата в том, что мистер Уильям и мистер Юджин унесли вашего ребенка!

Айрин обернулась и опустила руку с револьвером. В ее взоре промелькнула растерянность.

— Ты?

— Да, я. Я вызвалась посидеть возле вас, чтобы дать маме отдохнуть, и случайно заснула.

— Ты говоришь, они унесли его? Куда?

— Этого я не знаю.

— Твой ребенок жив, отец говорил мне об этом, — подала голос Сара. — Я ездила в Чарльстон и виделась с человеком, которому отдали мальчика, но он ничего мне не сказал.

— Где мистер Уильям?

— Он умер от раны.

Айрин вздрогнула.

— А твой брат?

— Юджин пропал без вести в самом начале войны.

— Мистер Китинг здесь?

— Он уехал сразу после того, как вас увезли из поместья. Все это время я не имела от него никаких вестей, — застенчиво проговорила Лила. Потом вдруг встрепенулась, и ее лицо просветлело. — Мисс Айрин, Алан передал вам послание через негритянскую почту! Он просил сообщить, что жив, что добрался до Севера и непременно приедет за вами! Правда, это было еще до войны…

Сара, также впервые услышавшая об этом, не отрываясь, смотрела на Айрин, щеки которой не порозовели, а глаза не вспыхнули от радости. Она только кивнула, как будто ей сообщили что-то совершенно заурядное.

Если б в ее груди растворилась та глыба свинца, которая ежесекундно давила ей на сердце, к нему бы вернулась способность испытывать прежние чувства. Пришел миг, когда чья-то таинственная рука остановила поток хлещущей через край

боли и наступило спасительное забвение. Алан превратился в призрачное воспоминание, ребенок стал единственной, но далекой надеждой.

Айрин не удалось прорваться в Чарльстон: на дорогах стояли войска Конфедерации, и ей пришлось повернуть назад.

Она перенесла этот удар и принялась ждать. Она больше не полагалась на людей: лишь на судьбу и на время.

Айрин не просила позволения остаться в Темре, она просто заняла одну из комнат, как и место за столом. Револьвер она держала при себе. Негры ее не боялись, зато Саре пришлось сжать чувства в кулак. Как бы она ни была возмущена и встревожена, ей оставалось только молчать и терпеть.

Янки приближались, но приближалось и время посева хлопка. Однажды за завтраком Сара обмолвилась о том, что на следующей неделе необходимо приступить к полевым работам.

— Не представляю, как мы справимся. У нас осталось мало негров…

— Никогда не слыхала о религии, которая призывает молиться хлопку. Похоже, ты единственная, кто ее исповедует. Вот и выращивай хлопок сама! — неожиданно заявила Айрин.

Воцарилось молчание.

— Я? — осторожно промолвила Сара.

— Да. Ведь это твоя земля, — сказала Айрин и обратилась к Касси: — Позови Лилу!

Чернокожая горничная содрогнулась под взглядом Айрин, взглядом тигра, сидящего в засаде, и беспрекословно повиновалась. Презрение Касси к новоявленной родственнице семейства О'Келли уступило место смертельному страху.

Когда мулатка вошла, Айрин сказала:

— Садись. — И придвинула стул.

Лила замерла.

— Но я…

— Если ты собираешься замуж за белого мужчину, тебе необходимо привыкнуть сидеть за этим столом. Тебе, а не Касси — потому что она ни дня не проработала на плантации! Завтра мисс Сара отправится сеять хлопок и покажет пример своим слугам! — заявила Айрин и, перехватив взгляд кузины, от которого любой другой человек превратился бы в соляной столб, спокойно добавила: — Я тоже пойду. Я ирландка, а ирландцы привыкли работать на земле.

Касси демонстративно явилась в поле в форменном платье горничной, и ее стенания в первые же полчаса работы так допекли Айрин, что та прогнала негритянку в дом. От Арчи тоже

не было толку — отослали и его. Остальные как будто годились для работы — даже белые руки хозяйки Темры, привыкшие ласкать клавиши пианино, послушно рыхлили землю.

В конце концов Сара О'Келли была потомком пионеров, которые не отступали ни перед какими трудностями.

Айрин долго работала молча, потом вдруг спросила:

— Я слышала, ты вышла замуж?

— Да, за управляющего, мистера Фоера.

— Зачем?

Саре был понятен смысл вопроса. Можно найти тихую пристань в браке по расчету, испытав неразделенную любовь, но как объяснить ее поступок?

— Из-за Темры.

— Темра не стоит таких жертв! — сказала Айрин. — То, что ты совершила, гораздо хуже того, в чем обвиняли меня!

Сара выпрямилась. Ее взгляд прожигал насквозь.

— Нет. Разврат преступнее расчета.

— Это была любовь. Любовь способна раздвинуть любые границы, ею можно оправдать все. Время показало, что была права я, а не вы. Рабов

больше нет. И может статься, вскоре многие плантаторы лишатся своих владений. — Сара молчала, а Айрин продолжила: — «Это значит сеять ветер, чтобы пожать ураган, который вскоре налетит» — такие строки написал поэт Лонгфелло, и они как нельзя лучше выражают то, что вы сделали. Южане сами себя наказали. Так же, как и ты.

Хотя было по-весеннему прохладно, вскоре им стало жарко: пот стекал со лба на ресницы, слепил глаза. На губах появился солоноватый привкус, и приходилось то и дело прикладываться к тыквенной бутыли с водой.

В какой-то миг Айрин выпрямила спину и потянулась, намереваясь немного передохнуть, как вдруг увидела Касси, которая бежала через поле, размахивая руками и что-то крича, а главное — не заботясь о туфлях и платье. Ветер уносил ее крик в сторону, но Айрин догадалась.

— Янки, янки, янки!

— Янки, — спокойно повторила Айрин. — Они пришли.

Сара мигом утратила самообладание.

— Боже, что делать?!

— Ничего. Они существа из плоти и крови. Они смертны. И способны испытывать страх.

— Нам их не напугать!

— Знаю. Главное, что они не смогли испугать нас.

Они созвали негров и пошли через поле к дому.

В имении царил переполох, синий цвет мундиров заслонил белый свет, отовсюду доносилось бряцанье оружия, грубая ругань, стук сапог. Часть солдат побежала вверх по лестнице, другие бросились к хозяйственным постройкам, кто-то шмыгнул на кухню. Слышался звон посуды, истошные крики домашней птицы и животных.

Сару охватило противное, липкое, леденящее душу чувство: будто чья-то чужая рука шарила у нее по груди.

Из дома с визгом выскочила Трейси, за которой гнался солдат. Его остановил молодой сержант.

— Погоди, не время. Этим можно заняться ночью.

Сара содрогнулась от ужаса.

— Они нас обесчестят!

— Пусть только попробуют подойти, — прошептала Айрин.

— Кто вы, леди? — довольно миролюбиво спросил молодой сержант, когда Айрин и Сара подошли к крыльцу.

— Я Сара О'Келли. Это мое имение.

— Ясно, мэм. Эй, несите майора наверх, в спальню! — крикнул сержант и обратился к женщинам: — Вам повезло, мисс, мы не станем жечь ваш дом, а разместим в нем раненого, о котором вы обязаны позаботиться. Если вы этого не сделаете, вам будет хуже.

— Хорошо, я приставлю к нему негритянку, — натянуто произнесла Сара.

— Негритянку?! Я рассчитывал, что вы сами займетесь его лечением!

Сара возмущенно передернула плечом и ничего не ответила.

— А где ваш врач? — спросила Айрин.

— Выхаживает других раненых. Вчера наш отряд напоролся на партизан, и нам пришлось жарковато.

«Так вам и надо!» — едва не сказала Сара, а сержант продолжил:

— Майор Эванс терпеливый и благородный человек, он отправил врача к солдатам.

Мимо пронесли молодого мужчину, бессильно лежавшего на шинели, мужчину с изящными руками и лицом истинного аристократа, в которое Саре хотелось плюнуть.

По иронии судьбы его уложили в ее спальне,

сорвав с постели солнечно-желтое атласное покрывало и раскидав подушки; между тем в имении происходило то, о чем Сара слышала сотни раз: обивка мебели была вспорота, люстры, зеркала и вазы разбиты, ковры истоптаны сапогами, хлопок подожжен, припасы разграблены.

Сара могла пережить гибель привычных с детства вещей, однако когда солдаты стали жечь библиотеку ее отца, она без промедления вошла в спальню, где уложили майора, и решительно произнесла:

— Кто бы вы ни были, прикажите своим воякам положить книги на место и не бросать их в костер! Уничтожать библиотеку — настоящее святотатство, к тому же книги дороги мне как память об отце.

Майор глубоко вздохнул и попытался изобразить улыбку. У него была белая, как речной песок, нетронутая загаром кожа, белокурые волосы и льдистые голубые глаза. Столь благородная внешность презренного янки вызывала у Сары дикое раздражение.

— Хорошо, мисс. Прошу, позовите сержанта.

— Вы можете гарантировать безопасность женщинам, которые остались в доме?

— Гарантировать не могу, но сделаю все, чтобы

никого из вас не тронули.

— Я пришлю к вам негритянку, — сказала Сара. — Сержант настаивал на том, чтобы в роли сиделки выступила я, но я не стану делать этого даже под страхом смерти.

Сара знала, что рискует, говоря ему дерзости, но не смогла сдержаться.

Майор мягко промолвил, опуская тяжелые веки:

— Не беспокойтесь, мисс, меня вполне устроит служанка.

Солдаты во дворе пили виски и горланили песни. Женщинам было приказано приготовить для них хороший ужин, однако стоило янки войти в дом, как Бесс закрылась в своей каморке и ни за что не желала выходить.

Во избежание неприятных последствий Сара велела Лиле и Касси заменить кухарку.

Разумеется, Касси и не думала прикасаться к кастрюлям. Госпожа могла делать что угодно — якшаться с полевыми работниками, собственноручно сеять хлопок, — ее горничная не собиралась отступать от своих принципов.

Она уселась за стол и принялась наблюдать за Лилой, которая суетилась в поисках нужных продуктов и подходящей по размерам посуды.

— Главное приготовить им полный котел, а чего — неважно. Съедят, — сказала Касси и заметила: — С начала войны белые опускаются все ниже и ниже; сдается, вскоре я не смогу разглядеть кое-кого из них под своими ногами!

Как ни была взволнована Лила, она замерла и уставилась на Касси.

— У тебя хватает совести говорить такие вещи!

— Скажи лучше, хватает смелости. Помнишь Алана? Прежде я считала его дураком. Если б он был внимательным в словах и осторожным в движениях, любой, более-менее здравомыслящий хозяин приблизил бы его к себе, и он бы жил припеваючи, не хуже свободного. А теперь думаю: наверное, он был прав, умел видеть дальше, чем мы.

— Я тебя не понимаю, — прошептала Лила.

Касси раздвинула губы в улыбке.

— Где тебе! Хотя ты тоже оказалась куда более прыткой, чем я думала! Я и не знала, что ты путалась с доктором Китингом под носом у мисс Сары!

— Я вовсе не... — начала было Лила, но тут в кухню вошел молодой сержант и добродушно произнес:

— Эй, девушки, налейте-ка кофе храброму вои-

ну армии Союза!

Он присел к столу и восхищенно уставился на Лилу, на каскады черных как смоль волос, на точеную шею и губы, напоминавшие яркий южный цветок.

Заметив его взгляд, Касси поневоле ощутила ревность и произнесла не без яда:

— Зря вы так смотрите на нее, сэр! У нее есть белый жених!

Сержант пожал плечами.

— В конце концов и белых, и черных создал один и тот же Бог! Мне тоже всегда нравились чистенькие домашние негритяночки!

Он игриво подмигнул Касси, а та брезгливо потянула носом и храбро заявила:

— Настоящие белые господа, прежде чем сесть за стол, хотя бы помоют руки!

Похоже, сержант смутился.

— Простите меня, мисс, — неловко произнес он, — за время похода мы совсем одичали и опустились. Обещаю привести себя в порядок. Хотя, признаться, я никогда не был господином: всего-навсего белый бедняк, решивший немного поправить свое положение на военной службе. Сержант Робин Трамбал к вашим услугам, мисс!

— Да уж, в этом вы преуспели! — заявила Касси,

распаленная неожиданной покорностью сержанта и собственной дерзостью. Посмей она так разговаривать со своими хозяевами, немедленно заработала бы пощечину!

— Я невиновен в том, что нам было велено изымать у местных жителей съестные припасы и разрушать все, что способно послужить Конфедерации. И все-таки не могу сказать, что мы дошли до предела. Майор велел нам не трогать здешних женщин, мы и не тронем. Что касается всех этих камушков и золотых вещиц, — он вывернул карманы, и на стол, мелодично звякнув, упала пара бриллиантовых сережек, золотой наперсток, длинная серебряная цепочка, усыпанное мелким жемчугом кольцо, витой браслет в виде змейки с изумрудными глазами, — такого добра здесь полно в любом доме! И я не стал бы все это брать, если бы… мне б небольшое поле, горсть семян, пару мулов да добрую, заботливую жену! Не желаю я больше быть ни чернорабочим, ни батраком! Одна надежда, что после войны эти огромные земли поделят между такими, как мы!

Касси взяла кольцо с жемчугом, осторожно надела на палец и вытянула руку, чтобы полюбоваться, как оно смотрится. Черный кофе и капля сливок, ночное небо и яркая звезда!

— У вас больше нет хозяев, — продолжил Робин Трамбал, — и отныне все общее. Захотите надеть платье белой леди, и наденете, пожелаете жить в господском доме, и будете. Разве не об этом мечтали рабы и бедные люди? Ладно, если вы не дали мне кофе, то хотя бы спасибо за разговор. Кстати, у вас необычный и прелестный выговор, мисс!

— Зато ваш режет уши, как пила! — заметила Касси и расплылась в улыбке.

Когда он ушел, она сказала Лиле:

— Знаешь, почему я уверена в том, что доктор Китинг никогда не вернется и не женится на тебе? Помнишь, мисс Айрин велела тебе сесть за стол рядом с ней? Ты шарахнулась, как от огня, сжала руки, замотала головой. А я бы села и просидела на этом месте до конца своих дней!

Глава 8

В то время как армия Шермана держала курс на восток, двигаясь двумя большими колоннами по полосе шириной от двадцати до шестидесяти миль, уничтожая, разрушая, приводя в негодность имущество конфедератов, сжигая дома и вытаптывая поля, небольшой отряд майора Эванса задержался в Темре.

Состояние командира вызывало опасения, и солдаты не спешили трогаться в путь: отдыхали, ели, пили, походя уничтожая все, что попадалось под руку. Выпивая виски, швыряли стакан на пол; разжигая костры, ломали лестничные перила и отдирали плинтусы.

Библиотека мистера Уильяма, впрочем, осталась цела, и янки не трогали женщин, хотя Нэнси не переставала дрожать за Лилу, на красоту которой заглядывались солдаты.

Кое-кто из негров видел, как Касси прогуливалась в сумерках с сержантом Трамбалом, но никто из них не спешил довести эти сведения до ушей мисс Сары. Подарив горничной несколько украшений и без конца повторяя, что цвет кожи не имеет для него никакого значения, он

совершенно заморочил ей голову. И все-таки Касси боялась, как бы хозяйка не узнала об ее увлечении.

Тем временем в один из вечеров Робин Трамбал пожаловал в комнату служанки.

Сейчас сержант выглядел иначе, чем при первой встрече: он помылся, побрился, почистил сапоги и мундир и превратился в привлекательного молодого человека.

Касси разыграла оскорбленную добродетель, хотя на самом деле была рада. Рада и польщена.

В крохотной комнатке было не повернуться. Сержант Трамбал присел на постель и попытался обнять негритянку, а после вытащил из кармана бутылку. Касси узнала напиток: это был портвейн из погреба мистера Уильяма.

— Мы с вами провели вместе немало времени, но до сих пор не выпили за знакомство.

Касси замешкалась. Белая леди непременно сказала бы, что находиться наедине с мужчиной, а тем более пить с ним вино крайне неприлично. Белая леди, такая, как мисс Сара. Но она, Касси, была черной рабыней, рабыней, которая должна помнить свое место.

Едва ли не с самого рождения Касси старалась подражать мисс Саре, хотя знала, что они разные,

как день и ночь, вода и пламя. Много лет она защищала интересы молодой хозяйки, в глубине души не любя ее и порой посмеиваясь над ней. Еще в детстве у негритянки была привычка выглянуть из-за угла, тайком скорчить вслед своей маленькой хозяйке рожу и убежать. Однажды мать застала ее за этим занятием и как следует высекла. Касси затаила обиду, которая не прошла до сих пор.

Ее мать ушла вслед за мисс Белиндой, умерев от тоски, как умирает собака, потерявшая любимого хозяина: белая госпожа была для нее роднее единственной дочери!

Мисс Саре с самого начала была мила участь перезрелой девственницы, между тем Касси желала следовать своей природе. Молодая хозяйка Темры ничего не знала о своей чернокожей служанке, тогда как Касси видела Сару насквозь и не считала ее ни умнее, ни выше себя.

— Хорошо, выпьем.

Воодушевленный сержант разлил золотистое вино.

— Вы скоро уедете? — спросила Касси, принимая из его рук бокал.

— Майор еще не выздоровел. Тем не менее через несколько дней мы тронемся в путь: время

не ждет. Возможно, оставим его в имении под охраной одного или двух солдат.

— От кого его нужно охранять?

— От партизан, да и мало ли еще кто может сюда забрести!

Они молча выпили, после чего Робин Трамбал потянулся к губам Касси.

— Я честная девушка, сэр, — кокетливо произнесла она, отстраняя его рукой, тогда как ее глаза затягивали, как омуты.

— Тем лучше! Я женюсь на тебе после войны, чтобы ты нарожала мне кучу черных, как головешки, ребятишек, а пока увезу с собой!

— Если я соглашусь.

— Постараюсь тебя уговорить! Чего ты хочешь?

Касси задумалась.

— Я мечтаю открыть в Чарльстоне лавку или магазин. Я очень люблю красивые вещи.

Сержант вскочил, пошарил в своих карманах, вытащил туго набитый мешочек и воскликнул:

— Вот! Это все, что мне удалось собрать в этих краях. Можешь взять, что захочешь.

— И все-таки у меня нет залога того, что вы на мне женитесь!

Робин Трамбал ударил себя в грудь.

— Тебе мало золота? Хорошо, я даю тебе слово военного, слово честного человека!

Касси смотрела на горсть украшений, которые можно было легко превратить в деньги. Ее суеверная мать сказала бы, что награбленное не может принести счастья, тогда как сержант утверждал, что все богатство южных плантаторов надлежит поделить между бывшими рабами и белыми бедняками.

Касси прекрасно понимала, что Робин Трамбал ни за что не поделится с ней трофеями, не получив взамен дорогой награды. Взвешивая на невидимых весах то, что у нее было, и то, что предлагал ей этот белый мужчина, негритянка все больше склонялась к выбору не в пользу своей хозяйки и не в пользу Темры.

Завязалась борьба, не вполне серьезная, но все же необходимая, как некий ритуал. Касси долго защищалась, стиснув зубы, а после, притворно ослабев, позволила раздеть себя и впустила сержанта в свое заждавшееся тело.

Они извивались на узкой постели, сильно, ритмично двигаясь и прерывисто дыша. Черная кожа Касси покрылась бриллиантовыми каплями пота, ее тело сладостно содрогалось, неподвластное ни разуму, ни воле.

— Вот что значит почувствовать себя настоящим мужчиной — с белой женщиной такого не испытаешь! От твоего тела исходит жар, как от песков пустыни, а твое нутро поглощает и жжет! — с восторгом произнес Робин, вцепившись пальцами в ее густые, черные, курчавые, как каракуль, волосы.

С тех пор между ними завязались близкие отношения. Белый сержант с вечера приходил в каморку негритянки и уходил лишь под утро, а иной раз уединялся с ней даже днем, под сенью деревьев, неподалеку от Темры.

Все открылось в тот день, когда Сара вошла в свою спальню и, бросив беглый взгляд на спящего раненого, тихо сказала Нэнси:

— Сколько времени ты будешь здесь сидеть? Пусть тебя кто-нибудь сменит, скажем, Лила.

— Моей дочери не место у постели белого мужчины, — твердо произнесла негритянка.

— Тогда пусть придет Касси. Кстати, где она? Я ее почти не вижу.

— У Касси есть другое, куда более веселое и приятное занятие, — неприязненно проговорила Нэнси.

— О чем ты?

— Она в открытую спуталась с янки — совсем

потеряла стыд! Тот белый солдат, что командует другими, проводит в ее комнате каждую ночь.

Сара уставилась на негритянку. В ее груди мутной волной поднималась горечь. Она могла представить, что у нее отнимут Темру, что ей придется проститься с хлопковыми полями, сосновым лесом, домом и семейным кладбищем, но в Касси она была уверена до конца.

— Не может быть!

— Будет лучше, если вы сами спросите ее, мисс.

— Хорошо, я ее найду.

Через четверть часа ничего не подозревавшая горничная вошла в комнату госпожи.

— Это правда? — спросила Сара.

Касси сложила руки поверх безупречно накрахмаленного передника.

— Что, мисс?

— Что ты спуталась с сержантом, что он бывал в твоей комнате!

Негритянка молчала, не сводя взгляда с белой госпожи, и это молчание было столь выразительным, что Сара невольно содрогнулась. Она заметила то, чего не замечала годами: в подчеркнутой почтительности Касси было что-то, отдающее издевкой; уста произносили льстивые

речи, между тем в глазах мелькали насмешливые искорки. Она не уважала и уж тем более не любила Сару.

Пощечина была внезапной, звонкой и острой, как выстрел. Касси схватилась за щеку, и ее взор полыхнул ненавистью. В былые времена служанка долго и тайно зализывала бы свои раны, но сейчас все изменилось.

Касси решительно подошла к гардеробу и открыла дверцы. Негритянка хорошо знала, какие платья сидят на ней лучше всего: бледно-розовое муаровое с оборками из французских кружев, сливочно-желтое из шуршащей тафты и переливчато-зеленое шелковое. Она вытащила их наружу и небрежно перекинула через руку.

Сара не поверила своим глазам.

— Что ты делаешь?!

— Я собираюсь замуж, и мне пора приодеться!

Сара побледнела. Все, прежде казавшееся таким определенным и прочным, постепенно размывалось, словно берег моря во время шторма, оставляя после себя лишь обломки и комья грязи.

— Положи одежду на место! Это не твои вещи!

— Пусть забирает, что хочет, и уходит из дома, — послышался голос.

В комнату вошла Айрин и остановилась, глядя на Касси и Сару.

Негритянка смешалась, но решила не уступать. Швырнув одежду на пол, она переступила через нее и дерзко заявила:

— Да, я уйду и ничего не возьму. У меня будут новые платья, получше этого старья!

— Уходи, если не помнишь добра, — сказала Сара.

— Добра? — губы горничной изогнулись в усмешке. — Вы считали меня своей вещью! Я с детства работала на вас за объедки с вашего стола, обноски с вашего плеча, а еще — за пощечины! С вами останется тот, у кого короткая память, кто готов заживо похоронить себя в Темре! А я хочу повидать иные места и других людей!

Когда Касси вышла, гордо вскинув голову и хлопнув дверью, Сара бессильно опустила руки и произнесла:

— Меньше всего я ждала этого именно от нее.

— А я — наоборот. Это она выдала нас с Аланом. Не из-за злобы, а просто для того, чтобы посмотреть, что с нами будет. Я бы позволила ей сделать выбор, дабы узнать, что станет *с ней.*

Саре сделалось жутко. Айрин все помнила и никому ничего не простила. Она не сломалась,

выплыла из пучины и, кажется, даже преумножила силы.

— Ты тоже меня ненавидишь? — прошептала Сара.

Айрин молчала, и это молчание было таким пронзительным, что у Сары зазвенело в ушах.

В тот же день отряд сержанта Трамбала снялся с места. Майор Эванс остался в доме под охраной дюжего солдата.

Касси собрала свои вещи и стояла на крыльце, ожидая Робина Трамбала, отдававшего последние распоряжения. Она не стала ни с кем прощаться, и никто не сказал ей ни слова. Только Арчи не выдержал, подошел к бывшей горничной и заметил:

— Ты совершаешь большую ошибку.

Касси раздула ноздри и бросила:

— Ошибку совершают те, кто остается в доме, где живет сумасшедшая! Запомни, она может и убить!

— Ты говоришь о мисс Айрин? — тихо спросил Арчи.

Касси рассмеялась.

— Странно, что ты сразу догадался, кого я имею в виду!

— Думаю, ты вернешься. Темра тебя не отпу-

стит, — веско произнес Арчи и скрылся в дверях.

Когда отряд выехал со двора, обитатели поместья вздохнули с облегчением. К несчастью, никто из них не слышал разговора двух солдат, один из которых предложил другому забрать с собой Лилу.

— Меня зло берет, как подумаю, что нам не разрешили тронуть ни одной темнокожей! Эта — самая хорошенькая. Сейчас она в кухне, я видел. Там есть черный ход — заткнем ей рот и потихоньку вытащим наружу. Отвезем подальше, наиграемся, а после отпустим.

— А как же майор и сержант?

— Майор вот-вот отдаст Богу душу, а сержант не видит никого и ничего, кроме своей черной мадам!

— Да, вот он-то свое получил!

Лила хозяйничала на кухне. Когда янки обосновались в Темре, у Бесс окончательно опустились руки. Она не хотела и не могла ничего делать, только лежала в своей каморке и охала.

В былые времена даже господа не смели вторгаться в ее царство: разве что мисс Белинда, а после мисс Сара заглядывали, чтобы обсудить меню. День ото дня она жила среди горячих испарений, чувствуя себя в своей стихии. Когда жара

становилась невыносимой, Бесс закатывала глаза, расстегивала блузку и проводила полотенцем по своей необъятной черной груди. И даже такие минуты казались ей божественными.

Вид радостно булькающих, источавших дивный аромат котлов всегда вызывал в ней благоговение. А теперь жадные янки запускали в них немытые руки; они ели, как свиньи, жир капал на прежде чистый, как стеклышко, пол. Они перетряхнули все коробки и банки, рассыпали драгоценные специи.

И все-таки Лила чувствовала себя вторгшейся в святая святых. Когда Бесс варила патоку, медленно, со знанием дела помешивая темную массу, с восторгом наблюдая, как она густеет, Лиле казалось, что негритянка готовит ту самую глину, из какой Господь вылепил их черные тела!

С приходом янки все изменилось. Поразительно, как быстро гордый, богатый дом превратился в обшарпанный, неухоженный вертеп с облупившимися потолками, выбитыми стеклами и потрескавшимися стенами!

Когда чьи-то грубые руки схватили Лилу, она лишилась дыхания. Она увлеклась, вспоминая прошлую жизнь, и позабыла об осторожности, забыла то, что говорила ей мать. Янки — гиены, с

ними надо быть начеку.

В это время Сара, решившая дать отдых Нэнси, сидела возле постели майора Эванса. Она чувствовала, как на дне души шевелится что-то темное. Она могла чего-то не любить, но не умела ненавидеть. Однако сейчас ей хотелось взять у Айрин револьвер и стрелять вслед солдатам до тех пор, пока последний из них не упадет посреди хлопкового поля!

Янки оставили им немного продуктов; лошадей, домашнюю скотину и птицу забрали. Что не унесли, то испортили: казалось, безнаказанные разрушения доставляют им особую радость. Подобно жестоким, невоспитанным детям, они крушили и громили все вокруг.

Сара с удовольствием задушила бы и лежащего перед ней человека, если б его жизнь не являлась, хотя и не слишком надежным, залогом их безопасности.

Между тем майор неожиданно открыл светлые, прозрачные, как летнее небо, глаза и промолвил:

— Это вы, мисс? Боюсь, мои дни сочтены, потому хочу продиктовать вам письмо, которое прошу отослать моему отцу.

— Вам известно о том, что ваши люди уехали? — жестко спросила она.

— Да. — Он опустил ресницы. Его лицо было бесцветным, как лицо застиранной тряпичной куклы. — Я их отпустил. Они рвутся вперед, им незачем ждать моей смерти.

— Надеюсь, они встретят на этом пути именно то, что заслуживают.

Сара взяла бумагу. Она не испытывала ни капли сострадания к тающему на глазах человеку, но ей было любопытно, что же он продиктует.

К ее удивлению, он произнес почти такие же слова, какие нашла бы она, обращаясь к своим родителям. Он говорил не о жестокой войне, а о прекрасном прошлом, вспоминал родной Нью-Йорк, рассуждал о мире, который распался у него на глазах. Его речь была правильна, выражения — поэтичны и красочны.

— Как подписать письмо? — сухо спросила Сара, когда майор умолк.

— «Ваш любящий сын Тони». И еще… когда я умру, срежьте прядь моих волос и положите в конверт, если… не побрезгуете.

— Почему вы решили, что умрете?

— Мне не становится лучше. Эта погода, холод и сырость… Я всегда считал себя крепким, но, видно, эти края мстят мне за то, что вторгся в них без приглашения.

— Янки… то есть ваши люди еще могут явиться сюда?

— Вполне возможно. Армия растянулась на многие мили.

— Тогда для нас выгодней, чтоб вы жили, ибо тогда солдаты не растащат продукты и сохранят нам жизнь. А еще — не сожгут дом, — в ее словах, в ее тоне был нескрываемый, больше того — показной расчет.

Тони Эванс молчал, и Сара спросила:

— Почему вы вступили в армию? Если я не ошиблась, вы не из бедной семьи? Вполне могли бы откупиться и не идти на войну!

— Вы не ошиблись. Мой отец — состоятельный человек. Я решил участвовать в войне, потому что любил свою родину, не желал ее раскола и хотел сохранить правление, которое казалось мне самым лучшим в мире. Я свято верил в слова Декларации независимости, что висит на стене Капитолия в Вашингтоне, слова о том, что все люди рождаются равными и свободными. Я не подозревал, что в мире столько несправедливости, что война так бесчеловечна и безрассудна.

— Похоже, никто из вас толком не знает, за что воюет, — презрительно произнесла Сара, и майор ответил:

— К сожалению, вы правы.

Пока они разговаривали, материнское сердце Нэнси почувствовало неладное. Она выбежала со двора в тот миг, когда солдаты перекинули ее дочь через седло. Лила была спелената, как кукла, а ее рот заткнут тряпкой.

Когда негритянка бросилась к солдатам, раскинув руки, как черные крылья, один из мужчин произнес вполголоса:

— Сейчас она поднимет переполох. Надо ее остановить.

Второй прицелился и выстрелил.

После того, что с ней сделали солдаты, Лила перестала чувствовать свое тело. Непослушное, чужое, оно словно вросло в землю. Руки и ноги не двигались, губы онемели. Она долго лежала, потом попыталась встать и ползти, а после идти, стараясь не наткнуться на плывущие перед глазами деревья.

Ошеломленная неожиданным нападением, она не сопротивлялась насильникам. Они спешили нагнать отряд, потом один за другим торопливо овладели ею, после чего развязали и бросили.

Лила прибрела в Темру к вечеру, растрепанная, обессилевшая, безмолвная. Узнав, что мать убили, она села на кровать рядом с ее телом и сидела

несколько часов, раскачиваясь взад вперед в каком-то странном колдовском ритме. Она молчала, но каждый мог почувствовать, как в ней нарастает жуткий, протяжный внутренний стон.

Мать всегда боялась, как бы с ней не случилось чего-то дурного, и в буквальном смысле слова положила на это свою жизнь.

Айрин не пыталась произносить слова утешения, ибо знала, что они бесполезны. Видя напряженные черты, потухший, обращенный внутрь себя взгляд Лилы, она понимала, что в той навсегда погибло доверчивое, наивное, беззлобное существо.

Айрин немного постояла, глядя на потерявшую прежний облик Лилу и мертвую Нэнси, а потом направилась в кухню, где оставленный для присмотра за майором солдат ел бобы из котла большой поварешкой.

— Твои приятели, — сказала она, — убили одну из негритянок и надругались над другой!

— И что с того? — с досадой произнес солдат. — Одной негритянкой больше, одной меньше — какая разница! Видал я этих черных шлюх! Они ложились под любого, кто показывал им самую пустячную безделушку! Скажите спасибо, что солдаты развлеклись с негритянкой и не

тронули белых!

— С вас бы сталось, — с прежним спокойствием заметила Айрин, — ибо вы не армия, а стадо диких зверей!

— Полегче, леди!

— К вашему сожалению, я не леди.

До сего момента Айрин стояла, пряча револьвер в складках юбки. Теперь она подняла руку и выстрелила. Пуля угодила солдату в грудь; он покачнулся, и в его глазах отразилось недоумение. Потом он рухнул навзничь к ногам Айрин, которая даже не дрогнула.

В кухню заглянула Сара и вскрикнула, зажав рот рукой. Почти тут же за ее спиной появился Арчи, который принялся креститься, в ужасе приговаривая:

— Боже милостивый, мисс! Вы убили человека! Касси была права!

— Я убила янки, тварь, которая явилась в наш дом, не будучи приглашенной в гости, — отрезала Айрин и добавила, глядя на растекавшуюся по полу лужу крови: — Надо закопать тело и убрать все следы.

— Я ни за что не прикоснусь к мертвецу и не стану убирать кровь! Я всю жизнь работал в доме и ни разу даже не резал кур! — выкрикнул Арчи,

дико вращая глазами.

— Иди, — сказала Сара, — мы справимся без тебя.

Она посмотрела на оружие в руках Айрин, и та заметила, что в глазах Сары больше нет нерешительности и страха.

— Думаешь, я совершила ошибку? — усмехнулась Айрин.

— Ты поступила правильно. Я тоже хотела это сделать, но у меня бы не хватило решимости. К тому же я не умею стрелять.

— Будет нужно, научишься. Ты поможешь мне закопать его и вытереть кровь?

— Да.

Вдвоем они кое-как оттащили солдата на задний двор и там с трудом вырыли в глинистой земле неглубокую яму. Потом вымыли полы в кухне, удивляясь тому, как сильно кровь въелась в дерево, — почти так же, как горе вгрызается в невидимую ткань человеческого сердца.

Им никто не помогал. Негры все знали, но они были столь напуганы случившимся, что бродили по дому, как тени, и даже не перешептывались между собой.

И все-таки Сара сказала:

— Мы пропали. Чего они не умеют, так это дер-

жать язык за зубами. Рано или поздно все станет известно.

— Ты имеешь в виду майора?

— Да.

— Ты предлагаешь застрелить и его?

— Ты бы смогла?

— Не знаю. Этого я убила в порыве гнева, но не уверена, сумею ли выстрелить хладнокровно.

Сама не зная, почему, Сара облегченно перевела дыхание.

— Хорошо.

— По крайней мере, — сказала Айрин, — пока он в нашей власти.

Сара не узнавала себя. Она, рафинированная южанка, хладнокровно рассуждала о том, убить или не убить человека, при этом едва смыв с рук чужую кровь!

Она с удивлением отметила, что привычные чувства к Айрин исчезли, уступив место чему-то иному. Сара видела, что и Айрин смотрит на нее без прежней враждебности. Сейчас только они двое могли отвечать за судьбу Темры и оставшихся в ней людей.

Через несколько дней после похорон Нэнси Лила сказала Айрин, что уйдет из Темры.

— Больше меня ничто не держит. Я слишком

долго ждала и только теперь поняла, что должна действовать. Я попытаюсь найти Джейка.

Айрин так отвыкла делиться с кем-то своими мыслями и чувствами, что с трудом проговорила:

— Полагаешь, мне тоже надо отправиться на поиски Алана?

— Вы не знаете, где его искать, а Джейк дал мне имена своих родных и назвал город, в котором они живут. Неужели его родители не знают, где находится их сын!

— Сейчас повсюду опасно, дороги наводнены бродягами и убийцами!

— Все самое страшное уже случилось, — сказала Лила, и ее тон был бесстрастен, а глаза сухи. К тому же в стране полно бездомных негров, которые строят палаточные городки; думаю, я смогу найти там приют.

— Откуда ты знаешь об этом? Негритянская почта?

— Да. Мы пишем свою историю, которую нельзя прочитать в газетах и книгах.

— Ты все еще любишь доктора Джейка? — медленно произнесла Айрин.

— Да. И я должна найти его сейчас, пока мне еще есть что ему предложить, пока я еще помню

то, что было между нами.

Айрин подумала о том, что в ее памяти иные, даже казавшиеся неизгладимыми воспоминания стерлись, обратились в прах, и сказала:

— Ты права. Отправляйся в путь, и будь что будет. Я не стану тебя утешать, просто расскажу правду о том, как мне удалось попасть в Америку. Мечты и упорство — вот то единственное, что ведет нас к цели, но мы никогда не знаем, какие препятствия встретим на этом пути и чем нам придется заплатить за наше счастье.

Глава 9

Джейк Китинг вернулся в Новый Орлеан в марте 1865 года, после того, как войска Шермана вошли в столицу Южной Каролины Колумбию и южане сдали порт Чарльстон, но еще до того, как был захвачен главный город Конфедерации Ричмонд.

С ним была Унга и ее сыновья: второго индианка родила прямо на корабле, ночью, во время качки, не издав ни единого стона. Его нарекли Бартом-младшим.

Когда Джейк увидел, что янки пощадили город, он не смог сдержать слезы радости.

Его любимый родной Crescent City[17], как прозвали его в народе, расположенный в том месте, где левый берег Миссисипи делает плавный изгиб, тонул в утренней дымке, нежной и легкой, как покрывало невесты.

Вдоль реки тянулись торговые ряды, креольские кварталы были украшены коваными оградами и изящными решетками, над узкими тротуарами нависали увитые зеленью балконы,

---

[17] Примечания: 17
Город-полумесяц *(англ.)*.

а на площади перед собором Святого Людовика прогуливались люди.

Когда Джейк вошел в ворота родного дома, который покинул больше шести лет назад, у него защемило сердце.

Мать вышла к нему в знакомой с детства, переливчато-серой, будто грудка голубки, длинной плетеной шали, пахнущей кухней и домашним уютом. И сама она была точно голубка: маленькая, легкая, хрупкая.

Джейк передал Мелвина Унге, на руках которой надрывался плачем Барт-младший, наклонился к Кетлин Китинг и поцеловал ее.

— Сынок! Как я рада тебя видеть! Мы не знали, жив ли ты: ведь повсюду война!

— Я не был на войне, — сказал Джейк и оглянулся на Унгу. — Это жена моего друга, который попал в беду. Я обещал позаботиться о ней. Она поживет у вас вместе с детьми?

— Разумеется, милости просим! — дружелюбно промолвила Кетлин, и сын прочитал в ее глазах облегчение: очевидно, мать подумала, что это его жена и дети.

— Как отец и брат? — спросил Джейк.

— Входи, — ответила Кетлин, — сейчас обо всем расскажу.

Во внутреннем дворике было все также уютно и тихо: зеленели кадки с цветами и вьющимися растениями, в струйках солнечного света сверкали пылинки. Большой, старый, деревянный стол стоял на месте, как и грубо сколоченные, тяжелые, но такие надежные скамьи.

— Наверное, дети устали и хотят спать? — сказала хозяйка дома Унге и провела ее в дом, а потом обратилась к младшему сыну:

— Энгус и Ричард поссорились: твой отец отказался продавать товары янки, одно время лавка и вовсе была закрыта, а Ричард считал, что это глупо. Он не мог понять, чем имеющие твердое обеспечение деньги янки хуже обесценившихся банкнот Конфедерации. В конце концов твой старший брат отделился, и теперь у него своя торговля. А нам с Энгусом пришлось нелегко. Правда, потом твой отец… кое-что придумал, и дела пошли на лад. А я держу небольшой пансион для тех южан, что лишились крова. Пусть это не приносит большого дохода, но зато есть возможность помочь людям. Где ты был так долго, сынок? Почему не писал?

— Я уехал на золотые прииски и не смог вовремя вернуться из-за того, что началась война. Золота я не нашел, но врачебная практика при-

носила хороший доход, так что мне удалось скопить немного денег. А в остальном ничего не изменилось.

— Я уж подумала, ты женился на цветной! — шепнула мать, бросив взгляд на комнаты, где Унга укладывала детей.

— В Калифорнии многие заключают брак с индианками, — уклончиво произнес Джейк, и Кетлин покачала головой.

— Индейцы куда ни шло, все-таки это их земля, да они и не лезут, куда не надо, а вот негры — истинные дети Сатаны: из-за них началась эта проклятая война! Сколько белых мужчин и юношей погибло по вине черномазых! Недаром в нашей семье никогда не держали рабов — от них одни только беды. Чернокожие родились за океаном и никогда по-настоящему не приживутся в нашей стране! А мулаты и того наглее — возомнили себя наполовину белыми! Если столкнешься с ними на тротуаре, эти желтые обезьяны ни за что не уступят дорогу, только скалят зубы. А гулящие женщины?! Цветные проститутки — прости, что произношу это слово, сынок! — заполонили весь город! При этом глупые янки носятся с неграми, как с невиданной драгоценностью! В Новом Орлеане построили приют для чернокожих сирот

— их кормят рисом и курицей, тогда как белые ребятишки грызут кукурузные кочерыжки.

— Дети есть дети, в данном случае цвет кожи не имеет значения, — неловко произнес Джейк.

Он был поражен тем, как мать буквально выплевывала слова ненависти. За время его отсутствия в городе поселился дух непримиримости — этого Джейк не сумел предусмотреть.

Он подумал о Лиле, о черных спиралях ее волос, губах цвета гранатовых зерен, неподражаемом взмахе ресниц и с сожалением признал, что никогда не сможет доказать матери, что эта девушка — мулатка и бывшая рабыня — достойна войти в их семью.

— Ты останешься, Джейк? — с надеждой спросила Кетлин.

— Не могу. Мне надо добраться до Южной Каролины. Я обещал одному человеку…

— Это опасно. Юг выжжен; в стране все смешалось, каждый может рассчитывать лишь на себя.

— Это вопрос жизни и смерти, мама.

— Точнее, вопрос… любви? — промолвила мать и улыбнулась легкой лукавой улыбкой.

Джейк сжал руки Кетлин в своих ладонях.

— Тебя не проведешь. Да, я отправился на прииски, чтобы заработать денег, но я дал слово

вернуться и жениться на ней.

— Кто она, сынок? — во взоре Кетлин сквозил жадный интерес.

Джейк сделал паузу, подбирая слова, а после признался:

— До того, как уехать в Калифорнию, я работал на одной из плантаций в Южной Каролине — лечил негров.

Мать отшатнулась.

— Негров?!

— Это была обычная работа, мама, не хуже всякой другой, — терпеливо произнес Джейк. — Там я и познакомился с Лилой.

— Дочь плантатора? — Кетлин благосклонно улыбнулась. — Неплохая партия, хотя сейчас почти все богатые южане разорены. Но мы верим в то, что Юг поднимется!

Джейку не хватило духу сказать, насколько сильно мать ошибается относительно его невесты. Вместо этого он вновь завел разговор об Унге:

— Вы с отцом сможете приютить эту женщину? Она работящая, аккуратная, честная и способна принести много пользы.

Кетлин с сомнением покачала головой.

— У нее двое маленьких детей… Хотя, если ты

просишь, конечно, пусть остается.

— Унга справится с любой работой, даже имея с десяток младенцев на руках. Эта женщина просто незаменима. Выделите ей небольшую комнатку, положите скромное жалованье: больше она ничего не попросит.

— А что случилось с ее мужем?

— Он угодил в тюрьму. Мы с самого начала были вместе, и я не смог бросить его жену и детей на произвол судьбы.

Взор женщины потеплел.

— Ты всегда был моим любимым сыном. Самым чутким, понимающим, бескорыстным. Тебе нравилось помогать людям: ты всегда видел в них только хорошее.

Он усмехнулся.

— Я врач и хорошо знаю, из чего сделаны человеческие существа.

Отец, искренне обрадованный возвращением Джейка, созвал соседей, выставил щедрое угощение, хотя время было нелегким. На этой волне он даже сумел помириться со старшим сыном, которого, по настоянию младшего, пригласил в гости.

И все-таки встреча выдалась тяжелой: Джейк сидел, наслаждаясь теплом и уютом родного очага, и одновременно слушая слова, какие прежде

никогда не звучали в их доме.

За столом Энгус Китинг, не таясь, громил президента Линкольна, возлагая на него ответственность за все беды, что выпали на долю Юга во время войны, а заодно — «проклятых черномазых».

— Подумать только, наши солдаты вместо сахара получали сорго, вместо кофе — батат, вместо добротной обуви — сапоги с бумажными подметками, а янки собираются озолотить негров, дать им права свободных! Когда закончится война, я прибью над входом в лавку вывеску «Чернокожим вход воспрещен». И пусть попробуют сунуться! — воскликнул он, и гости разразились одобрительными возгласами.

Джейку стало не по себе. Он помнил, как во времена его детства темнокожие собирались по воскресеньям на Конго-сквер. Звучали барабаны и банджо, и множество белых горожан приходило туда послушать песни и посмотреть на пляски африканцев.

— Мне кажется, в Новом Орлеане белые всегда хорошо уживались с цветными, — заметил он.

— Когда те знали свое место. Теперь настали другие времена. Янки думали, что война сблизит белых и черных, а она их окончательно разде-

лила.

Когда Джейк тронулся в путь, он был поражен масштабами бедствий, постигших родной край, по земле которого, казалось, прошелся огнедышащий дракон.

Янки безжалостно вырубали деревья: впереди войск шли батальоны дровосеков, мостивших гати через болота и разливы рек. А ведь деревья очищали воздух, освежали землю душным летом и не пропускали зимние ветра. Они дарили природе краски, простирали тень, на них созревали плоды. Он думал об этом, когда присаживался посреди лесоповала, разжигал костер, готовил нехитрый ужин и задумчиво жевал, слушая, как потрескивает огонь.

Джейк видел вытоптанные поля с созревшей пшеницей и сорго, рельсы, буквально вырванные с корнем и погнутые вокруг телеграфных столбов и деревьев — так называемые «галстуки Шермана». Встречал толпы обездоленных белых и черных людей. И беспрестанно тревожился о том, какая участь постигла Лилу и других женщин, оставшихся в Темре.

Джейк шел по одной из дорог, когда солнце уже зашло и на лес опустились промозглые сумерки. От земли поднималась белесая дымка, пахло

гнилью и сыростью. Задумавшись, Джейк не сразу услышал стук копыт и не успел схорониться в лесу.

Это был патруль северян — слава Богу, не дезертиры и не бандиты! Джейк немного расслабился: при нем не было ни оружия, ни ценных вещей. При этом он был прилично одет и выглядел добропорядочным гражданином, если таковые еще оставались в этой сошедшей с ума стране.

— Кто вы такой? — спросил один из всадников, не потрудившись спешиться. — У вас есть документы?

— Да. — Джейк протянул паспорт.

— Оружие?

— Нет.

— Куда идете?

Джейк объяснил.

— Вы похожи на шпиона, вам придется пройти на ближайший пост, — заявил солдат.

Пост размещался в наспех сколоченном из горбыля бараке. Хмурый офицер-янки повертел паспорт Джейка и промолвил:

— Вы южанин?

— Совершенно верно.

— Чем занимались до войны?

— Тем же, чем и сейчас: я врач.

— Вы не были в армии?

— Нет, потому как находился в отъезде.

— Вам повезло. — Капитан посмотрел ему в глаза. — На вас довоенная одежда, видно, что вы не голодали, вы уверены в себе и своей безопасности, а еще… у вас иное выражение лица, чем у большинства южан, да и северян тоже.

— Исчерпывающая характеристика. Тогда, возможно, вы меня отпустите?

— Отпущу. Правда, есть одно дело… В нескольких милях отсюда находится временный лагерь военнопленных: после захвата Джорджии их согнали туда из других мест. Никто не знает, что с ними делать после того, как три года назад между Севером и Югом был прекращен обмен пленными. Обитатели этого лагеря мрут как мухи. Врача там нет. Это ваши соотечественники, собратья-южане. Поможете им? Вам назначат жалованье, правда, не думаю, что большое.

— Не проще ли их освободить?

— Не положено. Война. Ну так как?

Джейк замер. Человек в нем бунтовал, но врач — врач, безусловно, давал согласие. И потом… потом ему было немного стыдно: каждый из тех, кто сидел за столом Энгуса Китинга, накрытым в честь приезда его младшего сына, принимал

хоть какое-то участие в войне; даже тот, кто не был в армии.

Так, отец под строжайшим секретом и с величайшей гордостью поведал Джейку о том, что участвовал в шпионских операциях. В его лавке отоваривались леди, бывшие агентами южной разведки: они покупали платья и шляпки, которые Энгус упаковывал в коробки с двойным дном, куда вкладывались письма с тайными сведениями. Коробки пересылались «подругам», живущим в других городах, и ни один янки не мог догадаться о подвохе.

— Это надолго?

— Не думаю. Полагаю, война скоро закончится.

— Хорошо, я согласен.

Так Джейк Китинг очутился в военном лагере, представлявшем собой огромное, огороженное частоколом пространство с примитивными укрытиями и наспех прорытыми каналами: для питьевой воды, купания и стирки и — для сбора сточных вод. Во время дождей вода в этих каналах смешивалась, что служило источником кишечных болезней. В первую очередь Джейк отправился к начальству именно с этой проблемой и получил ответ:

— Наше правительство печется о тех, кто во-

ювет против мятежников, а не о тех, кто попал в плен. Кому повезет, тот выживет, а об остальных позаботится Бог.

Заключенных кормили кукурузной кашей, бобовым супом и заплесневелыми сухарями. Лазарет был забит до отказа — больные вповалку лежали на полу. Медикаментов и перевязочного материала практически не было; не хватало даже одеял. Раненые умирали быстро и молча — от пневмонии, гангрены, тифа. Умирали, облепленные жадными, жирными, ленивыми мухами. А души тех, кто имел шанс выжить, были непоправимо искалечены войной.

Джейку, который зачастую не мог помочь ни больным, ни здоровым, оставалось признать, что таков коварный замысел Бога: в свое время ему удалось улизнуть от кровавой бойни, зато теперь он сполна повидал истерзанных жертв этой ужасной войны.

Поскольку многие из раненых, которые умерли у него на руках, не смогли или не успели назвать свое имя, он попросил у начальства списки пленных.

Время от времени он просматривал их и однажды наткнулся на знакомое имя: Юджин Фрэнсис О'Келли, капитан.

Ошибки быть не могло. Юджин О'Келли, сын мистера Уильяма и брат Сары. Джейк вспомнил его высокомерие истинного южанина, яркие рыжие волосы, живые карие глаза, ленивую грацию льва, нежащегося на солнцепеке, но готового к прыжку.

Он стал искать Юджина среди здоровых, потом — среди больных. И нашел, полумертвого, исхудавшего, бледного, погибающего от тяжелой пневмонии.

Джейк попросил одного из охранников купить лекарства в ближайшем городке и дал ему деньги. Спасая одного и не имея возможности должным образом позаботиться об остальных, он ощущал вину и бессилие, но другого выхода не было.

Когда Юджин пришел в себя, Джейк засыпал его вопросами:

— Вы меня узнаете? Как вы здесь оказались? Как долго вы находитесь в лагере?

— Узнаю, — прошептал тот, — вы явились из прошлого. Сколько времени я здесь? Мне кажется, вечность. Я кочую по лагерям с того самого времени, как наши солдаты впервые задали янки жару у речки Булл-Ран.

— Почти с начала войны! Но ведь тогда еще существовал обмен!

— Я вел себя буйно, меня не хотели обменивать и стремились уничтожить. Они почти добились своего — теперь я развалина, полутруп.

— Вы выкарабкаетесь — ведь в вас течет ирландская кровь! Я вам помогу.

Его взор слегка потеплел.

— Благодарю вас, Джейк. Вы не знаете, что с отцом и Сарой?

Когда речь зашла о Саре, Джейка посетило странное чувство — смесь смущения и досады. Он подумал о том, что должен постараться вывести Юджина за пределы лагеря хотя бы ради его сестры.

— Не знаю. Я уволился сразу после… истории с мисс Айрин.

— Вы еще помните об этом?

Уловив в его тоне небрежность, Джейк невольно взорвался:

— Что поделать, если лицо вашей потерявшей рассудок кузины стоит перед моими глазами все эти годы, а в ушах звучит ее просьба вернуть ей ребенка!

Юджин прикрыл глаза и сказал:

— Не кричите. Если я в чем-то виноват, то наказан сполна. Вместо воинской доблести — позор вражеского плена, вместо боевых наград — вши.

— Важно не то, наказаны вы или нет, а поняли ли вы, что совершили, — заметил Джейк. — Вам повезло, что у вас нет ни семьи, ни детей.

— Я всегда считал, что семья — это якорь, который мешает свободному плаванию.

— Надеюсь, когда-нибудь вы измените свое мнение.

Пока Юджин поправлялся, Джейк более пристально, чем обычно, наблюдал за лагерной жизнью. Освобождать одного Юджина не имело смысла, надо было дать шанс еще нескольким конфедератам. К сожалению, большинство пленных ослабли физически и растеряли силу духа. Они не могли напасть на охрану, да и оружия не было. И Джейк не мог рисковать, пытаясь договорить с кем-то из янки.

На территории лагеря работали негры — ныне свободная наемная сила. По вечерам их выводили за территорию, и отношение к ним было несравненно лучше, чем к пленным конфедератам, что вызывало нескрываемую злобу последних. Видя это, Джейк с горечью говорил себе, что едва ли его страна когда-то преодолеет противоречия и распри между белыми и черными.

В лазарете худо-бедно топились печки; однажды взгляд Джейка упал на угольную сажу, и в

голове зародилась спасительная мысль.

Для начала нужно было договориться с чернокожими. Джейк несколько раз им помогал: одному подсказал, как избавиться от чесотки, другого излечил от кровавого поноса, но этого оказалось недостаточно для того, чтобы они пошли ему навстречу.

Это были уже не те негры, что представлялись белым пешками, которые те не спеша передвигали по доске, разгоняя лень и скуку. И далеко не те рабы, чья жизнь состояла из ритуалов, которые они не смели нарушить, и проходила за рамками, какие они не смели переступить.

Одни из них прямо и нагло отказывали Джейку, другие твердили, привычно уставившись в землю:

— Что вы, мистер, я не могу: меня прогонят, а то и убьют!

Как ни странно, Джейк встретил сопротивление и со стороны Юджина.

— Истинные южане верны себе до конца! Чтобы обрести свободу и спасти свою жизнь, я бы мог перейти на сторону янки, но отказался. Мои товарищи ели крыс — я не стал. Точно также я не согласен притворяться черномазым.

— Тогда вы погибнете.

— Пусть.

— Вы думаете только о себе, вам не приходит в голову вообразить, во что превратился Юг. Поместья сожжены, поля вытоптаны, рабы разбежались. Хлопка, скорее всего, давно нет. Ничего нет. Возможно, ваша сестра осталась одна, без родных, без крова, и ей нужна помощь. Ваша глупая гордость и непримиримая самонадеянность преступны. Вы должны любой ценой вернуться домой!

Через несколько дней к Джейку подошел чернокожий парнишка и взволнованно произнес:

— Вы просили помощи, мистер? Я вам помогу. Я поговорил со своими приятелями — мы отдадим вашим людям наши шляпы, а когда будем выходить отсюда, нарочно встанем в конце и сделаем вид, что не заметили лишних «негров».

Джейк пристально посмотрел на него и спросил:

— Почему ты это делаешь?

Тот потупился и пробормотал, теребя в руках шляпу, отчего она крутилась, как колесо.

— Из-за вас. Потому что вы попросили.

— Только из-за меня? Поверь, я того не стою.

Парень вскинул взор.

— Неправда. Вы не такой, как остальные белые!

Вы — человек. Я чувствую это сердцем.

Он говорил горячо и смотрел искренне, как ребенок. Такой взгляд Джейк видел у негров до войны, видел у Лилы, и отчасти потому предпочел не спрашивать собеседника, кто же тогда в его представлении «остальные белые». Вечером он помог Юджину и еще нескольким конфедератам натереть лицо и руки сажей и проследил, чтобы те благополучно пристроились в хвост колонны чернокожих рабочих.

Глядя им вслед, Джейк думал о том, что того безмятежного ландшафта, какой Юджин О'Келли хранил в памяти все годы заключения, тех казавшихся неизменными образов, того уклада, который был основой его жизни, больше не существует. И задавал себе вопрос: скольким южанам придется умереть не от телесных, а от душевных ран?

Весеннее солнце не только разбудило природу, оно повлияло на самочувствие майора Эванса — он пошел на поправку: прощальное письмо к отцу так и лежало на столике возле кровати.

Возможно, на него подействовало то, что, просыпаясь, он все чаще видел возле своей постели Сару. Она скромно сидела на стуле и читала: реже — молитвенник, чаще — книгу из библиотеки

своего покойною отца.

Черное платье подчеркивало белизну ее кожи, простая прическа — благородство и нежность черт. Тони видел голубоватые жилки на ее полуопущенных веках, легкие тени под печальными глазами и задавался вопросом, чем живет ее сердце и какими грезами питается ее душа?

Небольшое поле, засеянное руками оставшихся в Темре негров и белых, дало всходы, но в последнее время Сара почти не думала о хлопке.

Она начинала понимать: в борьбе за Темру она потеряла частицу самой себя, лишилась воли, превратилась в тростник, на котором играет ветер. Потому она и позволила Фоеру овладеть ее душой, потому утратила столь естественную надежду на простое человеческое счастье, на взаимную любовь.

Вокруг по-прежнему царила тишина. Копыта коней не вздымали над дорогой облачка красноватой пыли, по гравию не шуршали шаги непрошеных незнакомцев, и обитатели Темры уверились в том, что армия янки, которая прошлась по округе, как ураган, больше не потревожит их покой.

Жизнь понемногу налаживалась. Лила покинула поместье, и Бесс вернулась на кухню.

Теперь ей приходилось ломать голову над тем, как приготовить полноценный обед из сушеного гороха, сладкого картофеля и скудных запасов кукурузной муки. Арчи и Трейси пытались навести порядок в доме; последняя неожиданно получила повышение: после отъезда Касси Сара сделала ее своей горничной.

Сама не зная, зачем, Айрин часто выходила на дорогу, ведущую к Чарльстону, и долго стояла, глядя в казавшуюся безжизненной и беспросветной даль.

По обе стороны дороги раскинулась бескрайняя земля, напоминавшая ей родную Ирландию: холодная пустошь, что тянется миля за милей, вплоть до невидимого горизонта.

Однажды она различила вдали расплывчатое темное пятно, которое двигалось навстречу, и спряталась в придорожном кустарнике.

Когда Айрин увидела, кто идет по направлению к Темре, в ее горле застрял крик ужаса и она что есть мочи бросилась в поместье знакомой окольной тропинкой.

Это были янки, но не просто солдаты, а дезертиры, мародеры и бродяги с заросшими лицами и дикими взглядами. Их мундиры превратились в лохмотья, но каждый из них держал в руках

оружие. В их глазах плескалось безумие, за их плечами маячила смерть.

Айрин бросилась к Саре:

— Надо что-то делать! Эти бандиты не остановятся ни перед чем!

— Убежим в лес вместе с неграми? Только надо позвать тех, кто в поле. Я пошлю за ними Трейси.

— Не успеем. Они уже близко.

— Тогда я останусь, — твердо произнесла Сара.

— В конце концов у нас есть оружие, — подхватила Айрин. — Я выстрелила из револьвера только раз, и там еще остались патроны.

Сара поразилась чувствам, что внезапно всколыхнулось в ее душе. Она, как и Айрин, была готова защищать поместье до последней капли крови.

— Я принесу второй револьвер.

— Где ты его возьмешь?

— В кобуре у майора.

Айрин совсем позабыла про Эванса. Ведь он северянин, к тому же имеет высокое звание. Однако что-то подсказывало ей, что эти янки не послушаются майора.

Сара вбежала в спальню и принялась шарить в вещах Эванса. Он открыл глаза и спросил:

— Что случилось?

Сара коротко рассказала.

— Не стреляйте в них! Если у вас получилось один раз, это не значит, что получится и второй. Солдат много, у них немалый опыт убийств и насилия, а вы всего лишь слабые женщины.

Сара посмотрела ему в глаза. Он никогда не спрашивал, куда подевался тот солдат, и теперь она поняла, что Тони все знает.

— Что же нам делать?

— Помогите мне спуститься вниз. Я попробую их остановить.

— Послушайте, — ее голос дрогнул, — если нам будет грозить бесчестье, обещайте, что вы нас убьете!

— Не говорите глупостей, вы останетесь живы, — произнес он с твердостью военного и мужчины.

Тони кое-как натянул мундир. Спускаясь по лестнице, он держался за перила и лишь однажды, пошатнувшись, схватился за плечо Сары. Прикосновение было бережным, деликатным, и в ее груди что-то жарко полыхнуло, а страх отступил, уступив место стойкой уверенности в том, что все закончится хорошо.

Они вышли на крыльцо в тот самый момент,

как к дому приблизились странные существа. У них были грязные бороды и гнилые зубы, они нюхали воздух, словно собаки.

То были мародеры, бандиты, привыкшие рыться в останках строений, в могилах, не щадя ни живых, ни мертвых. Они разоряли семейные склепы, их цепкие жадные пальцы обыскивали покойников. Они кричали и вздорили, как обезьяны, вырывая друг у друга вещи; найдя спиртное, напивались до бесчувствия, насиловали и белых, и черных женщин.

— Кто вы такие и что вам надо? — спросил Тони.

В его голосе звучала строгость командира, а в позе виделось благородство человека, привыкшего возвышаться над толпой.

— Ты сам кто такой? — выкрикнул один из бандитов.

— Майор армии Союза Энтони Эванс. Мой отряд ушел вперед, а я остался, потому что был ранен. Где ваш командир?

— Мы сами по себе, — ухмыльнулся бродяга, а другой выкрикнул:

— Никакой ты не майор! Должно быть, мятежник, напяливший синий мундир! Мы встречали много таких, и всех перебили. Уступи нам дорогу

и отдай этих красавиц, и тогда, быть может, мы сохраним тебе жизнь.

Тони не дрогнул. Все в нем вдруг показалось Саре красивым: впалые щеки, резкая линия скул, выражение холодного гнева в глазах.

— Ни за что. Убирайтесь отсюда!

Стоило мужчине сделать шаг вперед, как Эванс выстрелил и продолжал стрелять, когда бандиты ринулись на крыльцо. Ему вторил голос второго револьвера, револьвера Айрин.

Сара зажмурилась. Сейчас все закончится — совсем не так, как она надеялась. За одно мгновение перед мысленным взором пронеслась сотня картин: она, одетая в пышное платьице, ковыляет по двору, в центре которого Юджин качается на скрипучей деревянной лошадке, молодые, улыбающиеся отец и мать, тысячи стеблей хлопчатника, поднявшиеся над землей, словно зеленое воинство. Ее первая кукла, первый урок, первый бал, первое разочарование и первый восторг. А вот первого поцелуя не было и не будет.

Когда Сара открыла глаза, то увидела нечто такое, чего никак не ожидала увидеть. Со стороны поля бежали негры, бежали к дому, размахивая железными орудиями.

Бандиты повернулись и начали стрелять, но

было поздно: на их головы обрушились лезвия лопат. Негры с гортанными криками превращали незваных пришельцев в кровавое месиво. На крыльцо выскочила Бесс и плеснула в лицо одного из нападавших крутой кипяток. Арчи, который «никогда не резал кур», сталкивал бродяг со ступеней своими сильными руками.

Вскоре с бандитами было покончено. Троим удалось удрать, остальные были убиты.

Тони улыбнулся, а Сара заплакала. Он был янки, но стрелял в янки, они с Айрин хотели его убить, а он их спас. Сара чувствовала, что ее глупая гордость сломлена, что она может признаться в том, что в последнее время с каждым днем становилось все более очевидным: она хотела видеть свое отражение в глазах Энтони Эванса, она желала слышать слова, обращенные к ней.

Негры вырыли за забором большую яму и сбросили туда трупы. Следы крови засыпали землей.

Майор Эванс был еще слаб, потому, когда все закончилось, ощутил глубокую усталость. Он поднялся наверх и лег. Сара последовала за ним и привычно села возле его постели.

Они долго молчали. Сара первой подала голос:

— Подумать только, что война может сделать с людьми!

— Это не война. Война здесь ни при чем, — сказал Тони. — Такими могут сделать себя только сами люди.

— Вы спасли нам жизнь!

— Это сделали ваши бывшие рабы.

Тони сел на постели. Он смотрел на нее так, будто чего-то ждал, и Сара неловко призналась:

— Я боялась за вас.

— И я боялся, — признался он, — боялся, что у меня не хватит сил вас защитить.

Какое-то время они сидели, нежась в лучах молчаливого понимания, потом Тони промолвил:

— Мисс Сара, до сего момента я не смел задавать вам этот вопрос, но сегодняшнее происшествие придало мне смелости: вы замужем?

Краска отхлынула от ее щек, и она опустила руки.

— Да.

В его глазах промелькнула тень разочарования, но он постарался овладеть собой.

— Ваш муж в армии?

— Нет, он сбежал, когда узнал, что янки приближаются к Темре, — просто сказала Сара.

Ей хотелось признаться в том, что между нею и Фоером не существовало супружеских отношений, но она не могла беседовать с мужчиной на

столь деликатные темы.

Сара подумала о чувствах и таинственных действиях, сближавших мужчину и женщину, способных вырвать человека из собственного плена, о том, о чем в их среде не было принято говорить и что ей едва ли доведется испытать.

— Прежде он служил управляющим нашим имением, — сказала она. — Мне пришлось заключить с ним брак, потому что я осталась совсем одна и больше всего на свете желала сохранить Темру. Однако я все равно ее потеряю. Мой поверенный сообщил, что мы должны заплатить налог, но у нас нет таких денег: не удивлюсь, если после войны сюда явятся чужие люди и прикажут мне убираться вон.

— Я мог бы помочь вам выкупить имение.

— Вы?!

— Почему нет? Я один из тех, по чьей вине вам пришлось страдать. К тому же у моего отца есть деньги. Во время войны его заводы снабжали армию Союза мясными консервами: полагаю, он в несколько раз преумножил свое состояние.

Сара привычным жестом расправила плечи и с достоинством произнесла:

— Благодарю вас. Полагаю, главное не в том, что с нами случилось и что мы навсегда потеря-

ли, а в том, что нам довелось сохранить. Прежде всего, это гордость. Мне будет проще оказаться на улице, чем принять помощь от чужих людей.

К ее удивлению, Тони неловко улыбнулся, однако было заметно, что эта улыбка шла прямо от сердца.

— Я чувствую себя очень странно. Сижу возле женщины, которая мне очень нравится, зная, что она несвободна, и вместе с тем питая большие надежды. Я никогда не думал, что такие надежды могут возникнуть… во время войны.

— Возможно, потому, что вы давно не встречали женщин?

— Отчего же? — грустно произнес он. — Встречал. Красивых, растерянных, беспомощных, гордых южанок. Их душа была передо мной как на ладони, и, глядя на них, мне было стыдно за северян.

Сара подняла брови.

— Глядя на меня — нет?

— В сто раз больше. Только с вами я могу говорить откровенно и просто, хотя мне и кажется, что в вашей душе спрятано много секретов. А еще… в отличие от других вы никогда не сдадитесь.

— Нет никаких секретов, — устало произнесла

Сара. — Все очень просто. Прежде я жила ради хлопка, потом поняла, что это бессмысленно. Я давно сложила оружие и не знаю, что делать дальше.

— У вас есть возможность развестись?

Саре показалось, что она ослышалась.

— Почему вы задаете мне этот вопрос?! — пробормотала она, разумом пытаясь сохранить остатки прежней враждебности, тогда как ее сердце изнывало от противоречивых чувств.

— Потому что я бы хотел сделать вам предложение.

Она инстинктивно отшатнулась.

— Вы *янки,* а я — южанка!

— Уверен, когда войне придет конец, мы быстро забудем о том, что стояли по разные стороны баррикад.

Сара пребывала в смятении. Отец умер, Юджин пропал без вести, Фоер сбежал. Не осталось никого, кто помешал бы ей отдаться чувствам, забыв обо всем, что стояло на пути.

Воспользовавшись замешательством Сары, Тони подался вперед и поцеловал ее.

Она не возмутилась и не отпрянула, потому что внезапно лишилась всех воспоминаний и мыслей.

Не вполне осознавая, что делает, Сара положила руку ему на затылок извечным жестом любящей женщины. Она содрогалась от ранее не испытанного чувственного блаженства: то, что прежде представлялось ей грязной пеной, оказалось сделанным из тончайших белоснежных кружев. Ей чудилось, будто она летит над миром, широко простирая крылья, и ее нежит ласковый ветер.

— Я люблю вас, Сара! После войны я вернусь за вами и разыщу вас, где бы вы ни были!

Сара с трудом перевела дыхание. Она целовалась не просто с мужчиной, с янки, с врагом! Она не могла в считанные минуты смириться с тем, что рискованное будущее имеет куда больше красок и смысла по сравнению с безупречным прошлым.

Она была готова признаться в том, что полюбила Тони, и все же хотела выиграть время. Ее учили принимать горе с тихим, но несгибаемым достоинством, но никто не говорил, что делать с неожиданным счастьем, к тому же идущим вразрез с вековечными принципами.

— Разве ваш отец согласится, чтобы вы женились на южанке? — она постаралась вложить в вопрос как можно больше вызова и иронии.

— Если я вернусь домой живым, мой отец будет так рад, что исполнит любое мое желание. К тому же, — усмехнулся Тони, — он в долгу перед южанами, ибо несказанно нажился на войне.

— Вы все время говорите только об отце. А… ваша мать? — спросила Сара, желая скрыть неловкость.

— Умерла при родах. Отец меня вырастил. Он не женился, чтобы у меня не было мачехи. Он дал мне все, кроме возможности почувствовать себя настоящим мужчиной. Это еще одна причина, почему я пошел на войну. Правда, я почувствовал себя мужчиной не когда убивал соотечественников, а когда защищал женщин, — ответил Тони.

Сара вспомнила отца и слова, которые он произнес незадолго до смерти: «Это братоубийственная война, она ломает нормы морали, искажает понятие о чести, оставляет в сердце пустоту, которая со временем заполняется вовсе не тем, чем нужно».

Глядя на Тони, Сара ощущала нечто странное. Будто что-то очень важное повисло на тонкой нити, готовой оборваться в любой момент, словно истина била крыльями в невидимой клетке в тщетных усилиях вырваться на волю.

Сара закрыла лицо руками. Если бы кто-нибудь знал, как сложно преодолеть упорство созна-

ния, силу того, что с детства вливалось в кровь с каждым взглядом и словом, и пойти за тем, что принадлежит миру грез и снов! Если бы кто-нибудь понял, почему страх преступить бывает сильнее, чем страх потерять.

Глава 10

Армии генералов Гранта и Ли простояли друг против друга у Ричмонда и Питерсберга ровно девять месяцев: в напряженном ожидании что-то должно было созреть и в конце концов появиться на свет.

Оборванные солдаты Конфедерации походили на нищих; с давних пор они получали лишь половину пайка и сотнями покидали окопы. Остро ощущалась нехватка оружия и боеприпасов; силы армии северян троекратно превосходили силы некогда казавшейся непобедимой армии южан. Бок о бок со стариками в рядах конфедератов сражались мальчишки, которым едва сравнялось шестнадцать, а то и четырнадцать лет: эти солдаты были набраны во время последнего призыва — других в живых уже не осталось.

Утром 2 апреля 1865 года президенту Южной Конфедерации передали записку генерала Роберта Ли: «Президент Дэвис! Линии обороны прорваны в трех местах. Ричмонд надо оставить к вечеру».

Первыми об этом узнали представители южной элиты — крупные плантаторы, высокопостав-

ленные чиновники. Было принято решение немедленно покинуть город.

Во время войны слухи разносятся быстро; простые горожане тоже не дремали: на вокзале было не протолкнуться. У платформы стояла длинная вереница багажных и пассажирских вагонов. Царило судорожное оживление, близкое к настоящей панике. Перроны были забиты военными фургонами, санитарными каретами и повозками частных лиц, доверху нагруженных вещами. Люди растерянно метались, сталкивались и продолжали лихорадочно двигаться дальше в клубах дыма и пыли. Вечерний поезд был один, а беженцев — много.

Семья мистера Робинса, несомненно, принадлежала к высшему обществу, потому он и помыслить не мог, что ему не хватит места в поезде. Миссис Робинс привыкла ездить с удобствами и не была намерена отказываться ни от серебряной утвари, ни от фамильных портретов, ни от обширного гардероба, ни даже от мебели.

Чернокожие слуги с утра грузили все это (парадная дверь особняка, ведущая в огромный холл, не закрывалась ни на миг) в вереницу повозок и карет, к вечеру прогрохотавших по городу, распугивая и без того ошеломленных горожан.

Негритянка Тамми была вне себя от волнения; помимо присмотра за вещами хозяйки на нее была возложена забота о двух детях, девочке и мальчике, которые неотступно следовали за ней, крепко держа друг друга за руки.

Обоим исполнилось пять, и они разительно отличались друг от друга. Девочка была очень темной, как мать; ее непокорные курчавые волосы были заплетены в две смешные торчащие косички, перевязанные разноцветными ленточками, а в почти черной радужке глаз терялись зрачки. Кожа мальчика имела цвет топленого молока, а его яркие светло-карие глаза напоминали маленькие звездочки.

Когда они вышли из дому, Тамми сказала:

— Держитесь друг за друга; что бы ни случилось, будьте вместе.

Дети дружно закивали головами.

В Ричмонде — столице отделившегося от федерации Юга — пересекались главные железные дороги, вдобавок здесь находилось много табачных фабрик и складов: состоятельным людям было что терять.

— Вагон арендован, вагон арендован! — кричал какой-то плантатор.

Он пытался завести туда закованных в цепи

негров, тогда как белые граждане негодовали и напирали.

— Вы обязаны погрузить мебель! — высокий, пронзительный голос миссис Робинс перекрывал шум толпы.

Оглушенная и утомленная Тамми отошла в сторонку и присела на корточки, не выпуская из виду шляпную картонку и коробку с обувью. Дети стояли рядом.

На горизонте высились фабричные трубы, похожие на огромные черные пальцы, в воздухе стоял резкий запах железной дороги, грохот вокзала напоминал бешеный пульс.

Тамми считала, что ей повезло: она не трудилась на плантации, ее не отдали в аренду на табачную фабрику, она работала в роскошном доме, полном дорогих и красивых вещей.

Миссис Робинс придавала большое значение цвету кожи домашних слуг, потому черной как сажа Тамми, какой бы старательной она ни была, никогда не удалось бы добиться повышения, однако она была счастлива даже тем, что мыла полы, убирала отхожие места, выносила помои и мусор.

Как водится, у ее дочери Розмари не было отца. Вернее, был бы, если б кучера приятельницы

миссис Робинс интересовало, чем закончились несколько вечеров, тайком проведенных им в каморке Тамми.

Когда рабыня родила черную девочку, хозяйка не рассердилась. Через некоторое время она принесла ей младенца с таким светлым оттенком кожи, что его можно было принять за белого, и велела служанке выкормить малыша.

Тамми искренне привязалась к ребенку, однако она не знала, можно ли ей считать его своим сыном, потому он называл ее по имени.

Мальчика звали Коннор, но Тамми, как и все остальные, звала его Конни, так было привычнее и проще. Миссис Робинс получила ребенка в подарок от своей кузины, приехавшей в гости из Чарльстона. Именно та сообщила, что крохотный раб наречен необычным, «королевским» именем.

Миссис Робинс осталась довольна подарком. Через четырнадцать лет этот мальчик должен был превратиться в великолепного вышколенного слугу. Уже в четыре года Конни знал, как правильно сервировать стол и умел отвешивать безукоризненно грациозные поклоны: миссис Робинс дрессировала его, как собачонку, находя в этом занятии немалое развлечение.

Поезд дернулся, потом тронулся и медленно поплыл вдоль перрона, с которого по-прежнему долетали душераздирающие крики, грубая ругань, ожесточенные споры. Темной громаде не было до этого никакого дела: она грохотала, набирая скорость; тревожно позванивал колокол и пронзительно заливался паровозный свисток.

Конни провожал поезд завороженным взглядом. Он мечтал прокатиться на нем и не предполагал, что они останутся на платформе. Впрочем, его учили не задавать лишних вопросов, потому он не стал тревожить свою приемную мать.

Тамми не сразу поняла, что случилось, а поняв, вскочила и бросилась вслед за поездом, провожая быстро вращающиеся колеса испуганным, диким взглядом. Хозяйка исчезла, а вместе с ней — вещи и те негры, которых она решила взять с собой. Из имущества Робинсов на перроне остались лишь шляпная картонка, коробка с обувью, Тамми, Конни и Розмари.

Негритянка с отчаянным криком бежала вдоль состава, но он стремительно удалялся. Когда последний вагон исчез вдали, Тамми заломила руки, а потом разрыдалась.

С самого рождения ее жизнь находилась в руках белых господ, и теперь она не знала, куда

идти и что делать. Возможно, она осталась бы на перроне и ждала бы миссис Робинс так, как годами преданно ждут своих хозяев брошенные животные, однако с ней были дети, которые очень скоро захотят есть и спать.

Тамми подхватила вещи (о том, чтобы оставить то, что ей доверила госпожа, не могло быть и речи) и побрела в никуда.

На запасном пути громоздились вагоны. Здесь было мрачно и темно, запахи железной дороги будоражили ноздри и нервы.

— Куда все подевались? — робко спросила Розмари.

— Мисс Аделина уехала. Наверное, она забыла о нас, — сказала Тамми.

— Она вернется?

— Да. Только надо подождать.

Негритянка в самом деле свято верила в то, что хозяйка не бросит ее на произвол судьбы.

Тамми привыкла подчиняться приказам и совсем не умела думать и действовать самостоятельно. Инстинкт подсказывал ей не удаляться далеко от вокзала и избегать мест, которые выбирают белые люди. В результате она и дети провели ночь в кустах за запасными путями, а на рассвете снова вышли на перрон.

Конни и Розмари были голодны, но Тамми сказала:

— Еды нет. Надо потерпеть.

Тело ласкала приятная прохлада, солнечный свет казался радостным, нежным, и только лица людей выражали тревогу. Новости передавались из уст в уста и жадно поглощались толпой. Утром в бывшую столицу Конфедерации вошли отряды победителей, мародеры взламывали двери магазинов, склады, врывались в опустевшие дома, грабили все, что попадалось под руку.

Не имевшая ни малейшего представления о том, что творится в Ричмонде, Тамми повела детей к фонтану на небольшой площади рядом с вокзалом. Она сложила ладони ковшиком и подставила их под струю, чтобы напиться. Коннор и Розмари молча ждали, готовые последовать ее примеру.

Такой Конки запомнил Тамми на всю оставшуюся жизнь: бисеринки брызг, поблескивающих на черной коже, изящный изгиб длинной шеи, пестрое платье, струящееся по телу, и белый тюрбан на голове.

В следующую секунду он услышал рокот гигантского взрыва и звон разлетавшихся стекол. Земля заходила ходуном. Конни почудилось,

будто его подняло сильнейшим порывом ветра и закрутило в воздухе, а потом швырнуло о землю.

Когда мальчик пришел в себя, в ушах шумело, а горло и нос были забиты пылью. Всюду валялись какие-то обломки, а воздух был полон дыма. Пепел падал с небес, будто снег. У Конни сильно болела спина, он дрожал всем телом и не мог ничего понять.

Рядом кто-то заплакал. Это была Розмари. Она лежала в пыли, и по ее лицу текла кровь. Конни подполз к девочке и увидел, что в ее щеки впились мелкие осколки стекла. К счастью, глаза были целы. Не вполне осознавая, что делает, не думая о том, что произошло, мальчик осторожно вынул из кожи своей молочной сестры прозрачные кусочки, вытер кровь своим платком и помог ей сесть.

— Где мама? — захныкала Розмари, и Конни оглянулся в поисках Тамми.

Все вокруг было покрыто копотью, такой же черной, как ее кожа. Распластавшаяся на земле Тамми хрипела; ее тяжелая щедрая грудь была залита кровью, из одежды торчал огромный кусок стекла.

Куда-то бежали люди, откуда-то доносились крики и стоны — мальчик ничего не замечал.

Он видел только глаза Тамми, глаза, из которых медленно уходила жизнь. Негритянка с трудом прошептала:

— Твое полное имя — Коннор, так говорила хозяйка: запомни это — вдруг пригодится! Ты не такой, как мы: кто-то из твоих родителей был белым. — Женщина прерывисто вздохнула, на ее губах появилась кровавая пена, и она с трудом закончила: — Не бросай Розмари. Она твоя сестра, хотя я — не твоя родная мать. Обещаешь?

Ребенок отчаянно закивал, но Тамми этого не видела. Произнеся последнее слово, она закрыла глаза и умерла.

Дети впервые увидели смерть, узнали, каково бывает, когда кто-то близкий и дорогой превращается в нечто неподвижное, пугающее, безмолвное.

Розмари плакала навзрыд, не столько от горя, сколько от страха. Конни пытался осмыслить, что произошло, и понять, что делать дальше. И вскоре почувствовал, что надо спасаться.

Ричмонд был объят пламенем. Отступая, конфедераты подожгли город. Огонь распространился на арсенал и склад снарядов, вызвав чудовищный взрыв, и продолжал пожирать все вокруг.

Дети бросились бежать через дымную завесу.

Ветер был душным и теплым, а облака над головой, совсем недавно ослепительно-белые, стали кроваво-красными от отблесков пожара. Иногда сквозь слой копоти и пепла проглядывало тусклое солнце.

Откуда-то доносился топот марширующих ног, ружейная стрельба, грохот армейских фургонов. Конни много слышал о янки, о них говорила мисс Аделина и толковали слуги на кухне. «Синие мундиры» несут за плечами хаос и смерть, они убивают и грабят. Похоже, янки вошли в город, и следовало ожидать расправы. Конни решил, что необходимо где-то спрятаться. Однако опасность пришла совсем не оттуда, откуда ее стоило ожидать.

Когда дети выбежали на улицу, по обеим сторонам которой громоздились дымящиеся руины, но где уже не было огня, какой-то человек, на вид бродяга, внезапно выскочил из развалин, схватил Розмари поперек туловища и куда-то поволок. Девочка пронзительно закричала, и он зажал ей рот рукой. Конни кинулся следом и вцепился в одежду мужчины. Тот стремительно обернулся, обжег мальчика злобным взглядом и попытался дать ему пинка.

Ребенок отступил, но после продолжил наска-

кивать на бродягу, дергал его за лохмотья, бил кулачками в спину и отчаянно кричал. В конце концов бродяга отшвырнул Розмари и поднял с земли увесистый камень.

В тот миг, когда мужчина был готов обрушить камень на голову ребенка, раздался выстрел, и он беззвучно повалился навзничь.

Конни увидел женщину в синей одежде, она держала в руках револьвер.

В алых отблесках огня ее фигура казалась величественной, а лицо — удивительно красивым, с правильными, горделивыми чертами. Однако Конни поразило не это, а цвет ее кожи. Она была мулаткой. Не чужой, а *своей.*

Мальчик мгновенно успокоился; уверенность в будущем снизошла на него, словно небесная благодать.

— Откуда вы взялись? — спросила незнакомка. — Где ваша мать?

Розмари всхлипнула, а Конни ответил:

— Тамми умерла.

— А… ваши хозяева?

— Мисс Аделина уехала на поезде, а мы остались.

Женщина разглядывала ребенка. Он был очень красив, и она впервые подумала о том, что была

бы счастлива, если б Когда-нибудь у нее родился такой сын.

— Как вас зовут?

— Меня Конни, а ее Розмари. Она моя сестра.

— Я Хейзел. Наша армия недавно вошла в город. Теперь вы свободны. Послезавтра в Ричмонд приедет президент Линкольн, «отец Авраам». Вы что-нибудь о нем слышали?

Мальчик покачал головой.

— Идите со мной, — сказала Хейзел. — Я не дам вас в обиду. Вы, должно быть, хотите есть?

— Да, но Тамми сказала, что еды нет.

— Надеюсь, отныне у вас всегда будет хорошая еда.

Дети доверчиво пошли следом за женщиной. Кое-где по дороге им попадались трупы людей и животных, обгоревшие до костей. Во многих домах были выбиты стекла. Некоторые строения были разрушены до основания.

Хейзел привела мальчика и девочку в прежде роскошный, богатый дом, где разместились темнокожие солдаты, и устроила в отдельной комнате. Принесла кукурузные лепешки и бобы со свининой, и дети набросились на еду, а после уснули.

Хейзел присела рядом. Она чувствовала уста-

лость. Ей хотелось, чтобы война поскорее закончилась. Взгляд женщины скользнул по висящим на стенах портретам, этим окнам в чужую жизнь, которые солдаты еще не успели сорвать и сжечь, и она подумала о том, что длинная цепь событий, в каких ей довелось участвовать, никогда не закончится и ни к чему не приведет. У нее не было родины, не было дома, не было семьи. Она слишком долго видела над головой грозовое небо войны, а под ногами — изрытую взрывами землю.

Эти дети (особенно мальчик) напоминали ей о чувствах, которые она старалась подавлять.

Хейзел протянула руку, желая коснуться нежной щеки ребенка, но в этот миг послышался скрип дверей, и она отдернула пальцы.

На пороге появился мужчина в офицерской форме, высокий, стройный светлокожий мулат, человек, отношения с которым причиняли Хейзел почти столько же боли, сколько и радости. Его тело всегда опаляло жаром, однако сердце, случалось, напоминало кусок льда.

— Что это за дети? — спросил он.

— Это брат и сестра. Я встретила их на улице. Их мать погибла, и на них напал какой-то негодяй.

— Брат и сестра? Непохоже.

— Они так говорят. Хотя мальчик гораздо светлее. Красивый, правда?

Мужчина пожал плечами.

— Зачем ты привела их сюда? Что ты намерена с ними делать?

— Я хочу позаботиться об этих детях. Поскольку у них нет родителей, их надо устроить в хорошее заведение. Я слышала о приюте для цветных сирот в Новом Орлеане: им руководят монахини, там отличные условия. Я попрошу у командования отпуск и отвезу их туда.

Потревоженный разговором Конни открыл глаза. Он увидел Хейзел, а еще — мужчину, в первый миг показавшегося ему частью сновидения. Если б Конни сказали, что это вестник новой жизни, он бы поверил, ибо от этого человека веяло мужественностью и свободой.

Одним из первых в горящий Ричмонд вошел негритянский полк, в котором на стороне северян сражались Алан Клеменс и Хейзел Паркер.

Последнюю зачислили в армию в виде величайшего исключения — как одну из бывших руководителей «Тайной дороги». Точно так же Алан стал одним из немногих мулатов, которым присвоили офицерское звание; он руководил негритянским полком наряду с белыми офице-

рами.

В полку Хейзел считали его женой: это было удобно, но это не было правдой. Да, они делили палатку и постель, но Алан никогда не говорил с ней о будущем. Их роли поменялись: теперь командиром был он, и он стал суровее и жестче, а она — уступчивее и мягче.

Алан долго смотрел в большие печальные глаза Конни, не подозревая, что перед ним его собственный сын.

— Мне пора идти, — наконец сказал он.

Хейзел поднялась.

— Я тоже пойду. Думаю, не будет большой беды, если я закрою ребятишек в этой комнате?

— Чтобы они не убежали?

— Чтобы с ними ничего не случилось.

Алан покачал головой.

— Ты зря взяла на себя заботу о них.

Хейзел велела Конни и Розмари никуда не выходить, сказав, что непременно вернется. Она напряженно трудилась до вечера, поскольку давно знала, что работа — лучшее лекарство от сомнений и тревоги. Она раздавала одежду, воду, еду и лекарства брошенным хозяевами неграм, оказывала первую помощь раненым.

Хейзел вернулась обратно в сумерках, смер-

тельно уставшая, и ее тронуло, как сильно дети обрадовались ее приходу. Она накормила их ужином и выпустила погулять в сад.

Вечерняя тишина вызывала мысли о спокойствии и мире, но запах дыма и гари не давал обмануться. С виду уцелевший особняк казался оазисом среди окружающих развалин, позабытым войной уголком, однако внутренность дома и сада являла другую картину. Мебель была поцарапана, ее обшивка вспорота ножами в поисках спрятанных драгоценностей, ковры испачканы сапогами, клумбы возле крыльца вытоптаны, ветки сирени, свисавшие над оградой, обломаны.

Хейзел не могла вспомнить, в скольких временных домах ей пришлось ночевать, наслаждаясь объятиями Алана, которые тоже были временными.

Она быстро умылась, переоделась и причесалась, не глядя заколов волосы отработанным за много лет жестом. Потом позвала детей и сказала, что им пора ложиться спать и что завтра они поедут на поезде в красивый город на берегу океана.

Уложив Конни и Розмари, Хейзел немного посидела возле них, к чему-то прислушиваясь. Издалека доносился неприятный настойчивый

грохот, тогда как мирные звуки казались робкими и случайными. Теплый воздух отдавал сыростью, предвещавшей дожди. Внезапно Хейзел почудилось, будто она слишком долго спала и случайно проспала нечто очень важное, что она много лет растрачивала себя не на то, что нужно.

— Мне дают отпуск. По случаю нашей победы, — сказала она, оставшись наедине с Аланом. — Завтра я поеду в Новый Орлеан вместе с детьми. Я уже взяла пропуск. — И, поскольку Алан молчал, добавила с некоторым вызовом: — После войны, если мне доведется выжить, я вернусь в приют и заберу этого мальчика.

— Зачем?

— Он будет напоминать мне о том, на что ты когда-нибудь будешь смотреть как на маленький эпизод своей жизни.

Алан молчал, предчувствуя, что она вот-вот перейдет в открытое наступление.

Взгляд Хейзел пылал. Она больше не напоминала пленницу, отдающуюся на милость победителя, она была воительницей, а еще — судьей. Казалось, ее взгляд проникал за пределы радужной оболочки собеседника, она смотрела не в глаза, а в глубину души.

— Я сильно жалею, что не родила от тебя ре-

бенка, Алан.

— Ты сама знаешь: сейчас не то время, когда стоит рожать детей.

Губы Хейзел растянулись в усмешке.

— После падения Юга ты надеешься вернуться к своей белой возлюбленной? Думаешь, что женишься на ней, она нарожает тебе детей, и вы заживете счастливой разноцветной семьей! Однако очень скоро будут приняты такие законы, что тебе придется обходить белых леди за целую милю!

Хейзел осеклась, ибо взгляд Алана был слишком суров и тяжел.

— Я ни на что не надеюсь. Я повидал слишком много жестокости и ужасов войны, чтобы верить в то, что можно построить удачную жизнь в том мире, который наступит после.

Она пожала плечами.

— По-моему, ты добился своей цели: отомстил обидчикам, и теперь можешь явиться к своей Айрин на правах победителя.

— Дело в том, что я всегда мечтал не о том, чтоб унизить белых южан, а о том, чтобы они наконец стали считать нас за людей.

— Равенство? Забудь. Этого никогда не будет.

На следующий день Хейзел сняла военную

одежду и надела обычное платье и шляпку. Она уехала до того, как президент Линкольн посетил еще дымящийся, гудящий от волнения Ричмонд. Она не видела, с каким благоговением его приветствовали освобожденные негры, и не желала видеть.

Хейзел больше не хотела и не могла радоваться победам армии, в которой служила, ибо, как это ни было странно, конец войны означал для нее разлуку с Аланом, грядущее одиночество, крушение надежд.

Часть третья

Глава 1

Хотя Конфедерация подписала капитуляцию через несколько дней после взятия Ричмонда, ликвидация последствий войны грозила затянуться на долгие годы.

На пути в Новый Орлеан Лила видела города-призраки, города-тени, казалось, лишенные души. Улицы, на которых некогда стояли жилые дома, гостиницы, магазины, были завалены обломками кирпичей и камней. От усаженных акациями аллей, ровно подстриженных кустарников и пышных клумб не осталось и следа. Меж руин бродили тощие злые собаки и подозрительные личности, которых было трудно назвать людьми.

Многие жители пытались восстановить свои жилища. Повсюду встречались люди с тачками, нагруженными досками, песком и камнями.

Негры, у которых больше не было ни хозяев, ни дома, предпочитали селиться на окраинах городов в ветхих хижинах или грязных армейских палатках. Здесь было много матерей с кучей ребятишек с испуганными взглядами и вздутыми животами, тоскующих по хозяевам беспомощных

стариков, но больше всего — здоровых, сильных мужчин и женщин. Их тела источали животный запах, полы в их жилищах были покрыты коркой грязи. Они громко смеялись и постоянно пили дрянное виски, которое гнали из кукурузы в самодельных винокурнях.

Их боялись белые и боялась Лила. Она сторонилась наглых, скалящих зубы мужчин, женщин с пятнами пота на блузках, расстегнутых так, что груди вываливались наружу, похожих на высохшие мумии старух. И все же ей приходилось жить среди них — цвет ее кожи служил пропуском только в такое общество.

Перемещаясь от лагеря к лагерю, Лила старалась пристроиться к каким-нибудь неграм или к белым беднякам. Солдаты привыкли к беженцам и редко останавливали публику, с которой было нечего взять.

Новый Орлеан поразил Лилу: он стоял нетронутый, гордый в ослепительном блеске солнца и жемчужной короне прибоя. Она впервые увидела океан, огромное, трепещущее, казавшееся живым пространство, которое сжималось и разжималось в такт дыханию вечности.

Дома были обнесены оградами из кованого или литого чугуна, во дворах многих из них стояли

гипсовые статуи. Витрины магазинов пестрели роскошными платьями, отделанными кружевом и газом. По улицам прогуливались затянутые в черное креолки; густые вуали скрывали лица с припудренной кожей и напомаженными губами, приподнятые ветром подолы открывали ножки в тонких шелковых чулках и изящных атласных туфельках.

Глядя на них, Лила понимала, что выглядит как оборванка — вылинявшая ситцевая юбка с обтрепавшимся подолом, застиранная блузка, покрытые пылью босые ноги, кое-как причесанные волосы.

Она нашла дом Китингов, двухэтажный, кирпичный, с черепичной крышей и льняными занавесками в окнах. Лила занесла руку и, замирая от страха, постучала в ворота. Прошло несколько минут, в течение которых она почти лишилась дыхания, потом ворота приоткрылись, и появилась женщина с уверенным «хозяйским» выражением лица, поразившего Лилу сходством с лицом Джейка. Вероятно, то была его мать.

— Что тебе нужно? — неприязненно произнесла она. — Если за подаянием, то у меня ничего нет.

— Я к доктору Китингу, — прошептала Лила.

Женщина пристально смотрела на нее, словно пытаясь разрешить какую-то загадку.

— Откуда ты его знаешь?

— Он… он работал у мистера Уильяма О'Келли в имении Темра. Я бы хотела его увидеть.

Лила заметила, что подозрения женщины рассеялись.

— Мой сын в отъезде, — равнодушно произнесла миссис Китинг. — К тому же теперь он принимает только белых. Ступай отсюда, девушка, тебе здесь нечего делать.

Она отступила на шаг и закрыла ворота. Лила продолжала стоять, глядя на двери, которые никогда не откроются для нее.

Она вспомнила слова Джейка: «Кэнел-стрит, запомни, Лила. Там всякий знает лавку моего отца: вот уже несколько поколений моих предков торгуют на этой улице».

История любого клана всегда терниста, временами страшна, однако ценна тем, что она *существует.* А она? У нее не было ни родословной, ни даже фамилии. Она вышла из той среды, которая не хранит никаких преданий, жила среди людей, чьи похожие одна на другую жизни скудны и бесследны, а могилы безымянны.

Лила шла по широкой, окаймленной цвету-

щими магнолиями аллее, мимо белых домов, скрывавшихся под сенью кипарисов и бугенвиллий, и ей до смерти хотелось поскорее покинуть этот квартал. Однако еще меньше она желала возвращаться в палаточный городок. Попытаться добраться до Темры? Зачем? Только потому, что она была там рабыней? Лила не могла найти ответа на свои вопросы, как не могла найти себя. Сейчас ей казалось, что ее просто не существует.

Неожиданно позади раздался окрик:

— Постой!

Лила обернулась. Ее догоняла молодая индианка.

— Ты искала Джейка, — запыхавшись, проговорила незнакомка. — Он вернулся с приисков, но снова уехал.

— Куда?

— В поместье, где прежде работал. Он отправился за своей невестой.

— За невестой? — повторила Лила. — Что ты о ней знаешь?

Индианка покачала головой.

— Сейчас я не могу задерживаться; давай поговорим вечером? Приходи на берег в таверну «Медуза», туда пускают цветных. А пока возьми вот это, — она сунула в руки Лилы сверток и по-

яснила: — Я собрала тебе немного еды.

И, не оглядываясь, пошла прочь.

Лила развернула бумагу. В свертке был кусок пирога со сладким картофелем, ветчина и два яблока.

Она едва не расплакалась. Хотя в глазах индианки не было ни симпатии, ни особого любопытства, и Лиле было неведомо, плохие или хорошие новости та сообщит ей вечером, она чувствовала, что обрела верного и надежного друга.

Лила весь день бродила по городу, полному запаха моря, пыли и смолистых растений. Теперь она понимала, почему Джейк так любил Новый Орлеан, хотя была вынуждена признать, что, несмотря на кажущееся совершенство, этот город таит в себе привычный изъян: границу между белыми и черными, прозрачную, словно струйка воды, и вместе с тем прочную, точно камень.

К вечеру Лила отыскала таверну «Медуза» и принялась ждать неподалеку от входа.

Вскоре появилась индианка. Она провела Лилу внутрь, усадила за деревянный стол и заказала жареные ребрышки и два стакана вина.

— Меня зовут Унга, я живу у матери Джейка, — сказала она.

— Ты служанка?

Унга повела плечом и усмехнулась.

— Я жена его друга. А кто ты?

Лила рассказала о себе, и индианка озадаченно промолвила:

— Джейк не раз говорил, что у него есть любимая женщина, из-за нее он торопился с возвращением. Миссис Китинг считает, что его невеста — дочь богатого плантатора: она сообщила об этом всем соседям.

У Лилы захолонуло внутри.

— Как ее зовут?

— Джейк не называл ее имени. Но если это ты, он мог и солгать матери, ибо если навстречу миссис Китинг по тротуару идет негритянка или мулатка, она переходит на другую сторону.

— А к тебе она хорошо относится?

— Да. Иной раз она даже берет моих мальчишек на колени и соглашается с ними посидеть, когда мне надо куда-то пойти. Но я не ее невестка!

— У тебя есть дети? — в голосе Лилы прозвучала невольная зависть.

— Да, двое.

— А твой муж? Говоришь, он друг Джейка?

— Барт Хантер. Он… он остался в Калифорнии.

— Барт Хантер! Я его знаю! Он служил надсмотрщиком в Темре. Они с Джейком вместе

отправились на прииски.

Лицо Унги потемнело.

— К сожалению, Барт в тюрьме.

— Как это случилось?

Индианка принялась рассказывать. Они с Лилой проговорили больше часа. Иногда к их столику подходили мужчины и спрашивали позволения присесть, но Унга отвечала им таким взглядом, что у тех мигом пропадало желание затевать знакомство. В конце концов она сказала Лиле:

— Когда Джейк вернется, я расскажу ему, что ты его искала.

— Хуже всего, что до его возвращения мне придется поселиться в негритянском палаточном городке, — заметила Лила и поежилась.

— Потерпи. Я не вижу иного способа выжить, кроме как терпеть и надеяться на судьбу.

— Полагаю, твою жизнь нельзя назвать легкой?

— Я как кошка, всегда приземлялась на все четыре лапы, даже в тех случаях, когда другие разбивались так, что от них не оставалось даже осколков. Лишь один раз я дала маху, но, как ни странно, именно эта ошибка и подарила мне счастье, — сказала Унга и пояснила: — Я решила

родить от Барта, хотя он ясно дал понять, что не желает иметь ребенка. А потом он приехал, признал сына и женился на мне!

— Но теперь он в тюрьме.

— Зато у меня есть дети, я полна сил, и мне есть для чего жить. К тому же сердце подсказывает мне, что я увижу Барта гораздо раньше, чем пройдет четверть века.

— Твое индейское сердце?

— Женское, — ответила Унга и добавила: — Не переживай. Джейк Китинг неглупый мужчина, а ты — ты красавица.

— Ты тоже, — сказала Лила, и они улыбнулись друг другу.

Всю дорогу Конни любовался Хейзел. Проникнутый безграничным доверием, он не спрашивал, куда они едут: ему хватало того, что они с Розмари путешествуют в красивом вагоне. Здесь были драпировки с помпонами над окнами и дверями, тяжелые обивочные ткани и ковры приглушенных расцветок. Похоже, этот вагон был предназначен только для белых господ.

Если кто-то из них, заглянув в купе, округлял глаза, Хейзел отвечала таким взглядом, что белые люди не осмеливались вымолвить ни единого слова и лишь возмущенно фыркали.

У Хейзел была кожа цвета мокрого песка, а ее карие глаза сияли, как солнце, Конни очень хотелось дотронуться до нее, но он стеснялся и ограничивался тем, что без конца пересчитывал крохотные перламутровые пуговки на ее светло-коричневом с мелким набивным узором платье.

Такие же, напоминавшие капли шоколада пуговки украшали рукава платья Хейзел, а на ее маленькой шляпке колыхался белый плюмаж. Вся она была шоколадной и теплой; в ее обществе Конни ощущал себя удивительно уютно и хорошо.

Когда они сошли с поезда, Хейзел накормила детей в привокзальном кафе, а потом взяла экипаж. Она была «своей» и вместе с тем вела себя, как белая леди, — это притягивало мальчика и вместе с тем вызывало недоумение, ибо понятие о невидимой границе, разделявшей белых и черных, было впитано им с молоком кормилицы.

Когда сестра Меганн, руководившая приютом для негритянских сирот, услышала, что с ней хочет поговорить «темнокожая дама», она не удивилась, потому что привыкла ничему не удивляться, и спустилась в приемную.

Там сидела молодая мулатка, необыкновенно женственная и вместе с тем твердая и решитель-

ная. Сестра Меганн сразу поняла, что стремление посетительницы одеваться так, как одеваются белые леди, продиктовано не желанием бросить им вызов или сравняться с ними, а чувством глубокого достоинства, невольно вызывавшим уважение.

Женщины поздоровались и представились друг другу, после чего Хейзел рассказала, зачем пришла.

— Боюсь, я не смогу вам помочь, — сестра Меганн покачала головой, — приют переполнен. У нас очень хорошие условия, потому детей привозят отовсюду. Вы же знаете, сколько сейчас сирот!

— Эти дети воспитывались в среде домашних рабов — они не выживут на улице, — сказала Хейзел.

— Где вы их нашли?

— В Новом Орлеане. Их мать погибла, и я решила позаботиться о них.

— Возможно, вы сумеете опекать их и дальше?

— Я не могу. Окончание войны застало меня в пути, однако я все еще на службе в армии генерала Гранта. Я должна вернуться обратно для получения дальнейших указаний.

Сестра Меганн склонила голову набок.

— В армии? Вы — женщина!

Хейзел улыбнулась.

— Я была одним из руководителей «Тайной дороги», организации, переправлявшей рабов в Канаду, потому мне, если можно так выразиться, сделали поблажку.

Проезжая через населенные пункты, Хейзел видела вспышки фейерверков, слышала звук духовых оркестров и торжественные залпы орудий. Она была и рада и не рада тому, что ей не довелось присутствовать на всеобщем празднике, празднике победы, потому что не знала, что делать дальше.

— Что ж, — вздохнула сестра Меганн, — приведите детей.

Монахиня приветливо поздоровалась с Конни и Розмари и задала им несколько вопросов, после чего позвала помощницу и сказала:

— Пусть дети подождут за дверью.

— Видите ли, — промолвила Хейзел, когда дверь закрылась, — в чем сложность: девочка — чистая негритянка, а мальчик очень светлый; вместе с тем каждый поймет, что в нем есть примесь африканской крови. Боюсь, как бы его не отвергли оба мира!

— Не беспокойтесь. Ни мне, ни сестрам небез-

различно, какими наши воспитанники покинут его стены, что унесут в своем сердце и что будет с ними дальше.

— Могу я проститься с детьми?

— Конечно.

Хейзел объяснила Конни и Розмари, что должна уехать, но оставляет их на попечении очень добрых и заботливых людей. Она не была уверена в том, что имеет право давать какие-то обещания, однако мальчик разрешил ее сомнения:

— Вы приедете за нами?

Женщина вздрогнула и присела на корточки, дабы не смотреть на него сверху вниз. Конни любовался ее персиковой кожей и смоляными завитками волос на висках.

— Я бы очень хотела, — призналась Хейзел.

— Тамми призналась, — мальчик осторожно посмотрел на Розмари, — что она не была моей матерью. И мне кажется, моя мать… похожа на вас! — прошептал он и с надеждой уставился на Хейзел.

Хейзел порывисто обняла ребенка и, вопреки давней выдержке, произнесла неосторожные слова:

— Я была бы рада стать твой мамой, Конни!

— Мое полное имя Коннор! — с гордостью при-

знался он.

— Вот как? — сказала Хейзел и погладила его по голове. — Это не негритянское имя. Я его запомню.

Она ушла из приюта, унося в глазах слезы, а в сердце — боль. Каждый шаг, отдалявший ее от этого ребенка, давался ей с трудом.

Хейзел понимала: она упустила тот драгоценный момент, когда могла бы направить свою жизнь по другой колее. Забрать Конни и Розмари, уехать, куда вздумается; скажем, вернуться в Нью-Йорк. Она нашла бы работу и посвятила себя благодарному и благородному делу: воспитанию осиротевших детей.

Но ее душу продолжали отравлять мысли об Алане. Так она окончательно потеряет надежду удержать его возле себя. Ему не нужны приемыши — они будут только мешать; ведь он не раз говорил, что не желает иметь детей.

Хотя Алан много раз повторял, что после войны вернется к своей белой возлюбленной, он мог изменить решение, а его Айрин — передумать, не дождаться, уехать. В конце концов умереть.

Тихая худенькая сестра привела Конни в большое помещение с высокими потолками, каменными стенами и рядами кроватей, где бе-

силась толпа чернокожих мальчишек.

Конни выглядел подавленным. Когда он заупрямился, не желая разлучаться с названной сестрой, сестра Меганн сказала, что Розмари отведут в отделение для девочек и что он сможет встречаться с ней на прогулках. Потом мальчика проводили в какую-то комнату, где усадили на стул и велели сидеть смирно. Защелкали ножницы, и через несколько минут великолепные черные локоны Конни жалким холмиком лежали на полу.

Он боязливо коснулся голой головы и заплакал, однако стоило сестре обратиться к нему, как ребенок поспешно умолк. Она была белой, а Конни давно усвоил, что белых господ нельзя раздражать плачем.

Мальчик покорно снял бархатную курточку и штанишки и натянул грубоватое хлопковое одеяние, какое могли носить лишь полевые работники.

Когда сестра привела Конни туда, где ему предстояло жить, его подозрения усилились. Домашних рабов никогда не размещали в больших помещениях, то был удел грубой рабочей силы. Он понимал, что произошла чудовищная ошибка, но не осмеливался об этом сказать.

При появлении новенького мальчишки при-

тихли. Взгляд тридцати пар одинаковых черных глаз устремился на Конни. Он не слышал, что говорила сестра: его парализовал страх. Он никогда не водился с мальчишками с плантации, невежественными, грубыми, знающими бранные слова и умевшими пускать в ход кулаки.

Когда сестра подвела Конни к его койке и ушла, один из черномазых мальчишек подошел к нему и бесцеремонно ткнул его пальцем.

— В этот кофе явно перелили молока, — заявил он и поинтересовался: — Почему ты такой белый? Тебя поселили с нами, чтобы ты докладывал о нас сестрам? Попробуй пожаловаться хоть раз, и мы сдерем с тебя твою белую шкуру!

Конни не выдержал и заплакал. Его никогда не били. Миссис Робинс было достаточно сдвинуть брови, и он становился шелковым, а Тамми — притвориться огорченной, чтобы он бросился к ней на шею с самыми искренними извинениями.

Он стоял, размазывая слезы по «слишком белому» лицу, а мальчишки издевательски хохотали. Кто-то плюнул в него, другой поддал ногой. Конни был не в силах видеть их обезьяньи рожи, смеющиеся толстогубые рты, черные пальцы, похожие на пиявки, готовые впиться в нежную кожу.

Вдруг разом наступила тишина: вошла сестра Меганн, и мальчишки замерли.

— Что происходит? — строго спросила она, обведя глазами воспитанников, и обратилась к Конни: — Почему ты плачешь?

Помня об угрозах, мальчик не посмел сказать правду и в отчаянии прошептал:

— Я хочу домой!

И тут же задумался: а где его дом?

Сестра Меганн подтвердила его подозрения:

— Твой дом теперь здесь. Мальчики постройтесь и идите за мной, — сказала она воспитанникам, и ни один не осмелился заупрямиться или возразить, ибо сестра Меганн обладала как внешним могуществом, так и внутренней силой. Ее твердый взгляд означал, что дети должны смирить свой нрав и вести себя послушно, как бы им ни хотелось кричать и шалить.

Мальчики встали парами. Конни не нашлось пары, и он пристроился в хвосте, уверенный в том, что сейчас их поведут на работу.

К его удивлению, детей привели в уютную светлую комнату с высокими окнами и велели сесть за столы.

Когда сестра Меганн раскрыла Библию, в голове у Конни прояснилось, а на душе полегчало. Он

любил ежевечерние молитвы в доме Робинсов, на которых присутствовали как господа, так и рабы. Мисс Аделина читала Библию вслух, и мальчику удалось запомнить целые отрывки.

Темнокожие сироты также изучали грамматику, арифметику, географию и историю. В последней равное внимание уделялось древности и биографии президента Линкольна.

Хотя все это, похоже, было интересно только Конни: остальные мальчишки откровенно скучали, грызли перья, запускали пальцы в чернила, тайком показывали товарищам языки или пинали друг друга под столом.

Он же легко и красиво выводил буквы, без малейших затруднений вел счет, увлеченно слушал рассказ об аргонавтах. Мальчик заслужил похвалы всех сестер, а одна из них даже легонько дотронулась до остриженной головы.

То были блаженные часы — еще и потому, что во время уроков ему не могли досаждать мальчишки.

Возмездие пришло после того, как был съеден сытный и вкусный обед — курица с рисом и подливкой, печенье и ежевичный сок.

Во дворе на Коннора налетели со всех сторон: он слышал злые голоса, видел плюющиеся рты,

чувствовал цепкие жестокие руки.

— Откуда ты взялся, дрессированная обезьяна?

— Тебе здесь нечего делать!

— Слишком чистенький — пора искупаться в грязи!

Конни в ужасе закрыл руками голову, а потом появилась монахиня, и обидчики разбежались.

Вскоре к мальчику подошла Розмари. К его удивлению, ей понравилось в приюте. Старшие девочки сразу взялись опекать Розмари, а одна из младших даже подарила ей свою куклу. Никто не смеялся над ней и никто не дразнил.

Немного пощебетав с названным братом, Розмари убежала играть с новыми подругами, и Конни остался один.

Стоя в углу возле глухой стены, где пахло мочой, он размышлял над случившимся. Возможно, думал он, девочки не так злы и жестоки, как мальчики? А после понял, что дело не в этом. Розмари была такой же черной, как большинство этих детей. А он — нет.

Обрывки разговоров, которые он слышал вокруг, убивали в нем надежду подружиться с кем-либо из воспитанников. Они были на редкость косноязычны: манера речи полностью соответствовала их облику.

Вечером, когда пришла пора ложиться спать, Конни обнаружил, что кто-то помочился в его кровать. Он стоял, не зная, что делать, когда в помещение вошла монахиня.

Какой-то тощий и юркий, как червячок, мальчишка подскочил к сестре и пропищал:

— Сестра Сильвия, новенький намочил постель!

Конни был готов сказать, что он невиновен, как вновь вспомнил об угрозе содрать с него шкуру. А если эти звереныши в самом деле снимут с него светлую кожу, которой он так гордился, а взамен напялят такую же черную, какую носят сами! Он был готов пойти на что угодно, лишь бы остаться самим собой, потому покорно кивнул монахине.

— Этого нельзя делать, — строго произнесла она, — ты уже большой мальчик. Придется тебе постирать белье.

Сестра Сильвия велела ему снять простынь, проводила на задний двор, где стояла большая лохань, показала, где можно набрать воды, и дала кусок щелочного мыла.

Стирая белье тонкими, не привыкшими к тяжелой работе ручонками, Конни мечтал, как разделается с обидчиками. Он мысленно просил неведомые силы укрепить его ноги, руки, волю,

голос, а еще лучше — послать защитника.

К тому времени, как мальчик закончил стирку, его ладони покрылись волдырями, плечи нестерпимо ныли, а накал чувств достиг возможного предела. Вернувшись в спальню, Конни собрался с духом и, запинаясь, произнес:

— Скоро за мной приедет мой отец и… расшвыряет вас по углам!

— Если б у тебя был отец, тебя не привели бы сюда!

Мысли мальчика предательски заметались. Неожиданно вспомнив того человека, которого видел рядом с Хейзел, он уверенно заявил:

— Мой отец офицер, на нем синий мундир.

Негритята покатились со смеху.

— Вранье!

— Нет! — закричал Конни и бросился в драку, однако его немедленно сбили с ног и осыпали ударами.

Ночью мальчик лежал с открытыми глазами, пристально вглядываясь во тьму до тех пор, пока в оконном проеме не повисла большая, яркая, словно игрушечная, луна. В глубине его сердца свернулся холодный комок. Что делать? Надолго ли его хватит? Сможет ли он дождаться Хейзел или… таинственного спасителя?

Потянулись унылые дни. Единственной отрадой для Конни были уроки, а также недолгие часы сна — остальное время причиняло только муки. На прогулках виделся с Розмари, но она не могла его понять. Единственным утешением служило то, что по крайней мере у нее все было в порядке.

Мальчик похудел, его лицо вытянулось, во взгляде затаилась тревога. Несколько раз у него зарождалось желание сбежать, но Конни не знал, куда идти. К тому же он был чересчур послушен и слишком сильно страшился наказания.

Сестры ничего не замечали. Им было нелегко управляться со сворой негритят, многие из которых совсем недавно были оторваны от полей и никогда не держали в руках даже ложку. Таких воспитанников, как Конни, тихих, чистых, домашних, можно было пересчитать по пальцам.

Разумеется, сестры выделяли его из остальных детей. Так, однажды сестра Меганн дала ему ключ от своего кабинета прямо во время урока и попросила принести забытый ею молитвенник, который лежал на столе. Никто другой не мог удостоиться такой чести, ибо большинство негритят имело склонность к воровству, а уж по части притворства им не было равных.

Конни ждало разочарование: кабинет сестры Меганн выглядел очень скромным — никакого сравнения с покоями миссис Робинс. И все же ребенок уловил некую особую атмосферу и не смог удержаться от искушения побыть здесь немного дольше, чем следовало. Он осмотрел высокий стеллаж, до самого верха набитый книгами, строгий стол, все предметы на котором были разложены в образцовом порядке. На стене висел большой дагерротипный портрет президента Линкольна, человека, которого Конни, случалось, путал с Господом Богом.

В конце концов он понял, что эта комната нравится ему больше, чем комната бывшей хозяйки: здесь царила выразительная сдержанность и скромная утонченность — признак истинного благородства.

Крепко прижав к себе обтянутый кожей молитвенник, Конни аккуратно повернул ключ в замке и опустил его в карман.

— Что ты так долго? — недовольным тоном произнесла сестра Меганн, забирая у него книгу.

Мальчик пробормотал извинения и юркнул на свое место. Он вспомнил, что забыл отдать монахине ключ, только во время прогулки и побежал в кабинет.

Сестра Меганн стояла возле стола и смотрела в выдвинутый ящик. Заслышав скрип дверей, она подняла голову и уставилась на Конни.

— Это ты?

— Я забыл отдать ключ, — сказал мальчик и положил его на стол.

— Здесь лежали деньги, пожертвованные на приют, — медленно произнесла сестра Меганн. — Они исчезли.

В сердце Конни застыл ужас, а на лице — вымученная улыбка.

— Я… я ничего не брал! Я даже не открывал ящик!

— Я не говорю, что это был ты, — заметила монахиня, но ее похолодевший взгляд не давал обмануться.

Конни решил, что надо немедленно убраться отсюда, забиться под одеяло и пролежать неподвижно несколько часов: только так он сумеет пережить этот нежданный кошмар.

— Я… могу идти? — осторожно спросил он и попятился.

— Послушай, Конни, — начала сестра Меганн, — ты умный ребенок, намного умнее детей твоего возраста и… других детей. Если ты скажешь правду и вернешь то, что взял, я оставлю

твое наказание на усмотрение Господа, а Он, я уверена, тебя простит.

— Но я ничего не брал! — этот крик был исторгнут из самых глубин души.

— Хорошо, — вздохнула монахиня, — иди.

Конни поплелся прочь от кабинета, не видя дороги. Он понимал, что потерял самое главное и дорогое, что ему удалось завоевать: доверие сестры Меганн. Чтобы его вернуть, мальчик был готов признаться в том, чего не совершал, но он не мог отдать монахине деньги, потому что не знал, где они.

В его душе что-то перевернулось: прежде он очень любил уроки сестры Меганн, но теперь был рад, что не увидит ее раньше завтрашнего дня.

Он ошибся: вечером монахиня пришла в их спальню и направилась прямо к его кровати.

Мальчик сжался и затаился в постели, а потом услышал чей-то голос:

— Здесь. Я видел, как он его прятал.

Рука сестры скользнула под подушку. Открыв глаза, ребенок увидел в пальцах сестры кошелек.

— Что это?

Внутри похолодело, а язык словно прилип к нёбу.

— Не знаю, — с трудом выдавил Конни, не

узнавая собственного голоса. — Я не знаю, как он сюда попал.

Мальчишка, стоявший рядом с сестрой, весело скалил зубы. Его птичьи глазки злорадно сверкали.

— Зато я знаю, Конни. Ты единственный из воспитанников держал в руках ключ. И ты разочаровал меня больше многих других. Придется тебе посидеть взаперти, в одиночестве, и поразмыслить над своим поступком. Когда ты покаешься, я тебя выпущу.

Сестра Меганн отвела мальчика в помещение с решетчатой дверью и закрыла на замок. Здесь не было никакой мебели, даже кровати, между тем ему предстояло провести в этой комнате по меньшей мере целую ночь.

Он долго сидел на полу, тупо глядя в каменную стену, а потом наступило прозрение. Конни понял: разочарование было взаимным. Теперь он сомневался в том, что сестра Меганн имеет право вещать от имени Господа. Если б это было так, она бы ему поверила: ведь Бог все знает и все видит.

За стенами приюта простирался огромный мрачный мир, в котором его никто не ждал и никто не любил. Миссис Робинс уехала, Тамми умерла, Розмари растворилась среди прочих

воспитанников. Хейзел не дала ему никаких обещаний. А отца он, скорее всего, просто придумал.

Внезапно из темноты прозвучал тихий голос:

— Эй, ты как?

Конни повернулся: из-за решетки на него смотрел мальчишка с черной, будто обугленной кожей и начавшими отрастать волосами, напоминавшими свалявшуюся шерсть. Мальчик его узнал: это был Сэм, толковый паренек, который тоже неплохо учился, только в отличие от Конни его никто никогда не бил.

— Мне подбросили этот кошелек, — сказал он.

— Конечно, подбросили, — легко согласился собеседник.

— Не понимаю, почему сестра Меганн мне не поверила: ведь я сказал правду!

— А я понимаю. Потому что ты темнокожий, — сказал мальчик и заметил, отвечая на пристальный взгляд Конни: — Да, ты очень светлый, но не белый, как ни крути. А еще я знаю, почему тебя обижают.

— Почему?

— Потому что ты с ними, а не с нами, хотя должно быть наоборот.

Коннор едва не задохнулся от возмущения. Променять прекрасных белых сестер, от которых

он узнал так много нового, на этих жестоких черных дикарей!

— Это те же белые господа, просто президент Линкольн приказал им заботиться о нас! — продолжил Сэм. — Но они нас не любят. Никогда не дотрагиваются до нас, потому что боятся испачкать руки, никогда нам не верят, потому что считают испорченными.

— Как тебе удалось сюда пробраться? — спросил Конни.

— Когда все заснули, я встал и выскользнул из спальни. Меня никто не заметил, ведь мне легко слиться с темнотой! — ответил Сэм и засмеялся.

— Почему ты пришел?

— Потому что ты не кажешься мне таким чужим, как всем остальным.

— Ты тоже жил и работал в господском доме? — догадался Конни.

— Да. Моя мать была кухаркой, а я ей помогал. Когда в поместье пришли янки, она велела мне бежать в лес, а когда я вернулся, от дома остались одни камни, а все люди исчезли.

Кухонная прислуга стояла на низшей ступени иерархии домашних слуг, и все же Сэма можно было признать за своего. Конни захотелось сказать ему что-нибудь обнадеживающее.

— Может быть, твоя мама жива?

— Я надеюсь. Только как она меня найдет?

— Мой отец тоже жив. Он приедет за мной, — убежденно заявил Коннор и добавил: — Вместе с Хейзел.

— Ты сказал, что он носит синий мундир. Значит, он янки?

— Ты думаешь, янки плохие?

Сэм затряс головой.

— Не знаю. Я окончательно запутался! Они сожгли поместье моих хозяев, зато построили этот приют, где, по крайней мере, хорошо кормят, не заставляют работать и не секут. И президент Линкольн — он же тоже янки! А вообще я уверен в одном: белым нельзя доверять! Потому мы, черные, должны держаться вместе и не предавать друг друга.

— Я не предатель.

— Знаю. Я сказал об этом парням. Не беспокойся, когда ты выйдешь отсюда, тебя перестанут бить. Только не держись сам по себе, как держался прежде.

— Я никогда так не делал.

— Я не знаю, что ты делал, а чего — нет, только мы сразу все поняли.

Конни опустил голову. Сэм был прав. Негры

обладали почти сверхъестественным чутьем, какого у белых не было и в помине.

— Сестра Меганн сказала, что выпустит меня после того, как я покаюсь. Но ведь я не крал кошелек!

— А ты скажи, что украл, — посоветовал Сэм. — Она все равно не поверит в то, что ты невиновен. По правде говоря, никто из нас не упустил бы возможность стащить эти деньги!

Значит, он должен стать таким, как они, таким, как все. Из соображений безопасности Конни был согласен пойти на это. И все-таки ему было очень больно.

Глава 2

Джейк понимал, что у него не осталось ни физических, ни душевных сил, чтобы добраться до Темры — проехать много миль по разрушенной стране, по плохим дорогам, без конца встречая людей, которые будут нуждаться в помощи и которым он будет вынужден помогать, и решил, что ему нужна передышка.

Он чувствовал: приближается некий поворотный момент его жизни, и хотел подготовиться к тому, чтобы спокойно принять неизвестность.

Родителям он сказал, что не сумел вернуться в Темру из-за войны и попытается сделать это позже. Он завалился спать с намерением провести в постели не меньше суток, но наутро перед ним стояла Унга с чашкой кофе на подносе, невозмутимым взглядом и осторожными расспросами.

Позднее Джейк понял: если бы он сказал, что поехал на встречу с белой леди, индианка не сообщила бы ему правды о Лиле.

Он быстро собрался, уклончиво отвечая на вопросы матери; доехал до окраины города в экипаже, а после поспешил к палаточному городку, велев кучеру подождать на дороге.

У Джейка не было никакого оружия, кроме кухонного ножа, который он перед уходом из дому незаметно сунул в карман.

Вскоре вдали показалась горстка жалких лачуг. Пахло отбросами, нечистотами и дымом. Джейк был поражен, каким образом люди могут выживать в столь нечеловеческих условиях, и не мог представить, что где-то здесь находится Лила.

Кое-где вдоль обочины сидели негры, неподвижные, словно стервятники, поджидавшие добычу. Одни из них задирали головы и окидывали Джейка мутным взором, вторые продолжали глядеть в пустоту. И те и другие казались до смерти одурманенными, напрочь потерявшими рассудок.

Потом на дороге неожиданно вырос черный громила, который вертел в руках железный прут.

— Не желаете девочку, сэр?

Джейк остановился.

— Желаю.

— Четвертак за любую.

— Любая мне не нужна. Ту, которую я ищу, зовут Лила. Очень красивая молодая мулатка.

Громила переложил прут в другую руку и покачал головой.

— Не знаю такой. А вы не можете дать мне денег, сэр? Я несколько дней не ел.

— Не могу. И не советую на меня нападать. В начале дороги меня ждет экипаж, в нем мои друзья. Если я не вернусь через четверть часа, они приведут сюда солдат.

Это была ложь, но Джейк не видел иного способа обезопасить себя от обитателей этого скверного места, куда он столь неосмотрительно явился один и фактически без оружия.

— Ясно. А вы заплатите мне, если я отыщу вашу Лилу?

Джейк кивнул.

— Тогда идем.

Пробираясь между хижин, Джейк думал о том, что, вероятно, многим жителям палаточного городка собственное существование вовсе не казалось ужасным. Они словно вернулись к тому, что было предназначено им от рождения: жизнь в грязи, в безделье, без мыслей и чувств.

Громила подвел его ко входу в какую-то хижину и протянул руку:

— Давайте деньги, сэр. Внутрь я не войду. Вашу Лилу взял себе Найк, с ним никто не связывается. — И, потоптавшись, спросил: — Она была вашей рабыней?

— Она — моя.

Джейк вынул деньги и протянул провожатому. Потом нагнул голову и шагнул в вонючий полумрак.

Внутри было жарко и душно. Вокруг очага, в котором курилась какая-то едкая смесь, сидели мужчины и женщины. В центре расположился такой же огромный негр, как и тот, что привел сюда Джейка. Одной рукой он обнимал женщину; ее нечесаная голова была опущена, а грязная блузка расстегнута так, что была видна грудь, та самая совершенной формы грудь, которой, как наивно полагал Джейк, кроме него, не касался ни один мужчина.

Сейчас он видел, как негр запустил широкую черную лапищу за пазуху Лилы и по-хозяйски шарил там. Другой он поднес горлышко бутылки ко рту девушки и заставил ее сделать глоток.

Джейк почувствовал, как внутри все перевернулось. За считанные секунды сладость воспоминаний превратилась в жгучую горечь, а радость встречи померкла.

Он опустил руку в карман и вынул нож. Когда-то Джейк признался Барту, что не умеет драться. Это была правда. Зато он знал, куда надо ударить, чтобы человек истек кровью буквально за

несколько секунд.

— Отпусти ее, — тихо сказал он.

Негр поднял голову и в изумлении уставился на вошедшего.

— Кто ты такой? Откуда взялся?

Джейк хотел ответить, но слова застряли в горле, когда он встретил полный бессильного отчаяния взгляд Лилы. Вероятно, она его уже не ждала. Он опоздал, не сумел вовремя вытащить ее из болота, в котором она увязла явно не по собственному желанию и не по своей вине.

Усилием воли Джейк подавил эмоции. Сейчас главное действовать. Утешения и признания подождут.

— Я пришел за этой девушкой, и сейчас она пойдет со мной.

— Еще чего! — воскликнул негр и сделал движение, будто хотел подняться на ноги.

Джейк догадался: позволить противнику встать — значит добровольно лишить себя жизни, ибо этот мужчина вышибет из него дух одним ударом огромного кулака. Потому он сделал шаг навстречу и рассчитанно, спокойно, деловито, так, как обычно действовал во время операций, воткнул лезвие ножа в сонную артерию Найка.

Негр выпучил глаза, захрипел и осел. Глаза

окружающих остекленело глядели на кровь, которая хлестала из раны и заливала все вокруг.

Джейк схватил Лилу за руку и повел за собой. Он шел, как слепой, выставив впереди себя окровавленный нож: то ли орудие защиты, то ли компас, то ли указующий перст. Он прошел через весь лагерь, так и не поняв, почему никто не осмелился его остановить.

— Надолго ли забираете девочку, сэр? — произнесла какая-то негритянка на окраине палаточного городка.

— Навсегда.

Ошалевший от страха кучер сжался на козлах, готовый хлестнуть лошадей, едва почуяв опасность. Джейк подбежал к экипажу, распахнул дверцу, втолкнул Лилу внутрь и запрыгнул на сиденье.

— Гони!

Лошади сорвались с места и понеслись по неровной дороге. Джейк не знал, что сказать. Что-то ушло навсегда, и он чувствовал: пока неизбежную пустоту заполнит нечто новое, должно пройти какое-то время.

Он не страшился возмездия: власти закрывали глаза на дела палаточного городка прежде всего потому, что не могли навести там порядок.

Джейк посмотрел на Лилу и понял: самое малое, что он может для нее сделать, — это ни о чем не расспрашивать.

Они въехали в город и вышли из экипажа, потому что Джейк совершенно не представлял, куда идти дальше. Выкинув нож в канаву, он мучительно размышлял о том, куда бы спрятать воспоминания.

Он не смотрел на Лилу, он лишь держал ее за руку, и ему чудилось, будто эта рука — единственное, что связывает его с реальностью.

Когда они очутились в квартале, где сдавались недорогие меблированные комнаты, Джейк понял, что ноги не случайно привели его сюда.

Он проигнорировал поджатые губы и осуждающий взгляд хозяйки, которая, очевидно, решила, что стоящий перед ней прилично одетый белый молодой человек привел с собой дешевую цветную проститутку, чтобы весело провести с ней время.

Когда они вошли в комнатку с медной кроватью, старым дубовым шкафом и скрипучим полом, Лила произнесла первую фразу:

— Я грязная.

— Сейчас я попрошу воду.

Служанка довольно быстро принесла таз и

кувшин, и Джейк отправился на улицу, чтобы купить Лиле одежду и какой-нибудь еды.

Когда он вернулся, держа в руках корзину и коробку, мулатка закончила мыться, но еще не успела одеться.

Лила стояла вполоборота, и свет стекал с ее тела, как золотистое масло. Она, как и прежде, выглядела чувственной и нежной, и Джейк не мог представить, что до нее дотрагивался кто-то, кроме него.

Джейк молчал, не в силах сдвинуться с места, и размышлял о том, что могут сотворить с человеком внезапные потрясения и долгая разлука. Ему чудилось, будто он позабыл все слова, которые помогли бы ему сказать, как свежа и красива Лила и как долго он ждал этого момента.

Она не понимала его реакции, отчего бурная радость в ее душе смешивалась с леденящим страхом.

— Я долго тебя ждала, — сказала она, пряча глаза, — так долго, как только могла. Я была верна тебе до последнего, но… невозможно жить в болоте и оставаться чистой.

— Тебе не надо было меня искать, — Джейк постарался, чтобы это не звучало как упрек, — я бы непременно приехал в Темру.

— Маму убили янки, — тихо сказала Лила, — и я поняла, что не могу оставаться на месте.

— Нэнси! Почему?!

— Она хотела меня защитить. Но… не смогла.

— Защитить… от чего? — прошептал Джейк.

«Не думай, забудь», — советовала Унга. Однако Лила всегда жила чувствами, а они редко подчиняются приказаниям разума.

— Было… тяжело, — запинаясь, проговорила мулатка, не уверенная, что сумеет признаться во всем, что с ней случилось, — не хватало еды, негры, которые выращивали хлопок, разбежались; к нам пришли янки, они не щадили никого и ничего. Мама вздрагивала от каждого взгляда, который бросали на меня солдаты и…

Она не могла говорить, ее душили слезы. Внезапно Джейк осознал, что она стоит перед ним полуголая, беспомощная, как на допросе или на рынке рабов.

Он сделал шаг, вырвал из рук Лилы грязные тряпки и бросил на пол. Обнял ее и тут же сказал себе, что он не лучше других мужчин, потому что тоже не мог думать ни о чем, кроме роскошного буйства ее волос, влажного блеска глаз и плавных изгибов смуглого тела.

— Я люблю тебя. Я с тобой. Мне безумно жаль

Нэнси, но теперь тебе нечего бояться.

Глубоко вздохнув, Лила обвила руками его шею и спрятала лицо у него на груди.

Почувствовав, что желание становится нестерпимым, он рывками стащил с себя одежду и увлек Лилу на кровать, которая послушно просела под тяжестью их тел.

Джейк надеялся, что к нему постепенно вернется ощущение, будто он держит ее живую, трепещущую душу в своих ладонях, равно как вера в то, что завтрашний день будет таким же счастливым, как сегодняшний. Когда искренне любишь, все обязательно возвращается.

Не выдержав, Джейк осторожно коснулся внутренней стороны ее бедер, где кожа была теплой и нежной, как бархат, и ощутил густой и сладкий нектар. Его пальцы нежно надавливали и гладили, он наслаждался тем, как ее ждущая плоть пульсировала и разбухала под ними. Лила закрыла глаза и застонала, и он положил конец взаимным мукам, врезавшись в ее шелковистое, тугое, горячее нутро.

Джейк почувствовал, как Лила напряглась, а потом расслабилась и мягко выгнулась ему навстречу.

Она боялась этого момента, боялась, пока не

вспомнила, сколько ночей провела в слезах, мечтая, чтобы Джейк очутился рядом. Он пробудил в ней сладострастную женственность и исчез, оставив наедине с бесконечными сомнениями и затухающей верой.

Теперь они вновь были вместе. Пришло время, когда день нельзя было отличить от ночи, а желаемое от действительного. Время, когда человек, отпустивший свои чувства на свободу, уже не властен над ними.

Потом Джейк вспомнил, что так и не показал ей новую одежду, что она, возможно, голодна, и ему стало стыдно.

Он сел на постели и потянулся к коробке. Странно, но он совершенно не помнил, что покупал.

В коробке оказалось розовое ситцевое платье со скромной отделкой из узкой бордовой тесьмы, в корзине — жареный цыпленок, хлеб, фрукты и бутылка вина.

— Оказывается, мы можем устроить настоящий пир, — сказал Джейк.

— В последнее время в Темре не хватало еды, хотя Айрин говорила, что мы не должны жаловаться, потому что это еще не голод.

— Айрин?!

— Да, она неожиданно вернулась и осталась

в Темре.

— Как к этому отнеслась мисс Сара?

— Мисс Айрин изменилась. Ей все равно, как к ней относятся. Она просто делает то, что считает нужным.

— Она говорила о своем ребенке? Пыталась его отыскать?

— Да, но она не смогла попасть в Чарльстон, потому что дороги были закрыты.

Джек долго молчал, вспоминая выражение бесчувственного отчаяния в глазах Айрин, потом сказал:

— Я встретил мистера Юджина.

— Он жив?!

— Все это время он был в лагере для пленных конфедератов.

— Мисс Сара считала его погибшим.

— Надеюсь, он скоро вернется домой.

После обеда они вновь улеглись в постель, и Джейк рассказал Лиле о своих планах. Он снимет помещение на одной из центральных улиц, скажем, на Сент Чарльз-авеню, поместит объявления в газетах и начнет принимать пациентов.

— Белых? — поинтересовалась Лила, и он сдержанно произнес:

— Тех, у кого есть деньги.

— Только не янки, — неожиданно сказала она.

— Почему? — удивился Джейк, и Лила напомнила:

— Они убили мою мать.

Джейк не знал, как объяснить возлюбленной, что южане, те южане, которые некогда игнорировали его потому, что считали его происхождение недостаточно благородным, больше не в состоянии платить. Тогда как у янки и всяческих нуворишей карманы буквально набиты деньгами, и их волнует лишь то, что он всегда считал наиболее ценным, — его умение и опыт.

— Ты по-прежнему хочешь жениться на мне? — робко спросила Лила.

— Да.

— Тогда тебе придется или прятать меня, или поссориться со своими родителями.

— Я с ними поговорю, — сказал Джейк, подозревая, что это бесполезно.

— Я виделась с твоей матерью, — призналась Лила. — И мне сразу стало ясно, что она никогда меня не признает.

— Унга говорила об этом. Тогда ты была для моей матери одной из многих; возможно, мне удастся заставить ее посмотреть на тебя другими глазами?

— Если твои родители ненавидят цветных, как ты мог связаться со мной! — с горечью проговорила мулатка, и Джейк ответил:

— Они не всегда были такими. Их изменила война. Они считают, что янки хотят навязать южанам господство черных.

Лила содрогнулась.

— Янки! Да они хуже чумы! Мулаты и негры боялись их не меньше, чем белые южане.

— Я это понимаю, а они — нет, — только и сумел сказать Джейк.

Он вернулся домой на следующее утро. Во время отсутствия сына мать не находила себе места и тут же набросилась на него с упреками и расспросами. Джейк не спал всю ночь, его слегка пошатывало, и ему было не до объяснений.

Он сел за стол. Унга налила ему чашку жидкого кофе, а вместо сахара по привычке добавила сорго. Сделав глоток, Джейк с тоской вспомнил черный, как ночь, крепкий до слез старательский кофе, от которого в голове мгновенно прояснялось, а сон как рукой снимало.

Мать поставила перед сыном блюдо с золотой, как солнце, яичницей (Унга развела на заднем дворике кур) и повторила:

— Понимаю, ты взрослый мужчина, сынок,

и все же прошу тебя, сообщай, куда и надолго ли ты уходишь! Война закончилась, но в городе по-прежнему неспокойно.

— Прости, мама, у меня было очень важное дело, — ответил Джейк, подцепив кусок яичницы, и вдруг признался: — Я нашел ее.

— Кого?

— Девушку, о которой думал все эти годы.

Кетлин расцвела.

— Она приехала сюда?!

— Да. Теперь мне не придется возвращаться в Темру. И я хочу привести свою невесту в наш дом.

— Разумеется! Только нужно подготовиться! Мы живем слишком скромно. Попрошу Энгуса принести из лавки каких-нибудь красивых вещей.

— Не надо ничего менять. Она привыкла к простоте.

— За годы войны все к ней привыкли. Пора отвыкать. Мы все обсудим, — решила Кетлин и заявила: — Сейчас я позову отца.

— Разве он не в лавке?

— Нет, еще не ушел, — сказала Кетлин и проворно выскользнула из кухни.

По спине Джейка пробежал холодок. Сейчас,

когда он как никогда был близок к осуществлению своей мечты, перед ним вновь возникли непреодолимые препятствия.

Появился отец. Судя по всему, Кетлин успела сообщить ему новости. Энгус сел за стол напротив Джейка, и тому ничего не оставалось, как начать разговор.

Индианка собиралась выйти, но он встретился с ней взглядом и попросил:

— Останься, Унга. — После чего повернулся к родителям. — Она все знает.

Наступила пауза. Энгус откашлялся.

— Мать сказала, у тебя есть невеста?

— Да. И с вашего разрешения я хотел бы назвать ее своей женой.

— Она южанка?

— Можно сказать и так.

— Мать говорила, у ее отца поместье в Южной Каролине.

Джейк покачал головой.

— У нее нет родителей. Мы познакомились в Темре. Дело в том, что Лила — мулатка, бывшая рабыня богатого плантатора Уильяма О'Келли.

Сказав правду, Джейк испытал облегчение, однако в следующую секунду ему почудилось, будто в комнату проник морозный ветер. В глазах

матери мгновенно погас огонек радости, уступив место болезненному, трагическому непониманию. А отец… отец был просто потрясен.

— Темнокожая?! — вскричал Энгус и подался вперед, словно желая испепелить сына взглядом.

— Имеет ли цвет любовь? А судьба? — задумчиво произнес Джейк, понимая, что в глазах родителей эта фраза прозвучит как издевка.

— Я не привык беседовать о таких глупостях! — отрезал Энгус. — Говори по существу. Ты лишился ума?

Джейк не мог объяснить, почему мысли о Лиле заставляли кровь бешено биться в жилах, даже когда он был на другой стороне материка. Не мог и все же решил попытаться.

Он говорил о любви, уповая на то, что в Энгусе и Кетлин пробудится память сердца, что на них повеет запахом весны, той весны, что случается в жизни человека всего лишь раз, но ошибся.

— Всем известно, что цветные женщины похотливые и гулящие, — заявил отец, терпеливо выслушав сына. — И в целом мне ясно, зачем она тебе нужна. Я не понимаю одного: почему ты хочешь на ней жениться!

Унга поставила перед Энгусом чашку с таким стуком, что он вздрогнул, смешался и пробор-

мотал:

— Я не имею в виду индианок. Индейские женщины самые преданные и верные жены.

Унга усмехнулась и направилась к дверям. Джейк повернул голову.

— Постой!

— Мне нужно к детям.

Он покорно кивнул. Унга права: он должен справиться сам. Это его долг перед Лилой, долг любящего мужчины, которому она доверилась.

— Эта мулатка, она… беременна? — спросила Кетлин.

— Я не допущу, чтобы по моему дому бегали негритята! — немедленно заявил Энгус.

— Негритята не будут бегать. Я белый, да и у Лилы не такая уж темная кожа.

— Не говори ерунды. Ни одна женщина с примесью негритянской крови не родит ребенка с белым, как сахар, лицом!

Джейк это знал и нельзя сказать, чтобы его не тревожило, что его дети будут мало похожи на него. Но когда он думал, что Лила может родить ему дочь, такую же прекрасную, как она сама, у него теплело на душе.

— Ты учился, ты так много знаешь! — в глазах Кетлин стояли слезы. — А эта женщина даже не

умеет читать и писать!

— Унга тоже не знает грамоты, но вы не перестаете твердить, какая она хорошая хозяйка, ловкая и сметливая женщина!

— Речь не об Унге! — рявкнул Энгус. — О том, что все, чего добился *ты,* может пойти прахом!

Джейк с силой сплел пальцы, и его серые глаза холодно блеснули.

— Я ничего не добился. Чопорные южане обходили меня стороной, потому что три поколения моих предков занимались не медициной, а торговлей, и я был вынужден лечить эмигрантов, у которых нет ни гроша. Надеюсь, моим нынешним пациентам не понадобится моя родословная. А опыта и умения — за что спасибо черным рабам и белым беднякам! — у меня хватает.

Осмыслив то, что сказал их сын, Энгус и Кетлин на мгновение онемели. Даже женитьба на мулатке отошла на второй план.

— Ты собираешься принимать янки и всякую белую шваль?! Людей, у которых вместо совести грязь?! — вскричал отец.

— Я не стану выворачивать их души, а кошелек они, надеюсь, откроют сами.

— Что ж, лечи янки, женись на мулатке. Но после этого ты мне не сын, — заявил побледнев-

ший отец, во взоре которого появилось нечто стоическое.

Кетлин заломила руки.

— Энгус!

— Да, не сын! Мы рисковали жизнью во имя победы Юга…

— Который начал и проиграл войну, бессмысленную войну, во время которой сограждане убивали друг друга! Кстати, Лила тоже не любит янки: возможно, это немного согреет вам сердце?! — выпалил Джейк и поднялся с места.

— Янки к тебе не придут, — мрачно произнес Энгус. — Хотя они повсюду кричат о правах негров, на самом деле тоже не любят черных.

Кетлин проводила Джейка до ворот. Она не была готова смириться с выбором сына, но и не хотела его терять.

— Унга пока что сможет остаться у вас? — спросил он.

— Унга? — заплаканная Кетлин, казалось, не понимала, о чем он говорит. — Да, конечно, может. Энгус ее не выгонит. Она хорошо работает, но… Джейк, что будет с тобой?! Разумно ли жертвовать собой ради какой-то мулатки?!

Джейк наклонился, чтобы поцеловать ее, и сказал:

— Это не жертва, мама. Это величайшее счастье, какое только можно представить.

Он шел по набережной вдоль океана, который простирался до горизонта, словно лист белого золота. Воздух был не бархатистым и мягким, а пронзительно острым, пропитанным солью.

Время неизвестности прошло, и это придавало Джейку сил. Прежде чем вернуться к Лиле, он решил заглянуть к старшему брату, адрес которого назвала мать, и поговорить с ним.

Ричард радушно встретил Джейка и одобрил его решение.

— У отца в голове все перемешалось! Превратить лавку в закрытый клуб для сторонников Конфедерации, у которых нет ни гроша! Так дела не ведут. Быть честным торговцем — значит, не обманывать покупателей, а не продавать или не продавать товары тем, кто имеет те или иные политические взгляды, точно так же, как быть хорошим врачом. Не беспокойся, ты быстро найдешь выгодных пациентов. На войне ты не был, значит, не принимал участия в мятеже, и, стало быть, нынешняя власть не станет тебя притеснять. Что касается происхождения — эта публика им не интересуется. Они сделали состояние непонятно на чем и судят о человеке по внешности.

Хорошая одежда, некое подобие манер — и дело в шляпе.

— Я поссорился с отцом не только из-за политики, — признался Джейк и рассказал о Лиле.

В данном случае Ричард был настроен скептически и на правах старшего брата постарался расставить все по местам:

— А вот это лишнее! Понятно, почему ты с ней связался: молодой, здоровый мужчина, а единственные доступные женщины на плантации — негритянки. Не сомневаюсь, что с ней очень приятно спать, но жениться необязательно. Советую немного подождать. У тебя есть деньги, будет работа, появятся новые связи. Ты красив и неглуп; стало быть, без труда подыщешь хорошую партию.

— Я люблю Лилу, — хмуро изрек Джейк.

Ричард хлопнул его по плечу и дружески улыбнулся.

— Кто тебе мешает: люби! Сними ей скромную комнатку и навещай время от времени: бывшей рабыне много не надо. Главное, всегда помнить, что для чего предназначено. Одно дело женщина для постели, другое — спутница жизни, с которой не стыдно появиться на людях: в церкви, в ресторане, в гостях. Мулатка с плантации для этого

не годится.

Джейк задумался. В чем-то Ричард безусловно был прав. Пройдет много времени, прежде чем Лила перестанет смотреть на него, как рабыня на белого господина, прежде чем люди начнут видеть в ней человека, да и вообще хотя бы что-нибудь понимать в их отношениях. Он считал, что отыскал вход в рай, но едва ли не каждый первый норовил измазать эти двери дегтем!

— А ты счастлив, Ричард? — спросил он старшего брата.

Тот пожал плечами.

— У меня все хорошо. Я выбрал достойную спутницу жизни. Она — имею в виду жизнь! — бесценный дар, и ее нельзя растрачивать понапрасну.

Усталый и разбитый Джейк вернулся в гостиницу, где его ждала Лила.

— Что сказали твои родители? — взволнованно спросила она.

— То, что я ожидал услышать, — ответил Джейк и упал на кровать. Он желал проспать много часов, дабы, проснувшись, быть готовым к новой, возможно, счастливой, но при этом нелегкой жизни.

Глава 3

Прежде Темра казалась надежно отрезанной от мира, теперь до нее доходили слухи, ее посещали незваные гости, а сегодня Сара получила первое письмо. К сожалению, оно оказалось безрадостным. Мистер Вудворт, нотариус, сообщал, что согласно плану Реконструкции Юга земли мятежников, имевших облагаемое налогом имущество на сумму в двадцать тысяч долларов, подлежат конфискации, а далее продаже или разделу.

— Темру пустят с молотка, ее купят чужие люди, а нас выставят на улицу, — сказала Сара Айрин, прочитав письмо, а потом медленно и аккуратно сложила бумагу.

Она подумала о Тони Эвансе, который уехал, забрав с собой ее сердце. Он обещал помочь, однако между ними стояла ненависть южан к северянам и ее нелепый брак: Саре чудилось, будто судьба окружила ее счастье непроходимыми терновыми зарослями.

— Тебе надо съездить в Чарльстон, — решила Айрин, — и поговорить с нотариусом. Ведь мистер Уильям умер, а Юджин пропал без вести!

Сара подняла на нее глаза.

— Я не могу отправиться туда одна. Ты поедешь со мной?

— Да. У меня тоже есть дело.

Сара поняла, что она имеет в виду поиски своего ребенка, но не решилась ничего сказать, потому что в отличие от Айрин не умела говорить спокойно о сложных вещах.

Поднявшись наверх, Сара перебрала свой гардероб. Янки не тронули ее нарядов, и хотя многие платья выглядели почти как новые, она поняла, что не сможет их надеть. Дело было не в том, что они наверняка вышли из моды: довоенные платья казались лоскутьями прошлой, навсегда исчезнувшей жизни, неким печальным напоминанием о том, что никогда не вернется.

Сара без сожаления закрыла дверцы и повернулась к Айрин:

— Поеду в чем есть. В конце концов мне не от кого скрывать свою бедность.

Она была права: сейчас мало кого волновала чужая нищета. У всех хватало своих несчастий.

— Велю Дейву запрягать, — добавила Сара и рассмеялась, поняв, что запрягать некого: в усадьбе не осталось ни одной лошади.

— Пойдем пешком, — сказала Айрин. — А там, быть может, нас кто-нибудь подвезет.

Они брели по обочине, как беженки, покорные неизбежной и неодолимой силе. Высокие стебли травы неподвижно стояли вдоль дороги, над головой застыли облака. Сара прислушивалась в надежде услышать скрип повозки, стук копыт, а то и еще какой-нибудь звук из прошлого, долетевший через заброшенные поля, но было тихо.

«Нам не из чего строить будущее», — думала она, с трудом отгоняя слезы жалости, жалости к своей собственной доле.

В конце концов их все-таки подвез старик с замороженной лошаденкой и старой разбитой повозкой, которая тащилась по дороге, как большая серая черепаха.

В облике города что-то неуловимо изменилось, и не только потому, что многие здания были разрушены. Его душа стала другой.

Хотя Сара надеялась, что улицы Чарльстона больше не почернеют от копоти, что постепенно на них стихнет вдовий плач, что со временем по обеим сторонам дороги вырастут новые дома, она понимала, что прошлого не вернуть.

К сожалению, им не удалось отыскать человека по имени Хейт. Вероятно, его ремесло умерло вместе с отменой рабства, да и бездомных темнокожих ребятишек развелось столько, что при

желании можно было взять в дом любого, если в том была какая-то нужда и если в этих домах еще оставалась еда.

Айрин смотрела в землю, покрытую обломками кирпичей, будто ждала, что перед ней неожиданно разверзнется подземный ход, который приведет ее сперва к Хейту, а потом и к сыну.

— Иди поговори с нотариусом. Я подожду тебя на улице, возле лавки, — сказала она Саре.

Когда Сара скрылась из виду, Айрин вошла в помещение. Она не собиралась ничего покупать не только потому, что у нее не было денег. Просто все, что до сей поры имело хотя бы какой-то смысл, перестало существовать. Если б сейчас за ней пришла смерть, Айрин приняла бы ее без страха, ибо все равно ощущала себя так, будто из нее окончательно выжали жизнь.

Следом за ней в лавку вошла хорошо одетая молодая мулатка и принялась выбирать какие-то мелочи. Хозяин сделал недовольное лицо, однако темнокожая покупательница не обратила на это никакого внимания.

Вскоре к мулатке присоединился мужчина в синем мундире офицера армии Союза, и Айрин с удивлением отметила, что он тоже не белый. Ему шла форма, а его профиль казался удивительно

благородным. Капля африканской крови придавала его красоте нечто такое, что было трудно передать словами и от чего было невозможно отвести глаз.

Когда он негромко заговорил со своей спутницей, Айрин вздрогнула. Сперва она восприняла это как знак окончательного поражения и последнюю каплю боли, но потом поняла, что получила подарок судьбы: сумела увидеть Алана, смогла узнать, что он жив и что у него все в порядке.

Алан и, вероятно, его новая возлюбленная. С таким же прошлым, с таким же цветом кожи.

То был осколок чужой жизни, картинка из будущего, удивительный сон. Айрин нисколько не удивилась тому, что эти люди ее не заметили. Они пребывали в ином времени, они ушли далеко вперед, тогда как она оставалась на месте.

Айрин слышала их разговор.

— Пароход отходит завтра. Ты не передумал?

— Нет.

— Осталось получить пособие и можно трогаться в путь.

Женщина уверенным жестом положила руку ему на локоть. Ее темные глаза излучали любовь.

Отвернувшись от мулатки, Алан попросил тор-

говца показать женские шали и выбрал одну, из тончайшего кашемира, с восточным рисунком, насыщенную цветом, которого так не хватало окружающему миру. Айрин подумала, что эта шаль замечательно оттенит смуглую красоту его спутницы.

Она вышла наружу и почти сразу столкнулась с Сарой.

— Все напрасно, — устало проговорила та. — Темру выставят на шерифских торгах. Нам там нечего делать, потому что от наших денег толку не больше, чем от охапки сухих листьев. Лучше купить на них каких-нибудь мелочей. Зайдем в лавку? У меня даже шпилек нет.

— Только не в эту. В другую, — сказала Айрин, и Сара покорно кивнула.

Они очутились в лавке, над входом в которую красовалась вывеска «Универсальный магазин». Здесь было светлее и просторнее, чем в первой, и продавалось буквально все: ткани, фарфор, кухонная утварь, мебель, галантерея.

В лавке распоряжалась молодая негритянка: гоняла приказчиков, чернокожих парней, ругала мальчишек-посыльных. При этом она выглядела страшно довольной и явно пребывала в своей стихии. Ее платье было ярким, как флаг, на шее

и на руках поблескивали крупные дешевые украшения.

Сара застыла, как столб, потому что узнала свою бывшую горничную.

Айрин горько расхохоталась. Сперва она увидела Алана в синем мундире, а теперь — Касси за прилавком универсального магазина!

Очевидно, негритянку задел ее смех, потому что она подбоченилась и сказала:

— Пожалуй, стоит повесить объявление: «Бывшим хозяевам товары не отпускаются».

— Мы ничего у тебя не купим, — заявила Сара.

Касси злорадно усмехнулась.

— Потому что у вас нет денег!

— Не только поэтому. Этот магазин открыт на деньги, вырученные от продажи ворованного! Все те кольца, ожерелья и серьги, что сержант Трамбал снял с южанок, омыты их слезами!

— А кто оплатит мои слезы, годы рабства, когда я не была свободна ни в движениях, ни в словах, ни даже в мыслях!

— В любом случае, Касси, ты — дрянь, — изрекла Айрин.

— Мы еще посмотрим, кто есть кто! Это будет видно по тому, кто с чем останется! — заявила негритянка.

Когда они вышли из лавки, Сару била дрожь.

— Она до сих пор меня ненавидит! За что? Они все возьмут в свои руки, будущее за ними.

— Ты имеешь в виду — за черными?

— Нет, не важно, за черными или белыми. За такими, как Касси.

На обратной дороге они молчали. Айрин пыталась закрыть свое сердце перед тем, что связывало ее с прошлым, на еще более крепкий замок. Затолкать воспоминания о встрече с Аланом в самый далекий уголок памяти, уверить себя в том, что это было видение, сон. Пыталась и… не могла.

Вернувшись в Темру, Айрин прошла в свою комнату. В сумрачной пустоте смутно белели занавески, стены расплывались перед глазами.

Она споткнулась об вытертый коврик и села на кровать. Очередной отрезок жизни остался позади. Впереди не было ничего.

Айрин понимала: нет ничего удивительного в том, что люди меняются, изменяют своим чувствам, если изменился весь окружающий мир. Теперь Алан получил свободу, он стал офицером и выбрал для себя более подходящую женщину, похоронив воспоминания о прошлом глубоко в душе.

Зачем ему возвращаться в Темру, туда, где все знали его как раба, где его без конца унижали? Он был слишком горд для того, чтобы принести свое достоинство в жертву былой любви.

Айрин воскрешала в памяти минуты, проведенные с ним, его глаза, его голос, его улыбку, все то, благодаря чему ее жизнь становилась осмысленной и прекрасной, словно бы для того, чтобы в последний раз насладиться ими.

Конечно, тогда, в лавке, она могла выйти из угла, поговорить с Аланом, рассказать о том, что ей довелось пережить, потребовать объяснений, но у нее… не было сил.

Только сейчас Айрин поняла, что долгое время словно балансировала на некоем подвесном мосту, не зная, перейдет ли его или соскользнет вниз, что ее ждет: спасение или гибель. Много дней она не позволяла себе думать о том, что будет завтра, она пыталась загнать любовь на самое дно души, но та оказалась куда живее, чем Айрин могла предположить. Как бы она ни старалась скрыть от себя правду, смысл ее жизни сосредотачивался в любви к двум существам, которых — увы! — невозможно вернуть.

Она никогда не найдет своего ребенка, и она навсегда потеряла Алана. Ее горе достигло пре-

дельной точки, точно так же, как ее жизнь. Темра была единственным местом, где она могла бы пустить новые корни, но судьба распорядилась иначе.

Взяв в руки револьвер мадам Тайлер, Айрин тут же вспомнила, что в нем не осталось патронов. Тогда она подумала о веревке и подняла глаза к потолку.

Там был крюк. Наверное, прежде на нем висела люстра или еще какой-то светильник.

Айрин спустилась вниз, отыскала в сарае моток веревки и усмехнулась. Хвала янки, они хотя бы оставили ей шанс добровольно расстаться с жизнью!

В тот миг, когда она, встав на стул, пыталась приладить веревку к крюку, в дверь постучали.

Она спрыгнула на пол, спрятала веревку за спину и обреченно произнесла:

— Войдите.

Дверь открылась, и вошла Сара. Айрин не помнила, чтобы Сара когда-то переступала порог ее комнаты. Странно, что она пришла именно сейчас.

— Что тебе нужно?

— Я хочу с тобой поговорить.

— О чем?

Сара подошла к окну. Хлопок созревал: казалось, по нежно-зеленому морю плывут маленькие белые кораблики. Но посреди этого царства не было видно ни стройных силуэтов женщин в ярких одеждах и с тюрбанами на головах, ни высоких фигур мужчин в сером холсте. Борьба за Темру потеряла смысл, и Сара приняла решение сложить оружие.

— Куда ты собираешься ехать, когда нас выставят отсюда?

Айрин пожала плечами. Она не могла назвать ни одного места на земле, где бы ее кто-нибудь ждал.

— Не знаю. А ты?

— Тоже. И еще я не имею понятия о том, что делать с неграми. Едва ли кого-то из них возьмут в услужение — ни у кого нет денег. А так… они пропадут.

— Когда майор Эванс вернется за тобой, попроси его помочь, он не откажет.

Лицо Сары пошло красными пятнами.

— Ты… подслушивала?

— Нет. Я просто… видела.

Сара сплела пальцы.

— Я не могу так легко нарушить принципы, оборвать корни!

— Придется. Жизнь изменилась, цепляться за прошлое бессмысленно.

— Иногда мне кажется, что во время войны мы питали больше надежд, чем сейчас. По крайней мере, тогда у нас еще был дом, — горько сказала Сара.

— Ничего. Америка большая. Здесь хватит места для всех: и для тебя, и для меня. Что касается негров, никто не говорил им, что на свободе жить будет легче, чем в рабстве.

Жизнь. Айрин задумалась над тем, сколько раз произнесла это слово. Смерть осталась там, за океаном, и еще по пути — в «плавучих гробах», а сюда она прибыла для того, чтобы жить.

Она невольно улыбнулась, вспомнив строки из стихов Уолта Уитмена:

Живи, старуха жизнь! Играй свою роль,
как подобает актеру или актрисе!
А вы принимайте летнее небо,
вы, синие воды, держите его,
Чтоб каждый опущенный взор
мог досыта им насладиться[18].

Когда Сара ушла, Айрин отнесла веревку обрат-

---

[18] Примечания: 18
Перевод В. Левика.

но в сарай.

Когда через пару дней к Темре подъехал всадник на гнедом коне, ему почудилось, будто он вернулся на землю, которую покинул тысячу лет назад.

Алану казалось, будто он видит заново переписанную картину. Штукатурка постепенно обваливалась со стен особняка, и грязно-серые, покрытые плесенью пятна напоминали проказу. Стекла кое-где были выбиты, а дыры заложены досками или заткнуты тряпками. В заросшем травой дворе не было видно ни души, и кругом царила подозрительная тишина.

На крыльце стояла худая бледная девушка в старом, залатанном, потерявшем цвет платье, стоптанных башмаках, с небрежным узлом волос на затылке.

Алан не удивился бы, если б кто-то сказал ему, что она простояла так всю войну — безмолвный символ ожидания и горечи.

Это была Айрин. Она не вздрогнула, не заплакала, не протянула руки, не побежала навстречу, она просто смотрела, изучающе, неподвижно, словно не в силах поверить в то, что видит.

У Алана пересохло во рту. Сколько раз он представлял себе эту картину, картину безумной,

восторженной встречи, миг, способный искупить все: годы разлуки, тяготы войны. Но сейчас ощущал только растерянность.

Он спрыгнул с коня, бросил поводья и направился к ней.

— Айрин! Я вернулся!

Она с трудом разомкнула губы:

— Вижу. Просто мне трудно поверить, что это и вправду ты.

Алан вздохнул с облегчением.

— Я. В синем мундире янки. — Он постарался улыбнуться. — Я два года прослужил в армии, получил офицерское звание.

Алан заметил напряженный блеск в глазах Айрин. Она выглядела отстраненной, чужой, и он решил, что ей пришлось тяжелее, чем он предполагал.

Алан собирался сделать это позднее, но сейчас было необходимо разрядить обстановку, потому он сунул руку за пазуху и вытащил сверток.

— Это тебе.

Отогнув край бумаги, Айрин увидела шаль, ту самую, какую Алан выбрал в лавке. Она была не в силах сделать так, чтобы это наваждение исчезло, потому расправила ткань.

— Нравится?

— Да. Спасибо, — ответила Айрин, подумав, что эти цвета подойдут не только к смуглой коже мулатки, но и к ее зеленым глазам. Возможно, она ошиблась, и та женщина вовсе не была его возлюбленной?

— Почему ты вернулся?

Это был странный вопрос, но Алан спокойно ответил:

— Потому что я обещал вернуться. Потому что я тебя люблю.

— Пойдем в дом?

— Кто здесь остался? — спросил Алан, поднимаясь по ступеням.

— Немногие, — ответила Айрин и перечислила, коротко сообщив, что стало с остальными.

Алан был поражен тем, что предстало перед его глазами. Паркет был расколот, мебель поцарапана и поломана, все сколько-нибудь ценные вещи исчезли.

— Книги сохранились, — сказала Айрин. — Библиотека мистера Уильяма в твоем распоряжении.

— Но его самого больше нет, — Алан произнес эту фразу с видимым сожалением.

— Скоро не будет и нас. Я имею в виду — здесь, — пояснила она и рассказала, как обстоят дела.

— В любом случае Темра не твоя, — заметил Алан.

— Я всегда это чувствовала.

— Однако я рад, что мистер Уильям позволил тебе остаться в имении. Я боялся, что не смогу тебя найти!

Айрин не сводила с него пронзительного взгляда, и он добавил:

— Лила прислала мне сообщение по негритянской почте. В нем говорилось, что с тобой все в порядке.

— Наверное, так и было, хотя я плохо помню то время, — ответила Айрин.

Вошла Сара, и Алан был поражен, как сильно она изменилась. Если взгляд Айрин странным образом затвердел, то во взоре Сары появилась беспомощность, которую она не могла скрыть.

— Алан? — недоверчиво произнесла она. — Ты вернулся?

— Я приехал в Темру, чтобы жениться на Айрин. То, во что было трудно поверить, все-таки стало возможным.

Сара смотрела на него с выражением, в котором проскальзывала досада. Ей было трудно отказаться от мысли, что их любовь обречена, что как бы они ни старались, мир, разделенный на две

половинки, не позволит им быть вместе.

— На тебе синяя форма. Воевал против южан?

— Пришлось. Да и было бы глупо, если б я стал воевать *за них*.

— Что ж, тогда поздравляю с победой.

— С победой? Что-то мне подсказывает, что победили не *мы*.

Когда Алан обедал вместе с Айрин и Сарой (она не стала возражать, когда он сел за стол), ему чудилось, будто его окружают призраки. Дело было не только в том, что все вокруг было разрушено, а в том, что в душах этих людей что-то навсегда сломалось.

Алан был здоровым, сильным, молодым мужчиной, но в их кругу даже его охватывали растерянность и отчаяние. Так же, как и они, он не знал, что делать дальше. А вот Хейзел знала. Перед отъездом она сказала ему:

— Ты совершаешь ошибку. Если поедешь к ней, у тебя не будет будущего. А если останешься со мной — да. Я собираюсь основать в Нью-Йорке общество по поддержке бывших невольников, в первую очередь — женщин. А что станешь делать ты? Выращивать хлопок? Глупо возвращаться туда, где ты был рабом!

Теперь Алан подумал о том, что находиться в

обществе Хейзел было куда целительней и приятней, чем сидеть рядом с Айрин, которая вела себя как незнакомка.

Алан не знал, по-прежнему ли она его любит, не был уверен в том, что время не разрушило и не похоронило их отношений.

Когда наступил вечер и все разошлись по комнатам, он спросил, заранее готовый к тому, что получит отрицательный ответ:

— Я могу спать в твоей комнате?

Взгляд ее зеленых глаз скрывал целый мир, в который отныне ему не было доступа. И все же она ответила:

— Конечно, Алан.

Комнатка выглядела очень скромно: узкая кровать, старый комод, плетеный коврик на полу, ситцевые занавески на окнах. Прежде такую обстановку можно было увидеть только в каморках домашних рабов.

Алан не знал, как начать откровенный разговор, а потом решил попробовать обойтись без слов, благо Айрин не противилась.

В том, что молодой, пылкий, любящий мужчина желал близости с той, к встрече с которой стремился несколько лет, не было ничего удивительного. Пока Алан целовал и ласкал ее тело,

Айрин ничего не чувствовала. Когда они соединились, она ощутила боль и с трудом сдерживалась, чтобы не застонать.

Алан отстранился. Ему по-прежнему нравилось ее хрупкое полудетское тело, но ее повзрослевшей, а может быть, постаревшей души он больше не знал.

— Ты меня не хочешь? Я слишком долго ждал нашей встречи и, может быть, поспешил?

— Я такая давно и едва ли стану другой. Ты не должен был приезжать.

Алан похолодел.

— Ты меня не ждала? Или… янки обидели тебя сильнее, чем я думал?

— Янки? Нет. И я ждала тебя, Алан, до тех пор, пока верила, что ты можешь мне помочь. Все закончилось несколько дней назад, когда я вернулась из Чарльстона. Так бывает: вчера жизнь имела смысл, а сегодня его не стало. Никто не может знать, что сулит завтрашний день.

— Что произошло?

— Я искала нашего ребенка, но не нашла. И поняла, что никогда не найду.

— Ребенка?!

— Да. Я родила его перед войной.

Айрин рассказала про Коннора, а затем — о

своей жизни после того, как их разлучили.

— Я не знаю, сколько лет я просидела в комнате без окон, с толстыми каменными стенами, сквозь которые не проникали звуки, где кружка с водой была прикована цепью к полу, а еду давали, словно собаке, просовывая под дверь железную миску. Меня «лечили» тем, что обливали холодной водой, засовывали в мешок, вращали на каком-то колесе. Я вынесла это лишь потому, что душевные муки казались сильнее, хотя было время, когда я вообще ничего не понимала и не помнила.

Алан был потрясен. Все, что он хотел ей рассказать, — о «Тайной дороге», о своем вступлении в армию, о тяготах войны, о том, как он получил звание офицера, о шоке, вызванном убийством президента Линкольна через день после официальной сдачи войск Конфедерации[19], — отошло на задний план.

Он усадил Айрин к себе на колени и, крепко прижав к груди, укачивал, как ребенка.

— Моя девочка! Сколько тебе пришлось пережить! Если б я только знал, постарался бы приехать намного раньше!

---

[19] Примечания: 19

Президент А. Линкольн был смертельно ранен во время покушения, совершенного на него 14 февраля 1865 года в Вашингтоне.

Она возразила:

— Ты был должен пройти свой путь.

— Нет. Мой долг быть рядом с тобой.

— Ты вернулся, и это главное.

— Сын! — прошептал Алан, и выражение его лица сделалось почти мальчишеским. — На самом деле мы довольно много знаем о нем, притом что человек, которого ты надеялась разыскать, едва ли сумел бы чем-то помочь. Итак, нам известно имя ребенка, которое, возможно, сохранилось, год рождения и город, куда его отвезли. Мы подадим объявления во все газеты, издающиеся в Южной Каролине, а также в других штатах, и назначим вознаграждение за любые сведения о Конноре. Кроме того, объедем все приюты для цветных детей. Мы непременно его найдем.

Айрин ощутила приятную истому. Ей нравилось чувствовать себя слабой рядом с этим человеком, она говорила себе, что ее место здесь, под его защитой. Буквально несколькими словами Алан расставил все по своим местам и внушил ей давно утраченную уверенность в будущем.

— А теперь спи, — сказал Алан, бережно опуская ее на постель.

— Разве ты ничего не хочешь? — пробормотала Айрин.

— Будет лучше, если мы займемся этим после свадьбы.

— Правда?

Он улыбнулся и погладил ее волосы.

— На самом деле то, о чем ты говоришь, занимает в жизни человека ничтожное количество времени. Все остальное составляет жизнь его сердца, существа, души.

Она проснулась в середине ночи. Алан мирно спал, и Айрин чудилось, будто он вернулся к ней нетронутый войной, вернулся таким, каким был в пору их первой встречи. Те же совершенные черты, та же гладкая кожа, те же густые волнистые волосы.

Приподнявшись на локте, она долго смотрела в его лицо, потом осторожно провела пальцами по смуглой коже, коснулась кончиков длинных ресниц. Не выдержав внезапного накала чувств, прильнула губами к его губам, будто сложила две половинки целого. Алан глубоко вздохнул, судорожно прижал ее к себе, и внезапно Айрин поняла, чего она хочет.

Она раскрылась ему навстречу, принимая в себя его плоть, и вскоре с удивлением осознала, что с каждым движением жгучая горечь, что так долго терзала ее душу, уступает место дурманя-

щей сладости.

Иногда она засыпала, а когда просыпалась, нетерпеливо прикасалась к нему, и он тотчас мягко входил в нее, и тогда ей становилось удивительно хорошо.

Утром Алан спросил:

— Ты до сих пор хочешь выйти за меня замуж?

— Больше, чем когда-либо.

— Тогда мы сегодня же поедем в Чарльстон и обвенчаемся.

Айрин хотела попросить у Сары какое-нибудь платье, но Алан сказал, что в Чарльстоне они перво-наперво посетят магазин и купят ей новые вещи.

— Я получил небольшое пособие, — сказал он.

Алан запряг в коляску лошадь, которую привел с войны, и сам сел на козлы. Айрин устроилась рядом, и они тронулись в путь.

Выглянуло солнце, подул теплый ветер, и впервые за долгие дни Айрин осознала, что перед ней простирается прекрасная, радостная, светлая страна, которую у нее никто не отнимет, а рядом сидит самый желанный мужчина на свете.

Небо было просторным и очень глубоким; в вышине проплывали облака, и парили ласточки.

Внезапно Алан остановил повозку, уронил

вожжи, обнял Айрин и приник к ее губам. Они целовались долго, самозабвенно и страстно целовались, изнывая от любви, от сознания того, что отныне их никто не разлучит.

Айрин никогда не нравились кринолины, но их больше не носили. Мода изменилась: теперь спереди юбка отвесно падала вниз, а сзади драпировалась на турнюре и плавно перетекала в каскад длинного тяжелого шлейфа.

Айрин решила, что никогда не овладеет искусством носить такие платья, и попросила Алана купить ей что-то простое. В моду вошли нежные ткани светлых оттенков, и она с удовольствием примерила небесно-голубое платье. Оно выглядело воздушным и даже немного кукольным, если б не отделка из черных кружев. Из белья ей понравилась нижняя юбка из гладкого жесткого шелка, а из обуви — высокие ботинки на пуговках, незаменимые для прогулок по сельской местности, хотя Алан мягко настоял, чтобы она купила атласные туфли.

Заглянув в ювелирную лавку, он вышел оттуда с двумя тонкими золотыми кольцами.

Айрин была поражена.

— Ты наверняка истратил на них последние деньги!

— Это не имеет значения. Я хочу, чтобы у нас все было по-настоящему.

Религия никогда не имела большого значения в жизни Алана, потому он легко согласился обвенчаться с Айрин в католической церкви.

Алан уже привык к тому, что сначала люди смотрят на его лицо, потом на форму (или наоборот), и в их глазах появляется выражение недоумения и растерянности. Несколько раз его просили предъявить документы, вероятно, подозревая, что он решил устроить маскарад и надел синий мундир, не имея на это права.

К удивлению Алана, священник предложил им показать разрешение на брак.

— Какое еще разрешение? Кто должен его выдавать?

— Полагаю… власти.

— Что за ерунда! Мы взрослые свободные люди, и у нас нет препятствий для вступления в брак.

— Мы вам заплатим, — вставила Айрин.

— Дело не в деньгах, — священник замялся, — просто вы…

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — резко прервал Алан. — Разве в Библии сказано, что люди с разным цветом кожи не могут любить друг друга и быть счастливы вместе?

Священник развел руками.

— Лично я ничего не имею против вашего брака, но вот законы… Если вы принесете разрешение, все будет в порядке.

Айрин и Алан вышли на улицу и остановились, ослепленные солнечным светом, тогда как в их душах вновь поселились тени. Ощущение того, что отныне они свободны, что никто не вправе чинить им препятствия, рассыпалось, будто горстка пепла.

— Что за разрешение? Зачем? — растерянно повторил Алан.

— Поищем другого священника? — предложила Айрин.

— Боюсь, мы везде услышим одно и то же.

В конце концов они пошли к шерифу и настояли на том, чтобы их приняли. Выслушав, зачем они пришли, замотанный шериф нетерпеливо произнес:

— Обращайтесь к Бенджамину Перри, временному губернатору Южной Калифорнии. Он вам все объяснит, тем более, прежде он был судьей.

— Я не собираюсь участвовать в выборах или совершать сделку века. Я всего лишь хочу создать семью. Я пришел к вам за разрешением на брак с этой женщиной, без которого нас почему-то

отказываются венчать.

Шериф с любопытством посмотрел на Айрин, потом снова на Алана, подошел к грубо сколоченным стеллажам, где царил хаос, вытащил какую-то папку и вынул из нее документы.

— Вы умеете читать?

— Разумеется. Однако будет лучше, если вы сами объясните, что имеете в виду, — холодно произнес Алан.

Шериф посмотрел на него в упор.

— Я вижу, вы в форме офицера союзной армии, однако вынужден задать вам вопрос: прежде вы… были в рабстве?

— Допустим. И что?

— Вот «Акт о даровании гражданских прав». В нем есть пункт, согласно которому освобожденным неграм запрещено вступать в брак с представителями белой расы. За подобный проступок виновного ожидает пожизненное тюремное заключение.

— Вы издеваетесь?

Шериф откинулся на спинку кресла.

— Отнюдь. Эти документы одобрены президентом Джонсоном[20].

---

[20] Примечания: 20

После смерти А. Линкольна президентский пост перешел к вице-президенту США Э. Джонсону.

— Мне бы хотелось знать причину, заставляющую правительство принимать столь бесчеловечные законы!

— Вероятно, кое-кто боится, что в случае смешанных браков белая раса неминуемо потерпит поражение, — сказал шериф, и Алан заметил:

— Мистер Джонсон опоздал: у нас уже есть ребенок.

Шериф развел руками.

— И все-таки я ничем не могу вам помочь!

— Можете. Выдайте нам разрешение. Я хочу жениться на мисс О'Келли, а после пусть меня заточат в тюрьму до скончания века!

— Вы шутите?

— То, что вы только что сказали, не вызывает ничего, кроме смеха. Я офицер армии Союза. Я обращусь к командованию и буду жаловаться.

— На законы? На меня? Я простой исполнитель.

— На то, что меня хотят лишить гражданских прав на основании цвета кожи. Поверьте моим словам, когда-нибудь это будет считаться преступлением. У меня нет свидетельства, в котором указано, сколько и какой крови течет в моих жилах! Если для того, чтобы жениться на мисс О'Келли, понадобится доказать, что я белый, я

это докажу!

— Хорошая мысль, — заметил шериф. — В самом деле вы офицер, у вас есть фамилия, документы, вы знаете грамоту, и оттенок вашей кожи достаточно светлый. Я не знаю, белый ли вы, но уж точно не африканец!

— Прошу вас, выдайте нам разрешение, — сказала Айрин. — Это очень важно для нас.

— Хорошо, — сдался шериф, — но если что-то пойдет не так, отвечать будете сами.

— Не беспокойтесь, ответим.

Получив желанный документ, они вышли на улицу. Айрин понимала, что Алану тяжело обсуждать случившееся, и она заговорила о другом:

— Я видела тебя в Чарльстоне, в лавке, когда ты покупал шаль. Сара пошла к нотариусу, а я осталась ее ждать. Я стояла в углу, и ты меня не заметил. Представь себе, я настолько во всем разуверилась, что решила, будто вижу сон!

Алан вздрогнул. Узнав, что пришлось пережить Айрин за эти годы, он сто раз проклял себя за то, что спал с Хейзел. И теперь он был вынужден лгать.

— Со мной была женщина.

— Да. Вы были похожи, как две половинки ореха.

— Это Хейзел. Она помогла мне добраться до Канады. Потом мы вместе работали кондукторами «Тайной дороги». Когда война закончилась, она поехала в Нью-Йорк, а я отправился к тебе.

— Алан, ты вступил в армию, потому что желал встретиться со мной? — голос Айрин был полон безграничного доверия.

— Пожалуй, так. Я не видел иного способа попасть в Южную Каролину, кроме как с федеральными войсками. Прежде я пытался добраться до тебя, работая кондуктором «Тайной дороги», но меня ни разу не посылали так далеко. — И, усмехнувшись, заметил: — Хейзел была права, когда говорила, что я везде и всегда преследовал личные цели.

— А она?

— Помогать людям — ее призвание. Хейзел обладает талантом организатора и добивается успеха во всем, за что берется.

На самом деле Алан легко оставил Хейзел не потому, что был жесток, а потому что знал: она непременно отыщет свою дорогу. Насчет себя он не был уверен. Айрин, как истинная ирландка, была привязана к земле и ко всему, что на ней росло, а Алану больше подошла бы работа в крупном городе, таком, как Нью-Йорк. Он предпочел

бы забыть о том, что был рабом. Потому он собирался как можно скорее уехать из Темры вместе с Айрин.

По случаю их бракосочетания был устроен небольшой праздник. Бесс приготовила самое лучшее из того, что было возможно приготовить из скудных продуктов. Арчи и Трейси расставили на столе сохранившуюся посуду. К чести Сары, она, пусть и сдержанно, поздравила новобрачных и согласилась разделить свадебную трапезу.

С некоторых пор Айрин не выглядела ни уродливой, ни красивой: все заслонил след несчастья, который лег на ее облик, словно печать. Теперь этот след исчез. Ее слова больше не казались свинцовыми каплями, а глаза — осколками зеленого стекла. Она ожила и повеселела, она смеялась. Алан держал ее за руку и смотрел на нее со смесью вожделения и нежности.

В разгар беседы и скудного, но веселого пира Арчи, привыкший прислушиваться ко всему, что творилось в усадьбе, услышал, как кто-то вошел в ворота, и сказал об этом Саре.

Извинившись, она спустилась вниз. К дому медленно шел человек. На нем был рваный серый мундир, он пошатывался от слабости. Его осунувшееся, желтое, какое бывает у больных

малярией, лицо показалось Саре знакомым. Некогда пламенно-рыжие волосы были покрыты пылью и потускнели, как и яркие карие глаза. Это был… Юджин!

Сара с криком побежала навстречу. Юджин поднял на нее затуманенный взгляд и упал без чувств на пороге своего дома.

Глава 4

Что больше всего запомнил Юджин О'Келли, возвращаясь домой, так это кладбища. Они росли так же быстро, как растет сорная трава, и, казалось, заполонили собой весь мир. Вместо монументальных склепов, украшенных пафосными латинскими надписями тяжелых чугунных плит, гипсовых ангелов с устремленными в небо очами все чаще попадались грубо сколоченные, уже начавшие гнить кресты, на которых нельзя было прочитать фамилий. Многие солдаты умерли за сотни миль от родного дома и там же были похоронены. Кто мог отыскать эти могилы?

Юджин остался жив. Зачем? Гниют не только кресты, возложенные на надгробные камни цветы и кости в земле, гниют человеческие души; казавшиеся вечными устои исчезают, словно сметенные ураганным ветром.

В дороге он заболел малярией и едва сумел добраться до дома. Для чего? Чтобы увидеть облезлые стены и разбитые окна особняка, заросший двор и заброшенную плантацию. Айрин, которую некогда увезли в сумасшедший дом, и беглого раба Алана, который участвовал в войне

на стороне янки! Обнаглевших негров, которые решили, будто они стали членами их семьи. Сестру, потерявшую и волю, и гордость.

— Главное, что ты жив! — говорила Сара. — Я уже не надеялась, что ты вернешься!

— Лучше бы я не вернулся. Погиб в плену или умер в дороге от малярии.

— Прошу, не произноси таких слов!

— Почему нет? Зачем ты впустила в дом эту ирландку и почему позволила бывшему рабу, приспешнику янки, сидеть за нашим столом!

— Времена изменились, Юджин. Теперь мир принадлежит неграм и белым беднякам, — примирительно произнесла Сара.

— Может ли быть иначе в стране, президент которой сам происходит из белой рвани! Говорят, в юности этот Джонсон был портным-подмастерьем, — процедил Юджин и решительно добавил: — Но в своем доме я буду хозяйничать сам. Первое, что сделаю, когда поднимусь с постели, это выставлю на улицу ирландку и ее мужа-мулата.

Сара помедлила, а потом сказала:

— Отец внес имя Айрин в завещание. Он признался мне перед смертью. Правда, она об этом не знает.

— Не могу поверить! Очевидно, он сошел с

ума! — сказал Юджин и тут же набросился на сестру: — А что натворила ты, Сара? Как ты могла выйти замуж за этого Фоера!

Она опустила голову.

— Я сделала это ради спасения Темры.

— Ты всегда отличалась неразборчивостью. Помню, как до войны ты строила глазки доктору Китингу, хотя в округе было полным-полно завидных женихов! — отрезал Юджин.

Слезы Сары закапали на его постель.

— Фоер обещал защитить нас от янки и не позволить им сжечь Темру. Отец просил меня сохранить поместье любой ценой.

— Он ни за что не позволил бы тебе лишиться гордости! Неудивительно, что несмотря на все твои унижения, мы все-таки потеряли Темру.

Последующие дни выдались очень тяжелыми. Юджин вел себя, как раненый хищник. Он был измучен и слаб, но от него исходили волны ледяной ненависти.

Айрин чувствовала себя не лучше. Она полагала, что этот человек, лишивший ее самого дорогого, нагло обворовавший ее душу, навсегда исчез из ее жизни, но он появился снова и, похоже, не испытывал никакого раскаяния. Алан предложил Айрин немедленно уехать. Она согла-

силась, и тогда он сказал:

— Но прежде я хочу с ним поговорить. Хочу посмотреть ему в глаза.

Когда Алан вошел в комнату, невзирая на протесты Сары, попросил ее выйти и плотно закрыл дверь, Юджин опустил веки. Он не мог видеть это здоровое, сильное, красивое существо, когда сам был слаб и немощен.

— Зачем ты пришел? Убирайся.

— Знаешь, — сказал Алан, — мне страшно хочется разобраться с тобой по-мужски, но я не могу бить человека, который болен и лежит в постели. Это вы могли сечь связанных негров; при этом сами никогда не пачкали руки.

— А я не стану с тобой разбираться. Я просто тебя пристрелю. Благо револьвер находится при мне.

— И у меня есть револьвер, и я тоже умею стрелять.

— Я не буду устраивать дуэль со своим бывшим рабом — это ниже моего достоинства.

— Меня всегда поражало, — сказал Алан, — что при всей своей горячности, пылкости и жадности до всяческих удовольствий вы, благородные южане, удивительно холодны. Вы были обходительны и учтивы друг с другом, а с рабами

превращались в дикарей. И не только с рабами, со всеми, кто не входил в ваш пресловутый круг.

— Да ты только и грезил о том, чтоб попасть в этот «круг». Я же вижу тебя насквозь, — усмехнулся Юджин. — Если б к тебе явился дьявол и предложил поменять цвет кожи в обмен на душу, ты не колебался бы ни минуты. К сожалению, тебе пришлось удовлетвориться тем, что ты сделал ребенка белой женщине. Поздравляю! Это огромное достижение. Уверен, до тебя такое не удавалось сотворить никому, и не важно, что эта женщина оказалась всего-навсего белой рванью. Главное, ты добился своего.

Алан схватил Юджина за горло.

— Я все же тебя убью! Ты же мятежник, за твою жизнь много не спросят! Это была твоя идея продать нашего сына?!

— Представь себе, не моя! — прохрипел Юджин. — Отец был милосердным человеком, но всему есть предел!

Опомнившись, Алан отпустил его и сказал:

— Все, что ты обо мне говорил, правда. Кроме одного: я в самом деле полюбил Айрин и ради нее расстался с гордыней. Может быть, когда-нибудь это произойдет и с тобой.

Когда раздался стук в дверь, Алан подошел и

распахнул ее. Он не сразу узнал человека, который стоял на пороге, а узнав, усмехнулся, ибо на ум пришли только что сказанные Юджином слова о дьяволе. Именно так рабы называли между собой мистера Фоера.

— Ты? — в знак изумления Фоер слегка приподнял свои бесцветные брови, а потом посмотрел на Юджина: — Не ожидал, что вы вернетесь. И вы, и этот мулат, и ирландка, которую увезли в сумасшедший дом. Вижу, война сотворила немало чудес!

— Что тебе надо?

— Хочу сообщить, что я только что вернулся с шерифских торгов. Вот бумаги. Теперь Темра моя. Прошу всех, в том числе и негров, покинуть усадьбу в течение часа. Мисс Сара, как моя жена, может остаться. Условия нашего брака мы пересмотрим чуть позже.

— Я лучше умру, — послышался голос Сары, и Фоер рассмеялся.

— Воля ваша!

— Вы заплатили за Темру деньгами, которые украли, когда сбежали отсюда? — поинтересовалась Айрин.

Она вошла в комнату следом за Сарой и встала рядом с Аланом.

Фоер повернулся к ним и пожал плечами.

— Я ничего не крал. Просто взял то, что мне было нужно. Мисс Сара вышла за меня замуж, и все ее имущество перешло ко мне. Как можно что-то украсть в собственном доме? К тому же янки все равно забрали бы все ценное.

Пока шел разговор, Юджин приподнялся с постели, дотянулся до кобуры, которая валялась на стуле вместе с мундиром, вытащил револьвер и несколько раз выстрелил в Фоера, а когда тот упал, устало обратился к сестре:

— Все в порядке. Теперь ты вдова, и Темра — твоя.

Присутствующие замерли, а Сара зарыдала и обхватила руками голову брата.

— Тебя посадят в тюрьму, Юджин! А может, повесят! Тело этого человека не спрячешь в саду, как тело убитого янки!

Глаза Юджина загорелись.

— Ты убила янки?!

— Это сделала Айрин, — прошептала Сара.

— Подумать только, — усмехнулся Юджин, — а я всю войну провел в лагерях! Позорная участь, бессмысленная жизнь. Ничего удивительного, если в итоге меня повесят как убийцу.

— Не говори ерунды, — сказал Алан, — тебе

нужно бежать. Возьми мою лошадь.

— Куда мне ехать?

— Неважно. Надо затаиться на какое-то время. Главное пересечь границу штата. Кругом такая неразбериха, что тебя не станут долго искать. Купи документы, поменяй имя. У меня есть немного денег, я дам их тебе.

Юджин поднялся с постели. Он пошатывался от слабости, но в его лице появилась решимость.

Айрин накрыла тело Фоера одеялом, а Алан сказал:

— Мы дадим тебе отъехать подальше, а потом позовем представителей власти. К сожалению, дабы снять подозрения с остальных, придется рассказать им правду. Пусть мисс Сара найдет тебе довоенную одежду, а мундир оставишь здесь.

Юджин обнял сестру, которая не переставала плакать.

— Я не жалею о том, что мне придется уехать отсюда. Это уже не та Темра, в которой я вырос, которую я любил.

— Ты сообщишь о себе?

— Непременно. Будь счастлива и больше не совершай ошибок, — сказал Юджин.

Когда завершилось дознание властей и тело Фоера предали земле, Алан сообщил Саре, что

они с Айрин уезжают из Темры. Навсегда.

Сара вновь была в трауре, будто и впрямь потеряла настоящего мужа. В том, что Фоера похоронили на семейном кладбище О'Келли, было что-то неестественное и неправильное, но Сара настояла на этом, ибо все должны держать ответ за свои ошибки: мертвые — в том неведомом мире, куда уходят навсегда, живые — на земле и… в своем сердце.

— Я прошу, чтобы вы остались, — неожиданно сказала она.

— Это невозможно, — ответил Алан. — Что нам тут делать? Темра — не наш дом. Мы должны попытаться построить собственную жизнь.

Айрин молчала. Алан был уверен в том, что на Севере им будет лучше. Там он наверняка найдет работу, и им гораздо реже придется подвергаться унижениям из-за «неравного брака».

— Айрин, — сказала Сара, — ты ошибаешься, думая, что у тебя нет дома. Твой дом здесь. Отец вписал твое имя в завещание. Третья часть Темры принадлежит тебе. А поскольку едва ли Юджин когда-нибудь вернется домой, отныне можно считать, что ты и я владеем ею поровну.

Айрин замерла. Что-то проникло к ней в кровь, словно тайная лихорадка, изменив ход ее мыс-

лей. Несмотря ни на что, она не могла ненавидеть Темру, она всегда подспудно желала, чтобы та наконец стала ее настоящим домом.

Послевоенная жизнь в Новом Орлеане била ключом. Этот некогда чопорный город был открыт всем ветрам; отныне здесь было полным-полно богатых, предприимчивых людей, которые нажились на войне и не разбирались ни в чем, кроме денег. Коренные южане считали их подлыми и пошлыми, но кто теперь прислушивался к мнению коренных южан?

Джейк Китинг сумел проникнуть в это блестящее общество. Он стал модным доктором, его без конца приглашали в залитые огнями салоны, клубы и рестораны, полные декольтированных дам, мужчин во фраках и смокингах, шустрых лакеев и почтительных метрдотелей.

Ему хватало ума правильно оценить такое общество, однако ирония судьбы заключалась в том, что именно эти люди смогли по достоинству оценить *его*.

Джейк принимал всех и никогда бы не отказал нищей негритянке с младенцем на руках или безработному ирландцу, однако в последнее время такая публика к нему почти не заглядывала.

Зато ему случалось тайком помогать попав-

шим в беду обитательницам публичных домов, которых развелось великое множество: за такие услуги платили щедро.

Благодаря своему опыту, интуиции, таланту и такту он не только безошибочно ставил диагноз, но умел и успокоить больного, и убедить его в необходимости лечения. Джейк не считал себя особенным, он просто делал свое дело. Его познания были весьма обширны, и вскоре от пациентов не было отбоя.

Деньги тоже текли рекой, и через некоторое время новоявленные матроны уже рассматривали его как возможного жениха для своих дочерей.

— В чем ваш секрет, доктор Китинг? — спросила одна из них, когда они потягивали шампанское в ее саду под звуки наемного струнного оркестра.

— Вероятно, в том, что я смотрю на каждого пациента так, словно он — единственный. В том, что если я хорошо знаю какую-то болезнь, то не стану вешать ее, как табличку, на шею каждого больного, чей диагноз кажется мне сомнительным. А главное, похоже, это мое призвание.

— Это как любовь, мистер Китинг? — кокетливо поинтересовалась дама.

— Да, как любовь.

— Вам случалось любить?

— Конечно. Я и сейчас люблю.

Он в самом деле любил Лилу, он снял для нее уютную квартирку, обставленную просто, но красиво, и, поскольку она очень хотела научиться читать и писать, нанял для нее учителя.

Иногда Джейк наблюдал за тем, как она познает то, чему он научился много лет назад, и это пробуждало в нем снисходительное умиление.

Он старался исполнять все желания Лилы, кроме одного. Когда она нерешительно заговорила о детях, Джейк взмолился:

— Не сейчас! Позже. Мне приходится много работать, у меня нет времени заботиться о потомстве!

Он сделался немногословным; иногда, если она робко пыталась на чем-то настаивать, становился раздражительным. Лила чувствовала это, но, следуя вековечной привычке повиноваться и терпеть, не понимала, что ей следует делать, так же, как не знала, чем себя занять, когда Джейка не было дома.

Единственной отрадой были еженедельные встречи с Унгой в какой-нибудь таверне на пристани. Индианка по-прежнему жила в доме родителей Джейка, и они хорошо относились к

ней, хотя и платили ничтожное жалованье.

— Мне хватает, — говорила Унга, — еда бесплатная, и миссис Китинг часто что-нибудь покупает мальчишкам, так что мне даже удается откладывать деньги.

Индианка с потрясающей быстротой и безукоризненной аккуратностью убирала комнаты постояльцев пансиона миссис Китинг, ходила на рынок за покупками, содержала в порядке птичник, который развела на заднем дворе, и находила достаточно времени для воспитания своих мальчишек.

Сегодня они с Лилой снова встретились в таверне на берегу океана, уселись в камышовые кресла и заказали незамысловатую еду и кислое вино.

Мулатка выглядела возбужденной; она не замечала ни волн дыма, плывущих под потолком кабачка, ни грубых мужских голосов, ни назойливой музыки, похожей на бесстыдную сладострастную мольбу.

Она знала, что Унга не станет ни о чем расспрашивать, потому заговорила первой:

— Мне кажется, я добилась своего. У меня будет ребенок.

Индианка не торопилась с поздравлениями.

Сделав глоток вина, она заметила:

— Кажется, ты говорила, что он не хочет детей и делает все для того, чтобы ты не забеременела?

— Я много раз пыталась заставить забыть его об осторожности, и наконец у меня получилось, — смущенно призналась Лила.

Это случилось два месяца назад. Она всегда была страстной в постели, но в этот раз ее пылкость превзошла все ожидания. Она обхватила ногами тело Джейка, крепко прижала его к себе и среди прерывистых содроганий и вздохов ощутила, как сердцевина ее тела, ее потаенная женская суть наполнилась влагой, дающей жизнь в соединении двух любящих существ.

— Ты говорила, он стал другим? — спросила Унга.

— Да. Но в том нет его вины. Он много времени проводит в обществе богатых людей и невольно перенимает их привычки.

— Ты думаешь, он изменяет тебе?

Лила не обиделась на вопрос. Она ценила способность индианки говорить правду в глаза.

— Полагаю, что нет. Хотя его окружает множество привлекательных белых женщин.

Унга не сводила с нее острого взгляда, отчего Лиле казалось, что ее держат на прицеле.

— Он не заговаривает о браке?

Мулатка вздохнула.

— Женитьба на мне наверняка повредила бы ему.

Я не знаю случая, чтобы белый мужчина женился на цветной женщине. Мать говорила мне, что это так же невозможно, как смешать воду и масло, и просила не связываться с белым, но любовь оказалась сильнее.

— Ты не пыталась сделать так, чтобы он брал тебя с собой во все те места, куда теперь ходит?

Лила в ужасе замотала головой.

— Конечно, нет! Что бы я стала там делать?! Я не умею одеваться, как эти люди, держаться и говорить, как они.

— Ты считаешь, Джейк скрывает от них ваши отношения?

— Думаю, да. Но мне все равно. Мне нужен только он. Я не собираюсь настаивать на браке, даже если рожу ребенка. Я стану заниматься малышом и не буду чувствовать себя одинокой, когда Джейка нет дома. Я никогда не попрошу у него больше, чем он захочет и сможет мне дать.

— Возможно, наша проблема как раз в том, что мы хотим слишком мало? — задумчиво произнесла Унга. — Меня много раз бросали мужчины:

потому что они были белыми, а я — индианкой. Я беременела почти от каждого, и каждый вынуждал меня избавляться от этого. Даже Барт.

— Но ведь потом он разыскал вас с Мелвином, признал сына и женился на тебе! Почему он это сделал? Потому что в нем тоже течет индейская кровь?

— Не думаю. Барт был не в восторге от того, что я индианка.

— Значит, он тебя полюбил?

— Наверное, хотя он никогда не говорил о любви. Однако женщина всегда чувствует, когда мужчина начинает думать не только о себе, но и о ней.

— Джейк всегда заботился обо мне, и у меня никогда не возникало сомнений, что он меня любит, — сказала Лила.

Вернувшись домой, она занялась ужином. Лила не умела готовить изысканных блюд и жалела о том, что ей не доведется стать невесткой миссис Китинг, от которой она могла бы перенять искусство запекать устрицы или делать креветки по-креольски.

Она пожарила рыбу, приготовила молодой картофель в сметане, испекла вафли и принялась ждать Джейка.

Он пришел поздно. Небрежно поцеловал ее и принялся развязывать галстук.

— Я приготовила ужин, — сказала Лила.

— Напрасно. Я перекусил в ресторане. Поешь сама.

— Я не хочу без тебя. К тому же мне надо кое-что тебе сообщить.

— Это как-то связано с едой? — рассмеялся Джейк.

Лила решила, что он в хорошем расположении духа. Прежде она не задумывалась об этом, но теперь нередко примеряла, что можно, а что нельзя сказать или сделать в зависимости от его настроения. Трепетала за каждый шаг и рассчитывала, как ему угодить.

— Нет, не связано.

— Тогда говори и пошли спать. Уже поздно, и я устал.

— Джейк, — внезапно Лила почувствовала, что, сказав правду, сможет избавиться от напряжения, а главное — наконец увидеть будущее, — у меня будет ребенок.

Он отпрянул. Его взгляд сделался пристальным, острым.

— Ты уверена?

Лила растерялась.

— Не знаю.

Он ничем не выдал бури, которая всколыхнулась в душе, и задал несколько точных, профессиональных вопросов, как если бы ставил диагноз больному.

— Два месяца. Я помню ту ночь, — Джейк произнес эти фразы, как приговор, и добавил: — Спи. Скоро я тоже лягу. А пока чего-нибудь выпью.

Проходя мимо зеркала, он с холодным любопытством взглянул на свое отражение. По ту сторону стекла мелькнул незнакомец. Красивый, холеный, уверенный в себе, совсем не похожий на того юношу, который брел в уютных сельских сумерках к Темре с потертым саквояжем в руках.

Собственно, сейчас Джейк как никогда был счастлив в родном городе, где бурлила разнообразная, разноцветная праздничная жизнь. Он заново полюбил Новый Орлеан, он жил его запахами, звуками, суетой, удовольствиями, бесконечными встречами. Прошли времена, когда он мучительно размышлял о том, как заработать право быть хоть кем-то. Сейчас он мог решать, как ему жить.

Лоб Джейка прорезала складка, а глаза сузились и недобро блеснули. Он вошел в кухню, вынул из шкафа бутылку виски и налил себе щедрую

порцию.

Его руки не дрожали, и мозг работал удивительно четко, будто точный, холодный механизм. Он знал, что должен был приласкать, поцеловать Лилу, сказать, что он рад, даже счастлив, но… не смог этого сделать.

Нет, он не спал с другими женщинами (в этом отношении его вполне удовлетворяла Лила), но он *видел* их, безупречно одетых, добродетельных, но при этом раскованных, веселых, совсем не похожих на прежних скучных, заносчивых девиц, к которым было не подступиться. Хотя, возможно, до войны все эти леди отвергали его, потому что он был никем? Теперь он мог выбирать — и не только между бесправной рабыней и дочерью плантатора, которая всю жизнь требовала бы от него благодарности за то, что согласилась стать его женой.

Джейк знал, что, по крайней мере, мужская часть общества не осудит его, если узнает, что у него есть цветная содержанка. Иное дело брак. И дети. Он скрывал свои отношения с Лилой от тех людей, в кругу которых вращался. Неужели придется скрывать и ребенка?

Джейк вспомнил, как отреагировал Барт на весть о беременности Унги и как поступил потом.

Но Барт и Унга были сделаны из одного теста, тогда как он и Лила — нет.

Он пил виски и думал о том, как то, от чего прежде хотелось летать, может превратиться в пушечное ядро, прикованное к ногам толстой цепью. Вспоминал о временах, когда ему казалось, будто каждая капля крови устремляется к тому месту его тела, до которого дотронулась Лила, а один ее взгляд пробуждает немыслимое желание. Вновь переживал мгновения, когда, проникая в ее тело, дрожал до костей от всепоглощающего, первобытного наслаждения, тонул в огненной бездне, где нет нужды ни в словах, ни в мыслях.

Теперь ему казалось, что Ричард и прочие правы: их с Лилой связывала только постель. Джейк подумал о женщинах, которые прочитали хотя бы несколько книг, а не учили азбуку в двадцать два года. Женщинах, которые умели одеваться и держаться в обществе, с которыми было о чем поговорить.

То, что прежде ему нравилось в Лиле, — простодушие, наивность, безграничная доверчивость, младенческий взгляд на мир, — теперь вызывало раздражение.

Так устроено природой: мужчина хочет иметь ребенка от той женщины, с которой рассчитыва-

ет прожить всю жизнь, которую считает равной себе. С этой мыслью доктор Китинг открыл саквояж и достал из него небольшой флакон.

Позднее он говорил себе, что, вероятно, выпил много виски, отчего ему и пришла в голову столь безжалостная идея, которую он к тому же решился осуществить, хотя на самом деле все было куда сложнее и… страшнее.

Когда Джейк вошел в спальню, он сразу понял, что Лила плакала. Она лежала на кровати, свернувшись в комок, прижав руки к животу так, будто внутри было не сладкое бремя, а холодный камень.

— Что с тобой? — спокойно и ласково спросил он, хотя прекрасно знал ответ.

— У меня сильно болит голова, — натянуто произнесла Лила.

— В твоем состоянии это возможно, — сказал Джейк и погладил ее по лицу. Потом подошел к окну и, взглянув на потемневшее небо, сказал: — К тому же будет гроза.

Он вспомнил, что Лила впервые отдалась ему именно в грозу. И уже тогда он думал о том, что она не должна рожать ему детей.

Джейк вышел из комнаты и вернулся со стаканом в руках.

— Выпей. Тебе станет легче.

Лила покорно взяла и, отхлебнув, поморщилась.

— Горькое!

Он принужденно рассмеялся.

— На свете мало сладких лекарств!

Когда Лила послушно осушила стакан, он заботливо укрыл ее одеялом.

— Спи.

— Ты не рад, Джейк? — грустно спросила она.

— Рад. Просто мне нелегко привыкнуть к переменам. Мужчины — примитивные существа, Лила; случается, их пугают самые простые вещи, если эти вещи происходят неожиданно. И я не знаю ни одного человека, которого бы не страшила ответственность.

— Я ничего от тебя не потребую, — прошептала она, закрывая глаза, — я просто хочу ребенка. Он нужен *мне*, Джейк. С тех пор, как умерла мама, я никак не могу вернуться туда, где должна быть. Надеюсь, ребенок поможет мне обрести себя.

Она быстро заснула. Джейк вновь подошел к окну и долго стоял, вглядываясь во мрак. Тучи ушли дальше, на запад, гроза миновала. Звезды казались крохотными дырочками, просверленными в ночи. Их свет не мог победить убийственный

холод, который сочился с небес, и едва ли этот холод был страшнее пустоты, которая образовалась в том месте, где некогда находилось его сердце.

Когда он лег, то сразу провалился в сон и проснулся от жуткого крика Лилы.

Ее глаза были вытаращены, а зубы оскалены. Простыни промокли от крови; кровь была повсюду, словно здесь только что совершилось зверское преступление.

Впервые в жизни Джейк испугался до такой степени, что был готов позвать другого врача. Только сейчас он понял, какую растерянность, беспомощность, убийственный ужас испытывают те, с чьими близкими случается беда.

Невероятным усилием воли он взял себя в руки, сдернул с постели испачканное белье, уложил Лилу, как надо, принес чистые полотенца и салфетки. Джейк совершенно не помнил, куда он бегал и где добыл пузырь со льдом, как заставил ее разжать зубы и выпить лекарство.

Потом он сидел возле Лилы, гладил ее руку, вытирал со лба пот, менял окровавленные тряпки.

У нее была влажная холодная кожа, из ее груди вырывалось хриплое дыхание, тело сотрясала дрожь.

Через четверть часа Джейк с облегчением про-

изнес:

— Кровотечение уменьшилось. Не волнуйся, все будет хорошо.

Лила опустила тяжелые веки.

— Почему это произошло?

— Не знаю, — его голос дрогнул, — такое случается. Придется несколько дней полежать в постели. Ты здоровая, сильная женщина и обязательно поправишься.

Его слова ничего не значили. Он впервые ничем не мог ей помочь.

На рассвете Джейк сказал:

— Я должен идти.

Лила не удивилась и только спросила:

— Куда?

— У меня куча встреч, которые я не смогу отменить.

С тобой побудет Унга. Сейчас я ее приведу. А тебе лучше поспать. Не беспокойся, ты не умрешь.

— Мне безразлично, умру я или нет, — сказала Лила и отвернулась к стене.

Джейк понял, что не сможет уйти сразу, и зашел в кухоньку. Он стоял там, стиснув зубы, тяжело дыша, и с трудом удерживался от того, чтобы не расцарапать себе лицо или не порезать ножом запястья. Казалось, лишь сильная физическая боль,

нанесение увечий самому себе способны хотя бы немного облегчить то, что творилось в его душе. Наконец он не выдержал и полоснул лезвием по руке, а потом наблюдал, как кровь струится по коже тонкой алой змейкой и капает на пол.

Джек вспомнил, как, освобождая Лилу, он убил человека, а еще — как Уильям и Юджин О'Келли поступили с Айрин, отняв у нее сына, которого ей едва ли удастся отыскать.

Их с Лилой ребенка тоже уже не вернешь. Его кровь была на руках Джейка, его гибель черным пятном легла на его совесть.

Он всегда любил узкие кривые улочки креольского квартала с их каменными лестницами, чьи ступени были истерты от времени, изящными фасадами домов с коваными балконами, настоящим произведением искусства. Но сейчас он шел по ним, не разбирая дороги, поражая прохожих бледным лицом и остекленелым взглядом.

Дверь открыла мать и сразу заключила его в теплые, привычно и приятно пахнущие объятия.

— Сынок! Как хорошо, что ты зашел!

Джейк проведывал ее время от времени, когда отец был в лавке. Сейчас он вспомнил, что довольно давно не заглядывал в родной дом.

— Я ненадолго и по делу. Мне нужна Унга. На

целый день. Присмотришь за детьми?

— Конечно, — сказала Кетлин, разглядывая сына, — сейчас я ее позову. А что у тебя с рукой?

— Пустяки. Я поранился.

— Неужели ты не войдешь в дом?

Джейк почувствовал, что вот-вот свалиться с ног, и согласился:

— Хорошо.

Кетлин провела его во дворик и усадила за стол под оплетенным зеленью навесом.

— Что-то случилось? На тебе лица нет!

— Я просто устал.

— К тебе обращаются даже ночью? — сочувственно спросила она.

— Случается.

Появилась Унга, и мать пошла за кофейником и чашками. Понимая, что у него мало времени, Джейк как можно короче объяснил, что случилось. Индианка не удивилась и только кивнула. Впрочем, она не удивлялась никогда и ничему.

— Мать согласилась присмотреть за детьми. Отправляйся к Лиле прямо сейчас. Ты помнишь, где она живет?

— Да, — ответила Унга и больше не промолвила ни слова, однако Джейк достаточно хорошо знал индианку, чтобы понимать: ее молчание всегда

скрывает в себе нечто гораздо большее, чем можно выразить словами.

Когда Унга ушла, он сделал большой глоток кофе и не почувствовал вкуса. Отставив чашку, спросил у матери:

— Отец дома? Я зашел без предупреждения.

— Энгус в лавке. Не беспокойся, он бы тебя не выгнал. Отец близок к тому, чтобы помириться с тобой! О тебе идут хорошие слухи. Говорят, ты никому не отказываешь. Неважно, южанин перед тобой или янки, богач или бедняк. Я много раз пыталась внушить отцу, что врач не может выбирать, кого лечить, а кого нет. И почему мы должны ненавидеть тех, кто сумел нажить денег, но не имеет южных корней? Да, прежде не было принято кичиться богатством, но многие люди, кого раньше называли душой города, не пускали на порог тех, кто не принадлежал к определенному клану и не родился на Восточном побережье. Теперь былой разобщенности пришел конец. Я рада, что тебя принимают в новом обществе.

Джейк поморщился. Его раздражало наигранное воодушевление матери, и он нервно произнес:

— Поверь, мама, все не так просто. Лучше б эти люди гордились благородством, чем богатством,

которое большинство из них создало путем самого бессовестного мошенничества. Помнишь, отец рассказывал о ружьях, которые после выстрела разлетались в руках солдат, и о военной форме, которая расползалась под дождем? Южан и янки объединяет только одно: они одинаково не любят и презирают темнокожих, при этом первые считают, что во времена рабства заботились о них, как о малых детях, а вторые — что осчастливили их, дав им свободу. Полагаю, Америке придется расплачиваться за ошибки в своей истории не одно десятилетие и даже не один век!

— Скажи, — осторожно промолвила Кетлин, — а та девушка-мулатка… ты все еще с ней?

— Да.

— Энгус стал отпускать товар уроженцам Севера, но для цветных вход в лавку по-прежнему закрыт. Ты делаешь успехи, Джейк, ты пользуешься уважением, ты популярен в городе: прошу тебя, оставь ее и женись на белой! — взмолилась Кетлин.

— Я подумаю над этим, — сказал Джейк, чтобы прекратить разговор, и поднялся с места. — Спасибо за кофе, мама. У меня много дел.

В это время Унга вошла в квартирку, которую Джейк снимал для Лилы, скинула на пол шаль,

взглянула на мулатку, из которой, казалось, выпили жизнь, и прямо спросила:

— Ты знаешь, почему это произошло?

— Ни с того ни с сего, — устало промолвила та.

— Ни с того ни с сего ничего не случается, — заметила Унга.

Лила долго молчала, потом обронила:

— Теперь у меня ничего нет. Ни ребенка, ни… Джейка.

— Он был сильно напуган.

— Он позаботился обо мне, но ни словом не обмолвился о том, что произошло. Ему не жаль ребенка. Прежде он проводил со мной много времени, он шутил и смеялся. Окружающий мир оставался за бортом, мы были только вдвоем. Теперь Джейк принадлежит другим людям, я ему не нужна.

Унга как всегда была далека от показного сочувствия и бесплодных утешений — ее интересовали практические вопросы.

— Что ты думаешь делать?

— Не знаю. Куда мне идти? У меня нет ни родных, ни дома, ни денег.

— У меня кое-что отложено. Я отдам эти деньги тебе.

— Они нужны для… твоих детей, — против воли

голос Лилы жалобно дрогнул, будто сломанная струна.

— Тогда возьми у Джейка. Полагаю, он тебе кое-что должен.

— Ты бы так поступила?

Унга присела на кровать.

— Не знаю. Когда очередной белый мужчина выставлял меня на улицу, я никогда ничего у него не брала. Таким образом я демонстрировала свою гордость, которая была ему не нужна.

— Ты сохраняла ее для себя. Я тебе завидую, Унга. Ты никогда не была невольницей.

— Неправда. Ко мне относились не лучше. Унижали, случалось, и били.

— Неважно. Ты нашла силы уйти первой. Я тоже смогу.

Лила закрыла глаза. Она думала о том, что, случается, плод долго зреет, а после разламывается сам собой и падает вниз, чтобы увянуть и сгнить. Надо сорвать его прежде, чем это произойдет.

Лила не стала говорить подруге о том, что хочет дать свободу Джейку: Унга едва ли смогла бы ее понять. Как не собиралась сообщать индианке то, во что Унга наверняка бы поверила: Джейк принес ей лекарство, и через несколько часов она ощутила тянущую боль в животе, хотя до

этого все было в порядке. А потом все мечты и надежды покинули ее вместе с потоками крови. Совпадение? Возможно, хотя поведение Джейка говорило, что нет.

Так поступали белые господа со своими рабынями, которых они использовали, как красивую вещь, но никогда по-настоящему не любили.

Глава 5

Сара знала, что не должна быть счастлива, но все-таки была, несмотря на то, что ее не вполне настоящий, но все же венчанный супруг совсем недавно обрел покой в могиле, а брат пустился в бега.

Она была счастлива потому, что к ней приехал Тони Эванс, и с тех пор они расставались разве что на ночь. Вопреки всему она выбрала его, а не Темру. Она так решила, и никто не мог заставить ее передумать.

Отныне Сара не должна была постоянно помнить о том, что есть нечто, способное их разлучить. Она стала вдовой. Юджин, который наверняка воспротивился бы ее браку с янки, уехал. Мнение соседей давно не имело для нее никакого значения. Война закончилась, и Тони мог вернуться домой, что он и собирался сделать после того, как они с Сарой поженятся в Чарльстоне.

— Потом мы сядем на пароход и отправимся в Нью-Йорк, где устроим свадебное торжество. Я написал отцу, что жив, здоров и скоро приеду домой вместе с женой. Он очень хочет с тобой

познакомиться.

— Как он отнесется к тому, что я южанка? — волновалась Сара.

— Я уже говорил об этом. Для него главное, чтобы я вернулся домой, был счастлив и больше никуда не уезжал.

— Я не хочу устраивать пышное торжество, ведь фактически я еще в трауре.

— Мы все решим по приезде, — примирительно произнес Тони, — главное поскорее пожениться.

— Так быстро после смерти первого мужа…

— Дорогая! — Тони взял ее за руки. — Мне не терпится назвать вас своей!

Сара покраснела. Он любовался ее просто убранными русыми с оттенком рыжины волосами, ясным взглядом голубых глаз, легким загаром. Они пребывали в трогательной поре начала любви, робкого сближения, восторженной нежности, ничем не омраченного светлого счастья.

Ей все больше хотелось вырваться в бурный мир, познать неведомое, увидеть то, чего до сих пор не довелось повидать, а изредка ее одолевала грусть, и она, как и прежде, мечтала навсегда остаться в Темре, по вечерам слушать шелковистый шелест листвы в саду, сонный лепет ветра, долетавшего с полей. Играть на старом

расстроенном пианино, мягко переворачивая пожелтевшие, похожие на пергамент ноты. Хотелось душевного тепла, покоя, ясности и твердости мысли, как в прежние времена. Однако прошлое навсегда ушло, и надо было двигаться дальше.

При знакомстве Тони без колебаний пожал Алану руку. У мужчин нашлись общие интересы и темы для разговора — книги, политика, война; по вечерам они подолгу беседовали в гостиной.

Поняв, что они с Аланом остаются в Темре вдвоем, да еще на правах хозяев, Айрин не знала, что и сказать. Самые смелые мечты воплощались в жизнь, и это было так неожиданно, что ей было трудно ответить, рада она или нет.

Узнав, что Тони и Сара едут в Нью-Йорк, Алан скрепя сердце написал письмо Хейзел. Он пытался искать Коннора через газеты, но до сих пор никто не откликнулся, и Алан опасался, что это плохо скажется на настроении и душевном состоянии Айрин. Хейзел же обладала не только кипучей энергией, но и обширными связями, в том числе по каналам негритянской почты. Почему-то он не сомневался в том, что она согласится ему помочь.

— Я хочу передать письмо для одной дамы, — сказал Алан Тони. — На конверте ее прежний

адрес, но я не уверен, что она не поменяла место жительства.

— Не беспокойтесь, если она в Нью-Йорке, я обязательно ее разыщу, — уверенно ответил Тони и взял конверт.

Накануне отъезда Сару ожидало еще одно потрясение, какого она никак не могла предвидеть. После обеда, когда она взяла в библиотеке книгу и отправилась в спальню, чтобы немного побыть в одиночестве, вошла Айрин и сказала:

— К тебе пришли.

На лице Сары появилось тревожное выражение. Темра давно перестала быть местом, в которое часто наведываются гости.

— Кто?

— Ты не поверишь. Касси.

Сара невольно отпрянула.

— Что ей нужно?!

— Будет лучше, если ты сама спросишь ее об этом.

Сара поправила одежду и сошла вниз с твердым намерением вышвырнуть бывшую горничную за порог.

Она была поражена видом Касси. Грубые башмаки, уродливая шаль. Согнутые плечи и затравленный взгляд. Куда подевались заносчи-

вость, показной лоск? Краем глаза Сара поймала взгляд Айрин, которая стояла на лестнице, совсем не тот взгляд, какой ожидала увидеть. В нем не было ни малейших признаков злорадства или гнева, а лишь задумчивая печаль.

Сара догадалась, что Айрин вспоминает о том, как некогда стояла на месте Касси, ожидая приговора хозяев дома, и поняла, что больше не хочет выступать в роли вершительницы судеб.

— Что случилось? — спокойно, без вражды спросила она бывшую служанку.

Касси опустила голову и произнесла почти без всякого выражения:

— Какие-то люди разгромили мою лавку. Они кричали: «Ты не смеешь здесь торговать, черная тварь!» Часть товаров разграбили, остальные испортили и сломали. Я попробовала обратиться за помощью к военным, но они лишь посмеялись надо мной.

— А сержант Трамбал?

— Он исчез много раньше, почти сразу, как узнал, что я жду ребенка. Он так и не женился на мне, хотя обещал. Дела шли все хуже: белые господа не желали покупать в моей лавке, а у негров не было денег. После погрома я пыталась просить милостыню, но в Чарльстоне слишком много

таких, как я. И тогда я решила вернуться в Темру, потому что здесь родилась я и похоронена моя мать, — пробормотала негритянка и заплакала.

Сара вспомнила колыхание большой мягкой груди и широкую, добрую улыбку «мэмми», своей кормилицы и няни, матери Касси, которая шила кукол из тряпок и дарила их своей любимице, «маленькой мисс». Сара брала их в руки, предвкушая удовольствие от игры, тогда как похожие на черные бусинки глаза маленькой негритянки с надеждой следили за ее движениями.

Хотя кукла была сделана руками ее матери, Касси не смела дотронуться до нее прежде госпожи, так же, как не имела права брать ее вещи, куда-то идти без спроса, первой начинать разговор. Право быть горничной Сары перешло к ней по наследству, и с тех пор молодая госпожа, случалось, делилась с ней секретами и обсуждала новости. И все-таки Касси никогда не была ее подругой, а всего лишь служанкой, а что еще хуже — невольницей.

Прежде Сара никогда не задумывалась о том, что слово «рабыня» означает «унижение», как и о том, что эта девушка приходилась ей молочной сестрой.

Она вспомнила последнюю встречу с Касси,

когда в голосе негритянки звучала ненависть. То была оборотная сторона медали, которую Сара предпочитала не видеть.

Она подошла к негритянке и обняла ее за плечи.

— Я выхожу замуж и уезжаю в Нью-Йорк. Хочешь, возьму тебя с собой? Ты снова станешь моей горничной, а поскольку теперь ты свободная, я буду платить тебе жалованье.

Касси была так поражена услышанным, что ее слезы мигом высохли.

— Правда? — недоверчиво произнесла она. — А как же ребенок, которого я жду?

— Он будет с тобой. Мы позаботимся о нем.

— Арчи сказал, что теперь ваша горничная — Трейси.

— Трейси останется в Темре — мисс Айрин тоже нужна помощница. А я привыкла к твоим рукам.

Это была правда. Сама Касси могла казаться какой угодно — хитроватой, неблагодарной, дерзкой, но ее руки никогда не были злыми.

Сара не предполагала, что приготовления к отъезду, прощание с Темрой, посещение магазинов в Чарльстоне и скромное заключение брака промелькнут так быстро и незаметно.

Пароход, чьи иллюминаторы напоминали

золотые глаза, свет которых мерцающими дорожками отражался в смоляно-черной воде, должен был отвезти их с мужем в Нью-Йорк. Тони сказал, что отец прислал большую сумму денег для того, чтобы они могли путешествовать с комфортом.

Сара поднялась на борт румяная от удовольствия, в строгом и в то же время изысканном темном платье, единственным, но безукоризненно элегантным украшением которого служило кружево, уложенное на турнюре в виде крупных, причудливой формы раковин. На искусно завитых локонах Сары красовалась бархатная шляпка с летящими по ветру шелковыми лентами. Кроме того, ее багаж изрядно пополнился другими красивыми вещами, такими, как ридикюль из крокодиловой кожи, черепаховый гребень, резная шкатулка с милыми женскими мелочами и дорогими украшениями.

Сара с тревогой думала о том, как не ударить лицом перед родственниками Тони, которые могли легко распознать в ней простую деревенскую девушку.

Тони выглядел сногсшибательно; сняв мундир, он словно скинул слой искусственной кожи, под которой скрывалась его суть. На нем была простая белая сорочка с отложным воротником,

костюм-тройка из темной ткани и котелок из жесткого фетра: никаких плоеных манишек, легкомысленных шелковых галстуков и клетчатых бриджей. Он, смеясь, заявил, что костюм делового северянина ничуть не похож на романтичный наряд легкомысленного южанина.

Тони ничуть не возражал против того, чтобы приобрести одежду для Касси, и Сара купила служанке белье, несколько платьев и обувь.

Для нее забронировали билет в каюте третьего класса, тогда как Сару Тони привел в шикарную каюту первого. Она была поражена. Никаких твердых, как камень, сидений, всюду блестящее полированное дерево, мягкий бархат и нежный шелк.

— Нравится? — спросил Тони, и когда она, потрясенная до немоты, кивнула, сказал: — Сейчас мы отправимся ужинать. А потом, — он сделал многозначительную паузу, — вернемся сюда.

Он заглядывал в глаза Сары, нежно перебирая ее пальцы, и она понимала, о чем он думает. Она никогда не предполагала, что ее первая брачная ночь пройдет на пароходе, но так решила судьба.

Свет заката стоял над ее головой, словно нимб. Океан был похож на котел, полный расплавленного металла. После великолепного ужина, на

котором Сара впервые попробовала лангустов, маринованную говядину и другие изысканные блюда, новобрачные немного прогулялись по палубе, после чего Тони предложил выпить еще шампанского, и Сара охотно согласилась, поскольку ей было немного страшно.

Когда они остались одни, Тони разлил вино и вновь произнес клятву любви и верности. Сара согласно кивала. Она поспешно выпила шампанское, и в ее глазах заплясали звездочки. А потом властные мужские руки принялись ее раздевать.

Это было совсем не то, что прикосновение пальцев Касси: от этих касаний по телу шел ток, сердце билось, как сумасшедшее, а мысли разлетались, словно вспугнутые птицы.

Сара пыталась отвечать на его ласки, но все ее действия выдавали крайнюю неопытность. Впрочем, многие южанки, годами состоящие в браке, оставались столь же несведущими в вопросах плотской любви. Они всего лишь покорялись желанию своих супругов и рожали детей.

В решающий миг Сара задержала дыхание, и мгновение вдоха означало, что она стала другим человеком. У нее было чувство, будто она пробудилась в новом теле, теле, которое ей еще предстояло познать.

В мягких движениях в ритме качки, под волнами атласного покрывала не было ничего греховного и постыдного. Саре казалось, будто они — две рыбины, чьи тела плавно колышутся на дне океана, там, где их никто не может ни увидеть, ни потревожить.

— Дорогая! Ты… девственница?! — Тони был потрясен своим открытием гораздо больше, чем она всем тем, что ей удалось увидеть и испытать за эти дни.

Сара залилась краской.

— Мой брак был чистой сделкой, я говорила об этом. Несмотря ни на что, моя честь значила для меня гораздо больше, чем будущее поместья.

— Она бесценна, как и все в тебе! — прошептал Тони и покрыл ее лицо и тело благодарными поцелуями.

Утро выдалось ясным. Море переливалось всеми оттенками синего, над пароходом кружились сотни птиц, а облака казались огромными белыми башнями. Сара чувствовала, как у нее начинает кружиться голова, то ли от свежего воздуха, то ли от первозданного счастья.

Нью-Йорк, о котором некогда рассказывал Джейк Китинг, произвел на нее огромное впечатление. Здесь можно было затеряться, как

песчинка в океане, а можно было ощутить себя центром Вселенной.

Ральф Эванс, отец Тони, сумел оценить Сару, обладавшую провинциальной скромностью и вместе с тем достаточно воспитанную и образованную для того, чтобы достойно держаться в обществе и вести светскую беседу. В свое время он тоже женился по любви, а не по расчету (правда, тогда он и сам был небогат), потому не придал никакого значения тому, что невестка фактически являлась бесприданницей. В его глазах, глазах обеспеченного, благополучного человека, вытащить любовь, как драгоценную жемчужину, из глубин нищеты и тягот войны было равносильно подвигу.

К удивлению Сары, ее муж был мало похож на своего отца, крупного темноволосого мужчину. В гостиной висел большой портрет матери Тони, женщины с безупречно гладкой, словно белый атлас, кожей и глазами, похожими на осколки голубого льда.

Тони не любил говорить о войне, и постепенно раны прошлого покрывались толстой коркой забвения. Радости медового месяца растворяли в сердце и сознании Сары и тревогу о судьбе брата, и воспоминания о жизни в Темре.

Тони умиляло ее восхищение теми вещами, к каким он был привычен с детства: треньканьем звонков конки, высотой зданий, деловой суетой Бродвея. Между тем Нью-Йорк был ничтожной частичкой огромного мира, который он со временем надеялся ей показать.

Сара наслаждалась роскошью. Они с мужем спали в огромной комнате на кровати орехового дерева, под пуховым одеялом, мягким, словно грезы, и безбрежным, как море. Кроме того, у нее был прелестный будуар с атласными занавесками на высоких окнах, толстым персидским ковром благородных коричнево-зеленых тонов на полу и туалетным столиком с тремя овальными зеркалами в простенке. Ее гардероб был полон модной одежды и красивой обуви.

По утрам Сара облачалась в легчайший кремовый пеньюар и пила горячий шоколад из высокого стакана тонкого стекла в серебряном подстаканнике, который Касси подавала на старинном медном подносе.

Негритянка тоже радовалась жизни в большом городе и великолепном доме. Хотя белые слуги сторонились ее, это не могло испортить ей настроения, потому что, во-первых, она тоже старалась держаться с должным высокомерием

(они могли мнить себя, кем угодно, но она-то была личной горничной хозяйки дома!), во-вторых, большую часть времени она думала о своем ребенке.

Глядя на округлившийся под фартуком живот, Касси говорила себе, что все равно она прыгнула выше всех, ибо ни одна из знакомых ей негритянок не служила в таком городе, таком особняке и в *такой* семье.

По сравнению с нью-йоркским домом Эвансов особняк в Темре выглядел просто сараем. А его обитатели на фоне мистера Ральфа с его массивной золотой цепочкой для часов, перстнем-печаткой и бриллиантовыми запонками казались последними бедняками.

Новый хозяин был ничуть не хуже мистера Уильяма, он никогда не отчитывал Касси, не делал ей замечаний, а однажды подарил ей четвертной.

Пройдет время, и ее сын или дочь тоже станут служить в этом доме, вдобавок у ее ребенка кожа будет светлее, чем у нее самой, и он будет считаться свободным! А еще Эвансы пообещали помочь ей зарегистрировать младенца под фамилией Трамбал.

Когда со дня приезда прошла пара недель, Тони

виновато сообщил жене:

— Алан просил меня разыскать одну знакомую ему даму и передать ей письмо, о чем я совершенно забыл!

Сара встревожилась.

— Даму? Айрин ничего не говорила об этом!

Тони рассмеялся.

— Не думаю, будто тут скрывается что-то личное. Алан рассказывал о своей работе в «Тайной дороге»; полагаю, его послание как-то связано с этим.

— Ты уверен?

— Не знаю. Я же не стану читать чужое письмо.

Поразмыслив, Сара решила отправиться с мужем. Стоял ветреный день, и на ней был отделанный шелковым кантом коричневый жакет из плотного сукна с большими перламутровыми пуговицами и элегантная юбка, согласно моде ниспадавшая с турнюра изящными складками.

К сожалению, мисс Паркер не жила по старому адресу, но им дали новый.

Дверь квартиры на втором этаже дома на углу Голд-стрит и Франкфурт-стрит открыла привлекательная молодая женщина. Тони был поражен. Он ожидал увидеть *даму* и увидел, однако то, что

эта дама окажется мулаткой, оказалось полной неожиданностью.

— Простите, вы… мисс Хейзел Паркер?

— Да. — Она тонко улыбнулась. — Что вам угодно?

— Меня просили передать вам письмо.

Хейзел взяла конверт. Она сразу узнала почерк Алана, и ее сердце встрепенулось.

— Входите, — приветливо пригласила она, стараясь сохранять спокойствие. — Вы… знакомые Алана Клеменса?

— Он женат на моей… родственнице, — сказала Сара и кивнула на Тони. — А мистер Энтони Эванс — мой муж.

— Я имел честь гостить в имении Темра; тогда и произошло мое знакомство с Аланом, — сказал Тони.

Хейзел было нелегко скрыть от гостей, что сообщение о женитьбе Алана стало для нее тяжелым ударом, но она справилась.

— Прошу вас, садитесь. Он ничего не передал на словах?

— Нет. Правда, Алан кое-что рассказал о вас, — сказал Тони, присаживаясь на потертый диван. — Он говорил, что вы проявили большой героизм, освобождая негров и помогая им освоиться с

новой жизнью.

— Первое — в прошлом. Что касается второго, — она небрежно вскрыла конверт, развернула и пробежала глазами письмо Алана, после чего подняла на гостей суровый и вместе с тем обжигающий взгляд, — я состою в организации, которая борется за создание общественных школ, открытых для всех детей, независимо от цвета кожи.

— Вы родились на Юге? — спросила Сара.

— Да, и прожила там до четырнадцати лет, а потом… убежала.

— Наверное, ваша организация нуждается в помощи?

— Да, хотя мы не просим милостыню, — просто сказала Хейзел.

Тони почудилось, что она видит его насквозь. Он участвовал в войне, которая не принесла ничего, кроме бессмысленных разрушений и еще большего разобщения людей, а потом преспокойно вернулся в мир, где бедные продолжали беднеть, а богатые — богатеть, и наслаждался жизнью. Он много раз слышал, как отец и его приятели рассуждали о войне, как о весьма прибыльном предприятии, и подозревал, что организации, вроде северной Союзной лиги или южного Бюро вольных людей используют

проблемы освобожденных рабов в собственных корыстных интересах.

Отец часто говорил: при новом порядке вещей выигрывает тот, кто идет на определенный риск. Ральф Эванс не стал заколачивать миллионы на противозаконной торговле с врагами, он не собирался мошенничать, делая консервы из некачественного мяса. Он всего лишь добился подписания федерального контракта на поставки своей продукции в армию и во много раз преумножил свое состояние.

Тони и Сара вышли на улицу и оглянулись в поисках экипажа. Вдоль дороги маячила цепочка слабых, колеблющихся огней, тогда как в конце этого призрачного, мерцающего тоннеля притаился мрак, мрак неизвестности.

«Похоже на жизненный путь, — подумал Тони. — Приходится пробираться на ощупь туда, где, возможно, ничего нет, и человек никогда не знает, реальны ли те огни, которые манят к себе, истина ли это или мираж, который сбивает с дороги».

— Скажи, почему ты выбрала не Темру и хлопок, а… меня? — спросил он жену.

Сара улыбнулась.

— Не из-за денег! Я тебя полюбила.

Тони сжал ее руку.

— Знаю. И все же есть и другие причины?

Она помедлила, потом сказала:

— Юг изменился. Я едва ли могла бы стать счастливой, оставаясь в Темре. Мне было проще начать новую жизнь.

Конечно, далеко не все в этой жизни было гладко и просто. Сара знала, что толпы хорошо одетых горожан, что прогуливались по Вашингтон-сквер, делали покупки в магазине Ховоута и универмаге «Тиффани», не имели понятия об ужасах войны, о борьбе и лишениях южан.

Ни родственники и знакомые Эвансов, ни даже белые слуги не могли смириться с тем, что Сара привезла с собой черную, как сажа, горничную. Касси тоже об этом знала. Почтительно склоняя курчавую голову, негритянка, случалось, бросала исподлобья такие взгляды, что становилось не по себе. Некоторые из прежних слуг уволились через день после того, как Касси водворилась в доме, а остальные не желали делить с ней место за кухонным столом.

Ни один из осуждавших «безжалостных южан» северянин никогда не признал бы, что люди, имеющие кожу цвета масла какао, могут обладать сердцами, такими же ценными и чистыми, как

безупречно отшлифованный бриллиант.

— Я бы хотела помочь этой женщине, — промолвила Сара.

— Я тоже. И не только ей. Нищим белым фермерам, освобожденным неграм, лишенным земли. Север разгромил Юг, и он же должен дать ему будущее. Несколько дней назад отец спросил меня, что я намерен делать дальше. Тогда я не знал, что ответить, а теперь скажу: будет справедливо, если ты займешься благотворительностью, а я — политикой. Полагаю, твое желание и мой долг в сочетании с деньгами Ральфа Эванса могут дать неплохой результат.

Оставшись одна, Хейзел перечитала письмо Алана. Она всегда пыталась отвлечься от собственных эмоций и думать о чувствах других людей. Но сейчас ей не хотелось этого делать.

Написав ей столь откровенно и в таком тоне, он безжалостно разбередил ее раны. Но при этом неосмотрительно открыл свое сердце.

У Алана и Айрин был ребенок. Мальчик, которого звали Коннор. Хейзел вспомнила, что Алан не проявил никаких чувств к осиротевшим, брошенным детям, к мальчику, встреча с которым отнюдь не случайно оставила след в ее сердце.

С той самой поры, как начинают меняться ду-

ша, тело и разум и приходит пора взросления, она искала смысл жизни и вскоре нашла. И только она знала, что он заключался не в том, чтобы обрести свободу или служить людям, а в том, чтобы быть непохожей на остальных.

Сейчас все, чего она упорно добивалась и добилась, обернулось против нее самой. Хейзел страдала от одиночества, душевной пустоты и тосковала по обычным вещам: дому, детям, семье. Письмо Алана стало лишней каплей и в без того переполненном сосуде.

Теперь на одной чаше весов была она сама с ее потерянной любовью и желанием сохранить для себя хоть какую-то частичку того, кто — увы! — ее отверг; на другой — Алан с его белой возлюбленной и сыном, которого он совершенно не знал. Зато она, Хейзел, видела мальчика — это невероятное создание, казалось, состоящее из длинных ресниц, шелковистых волос, золотистой кожи, видела и успела полюбить. Теперь, зная *чей* он сын, она любила бы его еще больше.

Ей предстояло принять решение. И, кажется, она уже знала, каким оно будет.

Утром она, облаченная в легкий пеньюар, готовила кофе в своей квартире. По возвращении в Нью-Йорк Хейзел пришлось переехать в другой

район. После четырехдневного кровопролития, произошедшего три года назад и получившего название «Ирландский призывной бунт», давно тлеющая ненависть к цветным и неграм раздулась в пожар, и они предпочитали селиться подальше от мест, наводненных белыми эмигрантами.

Сделав первый глоток, Хейзел раскрыла утреннюю газету и прочла: «30 июля 1866 года в Новом Орлеане (штат Луизиана) был учинен негритянский погром, носивший особо жестокий и организованный характер. Предлогом для погрома явилась попытка бывшего законодательного собрания штата вновь собраться в Новом Орлеане. Ходили слухи, что оно попытается высказаться за наделение негров избирательными правами».

Пробежав глазами еще пару абзацев, она замерла. Далее было написано следующее: «По предварительным данным, за минувшие сутки убито сорок четыре человека, легко ранено девяносто, тяжело — шестьдесят. В числе прочего, участники погрома подожгли приют для цветных сирот. Хотя здание загорелось после того, как монахини вывели из него детей, по непроверенным слухам, среди воспитанников приюта имеются жертвы. В городе по-прежнему неспокойно: по-

лиция советует жителям не покидать домов без крайней необходимости».

У Хейзел перехватило дыхание и задрожали руки. Бросив газету на пол, она немедленно начала собираться в дорогу.

Глава 6

Сестра Меганн обошла детские спальни с лампой в руке. Она проделывала это каждый вечер — то был предпоследний ритуал перед отходом ко сну. Последним была молитва.

Монахиня молилась за всех, поскольку во время службы дети, особенно мальчишки, тайком корчили друг другу рожи, стреляли глазами, а то и камушками, которыми были набиты их карманы. За такие проступки следовало бы сечь, но большинство воспитанников приюта были достаточно биты, чтобы стать совершенно невосприимчивыми к физическим наказаниям.

Иногда сестре Меганн хотелось приласкать какого-нибудь ребенка, но она почти всегда отказывалась от этой мысли, потому что едва ли у нее хватило бы сил и времени сделать то же самое для остальных воспитанников.

Она знала, что их ждет по выходе из приюта в возрасте четырнадцати лет: полурабская жизнь, возможно, хуже прежней. Год назад был принят закон, обязывающий гражданских чиновников представлять в местные суды сведения о чернокожих моложе восемнадцати лет, не имеющих

родителей. Такие негры должны были отдаваться в ученичество всем желающим плантаторам вплоть до совершеннолетия. Чему их могли научить на плантациях и что произойдет с ними потом?

Одни будут жить, покоряясь судьбе, и делать любое дело за кусок хлеба. Другие взбунтуются, ступят на скользкий путь, попробуют виски, возьмут в руки нож, сталь которого нальется силой их досады и злости, а их взгляд подернется кровавой пеленой. А девочки пополнят ряды цветных проституток и многодетных матерей, вынужденных в одиночку сражаться с отчаянием и нищетой.

Пока что мальчишки мирно посапывали — негритянские дети не жаловались ни на бессонницу, ни на отсутствие аппетита.

Монахиня собиралась уходить, когда в спальню вошла молодая сестра и с тревогой прошептала:

— В городе неспокойно, матушка!

— Знаю, — ровным голосом произнесла сестра Меганн, — вчера сожгли здание законодательного собрания и дом начальника полиции.

— Мы с сестрами боимся за детей!

— Все в руках Господа. Думаю, они нас не тронут, — ответила монахиня, и в это время снаружи донеслись зловещие крики.

— Они здесь, они уже здесь! — в страхе прошептала молодая сестра и принялась креститься.

— Сохраняйте спокойствие. Займитесь детьми. Я поговорю с этими людьми.

Однако выйдя во двор, сестра Меганн поняла, что уговоры бесполезны. В течение нескольких лет сквозь стены приюта проникали тревожные слухи, просачивалась ненависть жителей города.

«Чернокожие будут плодиться, а мы должны кормить их детей!»

«Зачем их учить, пусть работают в поле!»

«Негры не могут жить сыто, когда белые голодают!»

На приют надвигалась огромная темная волна со сверкающей красноватой пеной: толпа погромщиков с факелами в руках. Голос этой толпы был подобен утробному реву гигантского животного, внезапно проснувшегося в своей норе.

Сестра Меганн знала: когда видишь, что беда неминуема, проще переждать бурю. Она велела сестрам вывести детей во двор. У нее оставалась слабая надежда на то, что погромщики не тронут беззащитных сирот, вместе с тем она не сомневалась в том, что они подожгут приют.

Когда сестра Виктория пришла их будить, Кон-

ни уже проснулся. Ему почудился блеск молнии и раскаты грома. Он открыл глаза. Большинство мальчишек сидело на кроватях; некоторые вскочили и смотрели в окна. В их лицах отражалось непонимание и любопытство.

Тяжелый, душный воздух был полон тревоги; Конни чувствовал, что вот-вот случится что-то плохое, если уже не случилось.

— Поднимайтесь, дети, и выходите во двор, — сказала сестра Виктория.

Она велела им построиться и считала по головам.

— Что происходит? — шепнул Конни Сэму.

— Думаю, нам пришел конец, — заявил мальчик. — Сюда явились белые: во дворе их целая толпа — я видел в окно!

Коннор задрожал.

— Что они хотят сделать?

Сэм сверкнул глазами и улыбнулся так, как улыбаются негры, когда приносят белым господам плохие вести.

— Догадайся! Они нас убьют или разберут по одному на плантации! Заставят работать, а может, просто скормят свиньям!

— Что же нам делать?! — прошептал Конни, с тревогой глядя на сестру Викторию, которая

пыталась угомонить мальчишек.

— Давай спрячемся и никуда не пойдем? — предложил Сэм. — Когда всех выведут, тайком улизнем отсюда и убежим подальше.

В его глазах была жажда приключений, тогда как Конни предчувствовал настоящую опасность.

— Хорошо. Только мне нужно забрать Розмари.

— Девчонку? Зачем!

— Я не могу ее бросить. Она моя сестра.

Они тихонько отступили назад, заползли под кровати и притаились.

Сестра Виктория сбилась со счета, начала снова и все равно не досчиталась двоих воспитанников. Она просила мальчиков подсказать ей, кого нет; те крутили головами и называли имена, но потом оказывалось, что эти ребята находятся на месте.

В конце концов монахиня решила, что ошиблась в подсчете, и повела воспитанников вниз.

Когда мальчики остались одни, Сэм принялся радостно прыгать по кроватям. Не на шутку встревоженный Конни торопил его: он боялся, что они не успеют забрать Розмари.

Они вышли в коридор и побежали в другое крыло. Две монахини как раз вели по лестнице девочек. К счастью, Розмари оказалась в сере-

дине длинной вереницы; когда она поравнялась с выходящими в коридор дверями, за которыми стояли Конни и Сэм, ее названный брат схватил девочку за руку и втянул в коридор. Монахини, одна из которых возглавляла, а другая замыкала процессию, ничего не заметили, а вскрик Розмари заглушил гомон маленьких негритянок, которые, похоже, никогда не закрывали рта.

— Пойдем с нами, — прошептал Конни девочке. — Остальных убьют, а мы решили спастись.

Розмари сразу и безоговорочно поверила ему. Конни взял ее за одну ручонку, а в другой она сжимала тряпичную куклу.

— Давайте проберемся на кухню: надо что-нибудь взять в дорогу, — сказал Сэм.

Между тем сестры вывели воспитанников во двор. Толпа наседала на монахинь, выкрикивая ругательства и угрозы, и все же не решалась тронуть ни их, ни негритят, которые, сгрудившись в кучу, жалобно хныкали и испуганно таращили сверкающие белками глаза.

В конце концов погромщики побежали вдоль здания, тыкая факелами в деревянные части и забрасывая внутрь горящие тряпки. Вскоре кое-где заиграли язычки пламени, а после запылал настоящий пожар.

Сэм чувствовал себя на кухне, как дома. Он попробовал завтрак, которым их так и не успели накормить, проверил шкафчики и покидал в найденный тут же холщовый мешок галеты и несколько яблок. Потом взял большой нож и забрался на стол, чтобы отрезать кусок окорока, и вдруг застыл.

Из-под кухонной двери, словно призрачные змеи, ползли языки пламени. Мальчик спрыгнул со стола и распахнул дверь, намереваясь узнать, что происходит, а на самом деле приглашая огонь в гости.

В мгновение ока на нем занялась одежда, и он в ужасе пытался сбить пламя голыми руками. Увидев огонь, Розмари забилась в угол возле большой плиты, по-прежнему не выпуская из рук куклу.

Эта картина оставалась в сознании Конни до конца его жизни. Все купалось в огне, предметы словно бы двигались в волнах пламени и казались живыми. Жар сделался нестерпимым, они будто бы находились в огромной печи. Розмари кричала, но он не слышал ее крика. На руках Сэма лопалась кожа, но Конни не знал, как ему помочь.

Когда он решил, что все кончено и они сгорят живьем, его взгляд уперся в люк в полу. Вероятно,

то был вход в погреб или подвал. Задыхаясь от дыма, он вцепился в железную ручку, которая успела накалиться, и что есть силы рванул на себя.

Он не знал, что находится внизу, потому что там было темно, тем не менее втолкнул в отверстие Розмари. С Сэмом было сложнее — на нем горела одежда, и его нельзя было схватить. Конни не знал, что подсказало ему хлестать друга попавшимися под руку и не успевшими заняться тряпками. Он сумел сбить пламя, но после того, как он помог Сэму пролезть в люк, на его пальцах вздулись волдыри, а в руках оказалась целая пригоршня спаленных волос друга.

Дети очутились в большом сыром подвале, где хранились кое-какие припасы — засоленное на зиму мясо и овощи в больших бочках. На уровне земли были проделаны забранные решетками окошки. Коннор прижался лицом к одному из них и принялся кричать, но, похоже, его никто не слышал. Розмари тихо плакала. Сэм лежал на полу и стонал от боли в обожженном теле.

Гул пламени сливался с гулом ветра. Сестра Меганн не сводила глаз с горящего приюта. Из глубины души поднималась едкая горечь. Ей было безумно жаль того, что забирал огонь: детских

вещей, мебели, книг. Пахло гарью и дымом. Но она была спокойна хотя бы оттого, что к этому не примешивался запах горелого человеческого мяса.

День за днем ценой жестоких ошибок и невероятных усилий она приводила в движение этот маленький мир. Теперь, когда был проделан столь немыслимый путь и совершен такой труд, все превратилось в золу и пепел.

Остались дети, их души, в которые она успела или не успела что-то вложить. Сестра Меганн надеялась, что ей не придется все начинать заново.

Когда Джейк ушел по делам, Лила принялась собираться, хотя она всего два дня назад встала с постели и была еще слаба. Перебирая одежду и обувь, она внезапно поняла, что у нее никогда не было любимых, дорогих сердцу вещей, тех милых пустяков, наивных талисманов постоянства и счастья, которые люди бережно хранят и повсюду возят с собой.

Лила задавала себе вопрос, как ее вообще угораздило влюбиться? Большую часть жизни она провела среди людей, которые сходились, спаривались, как это делают животные, и расходились, после чего женщина рожала ребенка и воспитывала его в одиночку. Если где-то и

возникало подобие семьи, она быстро распадалась. В окружающем человеческом мире, равно как и в природе, было так мало романтики, что едва ли стоило искать ее в собственной жизни. Между двумя существами — будь то животные или люди — постоянно возникает определенное притяжение, где выбор делает отнюдь не разум, и все же далеко не всегда эти отношения можно назвать любовью.

Лила пыталась быть циничной, но не могла. Она все еще любила Джейка и понимала, что своим уходом прежде всего ранит собственное сердце. И все же она решила его покинуть, ибо ей не хотелось уподобляться собаке, которая выказывает безграничную преданность своему хозяину, даже если он утопил ее щенят.

Она собрала только самые необходимые вещи и не тронула денег. Самое странное заключалось в том, что Лила не хотела ничего забывать и думала, что и как долго ей удастся сохранить в своей памяти? Полную доброты улыбку, красоту рук Джейка, которая привлекла ее в первый же день, когда они познакомились? Слабый запах мыла от его кожи? Тепло последнего прикосновения, сладость недавнего поцелуя?

Лила вышла из квартиры и закрыла дверь на

ключ. У Джейка был свой. Она подумала было, не оставить ли записку вроде «Я даю тебе свободу», но потом решила не делать этого, ибо никакие слова не могли объяснить ее чувств.

Она совершенно не знала, куда идти, и понятия не имела о том, что на улицах неспокойно. Унга дала ей немного денег, и Лила рассчитывала, что ей удастся продержаться некоторое время. Однако она не обладала тем характером, какой был у индианки, в ее душе прочно поселились нерешительность и страх.

Если Унгу выгоняли из какой-то таверны, она молча поворачивалась спиной и медленно, с достоинством удалялась, тогда как Лила убегала сломя голову, боясь, как бы ее лишний раз не оскорбили, а то и ударили.

Потому она весь день бродила по городу, не решаясь поискать пристанище, и под вечер настолько устала, что уже не отдавала себе отчета в происходящем. Лила слышала стук колес экипажей и шум голосов, но все это будто существовало за какой-то стеной.

Мулатка очнулась от пощечины: на нее смотрел мужчина, его рот был искривлен, а глаза полны злобы.

— Смотри, куда идешь, цветная тварь!

Лила отпрянула и вжалась в стену дома. Она была близка к панике. Куда идти?! К Унге? Но там миссис Китинг, мать Джейка. В негритянский палаточный городок? Нет, лучше смерть!

Когда кто-то взял ее за рукав, она едва не закричала. Повернувшись, Лила увидела, что на нее сочувственно смотрит пожилая белая женщина.

— Что с тобой, милая? Тебе плохо?

— Мне некуда идти, — с трудом произнесла Лила.

— Я бы взяла тебя к себе, но мой зять не любит… таких, как ты. Как бы то ни было, уходи отсюда. На соседней улице валяются трупы темнокожих. Если тебя схватят те, кто устроил все это, тебе не поздоровится!

Едва женщина закончила говорить, как в конце улицы заклубилось грозное облако, и Лила остро почувствовала опасность.

В это мгновение она ощутила себя так, словно находилась за тысячи миль от неведомой родины, от близких людей. В этой чужой стране, где ей пришлось родиться, ее могли убить за цвет кожи, за красоту, за то, что она осмелилась полюбить белого мужчину.

Пульс стучал у нее в висках, а желудок болезненно сжимался по мере того, как к ней

приближалась толпа незнакомцев, каждый из которых олицетворял жестокость и смерть.

Страх и отчаяние придали ей сил, и она пустилась бежать по улицам, потом перелезла через невысокую ограду и притаилась.

Голоса смолкли. Похоже, ей ничто не угрожало. Пришла пора оглядеться и понять, где она очутилась. Возможно, это был чей-то сад?

Осторожно раздвинув ветки кустарника, Лила едва удержалась, чтобы не вскрикнуть.

Она очутилась на кладбище, в чужом, страшном месте, населенном призраками и тенями.

Кладбище было старым, вероятно, построенным задолго до войны; в густой росистой траве едва виднелись просевшие каменные плиты, черные кресты были подернуты паутиной лунного света. Пристанище усопших обладало манящей диковинной силой, и, как ни странно, Лила чувствовала, что эта сила не причинит ей вреда.

Она никогда не думала, что, будучи живой, станет искать убежища на кладбище. Однако сейчас это было единственное место, куда наверняка не явятся погромщики: их интересовали живые, а не мертвые.

Как большинство негров и мулатов, Лила была суеверна, но сейчас она настолько измучилась и

устала, что все чувства словно застыли в груди — в том числе отчаяние и страх.

Она была далека от мысли нарушать чье-либо пространство, тем более, если оно принадлежало усопшим, потому свернулась калачиком возле самой ограды.

Жизнь всегда заканчивается смертью, а любовь — печалью. Если любви пришел конец, то незачем и жить.

Небо казалось черным океаном, в котором плескалось бесчисленное количество звезд, так же, как кладбище было морем, в коем утонули чьи-то несбывшиеся надежды, где нашли покой те, кто был горячо любим, или напротив — те, кто не сумел удостоиться даже капли понимания.

Лила закрыла глаза и попыталась заснуть. Она почти отрешилась от действительности, как вдруг услышала шум.

Рядом с кладбищем пролегала дорога — по ней двигались какие-то тени, напоминавшие не призраков, а живых, реальных людей.

Мулатка слегка приподнялась, дабы убедиться, что они пришли не за ней, и увидела, как несколько мужчин волокут по земле женщину. Они что-то выкрикивали, и Лила прислушалась.

— Цветная шлюха! Разоделась, как дама! Это не

пройдет тебе даром!

— В ее ридикюле деньги!

— Оставь! Потом поделим. Сначала займемся ею. Сдирай с нее одежду! Она должна получить, что заслуживает.

— А что потом?

— Разобьем голову камнем, как делали с теми неграми, и бросим на кладбище.

Сперва Лила думала только том, как бы ее не заметили, но потом в ее душе словно что-то перевернулось. Она вспомнила солдат-янки, которые застрелили ее мать и надругались над ней самой, негра из палаточного городка, принуждавшего ее к сожительству, и в ее груди закипел гнев. Ей надоело ждать чьей-то милости, она устала быть бессловесной жертвой. На смену растерянности и тоске пришла ярость, и Лила твердо решила, что несчастная женщина не должна достаться этим зверям.

Она оглянулась в поисках оружия, хотя бы какой-нибудь палки и, ничего не найдя, попыталась оторвать поперечную перекладину от ближайшего деревянного креста, в результате чего весь подгнивший снизу крест неожиданно оказался у нее в руках.

Мысленно попросив прощения у того, кому он

принадлежал, Лила устремилась к дороге. Она ни о чем не думала и ничего не боялась.

Она перемахнула через изгородь и побежала к мужчинам. Заслышав шаги, один из них поднял голову и отшатнулся. Со стороны кладбища неслась безмолвная темная фигура, высоко поднявшая над головой черный крест.

Лила ожидала чего угодно, но только не этого: ночной воздух прорезали безумные вопли, мужчины бросили свою жертву и кинулись врассыпную.

Получившая свободу женщина медленно подняла голову. Она оказалась мулаткой, как и Лила, но была одета как белая дама, что, вероятно, и вызвало гнев мужчин. Ее красивое платье было порвано, волосы растрепались, лицо заливала кровь.

Лила склонилась над ней и спросила:

— Вы можете встать? Я вам помогу. Они могут вернуться — нам надо поскорее уйти отсюда.

— Да, — произнесла незнакомка неожиданно спокойным голосом, — я могу идти. Трусливые шакалы! — Она поморщилась. — Они напали внезапно, сзади, стали душить. Потом ударили чем-то тяжелым. Кажется, они украли у меня деньги.

— Нет, не успели. — Лила подняла с земли ридикюль и вложила в руки незнакомки.

Та встала на ноги и пошатнулась.

— Вы ранены, — сказала Лила. — Вам надо в больницу.

Она знала, куда идти: в самом начале их совместной жизни в Новом Орлеане Джейк подрабатывал в больнице, и Лила нередко ждала его по вечерам возле входа. Тогда он еще не стыдился показаться с ней на людях.

Возвращаясь домой, они гуляли по набережной, держась за руки, глядя, как волны разбиваются о гальку, откатываются назад и снова штурмуют берег. По их лицам скользили тени облаков. Они были одни в целом мире, и сердце Лилы трепетало от радости.

Сейчас ее путь пролегал там же, только теперь была ночь, начал накрапывать дождь, его капли вспенивали темную поверхность моря и исчезали в нем, как неизбежно исчезают, растворяются в мировых пространствах человеческие печали и слезы.

— У вас в Новом Орлеане есть родственники, знакомые? — спросила Лила женщину.

— Никого. Я направлялась в негритянский приют, чтобы забрать… своего сына. — Мулатка

сделала паузу. — Ты спасла мне жизнь. Как тебя зовут?

— Лила.

— А меня Хейзел.

— Быть может, сообщить о вас вашему сыну, чтобы он не волновался?

— Не нужно. Он не знал, что я приеду.

К счастью, им удалось благополучно добраться до больницы. Там было полно раненых, и белых, и черных. Хейзел провели к свободной койке и оставили дожидаться своей очереди.

Лиле не хотелось оставлять новую знакомую, к тому же ей все равно было некуда идти. Она раздобыла воду, чистую тряпку и осторожно обмыла лицо Хейзел. Лоб молодой женщины пересекала большая рана, волосы на затылке слиплись от крови, но она ни на секунду не теряла самообладания.

У нее были большие, строгие, янтарные, как у львицы, глаза, а в мягком изгибе полных губ таилась несгибаемая ирония.

Когда Хейзел заговорила со своей спасительницей, Лила не заметила, как получилось, что именно она, та, на чьем теле не было ни царапины, излила душу новой знакомой. Спустя несколько минут Лиле казалось, будто она нашла

в лице Хейзел того самого утешителя, исповедника и друга, которого ей так не хватало.

— Ничего не изменится, пока ты не научишься жить самостоятельно, Лила.

— Я не знаю, как это сделать.

— Главное захотеть. Понять, что твоя судьба зависит не от воли и желания других людей, а от твоего умения думать, учиться, принимать решения.

— Как это случилось с тобой? Ты тоже родилась в рабстве?

— Да. И с тех пор, как начала взрослеть, мечтала обрести свободу. Моя бабка и моя мать были любовницами белых. Меня ждала та же участь. И я поклялась себе в том, что смогу изменить предначертанное. Это было сродни провидению, зову судьбы. Когда пастор рассказывал нам о том, будто за то, что Хам оскорбил отца, Бог обрек все его потомство быть темнокожими и служить потомкам двух других сыновей Ноя, мне хотелось дать ему пощечину, потому что он пытался одурачить нас с помощью Библии. Когда хозяин с довольной улыбкой трепал меня по щеке, я с трудом сдерживалась, чтобы не откусить ему пальцы.

Лила улыбнулась.

— И ты сбежала?

— Да. Когда я приехала в Нью-Йорк, я не знала никого и ничего, не умела читать и писать. Познакомилась с сотрудниками «Тайной дороги», жадно впитывала все новое, и через год не узнала себя.

— У тебя необычное и красивое имя. Тебя всегда так звали?

— Нет. Прежнее имя, из тех, что обычно дают цветным рабыням, не подходило к новой жизни. И тогда я взяла другое.

Лила смотрела на нее с восхищением.

— Ты, наверное, счастлива?

К ее удивлению, Хейзел ответила:

— Я до сих пор не постигла, как сделать свою жизнь понятной другим людям, меня очень редко принимают такой, какая я есть. Но я не теряю надежды. — А потом заявила: — Ты совершила первый шаг — ушла от человека, который, вольно или невольно, возвращал тебя к прежнему рабскому состоянию. Твое сердце должно научиться биться в своем собственном ритме.

Лила вздрогнула. Это значит… попытаться избавиться от любви?!

— Напротив, я решила дать свободу *ему*.

Хейзел смотрела на нее пристальным взглядом,

таким глубоким, что Лиле стало не по себе. А потом она поняла, что Хейзел ее не видит. Она обдумывала что-то свое.

Лила не стала мешать новой знакомой. Решив, что они слишком долго ждут помощи, она поднялась, чтобы поискать какого-нибудь врача.

Один из них хлопотал возле белого полицейского, раненного во время беспорядков, второй оказывал помощь негру, голова которого была разбита камнем.

Лила пошла по коридору и вдруг… увидела Джейка.

Он шел навстречу, одетый в выходной костюм, однако его галстук был свернут на сторону, а волосы растрепались. Рукава сорочки были закатаны до локтей; кое-где на белой ткани виднелись брызги крови.

На мгновение Лиле почудилось, будто она встретила выходца из другого мира.

Она решила, что больше они никогда не встретятся, но он пришел: то было последнее, дарованное Богом свидание.

Ей было некуда свернуть, и Джейк ее увидел. Он остановился так резко, будто налетел на стену.

— Лила! Что ты тут делаешь?!

— Я помогала одной женщине, — пробормотала

она, надеясь, что сейчас Джейку не до нее и он не станет выпытывать подробности.

— В городе неспокойно; немедленно отправляйся домой. — Он пошарил в карманах и протянул ей деньги. — Возьми экипаж, сколько бы это ни стоило. Поезжай сейчас.

Лила кивнула, сдерживая слезы. Несмотря на видимую заботу, он не мог постичь глубины ее тоски и одиночества, как и силу ее любви.

Он был заточен в плену неведения, тогда как грань, отделявшая его от истины, казалась сделанной из стекла или песка.

— А ты? — через силу произнесла она. — Как ты здесь очутился? Тебя позвали?

— Я пришел сам, когда услышал, что случилось. Тут много раненых, врачам больницы не справиться без подмоги.

— Я как раз ищу доктора. Моей новой знакомой требуется помощь.

— Отведи меня к ней.

Лила подвела Джейка к кровати, на которой лежала Хейзел, и вышла в коридор. Пусть он подумает, что она отправилась домой. После он наверняка вспомнит об этой встрече и посмотрит на то, что увидел сейчас, другими глазами.

Джейк не оглянулся на Лилу, он склонился над

Хейзел.

— Как вас зовут?

— Хейзел Паркер.

— Я доктор Китинг. Послушайте, Хейзел, у вас на лбу большая рана. Я должен ее зашить и зашью хорошо, так, что шрам будет почти незаметен, но вам придется потерпеть. Сможете?

— Конечно.

Джейк кивнул и быстро принес все необходимое. Зашивая рану, он отвлекал женщину вопросами и даже шутил, и вместе с тем Хейзел чувствовала, что он ни на секунду не отрывается от дела.

— Вы умница, — сказал он, закончив. — Красивая женщина и вместе с тем настоящая амазонка.

— Я не впервые слышу такой комплимент. Я была на войне.

— Неужели? Впрочем, неудивительно. И все же на сей раз я попрошу вас не геройствовать и провести пару недель в постели. Вас здорово ударили сзади, и это может иметь плохие последствия. Обещаете?

Его улыбка была столь обаятельной, что Хейзел не удержалась и улыбнулась в ответ.

— Обещаю.

Она не сомневалась в том, что стоило Китингу отойти от нее, как он тотчас о ней забыл. Он умел мгновенно устанавливать эмоциональную связь и также быстро ее разрывать — в интересах дела, которому служил. Спустя секунду с его лица слетела улыбка, и он отрывисто обратился к проходящему мимо санитару:

— Кому-то требуется неотложная помощь?

— Только что принесли негритенка с ожогами, сэр. Он без сознания.

— Где он?

Санитар кивнул.

По проходу несли носилки, на которых лежал чернокожий ребенок лет восьми-девяти. Санитаров сопровождали молодая монахиня в черном сестринском одеянии и белом чепце и мальчик, которого издали можно было принять за белого. Он цеплялся за носилки и заглядывал в лицо друга.

— Что делает здесь этот мальчик? — резко произнес Джейк, имея в виду здорового ребенка. — Немедленно уведите!

— Он не хотел оставлять товарища, которого спас, — объяснила сестра.

— То, что здесь происходит, не для детских глаз, — отрезал доктор Китинг. Тем не менее он

нашел мгновение, чтобы присесть перед мальчиком, заглянуть ему в глаза и сказать: — С твоим другом все будет в порядке, малыш. Ты сделал все, что мог. Здесь мы справимся без тебя. Отправляйся обратно вместе с сестрой.

Ребенок насупился.

— Я хочу быть рядом с Сэмом.

— Доктор Китинг! — донеслось из дальнего угла. — Отправьте этого мальчика ко мне. Мы знаем друг друга. — Хейзел приподнялась и позвала: — Конни!

Он бросился к ней.

— Это вы! Вы приехали за мной?!

На длинных ресницах Хейзел задрожали слезинки. Она видела своего маленького ангела, которого, согласно только что принятому решению, должна была навсегда потерять. На самом деле она не имела права отнимать ребенка у Алана, превращать этого мальчика в живое напоминание о потерянном возлюбленном.

— Да, за тобой, но все будет иначе.

Ее лицо под опоясывающими голову бинтами выглядело печальным и суровым. Она проиграла и должна была сделать так, чтобы не пострадал также и этот ребенок.

— Вас тоже ранили?! — воскликнул Конни.

— Легко, заживет. А что случилось с твоим другом?

Мальчик рассказал о пожаре, а потом спросил:

— Когда мы сможем уехать?

В его голосе звучало столько надежды и радости, что сердце Хейзел было готово без оглядки раскрыться навстречу, однако когда она заговорила снова, ее тон был полон решимости:

— Ты не поедешь со мной. Тебя заберет твой родной отец — я ему напишу.

Глаза мальчика расширились, и он задал вопрос, поразивший Хейзел:

— Разве вы не вместе?

Она покачала головой.

Конни сжался, но потом распрямил плечи и мужественно произнес:

— Тогда вы, может быть, возьмете Сэма? У него обожжены руки, и он наверняка не сможет работать. К тому же у него нет родителей.

Глаза Хейзел наполнились слезами.

— Конечно, я возьму Сэма. А как же Розмари?

В его лице что-то дрогнуло.

— Я поклялся, что мы не расстанемся. Разве мой отец не согласится, чтобы она жила с нами?

— Я надеюсь на это.

Появилась Лила. Ее руки бессильно висели

вдоль тела, а лицо выглядело безжизненным. Казалось, кто-то нанес ей еще один жестокий удар.

Все прояснилось, когда она призналась Хейзел:

— Тот врач, что зашивал твою рану, это *он.*

Хейзел помедлила, пытаясь осмыслить услышанное, потом осторожно произнесла:

— Он показался мне неплохим человеком.

— Это правда. Он удивился, увидев меня, сказал, чтобы я ехала домой, дал денег на экипаж. У меня есть возможность вернуться в прежнюю жизнь, и я не знаю, что делать.

— Как ты решишь, так и будет. Я могу взять тебя с собой в Нью-Йорк, Лила, и попытаться помочь, по крайней мере, на первых порах, ибо ты человек, в которого небесполезно вкладывать силы. Однако права ли я? Я много лет строила свою жизнь так, как считала единственно правильным, изо всех сил карабкалась на вершину, которую видела в своих грезах, а в результате осталась одна, без любимого, без семьи.

— У тебя есть сын.

— Я сказала неправду. Это не *мой* сын. Сын человека, которого я любила. Я не имею права забирать его себе.

— Верно, — медленно произнесла Лила, — мы не имеем права требовать для себя того, что нам

не принадлежит.

Когда Джейк вернулся домой и не нашел там мулатки, его охватила паника. Она ушла из больницы ночью; что с ней могло случиться?!

Потом ему показалось, что не хватает некоторых вещей, тех немногих вещей, которые принадлежали Лиле, и у него зародилось зловещее подозрение.

Джейк несколько раз обошел квартиру, убеждая себя в том, что это неправда. Лила не могла уйти! Он вспомнил их встречу в больнице и похолодел. Они случайно увиделись в те минуты, когда Лила уже ушла из его жизни, когда она больше не принадлежала ему.

Он поехал обратно, надеясь застать Хейзел, с которой Лила, по-видимому, была знакома, но ему сказали, что каких-то четверть часа назад женщина покинула больницу. Джейк не знал ни ее адреса, ни кто она такая: ее след растаял, как туман в свете зарождавшегося утра. Тогда он отправился к Унге.

Индианка не могла ответить, где Лила, зато подтвердила его опасения:

— Она ушла, Джейк. Она давно собиралась уйти.

— Почему она это сделала?!

— Этого я не знаю. Это можешь знать только *ты.*

Конечно, он догадывался, как знал и то, что никогда бы не бросил и не прогнал Лилу. Она сама сделала выбор, тем самым предоставив ему свободу.

Джейк простился с Унгой и пошел по просыпавшейся набережной. Гремели и шлепались в воду якоря, наперебой кричали и переругивались лодочники и матросы. Море было таким, каким оно бывает по утрам: без единой морщинки, без малейшей ряби, гладкое и прозрачное, как зеркало, под безмятежным небом, присыпанным золотисто-розовой пудрой зари.

Было слишком рано для того, чтобы пить, но Джейк чувствовал себя слишком растерянным и усталым. Он не хотел возвращаться в опустевшую квартиру, ему хотелось немного прийти в себя.

Он вошел в один из дешевых кабачков, какие давно не посещал, и опустился на стул. В помещении никого не было, кроме однорукого мужчины, сидевшего за столом в углу перед стаканом виски; очевидно, завсегдатая. Джейк не обратил на него внимания. Едва ли не две трети оставшегося в живых мужского населения страны имело непоправимые увечья. Количество одноногих,

одноруких, одноглазых превосходило все мыслимые пределы. И хотя Джейк относил ампутацию к последнему средству лечения ран, он не знал, как бы ему пришлось поступить на войне.

Он отвернулся от однорукого посетителя и забыл о нем.

Джейк думал не о напоминавших ночное облако волосах Лилы, не о похожих на черный жемчуг глазах, не о ее беспокойной красоте и тихой силе, и не о страстных объятиях. О том, что в его отношении к нему, так же, как в негритянских песнях, не было ни одного придуманного слова, ни одной фальшивой ноты. И начинал понимать, что ему придется начинать новую жизнь со старым сердцем.

— Тоже страдаешь от ранней жажды, приятель? — послышался насмешливый голос.

Джейк раздраженно передернул плечом, а потом, уловив в интонации говорившего что-то знакомое, поднял взгляд и остолбенел.

На него смотрел Барт, такой же, как прежде, не считая того, что сейчас в его взгляде было куда больше безнадежности и боли, а на месте правой руки болтался пустой рукав.

— Ты?! — воскликнул Джейк. Он вскочил с места, опрокинув стул, бросился вперед и заключил

друга в объятия.

— Я. Не ожидал меня встретить?

— Еще бы! — Джейк чувствовал, как в его душу, словно влага в пересохшую землю, вливается волна радости. — Ты на свободе?! Как тебе удалось?

— В последние месяцы войны было некому воевать, и командование армии южан бросило клич по всем штатам: сражайся, кто может! Заключенным тоже предлагали вступить в армию — в обмен на освобождение. Я был одним из тех, кто согласился. Сначала хотел сбежать, а потом… что-то увлекло. Меня ранили в руку, рана загноилась, и доктор сказал, что надо отрезать. Пилили по живому, я едва не умер. Может, если б умер, было бы лучше.

— Как ты очутился в Новом Орлеане? — спросил Джейк, не обращая внимания на последнее замечание.

— Сам не знаю. Когда мы жили на прииске, ты все твердил об этом городе. Мне не хотелось возвращаться в Сан-Франциско, и я приехал сюда.

— Барт, — промолвил Джейк, который давно не чувствовал себя таким счастливым, счастливым за другого человека, — ты сумасшедший! Сидишь здесь и спозаранку пьешь виски, тогда как Унга вынуждена в одиночку справляться с двумя

мальчишками!

— Унга? — тупо произнес Барт. — Где она?

— Здесь, в Новом Орлеане, у моих родителей.

— *Двое* мальчишек? Почему?

Джейк рассмеялся.

— Надо спросить у тебя! Барт-младший родился через девять месяцев после вашей разлуки.

Взгляд Барта уперся в стол.

— Зачем я ей нужен — такой?

— О чем ты говоришь? — вскричал Джейк. — У тебя нет руки, но голова, ноги и остальное на месте! И одной рукой ты сможешь обнять Унгу и надавать подзатыльников мальчишкам, если это понадобится! Не говоря о том, чтобы сделать своей жене еще парочку таких сорванцов!

— Да, — усмехнулся Барт, — об этом я почему-то забыл. Я все вспоминал однорукого Неда Истмена из Сан-Франциско, который зарабатывал на хлеб тем, что встречал новичков и рассказывал им про жизнь на прииске. Мне бы не хотелось такой судьбы.

— Она тебе не грозит. Возьмешь участок, заведешь небольшую ферму.

— С одной рукой?

— Мальчишки подрастут и будут твоими руками.

— У меня нет денег.

— Я помогу. Выступлю поручителем при займе или сам одолжу тебе деньги. Все равно мне больше не о ком заботиться. К тому же Унга много работала на моих родителей, причем почти бесплатно, так что за мной долг.

— Не о ком заботиться? — повторил Барт. — А как же Лила?

Джейк рассказал обо всем. Он не ждал ни порицаний, ни утешений, однако Барт произнес те самые слова, которые помогли расставить все по местам:

— Я предупреждал тебя, Джейк. Когда Лила сошлась с тобой, ей было не о чем сожалеть, тогда как тебя ваша связь с самого начала тянула на дно. Она желала разделить с тобой все, все, помимо постели, но ты не был готов это принять.

— Как ты принял… с Унгой?

— В отличие от вас с Лилой мы с самого начала были на равных, хотя я не сразу это понял.

— Почему ты не пытался отыскать Унгу? — спросил Джейк, стараясь увести разговор в сторону.

— Я думал, зачем я ей теперь, пусть найдет себе другого. Такая, как Унга, никогда не останется одинокой.

Джейк покачал головой.

— Значит, ты все-таки плохо знаешь свою жену, женщину, свободную, как ветер, и вместе с тем надежную, как земля. А разве тебе не хотелось увидеть Мелвина?

В глазах Барта блеснули слезы.

— Хотелось. Я много думал об этом.

— Пойдем к ним, — сказал Джейк.

Когда они добрались до дома, где жили родители Джейка, тот ожидал, что ворота откроет мать. Он хотел подготовить Унгу к неожиданной встрече, но на пороге появилась не Кетлин, а индианка.

Женщина замерла, и Джейку невольно подумалось, что если она не напомнит себе о необходимости дышать, то наверняка задохнется. Унга поднесла пальцы к горлу, внезапно сделала глубокий вдох и… Джейк много раз наблюдал, как человека забирает смерть, — стирает краски с лица, превращая живое существо в восковую куклу, но ему не приходилось видеть, как во что-то неподвижное, окаменевшее бурным потоком вливается жизнь.

Барт просто стоял и смотрел на нее, и Унга сама сделала первый шаг, после чего они неловко, но жадно сомкнули объятия.

«Что бы там ни говорили поборники мужских интересов, именно женщины всегда совершают первый шаг, приближают или отталкивают, делают выбор», — подумал Джейк.

Барт был поражен, увидев своих подросших сыновей; за столом, который собрала миссис Китинг, он и Унга обменивались такими взглядами, что Джейк не сомневался в том, что в грядущую ночь эти двое зачнут еще одного ребенка.

Когда Кетлин принялась сокрушаться, что вскоре индианка покинет их дом, Джейк не сдержался и сказал:

— Я бы мог привести сюда работящую, честную женщину, которая почитала бы вас, как никакая другая, но вы были против.

Вспоминая о Лиле, он мысленно соглашался с мнением окружающих: удачно сходятся люди, имеющие одинаковое происхождение, похожие ценности, верования и предрассудки. И вместе с тем задавал себе вопрос: разве любовь существует не для того, чтобы быть сильнее и выше этого?

Глава 7

Постепенно Темра обретала прежний вид; благо в начале года Энтони Эванс прислал деньги на ремонт дома и прочие нужды.

Повседневные трудности помогали Айрин отвлечься от более сложных и глубоких проблем. Они с Аланом наняли вольных негров для обработки хлопчатника, пообещав им половину жатвы, но через несколько дней негры по неизвестным причинам покинули поле, и пришлось срочно искать замену. Те же, что трудились поденно, могли запросто запить и не выйти на работу.

Большинство белых бедняков предпочитало обзавестись своим хозяйством, с теми же, кто не имел такой возможности, возникали те же проблемы, что и с бывшими рабами.

Айрин и Алан могли купить сколько угодно инвентаря, повозок и мулов, но им катастрофически недоставало человеческой силы.

Заброшенные поля поедала дубовая и сосновая поросль. Прежде плодородная земля умерла или в лучшем случае заснула, затаилась на время. Иногда Айрин хотелось вырасти до небес, взять

в руки плуг размером с гору и пахать без устали, до тех пор, пока поле, возделанное ее руками, не будет простираться до горизонта. В ней жила неистребимая первобытная потребность в богатой урожаем земле, в сытной еде, в том, чего она так долго была лишена.

Она делала ежедневные записи в хозяйственных книгах, как это было при мистере Уильяме. Они включали не только сведения о приходе-расходе, но и наблюдения за погодой, летопись основных событий, которые происходили в имении и за его пределами. За бухгалтерией следил Алан.

Весной он показал жене газету, в которой был опубликован «Акт, имеющий целью защитить всех лиц в Соединенных Штатах», где говорилось, что все, рожденные в этой стране, объявлялись гражданами США, независимо от расы, цвета кожи или прежнего пребывания в рабстве.

Они от души посмеялись. Она родилась в Ирландии, однако была замужем за гражданином Америки, который благодаря женитьбе на ней обзавелся поместьем: чем не брак по расчету!

Алан и Айрин всегда с нетерпением ждали почту: только таким образом они поддерживали связь с миром и узнавали, что происходит вокруг.

Оба понемногу смирились с тем, что соседи воротят от них нос из-за скандального брака, из-за того, что они посмели поселиться в Темре, а еще потому, что Алан служил в армии северян.

Недавно Айрин получила письмо от Джейка Китинга, чему очень обрадовалась, хотя содержание этого послания было скорее грустным. Джейк спрашивал, не вернулась ли Лила в Темру, из чего Айрин сделала вывод, что они расстались. Джейк не сообщал подробностей о своей жизни, только упомянул, что сейчас живет у родителей.

Айрин помнила о первом и единственном письме Лилы, выведенном нетвердым, но старательным детским почерком. Мулатка сообщала об успехах Джейка и писала о том, что, к сожалению, его отец и мать не согласились принять ее в семью, поскольку они не любят цветных. С тех пор прошел почти год, но больше Айрин не получила от нее ни слова.

В гостиную, где они с Аланом сидели после обеда, вошел Арчи.

— Почта, сэр! — сказал он и отвесил преувеличенно почтительный поклон.

— Давай сюда! — засмеялся Алан и взял у него два конверта.

Один из них он положил на столик рядом с

собой, второй протянул Айрин.

— Незнакомое имя. А письмо адресовано Саре.

— Наверное, это от Юджина! Сара просила меня вскрывать его письма, и если будет что-то важное, телеграфировать ей из Чарльстона.

— Тогда прочти, — сказал Алан и занялся вторым посланием.

Айрин закончила первой.

— Да, это он. Он в Техасе, работает на ранчо. Надо поскорее сообщить Саре его адрес. Как думаешь, Юджина не убьет весть о том, что его сестра вышла замуж за янки? Если что-то рушится, то пусть уж рушится до конца, так?

Подняв глаза, она увидела, как изменилось лицо Алана, и спросила:

— Что случилось? От кого это письмо? Что в нем?

— От Хейзел, — ответил он, медленно сложил лист и сказал: — Айрин, кажется, наш сын нашелся.

Хотя он говорил очень тихо, ей захотелось заткнуть уши, как если бы Алан кричал. Она почувствовала, как ее вновь затягивает в водоворот надежды и страха, и боялась вздохнуть. Это был давний кошмар и светлый сон, то, что и грело, и отравляло ее душу.

Айрин положила руку на живот. Она еще не сказала Алану, что беременна. Сейчас, когда в ней опять зародилась жизнь, она стояла на пороге того, чтобы забыть прошлое, навсегда освободиться от него. Начать все заново. С Аланом и *другим* ребенком.

Айрин давно не плакала вслух. Она умела делать это лишь про себя. Наверное, потому ее голос прозвучал на удивление спокойно:

— Ты уверен?

— Все совпадает. Даже ирландское имя. Подумать только, я его видел! И совсем не запомнил!

Алан рассказал Айрин о том, как Хейзел нашла в Ричмонде двоих осиротевших детей и отвезла их в приют.

— Почему она тебе написала?

— Потому что я просил ее о помощи. Я передал ей письмо через Сару и Тони, — признался Алан.

Глаза Айрин лихорадочно блестели.

— Что нам теперь делать?

— Ехать в Новый Орлеан.

— Когда? Сейчас?

— Завтра утром. Надо немного подготовиться.

Он притянул ее к себе. Поцелуй Алана имел привкус слез, а его объятия были теплыми и надежными. В этот миг Айрин с невиданной силой

ощутила, как сильно его любит, как жаждет и боится будущего. С нее словно содрали кожу, обнажили нервы и подставили всем ветрам.

В комнату вновь вошел Арчи и тут же попятился, но Алан, услышав шаги, убрал руки с плеч Айрин и обернулся.

— Что тебе, Арчи?

— Там приехал человек. Говорит, из Чарльстона. Он спрашивает тебя, Алан.

— Меня? — Алан поднялся с кресла и легонько коснулся руки Айрин. — Подожди.

В холле в самом деле ждал человек, хорошо одетый мужчина средних лет. Он не подал Алану руки, только кивнул.

— Вы Алан Клеменс?

— Да, это я.

— Меня зовут Уоррен Мартленд, я приехал по поручению губернатора штата. Мы можем поговорить наедине?

— Прошу вас, — сказал Алан, провел посетителя в кабинет прежнего хозяина дома и пригласил: — Садитесь.

— Теперь имение в самом деле принадлежит вам? — спросил Мартленд, обведя глазами стены.

— Им владеет моя жена. А я… помогаю ей по

мере сил, хотя не уверен, что у меня есть хоть какая-то склонность к фермерству, — непринужденно произнес Алан.

— Прежде такие плантации стоили самое малое сто пятьдесят тысяч долларов, а сейчас продаются за пять — десять, но ни у кого нет даже таких денег, — заметил Мартленд и резко сменил тему: — Во время войны вы командовали негритянским полком?

Алан кивнул.

— Ходят слухи, эти ребята проявляли большой героизм?

Алан рассмеялся.

— И доставляли немало хлопот.

— Каких?

— Иные понятия не имели, что такое дисциплина, и, получив оружие, вели себя, как банда дикарей, а другие и шагу не могли ступить без подсказки. Но они в самом деле были исключительно выносливы и храбры. Кстати, что привело вас ко мне?

— Видите ли… Алан, я хочу обратиться к вам с предложением организовать и возглавить в округе негритянскую милицию. Вы, наверное, слышали о негритянских погромах в Чарльстоне и окрестностях и об отрядах ку-клукс-клана?

Некоторое время назад большая группа негров обратилась к губернатору с жалобой на насилия куклуксклановцев. Мы не против выдать им ружья для защиты, но боимся, что без грамотного руководства они поведут себя так, как вы только что говорили. Мы будем признательны, если вы согласитесь нам помочь.

— Я согласился бы, если б точно знал, кого именно надо защищать, — сказал Алан.

То тут, то там находили трупы задушенных или застреленных негров, но и сами чернокожие вели себя не лучше: напившись, могли приставать к белым женщинам, угрожать расправой бывшим хозяевам. Многие не хотели жить и трудиться честно, а у тех, кто желал, не было такой возможности, поскольку им предлагали покупать землю, но они не имели денег. В этом клубке безвыходных противоречий между белыми и черными зародилась ненависть, какой не знал даже прежний рабовладельческий Юг.

Мистер Мартленд ответил:

— Я рад, что вы понимаете суть проблемы. Многим людям такие документы, как «Акт о бро-

дяжничестве»[21], кажутся бесчеловечными. Но задумывались ли они о том, что ребят, отделенных от тех, кто жил на берегах Конго или в районе Сьерра-Леоне, всего лишь одним поколением, надо держать в узде? Иногда я думаю, не лучше ли усадить освобожденных рабов на корабли и отправить обратно в Африку!

— Это несправедливо, — сказал Алан. — Негры были вынуждены отказаться от своей культуры и языка ради культуры белых. И теперь их место рядом с ними. Белые и черные должны стать одним народом.

Мартленд смотрел на него во все глаза. Однако он не стал возражать и только спросил:

— Вы подумаете над моим предложением?

— Хорошо. Только позвольте вопрос: а где военные, которые вроде бы должны защищать освобожденных рабов?

— Поверьте, власти расследуют каждое дело. Но мы до сих пор не знаем, кто именно состоит в местном отряде ку-клукс-клана, и у нас нет возможности предотвратить их действия. Чаще всего солдаты прибывают на место, когда дело

---

[21] Примечания: 21

Согласно данному акту, все негры старше 18 лет, оказавшиеся без явных средств к существованию и не работающие по найму, должны были подвергаться тюремному заключению и денежному штрафу.

уже сделано.

Пока Алан беседовал с Мартлендом, Айрин пришло в голову прочитать письмо Хейзел. Она с любопытством развернула надушенный листок. Аромат казался завораживающим, возбуждающим, пряным, похожим на запах древнего бальзама. Почерк был аккуратный, с красивым наклоном, напоминавший почерк самого Алана.

Взгляд Айрин случайно упал на последние строки.

«Надеюсь, — писала Хейзел, — ты счастлив со своей белой женой, и все же верю, что ты не забыл время, проведенное рядом со мной, а особенно наши ночи. Я хочу повторить, что жалею лишь об одном: о том, что не родила от тебя ребенка. Я много думала о других, тогда как в первую очередь надо было подумать о себе».

«Наши ночи...» Их наверняка набралось немало: ее Алан был пылким возлюбленным!

Ее Алан. И не только *ее.* Все эти годы, годы их разлуки, он преспокойно жил с другой женщиной. Почему он вернулся к ней, Айрин? Потому что любил? Но если любил, зачем позволил себе сблизиться с Хейзел?

Она вспомнила, как выглядела мулатка. Тонкие, но сильные руки, широко расставленные

глаза. Хейзел откидывала вуаль таким же решительным жестом, каким воин поднимает забрало. Платье плотно обхватывало ее изящные бедра, а газовая драпировка на турнюре напоминала воздушное облако.

Когда Алан вошел в комнату, Айрин пристально смотрела на него. Ее взгляд был холоден и полон внимания.

— С кем ты встречался?

Алан рассказал, но она слушала невнимательно, а когда он закончил говорить, неожиданно спросила:

— Это из-за меня ты поселился в Темре? Ты же хотел уехать на Север?

— Да, но когда ты решила, что Темра может стать твоим домом, я передумал. К сожалению, я не мог предложить тебе ничего подобного.

Айрин прерывисто вздохнула, и Алану показалось, что жена вот-вот заплачет, но она рассмеялась странным надтреснутым смехом.

— Мне страшно, Алан!

Он сел рядом.

— Чего ты боишься?

— Неожиданностей, несчастий. Что мне вновь предстоит какая-то борьба, а у меня не будет сил. Я хочу, чтобы каждый мой шаг был легким, чтобы

мне было некуда спешить.

Она напряженно ждала и немного расслабилась, когда он произнес именно то, что она желала услышать:

— Я всегда буду рядом, постараюсь защитить и помочь.

Эти слова были словно любовное прикосновение, словно ключ, способный открыть тайные двери сердца и впустить в них надежду.

Ночью Айрин проснулась и подошла к окну. Стояла полная лука, отчего было светло, почти как днем. Далекие поля казались покрытыми инеем, а крыши построек словно фосфоресцировали.

В ее теле жили печаль и вера. Вера была связана с ребенком (с тем, который еще не родился; о том, другом, Айрин боялась думать), печаль — с изменой Алана. Когда они занимались любовью, она задавала себе вопрос, вспоминает ли он мулатку, представляет ли Хейзел на ее месте. Она пыталась вглядеться в лицо Алана, ведь по лицу можно многое понять и прочесть, но беда заключалась в том, что она слишком любила это лицо и не видела в нем никакого изъяна.

Он был таким сильным, таким настоящим, в его теле не было и намека на разрушение или

слабость. Мысль о том, что внутри он далеко не такой цельный и стойкий, как снаружи, причиняла невольную боль.

Никто не слышал, как Айрин тихо прошептала в ночи:

— Земли все, от Греции дальние,
Обойди во сне — я буду
Здесь, бессонная, на страже.
Без тебя же я умру.
Нам разлука — это мука.
Как разлука близнецов.
Дух без плоти, плоть без духа[22].

Они отправились в путь ранним утром. Айрин тщательно выбирала наряд, и все же зеленое шелковое с черными кружевными вставками платье и плоская, как лист водяной лилии, завязанная под подбородком шляпка казались ей неуместными и нелепыми.

Всю дорогу Айрин не сомкнула глаз, а когда они с Аланом прибыли в Новый Орлеан, не замечала ни ослепительно-белых, отделанных кованым кружевом домов, ни курчавых зеленых садов,

---

[22] Примечания: 22
Перевод В. Тихомирова.

ни сказочной синевы моря, ни золотого блеска солнца.

Она ощущала себя невероятно растерянной и слабой. Много лет подряд она черпала силы из неведомого источника, но сейчас он, похоже, иссяк. Айрин хотелось обхватить голову руками и куда-то забиться, однако она знала: в настоящем убежища нет, как не было в прошлой, навсегда потерянной жизни. Однако сейчас будущее внушало ей еще больший страх, чем воспоминания и реальность.

Они с трудом добрались до мрачного полуразрушенного здания на окраине города. В неогороженном дворе бесилась толпа детей, черных, как армейские сапоги, и похожих, как близнецы. Все как один были одеты в холстину — ни лоскутка добротного сукна или теплой шерсти — и грубую обувь, а многие и вовсе предпочитали бегать босиком.

Когда Айрин и Алан шли через двор, мальчишки прыгали вокруг, как стая обезьян. Они кривлялись; кто-то умудрился дернуть женщину за юбку, другой улюлюкнул.

Внутри здание выглядело еще страшнее, чем снаружи, однако сестра Меганн объяснила посетителям, что приют временно разместили здесь

после недавнего пожара. Монахиня со сдержанным любопытством выслушала рассказ Алана (Айрин молчала, она не могла говорить), после чего сказала:

— Я рада, что вы пришли. Надеюсь, для вас не будет секретом, что отсюда крайне редко забирают детей. Это неудивительно. Они непоседливые, шумные, с ними много хлопот. Что касается Конни, это очень послушный и умный мальчик. Вам не придется отучать его от плохих привычек и объяснять самые простые вещи. Кстати, недавно он совершил настоящий подвиг: благодаря своей сообразительности и храбрости спас от огня друга и девочку, которую называет своей сестрой.

— Сестрой? — повторил Алан.

— Полагаю, на самом деле она ему не сестра. Просто дочь женщины, которая о нем заботилась. Понимаю, вам сложно доказать, что вы настоящие родители Конни, поскольку вы и сами не до конца в этом уверены, но я отдам его вам. — Сестра Меганн встала, чтобы пойти за мальчиком, но вдруг остановилась и произнесла еще одну фразу: — Я советовала бы вам взять этого ребенка даже в том случае, если он не ваш сын.

Горло Айрин продолжал сжимать спазм. Алан, который волновался не меньше, накрыл ее ла-

донь своей рукой и несильно сжал.

Когда монахиня привела мальчика, Алан ощутил, как его грудь наполнилась воздухом. Он впервые по-настоящему понял, что значит почувствовать в другом человеке родную кровь.

В свою очередь ребенок обратил на него взгляд, полный такого изумления, радости и веры, что впору было зарыдать от счастья. Пожалуй, подобного взора не удостоился бы и покойный президент Линкольн, освободитель, посланный высшими силами, как детям внушали в приюте.

Айрин разглядывала ребенка. Он был слишком большим, не таким, каким она его представляла. Он пришел словно бы ниоткуда, он был сам по себе. Наверное, он был похож на Алана, но она не увидела в нем ни одной из своих черт.

Между тем Алан, забыв все тщательно приготовленные слова и продуманные осторожные вопросы, сообщил:

— Конни, мы приехали за тобой!

— Вы… мой… отец?!

— Мне кажется, да. Я не знаю этого, но я это чувствую.

У ребенка заблестели глаза, он подался вперед. Он смотрел только на Алана. Рядом с красивым, величественным человеком, его отцом, сидела

бледная белая женщина, на которую он почти не обратил внимания.

— А где Хейзел? Почему вы больше не вместе? — спросил Конни. — Она сказала, что не сможет меня забрать, и увезла с собой Сэма.

Айрин болезненно сжалась. На ее лбу дрогнула тонкая, как паутинка, морщинка, которая появилась в те дни, когда она не помнила себя.

Разговор грозил перетечь в опасное русло. Алан поспешно произнес:

— Хейзел не твоя мать, она всего лишь помогала тебя искать. Твоя мама сидит рядом со мной.

Конни бросил на Айрин быстрый, испуганный взгляд, и она ответила тем же самым. Они не почувствовали, не узнали друг друга.

— Что ты помнишь о себе? Где и с кем ты жил до того, как попал в приют?

Мальчик рассказал про миссис Робинс и ее дом, про пожар в Ричмонде и про Тамми.

— Ты поедешь с нами? — спросил Алан, продолжая в одиночку вести разговор.

— Да, — Коннор замялся, — только если вы возьмете Розмари: я пообещал, что не оставлю ее одну.

— Позови сестру Меганн, — сказал Алан.

Когда мальчик вышел, он повернулся к жене.

Его глаза блестели от возбуждения.

— Что будем делать?

Айрин не ответила, она сидела, как истукан, и в ее лице по-прежнему не было ни кровинки.

Вошла сестра Меганн.

— Полагаю, это наш ребенок, сестра, — сообщил Алан, — мы забираем его с собой. Но он не хочет ехать без Розмари. Что вы можете о ней сказать?

Сестра была умной женщиной, а потому ответила:

— Это чистокровная негритянка. Она неплохо чувствует себя среди других детей. Никто не станет отрицать, что для любого ребенка лучше воспитываться в семье, но если вам удастся уговорить мальчика, чтобы Розмари осталась в приюте, возможно, так будет лучше для всех.

Однако когда об этом заговорили с Конни, он очень расстроился и продолжал твердить об обещании. Вздохнув, Алан погладил ребенка по голове и спросил сестру Меганн:

— Где мы можем найти девочку?

— Она во дворе.

— Давай посмотрим на нее, — предложил Алан жене.

Он не понимал, что происходит с Айрин. Перед ней сидел ее сын, а она вела себя, как неживая!

Это можно было объяснить лишь глубоким потрясением.

Конни быстро разыскал Розмари и подвел к ним.

Коротко остриженная девочка в пестром ситцевом платье выглядела настоящей африканкой. Алан видал таких на плантациях. Глуповатое выражение лица, улыбка до ушей, а через минуту — необъяснимое упрямство и слезы. Розмари разглядывала белую даму, как диковинку, при этом приплясывала на месте, готовая умчаться по своим детским делам.

— Это мой отец, — серьезно произнес мальчик, продолжая игнорировать Айрин, — он приехал за мной. Поедешь с нами?

Розмари пожала плечами, казалось, совершенно не понимая, чего от нее хотят.

— Хейзел сказала, вы обязательно возьмете нас двоих. Она понимала, что я не могу обмануть Тамми, — заявил мальчик.

Никто не был в состоянии понять, какую гордость испытал этот ребенок, появившись во дворе с тем человеком, которого уже отчаялся дождаться, никто не знал, каких усилий ему стоило балансировать на грани, продолжая стоять на своем, в то время как он видел, что взрослым не

понравилась Розмари.

— Подождите нас здесь, — сказал Алан детям и взял жену за руку, — нам надо поговорить.

Они отошли на край площадки. Айрин почувствовала, как что-то сжалось внутри; ей захотелось расплакаться, но она не могла. Она вспомнила лечебницу для умалишенных и подумала о детях из приюта.

Тогда, в Саванне, ее окружали тени. Они скользили мимо, мелькали перед лицом, и ни одна из них не казалась, да и не была человеком. Так и тут: черные тени, стая маленьких неразумных животных. И среди них — мальчик, который смотрел на нее, как на чужую, и маленькая негритянка, мысли которой порхали, как мотыльки.

Айрин в волнении сжала руки. Много лет горести были основной составляющей ее жизни. Со временем она научилась переносить их легче, чем прежде. Когда Алан вернулся, она нашла утешение в его объятиях и понемногу смирилась с судьбой, которая тем временем приготовила для нее жестокий обман.

Еще до встречи с ней этот ребенок выбрал другую женщину, чье имя не сходило с его языка, красавицу-мулатку, с которой Алан имел любовную связь. Вопреки всему Айрин ощутила не

радость, а внутреннее сопротивление и жгучую ревность.

Алан заслужил любовь этого мальчика одним-единственным взглядом, тогда как ей придется завоевывать каждую каплю его внимания тяжким трудом.

Впав в странное состояние, которому было сложно противиться, Айрин огорошила мужа вопросом:

— Зачем ты сказал этому мальчику, что ты его отец?

— Потому что это правда.

— Нет. Это не наш сын! — запальчиво произнесла она и неожиданно попросила: — Давай уедем!

Алан был ошарашен. Порой он не знал, чего ждать от Айрин: безнадежности или решительности, здравомыслия или полного безрассудства. Помня о том, что ей довелось пережить, он старался внимательно относиться к ее желаниям, но сейчас его нервы не выдержали.

— Ты потеряла его при страшных обстоятельствах, его продали чужим людям, как раба, а тебе сказали, что он умер! Из-за этого ты повредилась рассудком и несколько лет провела в лечебнице! Ты мечтала его увидеть, все это время, я уверен, ты думала только об этом! Теперь ты нашла своего

сына и хочешь уехать?! Оставить его здесь?! — выкрикнул он и встряхнул ее, как куклу.

Глаза Айрин наполнились слезами, и она беспомощно произнесла:

— Я не знаю, что делать!

Опомнившись, Алан прижал ее к себе.

— Я помогу тебе справиться со всем, в чем ты не уверена, чего боишься. Я тебя люблю, но я готов полюбить и этого мальчика. Хотя на твою долю выпало слишком много испытаний, я прошу тебя подумать о том, что пришлось пережить также и этому ребенку. Если не хочешь брать негритянку, не надо. Едва ли нам удастся воспитать ее, как свою дочь.

— Если Коннор этого хочет, мы заберем и ее, — мужественно произнесла она.

Они не стали задерживаться в городе. Айрин хотелось навестить Джейка, но вспомнив, как Китинги относятся к цветным, она отказалась от этой мысли.

Она столь сильно перенервничала и устала, что, идя под руку с Аланом, не замечала, как на них таращатся люди, не слышала возмущенного шепота и изумленных смешков. В поезде Конни старался держаться поближе к отцу, а Розмари с детской непосредственностью крутила головой.

Чтобы немного отвлечься и успокоиться, Айрин принялась разглядывать проходящих мимо людей. Одна из них, миловидная блондинка с крошечным кружевным зонтиком, окинула разномастную компанию любопытным (но не брезгливым или возмущенным) взглядом и устроилась по соседству за деревянной перегородкой.

Спустя минуту Айрин встала с места и направилась туда, ничего не сказав ни мужу, ни детям.

— Мне стоит спрятать все ценные вещи? — спросила она.

— Думаю, это не поможет, — ответила Руби Хоуп и, радостно взвизгнув, бросилась обнимать Айрин.

— Я тебя не узнала! С кем ты едешь?

Айрин сделала почти незаметную паузу.

— Со своей семьей.

— Ты на свободе! Как тебе удалось?!

— Меня освободили янки. А тебе?

Руби махнула рукой.

— Меня отправили в тюрьму, но я недолго там пробыла: заключенных было нечем кормить, потому наименее опасных отпустили на волю.

— Ты живешь в Новом Орлеане?

— Да, живу и… работаю. С этой же целью иногда катаюсь в поездах, — ответила Руби, и они

многозначительно улыбнулись друг другу.

— Если б не ты, — сказала Айрин, — я ничего бы не вспомнила.

— Вспомнила бы! Ты не из тех, кто сдается. Это твой муж? Прости, тогда я тебе не поверила. Но теперь верю. Какой интересный мужчина! Женщины должны тебе завидовать.

Айрин горько усмехнулась.

— Если б они это понимали!

— А мальчик — твой сын? Ты нашла его?

Она сделала усилие и ответила:

— Да, я его нашла.

Дети захотели есть. В смятении чувств и суматохе отъезда Айрин и Алан забыли позаботиться о припасах, однако их выручила Руби. Она принесла сверток с жареной курицей, куском сыра, хлебом и большим куском кекса с цукатами.

В свертке также обнаружились изящная серебряная ложка и массивные золотые часы. Руби сделала притворно-изумленное лицо, но Айрин лишь улыбнулась.

После еды женщины уединились за перегородкой. Время от времени оттуда доносился смех, и Алан подумал о том, что если Айрин может смеяться над тем, что у большинства людей наверняка способно вызвать лишь ужас, с ней все

будет в порядке.

Глава 8

Никогда и нигде Конни не видел таких просторов. Бескрайние луга переливались волнами трав, в воздушных потоках огромного неба скользили птицы, запахи сводили с ума. Величественный белый особняк, надворные постройки, высокие стройные деревья, казалось, были созданы на века.

Когда Алан, Айрин и дети вошли в ворота, на крыльцо высыпали негры: они смотрели с жадным любопытством, но не двигались. Потом от кучки слуг отделилась большая черная фигура в белом переднике и тюрбане, раскинула руки и произнесла с широкой и доброй улыбкой:

— Это кто к нам приехал?!

У Розмари заблестели глазенки, и в следующую секунду она зашлась от восторга. Прежний уют, тепло и беззаботность прошлого возвращались к ней.

Бесс обняла маленькую негритянку и сказала:

— Как же я рада, мисс, что вы привезли в этот дом ребятишек!

Последующие минуты и даже дни были полны суматохи. Розмари мгновенно завоевала сердце

кухарки, у которой не было своих детей. Девочка отвечала ей взаимностью: целыми днями крутилась на кухне в клубах пара, который шел от кастрюль и скапливался под потолком. Стук ножа или грохот кастрюль казались ей райской музыкой. Розмари обожала улыбку, голос и руки Бесс, неважно, были ли они обсыпаны мукой или вымазаны жиром.

Арчи тоже полюбил девочку. По вечерам он усаживал ее рядом с собой на крыльце и рассказывал ей негритянские сказки.

Айрин Розмари воспринимала как новую хозяйку. Увидев ее, она широко улыбалась, низко приседала, произносила «мэм!» и старалась ретироваться.

По утрам Конни быстро здоровался с Айрин и убегал подальше. Он не находил в ней, а главное не чувствовал ничего родного.

Алан пытался сблизить мать и сына, но у него не получалось. Несмотря на все усилия, они чуждались друг друга. Он с горечью замечал, что Айрин все чаще замыкается в себе, словно прячется в невидимую нору. По ночам, когда он касался ее, желая приласкать или выведать, что ее тревожит, она старалась выровнять дыхание и притвориться, что спит.

Алан боялся за жену: он представлял, что может случиться с человеком, который упорно держит самые важные чувства и мысли внутри себя. Сколько груза может вынести человеческая душа?

Однажды поняв, что Айрин не против поговорить о делах, Алан сказал ей:

— Земли Темры пустеют. Мы не можем обрабатывать столько полей. Что если, дабы они не пропали, передать их бедным фермерам, которые плачут по клочку земли?

— Отдать просто так? — уточнила Айрин.

Она подумала о том, что бы сказала на это Сара, воспринимавшая каждый клочок своей земли как кусок собственной кожи.

— Сдать в аренду. Поначалу не стоит брать никакой платы, да они и не смогут заплатить. А потом, если эти люди сумеют возродить землю, договориться, чтобы они отдавали нам часть урожая. Поверь, нас ненавидят еще и за то, что мы можем позволить себе не бедствовать, когда вся округа голодает!

Айрин усмехнулась.

— Можем. На деньги Эвансов!

Алан вздохнул.

— Боюсь, пройдет немало лет, прежде чем мы

сумеем сделать Темру доходной. А еще, — он протянул руку и сплел свои пальцы с пальцами Айрин, — нам надо подумать о будущем Коннора.

Темные глаза Алана излучали свет и силу. Его бедро касалось ее бедра. Айрин боготворила мгновенья, когда все, что невольно стояло между ними, вдруг исчезало, переставало терзать душу. Но сейчас она не могла позволить себе безоглядно предаться чувствам.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не хочу запирать его в Темре, не желаю, чтобы он становился изгоем. Если он останется жить в этих краях, значит, должен как-то сблизиться с теми, кто его окружает. Надо отправить его в школу. Ты должна отвести его туда.

Айрин отпрянула.

— Я?!

Алан сделал вид, что не заметил ее изумления.

— Я слышал, школу организовала белая женщина. Думаю, тебе будет проще договориться с ней, чем мне.

— Южанка? Они меня ненавидят.

— И все же попробуй.

— А как быть с Розмари?

Алан нахмурился.

— Розмари пока лучше оставить дома.

Где находилась прежняя школа и была ли она вообще, Айрин не знала. Новая была построена в нескольких милях от Темры и представляла собой несуразный приземистый дом, напоминающий жилье первых американских поселенцев.

Айрин и Коннор отправились туда ранним утром, несмотря на то, что погода начала портиться.

Солнце стало мутным, подул резкий ветер. Облака отошли от горизонта и висели прямо над головой. Казалось, сверху вот-вот полетят тяжелые капли, а по дороге потекут грязные потоки красной земли.

Мальчик озирался вокруг. Иногда ему чудилось, будто земля — это плоть огромного животного, покрытая шкурой из травы, колосьев, мха, и он представлял себе, что когда-нибудь этот колосс встрепенется и поднимется к небу.

Айрин быстро шла вперед. В ней словно жило некое упорное отчаяние, нежелание сдаваться неведомым враждебным силам.

Коннор вспоминал надушенные шелковые платья миссис Робинс и чопорную строгость монахинь. Айрин не была похожа ни на леди, ни на сестер. Иногда Коннору казалось, что ей все

равно, как она выглядит и что на ней надето, и она далеко не всегда задумывается над тем, что говорит. Порой он замечал, как она смотрит на его отца — словно лисица, что бесшумно крадется к добыче. Но при этом в ее взгляде порой проглядывали беспомощность и горечь, мольба и затаенный вопрос.

— Тебе нравится в Темре? — спросила Айрин.

— Да. Я верю, что вернулся домой, — просто ответил Коннор.

— Ты не веришь лишь в то, что я — твоя мать! — резко произнесла она, и невольный испуг заставил мальчика сказать правду:

— Я… просто не представляю, что моей матерью может быть… белая женщина.

Айрин словно окатило холодной волной, но она ничего не сказала.

В школе ее встретила одинокая дама в выцветшем платье, со следами былой красоты на увядшем лице. Она назвалась миссис Сьюзен Стерн, а когда Айрин объяснила, зачем пришла, спросила:

— Это ваш сын?

— Да.

— А вы… та самая Айрин О'Келли из Темры?

— Вероятно, да. Только теперь Айрин Клеменс.

Вы хотели еще что-то сказать? Если да, то скажите сейчас.

Миссис Стерн потупилась.

— Я знала мистера Уильяма, его жену и детей. Одно из самых уважаемых семейств в округе.

— До того момента, как в нем появилась я?

Сьюзен Стерн сжала худые руки.

— Миссис Клеменс, я хотела сказать вовсе не это. Пусть ваш мальчик посещает школу. Мы принимаем всех, разве что кроме негритянских детей.

— Почему?

— Потому что тогда разбегутся все остальные. Если б вы знали, чего мне стоило уговорить иных отцов отпустить детей в школу вместо того, чтобы они помогали в поле!

— Вы совершили настоящий подвиг, — серьезно сказала Айрин.

Миссис Стерн печально улыбнулась.

— К сожалению, у нас нет даже письменных принадлежностей. А еще течет крыша.

— Скажите, что нужно купить, я съезжу в Чарльстон и все привезу. И найму работников починить крышу.

— Правда?

— Да. — Айрин произнесла это так, что никому

не пришло бы в голову сомневаться в ее словах.

В глазах Сьюзен Стерн вспыхнула надежда.

— А вы… не согласились бы поработать в школе?

От неожиданности Айрин рассмеялась.

— С чего бы вдруг?

— Потому что уроки вести некому. Люди заняты заботами об изувеченных мужьях, голодных детях, о потерянных акрах земли. На десять миль вокруг нет ни одного школьного учителя. Да если б и был, кто станет работать за гроши?

— А почему это делаете вы?

— Я потеряла на войне мужа и двух сыновей. Мне надо чем-то занять свою душу и ум, иначе я сойду с ума.

— Простите.

— Вы знаете грамоту? Я слышала, у мистера О'Келли было много книг.

— Да. Библиотека чудом сохранилась. И я умею читать и писать. Только это вовсе не значит, что я сумею учить других.

— У вас лицо неравнодушного человека, человека, не потерявшего себя.

— На самом деле я много чего потеряла. А еще я католичка, и я… не леди.

— Леди. — Сьюзен Стерн тяжело вздохнула. —

Увы, ураган войны разрушил оранжереи и сломал головки цветов. Клумбы поросли сорняками. — Она сделала усилие и улыбнулась. — Простите меня за печальный пафос! Главное, вы не сделались безучастной, и вы не отворачиваетесь, не желая смотреть правде в глаза, как это делают многие.

— Откуда вы знаете?

— Я это вижу. А что до Бога… теперь я и сама не знаю, чем одна вера отличается от другой. Главное — ее не терять.

Айрин вспомнила отца Бакли, голодных ребятишек, которые собирались вокруг него на зеленой поляне, думая не о знаниях, а о еде, и неожиданно согласилась:

— Хорошо, я останусь.

Она вошла в школу вместе с Коннором, который все это время стоял возле взрослых, внимательно слушая их разговор.

Вскоре появились дети, большинство из которых выглядело плохо одетыми и худыми. Среди них было всего две девочки и ни одного негритенка или мулата. Однако лица и руки многих мальчишек загорели так густо, что Коннор казался светлее, чем они. Сыновья бедных белых фермеров смотрели на новенького без вражды, с

обычным детским любопытством. Айрин облегченно перевела дыхание.

Они принялись баловаться и галдеть, но когда она обвела их внимательным взглядом, разом притихли и заняли места за грубо сколоченными голыми столами.

Ей захотелось вспомнить какую-нибудь песню или легенду с красивыми, величественными словами, способными заворожить и вызвать трепет, незаметно взять в плен.

— Меня зовут Айрин Клеменс, я ирландка, — сказала она, а потом прочитала:

— Великанов я помню,
Рожденных до века,
Породили меня они в давние годы;
Помню девять миров,
И девять корней,
И древо предела,
Еще не проросшее.
В начале времен,
Когда жил Имир,
Не было в мире
Ни песка, ни моря,
Земли еще не было

И небосвода,
Бездна зияла,
Трава не росла[23].

Дети слушали, открыв рот. Казалось, неожиданные слова поразили их маленькие сердца.

Когда она принялась говорить дальше, словно открылись невидимые ворота, откуда вырвались свежие, пронзительные, искренние чувства:

— Никто не знает, откуда в древности люди черпали мужество. Вам нужно обрести что-то подобное, дабы жить, думая не только о хлебе, но и о том, чем будет питаться ваша душа.

Она спросила, как их зовут, умеют ли они читать и писать (неграмотных оказалось лишь трое — те самые девочки и один мальчик), а потом сказала:

— Завтра я принесу какую-нибудь книгу, и мы ее почитаем. А когда у нас появятся бумага, чернила и перья, начнем писать.

Потом они с Коннором вернулись домой. Стало еще темнее, казалось, небо изо всех сил старалось сблизиться с землей, но дождь все не шел. Иногда наползавшие друг на друга облака образовывали

---

[23] Примечания: 23
Перевод А. Корсуна.

просветы, и Коннору чудилось, что оттуда за ним наблюдают чьи-то внимательные глаза.

Дома Айрин сообщила Алану новости. Ему тоже было, что рассказать:

— Ко мне приходили негры. Те самые, что просили защиты у губернатора. Ты не поверишь, они считают куклускласновцев, что разъезжают ночью по округе… привидениями, душами убитых конфедератов! Многие из них так напуганы, что по ночам берут жен и детей, покидают дома и бродят в лесу!

— Ты объяснил им, что все это чепуха?

— Тебе известно, как бывает с неграми: ты битый час им что-нибудь растолковываешь, они послушно кивают головами, а в конце повторяют то же самое, что говорили в начале! Наверное, придется помочь этим несчастным.

Айрин понимала, что это означает для Алана: сделать шаг назад, к тому, от чего он пытался бежать всю свою жизнь, — признать, что он принадлежит к черной, а не к белой половине человечества.

— Почему мы не можем жить в мире даже сейчас, когда войне пришел конец! — с горечью произнесла она.

— Есть много способов разобщить людей, а

соединить — только один.

— Какой? — спросила Айрин, и *ее* Алан улыбнулся улыбкой, которая была предназначена только ей.

— Неужели не знаешь? Любовь.

Внезапно Айрин захотелось, чтобы он сделал что-то такое, отчего она забыла бы все слова и на какое-то время потеряла рассудок.

За окном по пыльной земле забарабанил дождь. Тени облаков накрыли долину, и стало темно.

— Я устала, — сказала Айрин и закрыла глаза.

Алан взял ее на руки и отнес в спальню. Там, в грохоте капель, барабанивших по крыше, она чувствовала его всего — упругость кожи, мягкость волос, нежность губ и великодушие сердца. Соединенные навсегда, они плыли по морю, у которого не было ни берегов, ни названия.

На следующий день она захватила из дому книгу Ричарда Хилдрета «Белый раб», которую недавно выписал Алан: ей хотелось зачитать своим ученикам некоторые отрывки.

«Если вы хотите создать себе впечатление о том, — начала Айрин, — какие страдания человек, не задумываясь, не колеблясь, не чувствуя жалости, может причинить себе подобным, если вы хотите ясно представить себе, какие муки,

какая боль и жгучая ненависть могут до предела наполнить человеческое сердце, — прочтите эти записки»[24].

А через неделю она взяла с собой Розмари.

День был солнечный, но прохладный, с резким ветром: Айрин любила такую погоду, она напоминала ей Ирландию. Алан спрашивал себя, почему она не стремится рассказывать Коннору о своей родине, да и вообще проводить с ним все свободное время? Ответ напрашивался сам собой. К сожалению, он не был уверен в том, что Айрин считает этого мальчика своим сыном.

Алан старался восполнить эти пробелы своим вниманием. Купил для Коннора лошадь, научил его держаться в седле, и они вместе объезжали плантацию. Во время послеобеденного отдыха уединялся с сыном в библиотеке, где они листали книги и разговаривали.

Во время прогулок мальчик расспрашивал отца обо всем, что видел вокруг. К сожалению, Алан мог рассказать только то, о чем ему довелось прочитать: он с детства был погружен в себя и мало наблюдал за природой.

Сегодня Коннор не пошел в школу: через день

---

[24] Примечания: 24
Перевод В. Вальдмана.

после того, как Айрин привела туда Розмари, на уроки не явился ни один человек. Айрин застала в школе лишь печальную Сьюзен Стерн, единственными словами которой были:

— Я вас предупреждала.

Алан пытался утешить жену, говоря, что все равно ей было бы тяжело работать в школе и заниматься имением. Он уверял ее в том, что жизнь течет так, как и положено течь, хотя это была неправда.

Сегодня Алан и Коннор по привычке отправились гулять. Находясь рядом с отцом, мальчик чувствовал, как в те пространства его души, где прежде таились неуверенность и страх, вливаются надежда и радость. Алан всегда старался ответить на его вопросы, даже на самые трудные, а если все же не мог ничего сказать, всегда объяснял, почему.

— В приюте меня не любили потому, что я светлый, а здесь Розмари не любят за то, что она темная. Именно потому сестра Меганн хотела, чтобы вы увезли ее в Темру? — произнес Коннор.

Алан не успел ответить: какой-то человек, проходя мимо, грубо задел его плечом, хотя на пустынной дороге было достаточно места.

Алан замедлил шаг и оглянулся. Он даже не

заметил, что кто-то шел навстречу: мужчина словно появился из-под земли.

На вид это был типичный белый бедняк: продавленная соломенная шляпа, завязанная под подбородком обрывком шпагата, мешковатые коричневые штаны, кое-как стянутые шнурком.

Их взгляды встретились, и глаза незнакомца от злобы превратились в узкие щелки.

— Что уставился? Я слышал, ты служил федералам? Продался янки!

— Я вас не знаю, — сказал Алан.

— Зато я отлично тебя помню и не удивлен, что ты мозолишь глаза всей округе. Большинство крупных поместий сгорело, а Темра цела, и ты живешь в ней, как белый господин!

— Кто вы? — холодно произнес Алан.

— Юджин так и не сказал нам тогда, почему хотел тебя повесить, — обронил незнакомец, изучая его взглядом, — ко теперь я понимаю, за что.

Алан догадался: это был один из приятелей Юджина, в былые времена, вероятно, считавший себя джентльменом, а теперь превратившийся в белую рвань.

Было трудно представить, сколько богатых плантаторов, лишившихся всего, что они имели, от безысходности пустили себе пулю в лоб или

бежали куда глаза глядят, как это случилось с бывшим хозяином Темры. Но Алан не собирался их жалеть, потому что они никогда не жалели его.

— Я не продавался янки, я не смог бы продать себя никому после того, как столько раз продавали *меня.* Вместе с тем я купил бы свободу любой ценой, если б ее можно было измерить деньгами.

Он сказал это, позабыв о том, что рядом с ним стоит ребенок, и вспомнил только тогда, когда скользкий, словно змея, взгляд мужчины пробежал по лицу мальчика.

Сжимая в своей руке ручонку Коннора, Алан с новой силой ощутил, как это радостно и тревожно — иметь сына.

— Не забывай, кем ты был, — предупредил незнакомец, — не то хуже будет.

Алан вернулся домой растерянным. Меньше всего он хотел, чтобы в душе его ребенка поселились враждебность и страх.

Когда вечером ему сообщили, что во двор вошла большая группа белых мужчин, он спустился к ним, взяв заряженный револьвер. Неграм и детям было велено остаться в доме, а Айрин, вопреки уговорам, последовала за мужем.

Алан знал: толпа, которая сходится в каменном молчании, намного опаснее той, что кричит и размахивает руками. Он немного подождал, думая, что неподвижный воздух вот-вот дрогнет, но ничего не происходило. Тогда Алан понял, что должен заговорить первым.

У него было небольшое преимущество (не револьвер — у непрошеных гостей тоже имелось оружие): он стоял выше, на ступеньках крыльца, а за спиной была его крепость.

Алан вспомнил военное время. Тогда он не мог позволить себе быть слабым или испытывать страх: слишком много людей верило в его могущество и власть. Сейчас он почувствовал что-то похожее.

Взяв себя в руки, он спокойно и веско спросил:

— Что вам нужно?

— Мы пришли узнать, правда ли, что ты собираешься возглавить негритянскую милицию? — спросил один из мужчин, по-видимому, главный, после недолгой, но тяжелой паузы, во время которой толпа молча пыталась вывернуть душу Алана наизнанку.

Алан не успел ответить, как другой воскликнул:

— Дать оружие в руки черным! Подумать толь-

ко! Если это случится, никто из нас ни на миг не сомкнет глаз!

— Таково решение губернатора, — заметил Алан.

— Тогда поклянись, что не станешь в это ввязываться!

— Такой клятвы я дать не могу, — ответил он и снова встретил поразительно чужие, ненавидящие взгляды.

— Вижу, поместье процветает? — процедил один из фермеров. — Дом, скот, поля… Не многовато ли у вас земли?

— Я хотел предложить вам взять у нас несколько участков, но теперь едва ли стану это делать.

На этот раз тишина не казалась столь непробиваемой. Создавалось ощущение, будто сквозь мертвый камень начали прорываться ростки любопытства и… надежды. Слово «земля» означало для этих людей слишком многое, по сути, было основой жизни. Однако они не могли одним движением сбросить с себя все те бессмысленные нагромождения, болезненные коросты, которыми обросли их души.

— Почему вы не пускаете своих детей в школу? — подала голос Айрин.

Все это время она стояла позади Алана, обняв

руками колонну, а теперь сделала шаг вперед.

— Потому что мы не хотим, чтобы они сидели рядом с неграми и их учила ирландская шлюха!

Алан сбежал со ступеней и с размаху ударил оскорбителя по лицу.

Мужчина выхватил револьвер и приставил к груди Алана. Тот сделал то же самое. Почти одновременно прозвучали два сухих щелчка, означавших взведенный курок.

Айрин видела по глазам Алана, что сейчас он выстрелит. Его противник тоже это почувствовал, и в его глазах заметались злобные огни, а рука дрогнула.

Алан с силой ткнул мужчину дулом револьвера в грудь, и тот упал под ноги своим товарищам.

— Цветной ударил белого! За это нужно линчевать! — глухо произнес кто-то.

Алан издевательски расхохотался.

— Попробуйте! Только не думайте, что слух об этом не дойдет до губернатора штата!

Они повернулись, как по команде, и пошли прочь. Алан и Айрин не двигались до тех пор, пока последний из мужчин не покинул пределы усадьбы.

Потом Алан повернулся к Айрин и крепко обнял ее. Она дрожала мелкой дрожью. Он пере-

бирал пряди ее волос, а она прижалась щекой к его груди.

— Они ненавидят нас так, будто это мы навлекли на округу горе и бедствия. Почему?

— Наверное, им кажется, что мы не заслужили того, что имеем.

— Может, нам лучше уехать? Сара говорила, что Темра не может нас защитить, это мы должны защищать ее. А если у нас не получится? Эти люди способны убить нас и сжечь поместье.

— Нет, — твердо произнес Алан, — они не преступники.

Айрин молчала, и тогда он добавил:

— Ты же осталась здесь во время войны, не побоявшись янки!

— Потому что тогда мне было некуда идти.

У Алана не хватило сил сказать, что сейчас он, к сожалению, тоже не знает, куда бы они могли отправиться, где бы сумели обрести надежный кров.

Прошла неделя. Несколько учеников все же вернулось в школу, и Айрин возобновила занятия. Алан согласился возглавить негритянскую милицию для защиты от ку-клукс-клана. Хотя он без устали объяснял освобожденным рабам, как они должны себя вести, дабы не вызывать

злобу и ненависть окружающих, нападения все же случались. К счастью, теперь их удавалось предупредить.

Бесценную роль в этом деле вновь сыграла негритянская почта. Каким-то чудом негры узнавали, на кого из них охотятся куклуксклановцы, и устраивали засаду в его хижине. Таким образом было успешно отбито несколько атак. К сожалению, участники погромов слишком хорошо маскировались, и никто до сих пор не знал, кто именно состоит в местных отрядах ку-клукс-клана.

В последнее время в округе стало довольно тихо. Однако многие считали, что это затишье перед бурей.

Глава 9

Джейк Китинг шел по пыльной дороге, вьющейся среди полей и исчезавшей за горизонтом. Дул горячий ветер. По спаленной солнцем траве бежала золотистая рябь.

Ему казалось, что время вот-вот повернется вспять, и в дрожащем знойном мареве появится вереница фургонов первых поселенцев, направлявшихся вглубь страны. Нищета, голод, религиозные преследования гнали их в заокеанскую страну. Однако главным было желание получить клочок земли.

Увидев слева от дороги огороженный участок и сверившись с картой, Джейк облегченно вздохнул и зашагал быстрее, мечтая о тени и о глотке холодной воды.

Ограда была новой, а дом еще не до конца достроили. Растущие вокруг кусты и деревья были недавно посажены.

На крыльце сидели два поразительно похожих черноглазых черноволосых мальчика и вдвоем читали растрепанную книгу. Они дружно подняли головы и без страха посмотрели на Джейка.

Тот присел на корточки и спросил:

— Что читаете?
— Книгу о Кожаном Чулке.
— Вы учитесь в школе?
— Да.
— Далеко?
— За пять миль.
— И как вы туда добираетесь?
— Нас отвозит отец.
— Он дома?
— Скоро вернется.
— А мама?
— Она в доме, нянчится с Джейком.

Отвечал Мелвин, а Барт-младший серьезно кивал.

Джейк не сдержал улыбки.

— Ты говоришь о своем младшем брате? Я так и думал, что вас уже трое! Только не знал, что у него такое же имя, как у меня!

На крыльце появилась Унга. Она ничуть не изменилась: невозмутимая, стройная, с длинными блестящими волосами, медной кожей и глазами, во взгляде которых можно было увязнуть, как в смоле.

Она не стала расспрашивать Джейка, почему он внезапно приехал, просто провела его в дом, предложила сесть и дала воды.

Вскоре вернулся Барт; оказалось, он ездил за семенами. Конь под ним был молодой и сильный, но Барт уверенно управлялся с ним одной рукой. Позднее он сказал, что уже привык к своему увечью и ничуть не огорчается: ведь он получил от жизни так много, а потерял — всего ничего.

— И все ж тебе наверняка тяжело работать на земле?

— Конечно. Но я должен — ради детей. Моя вторая рука — это Мелвин. Он держит доску, а я прибиваю, он копает яму, а я втыкаю саженец. А еще выручают черные работники, куда нам без них!

Они с Джейком перекинулись несколькими фразами, а по-настоящему поговорили за ужином.

Еда, которую приготовила Унга, пахнущая дымом и свиным жиром, была восхитительно вкусна. Барт открыл бутылку виски и налил два стакана.

Унга накормила старших сыновей, быстро поела сама и занялась младенцем. Она сидела в углу и, казалось, не прислушивалась к разговору мужчин.

Барт долго говорил об арахисе, который местные фермеры очень охотно выращивали, потому

что он применялся с завидным разнообразием. Жмых и ботва шли на корм скоту, сами орехи можно было и солить, и жарить, и печь, и перемалывать в муку для халвы. А главное — сдавать на ближайший маслодельный завод.

— Мы вот-вот достроим дом, и, надеюсь, настанет время, когда я понемногу смогу отдавать тебе деньги.

— Это подождет. Главное вырастить детей.

Потом Барт спросил:

— Ты приехал без предупреждения. Что-то случилось?

— Я направляюсь на север и по пути решил навестить вас.

— На север? Зачем?

— Хочу отыскать Лилу.

— Почему ты думаешь, что она тебе все же нужна? — спросил Барт после недолгой паузы.

Джейк смотрел в очаг, огонь в котором уже потух.

— Иногда не нужно особых причин, все решает время. Оглянувшись назад, я вдруг понял, что все мое счастье слилось в несколько моментов, и все они связаны с Лилой. Я стал бояться обнаружить себя одиноким, ожесточившимся, постаревшим, упустившим то, ради чего только и стоило жить.

— Мы не узнаем всей правды о жизни, даже когда проживем ее до конца, — заметил Барт. — А ты знаешь, куда она уехала?

— Нет. Она не давала о себе знать. Однако месяц назад я получил вот это.

Джейк вынул из кармана небольшой белый листок.

— Что там?

— Только адрес и больше ничего. Написанный печатными буквами — его могла прислать как Лила, так и кто-то другой.

— Но ты считаешь, это она?

— Да, — Джейк усмехнулся. — Мне кажется, в целом свете я никому больше не нужен.

— А как же твое новое окружение, все эти люди, что воротят нос от таких, как она? — помолчав, спросил Барт.

— Мне все равно. Или пусть принимают меня таким, каков я есть, или… катятся к дьяволу! Их общество не стоит любви Лилы.

— Что ж, — сказал Барт, — тогда желаю удачи! Женись на ней, рожайте детей. Только это должны быть девчонки, невесты для моих сыновей!

— Еще я бы хотел заехать в Темру, — заметил Джейк.

— Кто там сейчас?

— Айрин и Алан. Они поженились и вдвоем управляют поместьем.

— Да ну? Я всегда считал, что этот парень далеко пойдет! Передавай ему привет и пусть простит за старое.

Джейк почувствовал, как изменился город, в котором он не был много лет, еще при подъезде к нему, увидев шеренги телеграфных столбов и постройки на холмах, окаймлявших долину Гудзона. Разросся, разбогател, гораздо настойчивее, чем прежде, сулил чудеса.

В Новом Орлеане тот, кто не принадлежал к какой-либо общине или клану, оказывался отверженным. В Нью-Йорке было еще хуже: здесь все решали деньги. Большой город вызывал муки неутоленных желаний, вот почему он ни за что не согласился бы здесь жить.

Джейк не сразу поехал по адресу, указанному на листке, он остановился в гостинице на Амстердам-авеню, откуда был виден Гудзон.

В тот же день он отправился на прогулку, размышляя о том, что будет, если записку прислала не Лила. Он больше не хотел и не мог выносить муки, причиняемые этой историей, которая оборвалась на полуслове.

Он долго бродил вдоль гранитного берега, возле

которого теснились огромные суда, пришельцы из далеких вод, потом направился в центр, где стояли дома из кирпича и бурого песчаника, а по проложенным в два ряда рельсам бежали омнибусы, окрашенные в алый и желтый цвет.

Внезапно решившись, он сел в один из них, заплатил шесть пенсов и поехал навстречу разочарованию или счастью.

Старый коричневый дом стоял на одной из неказистых улиц в восточной части города. В основном здесь жили беспомощно плывущие по течению, очень скромного достатка люди.

Джейк поднялся по лестнице, остановился перед дверью, нерешительно занес руку и тихонько постучал.

Никакого ответа. Возможно, жильцы еще не вернулись. Да и вряд ли это было жилье Лилы. Темнокожие, которых в Нью-Йорке было едва ли более двадцати тысяч, предпочитали селиться общинами, в других районах.

Он спустился вниз и обратился к женщине, которая как раз входила в дом:

— Простите, мэм, не знаете, кто живет на втором этаже?

Она подозрительно уставилась на него.

— Отчего не знать? Молодая женщина. Только

думаю, вы ошиблись.

Джейк глубоко вздохнул, усмиряя страх и преодолевая надежду.

— Вы так говорите, потому что она… не белая?

— Так вам известно? Жильцы не против. Она очень скромна и живет тихо.

— Сейчас ее нет дома?

— Кажется, она где-то работает.

Джейк кивнул, собираясь поблагодарить, и внезапно увидел… *ее* и смотрел, ежесекундно боясь, что наваждение исчезнет, а она шла легко и уверенно и с каждым шагом приближалась к нему.

— Лила!

Она приоткрыла рот, словно собираясь крикнуть. Ее зубы и белки глаз были яркими, а лицо — растерянным.

Женщина смотрела на них с любопытством. Лила поздоровалась с ней и коротко кивнула Джейку, приглашая подняться в квартиру.

Она сняла накидку тонкого сукна и молча принялась разжигать камин. Джейк смотрел на нее. Гибкая спина, красивая посадка головы, мягко очерченные губы. Не было лишь выражения любопытного и вместе с тем послушного ребенка, которое отличало Лилу.

— Ты работаешь? — спросил он, стремясь сгла-

дить неловкость первых минут встречи.

— Посудомойкой в кафе, — ответила Лила и добавила, словно предупреждая его реакцию: — Мне повезло, что я смогла найти эту работу.

— В Нью-Йорке нелегко жить.

— Как и везде — для нас. Первое время мне очень помогла Хейзел, моя новая знакомая, с которой я приехала сюда.

— А теперь ты живешь одна?

— Хейзел вышла замуж, и мне пришлось переехать. Но мы часто видимся. Хейзел очень деятельная женщина. Ее муж состоит в Нью-Йоркской ассоциации помощи освобожденным рабам, а она ему помогает.

Джейк удивился: прежде бывшая невольница не знала таких слов и не интересовалась подобными вещами. Он испытывал неловкость от того, что в этом преображении не было его заслуги.

Лила выглядела все такой же тихой и скромной, и вместе с тем в ней появился стержень, какого не было раньше. Казалось, новая внутренняя сила делает ее неуязвимой; теперь она словно бы знала нечто важное и доступное только ей.

— Я рад, что ты нашла подругу, у которой есть чему поучиться.

Лила улыбнулась.

— Я стараюсь ей подражать, но не всегда получается. Скажем, Хейзел умеет забывать прошлое. А я — нет.

Он затаил дыхание.

— Ты пыталась?

— Да, но у меня ничего не вышло.

— У меня тоже.

Она села на потертый диван. Джейк опустился рядом.

— Потому я и прислала адрес.

— Потому я и приехал к тебе.

Джейк не помнил, что именно говорил Лиле. Кажется о том, что с каждым годом пустота в душе делалась все шире, как полоска воды между берегом и кораблем, который отходит от родной пристани и исчезает вдали. О том, как он тосковал, когда она уехала. И, конечно, о любви.

Темнело. Огни за окном сделались тусклыми, как ночные бабочки. Улицы тонули в кружевной тени. Воспоминания уносились, будто смытые невидимым отливом, и постепенно в сердцах воцарилось настоящее.

Джейк взял Лилу за руки и заглянул ей в глаза.

— Ты выйдешь за меня замуж? Ты хочешь поехать в Темру? Ты вернешься в Новый Орлеан?

Лила была рада, что Джейк привез ее в Темру.

Все здесь было таким близким и знакомым, будто она только вчера рассталась с этим домом, и вместе с тем она была поражена, как много удалось сделать Айрин и Алану. Сейчас особняк выглядел почти так же, как до войны.

На крыльце стоял Арчи. К удивлению Лилы, он не расплылся в улыбке, не сдвинулся с места, а лишь смотрел на них с той беспросветной горечью, какую способны выражать лишь негритянские лица.

— Здравствуй, Арчи, — сказал Джейк. — Ты нас не узнал?

— Узнал. Хорошо, что вы приехали.

— Что произошло?

Арчи зашлепал губами:

— Ужасное несчастье! С Коннором. И, быть может, и с мисс Айрин.

Джейк едва не схватил его за грудки.

— Что случилось?! Рассказывай!

День, когда в школу привезли письменные принадлежности и книги, выдался радостным и суматошным. С утра Айрин вместе со Сьюзен Стерн и учениками раскладывала, расставляла и распределяла эти сокровища.

К обеду женщины отпустили детей домой, тогда как сами были намерены работать до вечера.

Коннор и Розмари хотели задержаться, но Айрин беспокоилась, что они проголодаются: в спешке она не позаботилась о том, чтобы взять с собой еду. Тогда мальчик сказал, что они вполне могут вернуться домой одни.

— Мы каждый день ходим этой дорогой, и никого не встречаем.

Это была правда. Округа выглядела мертвой, опустошенной; человеческий голос слышался много реже, чем крики зверей и птиц.

Айрин смотрела на своего сына. Волосы над его высоким смуглым лбом вились крупными завитками, карие глаза были серьезными, серьезнее, чем у Алана.

Внезапно ее захлестнула волна любви к этому мальчику, такая сильная, что перехватило дыхание и задрожали руки. При этом, как ни странно, ее охватила робость. Айрин поняла, что не знает, как выразить эту любовь; попросту не умеет этого делать и, наверное, никогда не умела.

Она смущалась, потому что не знала, какой будет реакция Коннора. К тому же рядом стояла Розмари, которая не имела родителей. Ее любили темнокожие слуги, и все же она была ничьей.

Чувства Айрин проявились только во взгляде и в голосе:

— Ты уверен, что вы дойдете одни?

— Конечно.

— Только никуда не сворачивайте и нигде не задерживайтесь!

— Хорошо.

Айрин почудилось, будто Коннору хочется как можно скорее расстаться с ней, и она тихонько вздохнула.

Она долго стояла на дороге, глядя вслед двум маленьким удаляющимся фигуркам. Потом вернулась в школу.

Дети быстро шли по дороге. В отсутствие взрослых ими овладело безудержное веселье, ощущение безграничной свободы, и, едва взглянув друг на друга, они принялись хохотать, а после помчались наперегонки.

Потом Розмари сказала:

— Мне надо в кусты.

Конни кивнул и остался ждать на дороге. Он был рад возможности перевести дыхание и оглядеться вокруг.

Прежде ему не приходилось видеть столько зелени. Высокие деревья, верхушки которых колыхались, а листва трепетала на ветру, напоминали бегущих великанов с развевающимися волосами. Здесь был такой простор для всего, для

фантазии, для счастья, что у него захватывало дух.

Он обрел семью. У него появились друзья. Не было ни страшных снов, ни кошмаров наяву. Даже Айрин (ни вслух, ни даже про себя он пока что не называл ее мамой) сегодня смотрела на него каким-то особенным взглядом, которого до сих пор удостаивался только его отец.

Навстречу ехали какие-то всадники. Коннор не успел ничего подумать и лишь посторонился, чтобы их пропустить.

В них было что-то странное, и он не сразу понял, что. А потом разглядел: у них не было лиц. Какие-то нелепые колпаки с узкими прорезями для глаз, как у палачей, изображения которых он видел в книжках.

Наверное, потому этот маскарад вызвал у него не смех, а ужас. Когда всадники окружили Коннора, он оцепенел от страха и не двигался с места.

— Это и есть тот самый ребенок? — спросила одна из фигур.

— Похоже. Ты сын Алана Клеменса?

Коннор не ответил, потому что потерял дар речи. Он понял, что палачи приехали за ним, что он никогда не вернется домой.

Когда его схватили и забросили в седло, он не

брыкался, не отбивался и не кричал. Для всадников все оказалось гораздо проще, чем они думали. Спустя несколько мгновений об их присутствии напоминало только облачко красной пыли, медленно оседавшее на дорогу.

Полумертвая от страха Розмари еле выползла из кустов, но уже через пару секунд неслась как угорелая. Она прибежала в Темру с дикими воплями и никак не могла успокоиться, а на все расспросы взрослых отвечала только одно:

— Конни похитили привидения!

Алан бросился седлать коня. Он поехал в школу, к Айрин, хотя догадывался, что она ничего не знает.

Айрин собиралась идти домой. Увидев соскочившего с лошади Алана, она сразу поняла: он приехал не просто так. И не по радостному поводу.

Когда Алан сообщил о том, что произошло, сердце Айрин едва не разорвалось от страха. Ей показалось, что жизнь остановилась. Она никогда не задумывалась о том, что такое может случиться с Коннором. С ее сыном.

— Самое главное я не знаю, кто они, не знаю, куда и к кому ехать, — сказал Алан. — Остается ждать, а это невыносимо.

— А военные? Власти?

Он сделал долгую паузу, потом признался:

— Не знаю, стоит ли спешить обращаться к ним. Я боюсь, как бы… что-нибудь не случилось.

Поняв, что он имеет в виду, Айрин заломила руки.

— Зачем я отправила их одних!

Алан попытался ее обнять.

— Ты не знала, что может произойти. Я бы поступил точно так же.

Айрин вскинула голову, и он увидел ее искаженное болью лицо.

— Я даже не сказала Коннору, что люблю его! Не признала своим сыном. Лучше б ты женился на Хейзел, и вы бы вместе забрали его из приюта!

На мгновение Алану почудилось, что Айрин известна правда про него и Хейзел. Если б он знал наверняка, то немедля привлек бы ее в объятия и попытался вымолить прощение. Но он мог ошибаться. К тому же сейчас следовало подумать о другом.

— Я никогда не собирался жениться на Хейзел. И Коннор знает, что ты его любишь. Во всем виноват только я. Это я согласился возглавить негритянскую милицию, не думая о том, к каким последствиям это может привести.

— Теперь ты знаешь, что значит иметь ребенка, а потом его потерять! — вскричала Айрин, и в ее взгляде промелькнуло нечто, испугавшее Алана.

На пороге школы появилась Сьюзен Стерн. Он бросился к ней.

— Вы знаете, кто состоит в местном ку-клукс-клане?

Во взгляде миссис Стерн промелькнуло сомнение, однако она ответила:

— Я вам сочувствую. Прошу, не теряйте уверенность и силы. К сожалению, мне нечем вам помочь. Я слышала обрывки разговоров, но не знаю ничего конкретного. Наши мужчины скрывают от женщин такие вещи.

Они вернулись в Темру. Айрин не находила себе места. Она никого не слушала, ни на чем не задерживала взгляд, просто металась, точно зверь в клетке.

Потом ее лицо стало пустым, с него будто стерлись следы воспоминаний и мыслей. Она вся сникла и словно погасла. Внезапно Алан понял, чего он боится: того, что она утратит связь с миром, как это уже случилось когда-то.

Тогда его не было рядом. Но сейчас он мог что-то сделать.

— Я намерен отправиться к фермерам, которые

приезжали в Темру. Возможно, они что-то знают, — сказал он.

— Я поеду с тобой, — промолвила Айрин, и Алан твердо произнес:

— Нет.

Он отвел ее в спальню, усадил на кровать и попытался объяснить, отчего ей лучше остаться дома.

— Почему ты хочешь оставить меня одну?!

— Не одну, а с Трейси и другими неграми. Я справлюсь сам. Я боюсь за тебя. Я не хочу тебя потерять.

Когда Айрин поняла, что он собирается уходить, она бросилась к дверям. Алан пытался ее удержать. Он был поражен, что при всей ее хрупкости в ней кроется столько силы. Ее руки казались тонкими и слабыми, как веточки молодого деревца, но когда дело доходило до сопротивления, они словно превращались в стальные тросы.

Алан страдал от того, что ему приходится так обращаться с ней, но другого выхода не было. Справившись с Айрин, он позвал Трейси. Не успев ничего объяснить, втолкнул растерянную негритянку в комнату и запер дверь.

Он не знал, кому можно доверить ключ, и после недолгих колебаний опустил его в карман.

Алан лишь приблизительно знал дорогу; к счастью, у него был хороший конь, не чета тем клячам, на каких ездили в округе.

Он несся через равнину, поросшую низкими дубами и молодой сосной так быстро, что ему казалось, будто он летит над землей, и вскоре увидел ферму. В поросшем травой дворе стояла старая расшатанная повозка и унылая тощая лошадь. Крыша дома покосилась и почернела, выбитые стекла были заткнуты тряпками.

Алан миновал двор, распахнул дверь и вошел в помещение. Там было темновато, он сумел разглядеть лишь слишком массивный для такой маленькой комнаты стол, за которым сидел мужчина.

Алан понял, что не ошибся. У него была хорошая память на лица, и он узнал хозяина дома. Это был один из тех фермеров, что приходили в Темру.

— Моего сына похитили. Куклускклановцы, существа, которые прячут лица. Я не знаю, кто они и что им нужно, но догадываюсь. Я приехал, чтобы сказать, что проиграл. Клянусь забрать семью и уехать отсюда. Вы больше никогда меня не увидите. Мне все равно, кому достанется Темра. Я согласен на все, только верните Коннора. Дело в

том, что моя жена… может сойти с ума!

Мужчина поднялся из-за стола.

— Ребенок? Я ничего об этом не слышал. Не думаю, что это сделал кто-то из нас! Мы вовсе не собирались выгонять вас из Темры. Садись. Успокойся. На тебе лица нет. Я позову соседей, мы постараемся что-то придумать.

Алан рухнул на стул и вскоре почувствовал, что его пальцы сжимают стакан. Он машинально выпил обжигающую горло жидкость и понял, что в голове прояснилось.

Из угла на него с любопытством смотрели дети, мальчик и девочка. Неожиданно Алан вспомнил свое бегство в Канаду, когда одни белые бедняки охотились на беглых рабов, а другие, рискуя собой, прятали чернокожих в своих домах.

Когда в дверь друг за другом вошло несколько мужчин, в помещении стало совсем темно, и все же Алан сумел разглядеть их лица, на которых лежала печать голода, отчаяния, нужды и других разрушительных последствий войны.

— Он служил в армии янки, — сказал кто-то, — зачем нам ему помогать!

— Да, — ответил Алан, — я там был. Я видел синие от пороха лица, мертвые тела, напоминавшие куски мяса, размозженные головы,

оторванные руки и ноги. Но страшнее всего была бессмысленная ненависть человека к человеку.

— Помню, когда объявили капитуляцию и две армии сошлись на поле, мы пожимали янки руки и обнимались с ними, — заметил другой мужчина. — Эта война до смерти всем надоела!

— Но та, другая война, между белыми и черными, никогда не закончится! — в сердцах произнес Алан.

Мужчины замялись.

— Ладно, парень, мы погорячились. Негры, которыми ты командуешь, еще бесправнее, чем мы, хотя власти твердят другое.

— Ты правду говорил… про землю? — нерешительно произнес один из фермеров.

— Правду, — ответил Алан, — но сейчас я не могу об этом думать.

Мужчины немного помолчали, а потом заговорили все сразу. Алан понял, что они собираются поднять на ноги всю округу с тем, чтобы прочесать лес и обыскать все заброшенные поместья.

— Они наверняка прячут его где-то там. Разделимся на группы и станем искать. Если повезет, до темноты твой сын будет дома.

Едва Алан выехал со двора, Айрин перестала колотить в дверь и повернулась к Трейси.

— Снимай с кровати простыни и рви на полосы. Я займусь занавесками.

— Зачем… мисс? — запинаясь, спросила та.

— Сделаем веревку, и ты поможешь мне выбраться на улицу.

Глаза Айрин метали молнии, но руки двигались уверенно и медленно. Она тщательно затянула узлы и проверила их крепость. Было не так уж высоко, но она не собиралась рисковать.

Приземлившись, она некоторое время стояла, восстанавливая дыхание. Потом бросилась в дом.

— Арчи!

Тот вытаращил на нее глаза.

— Мисс?!

— Быстро беги к тем неграм, которыми командовал Алан. Пусть они возьмут ружья и ищут нашего сына. Довольно мы помогали им, пусть они послужат нам.

— Да, но…

Глаза Айрин сделались злыми.

— И не говори, что не знаешь, как их уговорить, или что это работа не для домашних негров!

— Хорошо, я все сделаю, — пробормотал он, на всякий случай отступая на шаг.

Она сурово кивнула и тут же повернулась к

нему спиной.

— Куда вы, мисс? — крикнул вслед Арчи, когда она выбегала в ворота, но Айрин не оглянулась.

Разум подсказывал, что едва ли ее поиски к чему-нибудь приведут, но она не могла сидеть на месте.

Айрин бежала, пока могла, потом останавливалась, чтобы немного передохнуть, и прислушивалась, надеясь уловить человеческий голос, но слышала только шелест листвы и шум крови в ушах.

Она вдруг поняла, что все годы разлуки с Коннором не могла поверить в то, что больше никогда не увидит своего ребенка. Она не представляла его мертвым — ни в земле, ни на небесах. Но сейчас что-то подсказывало ей: Коннора могут убить. Намеренно или случайно, по неосторожности. Едва ли они похитили его с целью выкупа, скорее, желая отомстить, показать, кто хозяин в округе. Что такое жизнь цветного мальчишки для тех, кто прежде владел сотнями таких, как он!

Разумеется, Темра, чудный остров благополучия среди моря горя, не могла вызывать у разорившихся плантаторов ничего, кроме ненависти. Они были готовы пойти на что угодно, лишь бы вонзить во врага невидимый нож.

Айрин не знала, что станет делать, если не найдет сына. Чувство было жутким, как при падении в бездну.

В вышине неподвижно парил одинокий ястреб. Длинноухий заяц выскочил из кустов и стрелой полетел вперед. Листва деревьев шуршала, как накрахмаленная ткань.

Кожа Айрин покрылась мурашками. Что привело ее сюда? Почему она побежала не к людям, а в лес? Отчего прежде не задумывалась о том, насколько они одиноки в Темре? Почему позволяла себе ревновать Алана к Хейзел и не сумела полюбить собственного сына?

Она вспомнила о ребенке, который жил и рос в ней. Сейчас он был для нее ничем. Она принесла бы в жертву кого угодно и что угодно, лишь бы найти и спасти Коннора.

Внезапно Айрин повернулась и устремилась к дому миссис Стерн. Тень сомнения в глазах Сьюзен, которую ей удалось заметить, служила залогом крохотной надежды.

Она домчалась туда за четверть часа. Сьюзен стояла на пороге, приложив руку ко лбу козырьком, будто кого-то ждала. Увидев Айрин, она не удивилась и сразу сказала:

— Я знала, что вы придете. Я поговорила с

соседками. К счастью, мы, женщины, любим подслушивать. Не могу сказать точно, где держат мальчика, вроде в одном из сожженных и заброшенных поместий, что находятся поблизости. Таких в окрестностях всего три, и они расположены недалеко друг от друга.

Айрин ничего не ответила, лишь одарила Сьюзен взглядом, в котором было столько же благодарности, сколько презрения.

— Будет лучше, если вы позовете мужа! — крикнула вслед миссис Стерн, но Айрин не обратила на это внимания.

Она знала, где находятся эти поместья, и бросилась к ближайшему из них.

Она давно не бывала в таких местах, потому что, как и прочие уцелевшие жители округи, старалась обходить стороной эти памятники несчастью и горю.

Айрин долго рыскала в могильной тишине, среди груды обгорелых кирпичей, но ничего не нашла. Тогда она побежала дальше.

Вскоре она увидела еще одно разрушенное поместье, на первый взгляд, такое, как и другие. Однако здесь на помощь Айрин пришло то, что зовется чутьем.

Оно не подвело. Вскоре она заметила следы

копыт на земле — не так давно здесь побывали какие-то всадники.

Не смея дышать, Айрин подошла ближе. На полуразвалившейся ограде висели рваные тряпки — следы прошлой жизни. От дома остались лишь черные трубы и белые колонны, лежавшие поперек двора, да еще… чьи-то горькие воспоминания.

Здесь было негде спрятать человека, кроме… Сделав несколько шагов по осколкам черепицы, Айрин вскарабкалась на обгоревший фундамент и очутилась там, где когда-то был холл. Мраморный пол потрескался, в трещинах росла трава.

Переступив через четыре порога, она приблизилась к высокой трубе, напоминавшей почерневший гнилой зуб. В кухонном полу обычно был вход в погреб, где хранились припасы.

Под ногами хрустели черепки. Квадратная дыра была закрыта досками. Айрин отодвинула их и заглянула вниз.

В следующий миг ее сердце растаяло. На дне ямы, покрытом опавшими листьями и чем-то похожим на мох, скорчившись, подтянув колени к лицу, спало ее единственное сокровище. Ее сын.

Коннор не двигался. А если он мертв?! Она не видела на его теле ни крови, ни ран, но он мог

умереть от чего-то другого. Ужас обжег ей горло, опалил внутренности и заледенил душу.

Айрин завороженно смотрела на ребенка, не смея его окликнуть. В голове не было ни одной мысли, но ее чувства жили, она очень остро воспринимала действительность.

Она его любила. Это был их с Аланом первенец, плод запретной, но такой сладкой любви. Он мог вырасти, он был бы очень красивым. И… счастливым.

Был бы. И, возможно, еще будет.

Наконец Айрин решилась и тихо позвала:

— Коннор!

Он встрепенулся, открыл глаза, и ее душу захлестнула радость.

— Сынок!

— Мама!

Он смотрел с такой надеждой, что она разрыдалась.

— Сейчас я тебя вытащу.

Лестницы не было. Айрин спустила в яму доску и протянула руку.

— Вылезай!

Когда Коннор очутился в ее объятиях, она едва не сошла с ума от счастья. Она плакала и смеялась, тормошила сына и покрывала его лицо

поцелуями.

— Тебя не били, не обижали?

— Нет. Но они скоро вернутся. Они так сказали. Я слышал.

— Тогда нам надо бежать.

— Где отец?

— Он тоже тебя ищет.

И тут она почувствовала, что обессилела. От долгой гонки, от невероятных переживаний.

Она села на землю и вытерла рукой потный лоб.

— Сейчас я объясню тебе, как добраться домой. Беги что есть мочи и никуда не сворачивай. Увидишь людей — прячься.

— А ты… мама?!

Коннор произносил это слово с такой любовью, о какой Айрин не смела мечтать.

— Я пойду за тобой. Просто мне надо… немного передохнуть.

У нее кружилась голова, к сердцу подступала слабость, а к горлу — тошнота. А потом ее словно подхватило и стремительно понесло в удушливую тьму.

Айрин очнулась оттого, что Коннор тряс ее за плечо.

— Мама, они едут, я слышу! Надо уходить.

Она заговорила сперва с трудом, а потом все уверенней и быстрее. Сказала, что не может бежать и что ему придется добираться домой одному.

— Я тебя не оставлю! — заявил он твердо, как маленький мужчина.

— Не волнуйся за меня. Я им не нужна. Они ничего мне не сделают. А ты… ты приведешь сюда Алана и других людей.

Когда Коннор убежал, Айрин облегченно вздохнула. Она слышала мужские голоса, фырканье лошадей, позвякивание удил, цокот копыт. А потом увидела людей.

Их было немного, человек шесть или семь, но они и впрямь выглядели зловеще. На головы троих из них были нахлобучены колпаки с прорезями для глаз, лицо других скрывали маски. Айрин представила, как это могло действовать на невежественных и суеверных негров и белых бедняков.

Мужчины явно не ожидали увидеть здесь женщину, растрепанную и бледную, с яркими зелеными глазами, взгляд которых, казалось, пронзал их насквозь.

— Где мальчишка? — пробормотал кто-то.

— Далеко отсюда, — ответила Айрин.

— А что ты здесь делаешь? — злобно произнес один из мужчин.

Было видно, что он узнал ее и не собирался проявлять к ней уважения.

— Я его мать и пришла за ним. — Она сделала шаг вперед и заметила, как кое-кто из негодяев, похитивших ее сына, невольно попятился. — Чего вы хотите, что вам нужно?

— Послушайте, леди! — вперед выступил человек, в осанке и голосе которого было что-то благородное. — Мы хотим, чтобы всякие «саквояжники» убрались с Юга. Чтобы янки не пытались заставить нас признать равноправие негров. И чтобы чернокожие не шлялись по дорогам, угрожая мирным гражданам. Чтобы Юг наконец поднялся с колен.

— А от моего мужа и сына?

Айрин почувствовала, как мужчина смягчился.

— Мы собирались вернуть вам мальчика после того, как ваш муж устранился бы от командования неграми.

— А если бы он отказался?

Мужчины молчали. Вероятно, они не могли такого представить.

— Мы объясняем им, как должно себя вести, —

сказала Айрин. — Мы следим за ними. Кое-кому пообещали выделить участки.

— Бесполезно лелеять сорняки, от этого они не превратятся в цветы. Их надо вырывать, другого выхода нет, — твердо произнес «джентльмен».

— Вы приехали из Ирландии, — вмешался другой, не скрывая раздражения, — вы чужая в этих краях, вы ничего не знаете о традициях Юга. Еще до войны вы умудрились навлечь неслыханный позор на тех, кто вас приютил. Я не удивлен, что Уильям О'Келли умер, а его дети подались куда глаза глядят. И теперь вы живете в Темре на правах хозяйки, с цветным мужем, который вдобавок служил федералам!

Айрин усмехнулась.

— Кому он мог служить? Вам? Тем, кто никогда не считал его за человека?

— Я тоже сражался в армии, леди, — вновь заговорил тот, кто показался Айрин единственным джентльменом, — разумеется, на стороне Юга. Мы потерпели поражение, но я не думал, что жизнь кончена. А вернувшись домой, узнал, что янки сожгли мое поместье, изнасиловали и задушили жену, проломили головы детям. Они воевали за свободу негров, и теперь негры имеют право голоса, носят оружие и думают, что они

выше нас.

— Мы хотим, чтобы вы продали имение и навсегда уехали отсюда. Вы не найдете здесь ничего, кроме ненависти, а возможно, и смерти, — сказал другой.

— Вы угрожаете мне? Напрасно: я никогда не уеду из Темры. Это мой дом. Ни живая, ни мертвая я не покину эту землю. Потому что она моя. И я заставлю вас ответить за то, что вы сделали! — с этими словами Айрин подскочила к ближайшему человеку, резким движением сорвала с него маску и воскликнула: — Ничто не заставит меня забыть это лицо! Я разыщу вас всех, и вы предстанете перед судом! За похищение моего сына! За то, что наводите страх на мирных людей!

Мужчины остолбенели. Они не ожидали такого поворота. Эта женщина и впрямь была чужой, она ничего не боялась, не следовала традициям, не признавала законов.

Когда она бросилась на следующего человека, его нервы не выдержали. Он собирался оттолкнуть ее, но вместо этого нажал на курок.

Айрин не почувствовала, как упала, как ударилась о землю. Очнувшись, она поняла, что лежит в мокрой пахучей траве, а над головой распростерлось небо. В теле были слабость и боль, но

сознание оставалось ясным. Айрин подумала о том, сколько раз в нее вселялось что-то безнадежное, тяжкое и скольких усилий ей стоило сбросить с себя этот гнет! Сейчас она меньше, чем когда-либо, была уверена в том, что справится.

Одна половина ее существа настороженно следила за тем, что было вокруг, другая прислушивалась к тому, что происходило внутри.

Откуда-то издалека доносились голоса:

— Зачем ты в нее выстрелил?!

— Это произошло случайно. Я не хотел!

— А я с самого начала не желал участвовать в этом! Что теперь делать?!

— Надо отвезти ее к мужу.

— Лучше оставить здесь.

— Делайте что угодно, я еду в Темру.

— Ты хочешь предать всех нас! Надо разойтись по домам и затаиться!

— Как последние трусы? Это недостойно южан.

Вскоре все стихло.

Айрин была рада, что они уехали, ей не было до них никакого дела. Она страдала от боли, дышала с трудом и все же могла думать. Ей хотелось окунуться в воспоминания, мысленно вновь пережить историю своей любви, может быть, потому, что сейчас ей было сложно нарисовать

картину будущего.

Она жалела о том, что скоро широко распахнутый мир навсегда закроется для нее, а для не рожденного ребенка не раскроется никогда. Возможно, она все-таки правильно поступила, не рассказав о нем Алану? В этом случае ему придется меньше страдать.

Она думала об Алане и нисколько не удивилась, когда над ней склонилось его лицо, любимое лицо, в котором было что-то обжигающее нервы и согревающее сердце. И порадовалась тому, что еще раз смогла его увидеть.

Вокруг были и другие, белые и черные лица, среди которых было много знакомых.

Какой-то человек без конца повторял ее имя. Айрин узнала Джейка Китинга.

— Айрин, поговори со мной, прошу, не теряй сознание!

— Мне не страшно умирать, — прошептала она, — жаль только, что погибнет ребенок.

— С Коннором все в порядке, он дома, — сказал Алан.

— Я о другом, который… внутри.

Алан содрогнулся от неожиданности, а Джейк быстро проговорил:

— Нам нельзя ее трогать. Придется все делать

здесь.

— Айрин! — голос Алана срывался от волнения. — Совсем скоро ты окажешься в Темре. Ты не умрешь.

— Если это случится, — Айрин говорила с трудом, — ты можешь взять к себе Хейзел. Так будет лучше… для Коннора. И… для тебя.

— Зачем нам Хейзел! Нам нужна ты.

— Я прочитала ее письмо, — сказала Айрин и закрыла глаза.

Он покрывал поцелуями ее руки, и на них капали его слезы, но она уже ничего не чувствовала.

Глава 10

Вместе с тем, как увеличивался ее живот, в душе Лилы росло чувство успокоения и радости. Она жила в Новом Орлеане, она была женой Джейка и ждала от него ребенка.

Она больше не казалась себе былинкой, сорванной с привычной почвы и увлеченной бурным ветром. В ней появилась уверенность в себе; она не испытывала страха ни когда сама выходила на улицу, ни когда в дом приходили знакомые Джейка. После женитьбы он потерял часть пациентов, однако считал, что о них не стоит жалеть, а если кто-то приходил в замешательство от его брака с цветной женщиной, взгляд Джейка твердо говорил: «Уважай тех, кого я люблю, иначе нам придется расстаться».

С его родителями Лила не общалась. Она не ведала, намеренно ли Джейк снял квартиру в том районе, где жили Энгус и Кетлин Китинг и где издавна селились только белые, и никогда не спрашивала его об этом.

Она знала, еще по Нью-Йорку, что появление в квартале одной-единственной цветной семьи, даже если это были воспитанные и имеющие

достаток люди, случалось, служило сигналом для поспешного переселения белых.

Здесь никто как будто не возмущался таким соседством, хотя и не предлагал ей дружбу.

Однажды, уже будучи беременной, Лила случайно столкнулась на улице с миссис Китинг, и эта встреча оставила в ее душе горький осадок.

По улицам тянулся нескончаемый шумный поток доверху нагруженных товарами повозок, которыми управляли громогласные возницы. Продавцов и покупателей защищали от солнца холщовые навесы; натянутые над торговыми рядами, они трепетали, как паруса.

Лила подошла к прилавку, на котором были разложены ткани, ленты и кружева. Ей хотелось что-нибудь присмотреть для будущего ребенка.

Стоило ей протянуть руку, как ее смуглые пальцы скрестились с пальцами белой женщины, которую заинтересовал тот же товар.

Лила поспешно отдернула ладонь, потом подняла глаза и невольно отшатнулась. Это была мать Джейка, которая смотрела на нее с раздражением и досадой.

Лиле хотелось заплакать. Вернувшись домой, ее свекровь наверняка как следует вымыла руки, как будто прикоснулась к чему-то нечистому.

Она бросилась домой и ничего не рассказала Джейку. Постепенно ей удалось изгнать случившееся из памяти, хотя понимание того, что кое-что в ее жизни останется неизменным, угнездилось глубоко в душе и причиняло боль.

Днем Лила подолгу оставалась одна. Джейк предлагал нанять служанку, но она отказывалась. Ей было бы трудно с кем-то делить то жизненное пространство, какое она впервые имела право назвать своим. Лила жалела только об Унге, которая находилась слишком далеко, чтобы навещать ее хотя бы раз в месяц. А еще — о Хейзел.

Та и впрямь шла вперед, не оглядываясь. Уже в Нью-Йорке Лила с удивлением узнала, что Хейзел была влюблена в Алана Клеменса. Однако когда он вернулся к Айрин, она усыновила негритенка, а потом вышла замуж за образованного темнокожего мужчину.

Хейзел всегда говорила, что можно быть рабыней любви, если при этом остаешься хозяйкой собственной жизни.

Лила проснулась поздно. Джейк уже ушел. Она не спеша встала, радуясь тому, что солнечный свет прогнал остатки тревожных мыслей, которые наполняли ее душу в последние дни.

А после вдруг поняла: то, что должно было

произойти через месяц с небольшим, случится сегодня.

Ее затрясло, и комната зашаталась перед глазами. Как же быть? Почему она не послушалась Джейка и не согласилась взять служанку хотя бы за месяц до родов?

Лила не была уверена, что ей удастся добраться до мужа. Джейк принимал больных там, где и прежде, а это было довольно далеко. Он собирался переехать, когда им удастся купить собственный дом.

Обратиться к какой-нибудь женщине? Здесь жило много женщин, Лила видела их, когда ходила за покупками. Они смотрели на нее с интересом, но без враждебности, хотя никогда не пытались заговорить.

Она вышла из дому и постучала в соседние ворота. Никакого ответа. Улица была пуста, и это напоминало кошмар. Не меняющие положения тени, бездушно-белый свет, слепые окна, безмолвие и безлюдье.

Возможно, в этот утренний час матери семейств отправились за покупками, а быть может, кто-то из них прятался за плотными шторами, глядя на растерянную женщину, оглушенную одиночеством, страхом, не желая ей помогать,

потому что она была не такой, как они.

Почему она согласилась вернуться в Новый Орлеан? Отчего не задержалась в Темре?

Айрин, наверное, уже родила. Лила и Джейк прожили в имении больше месяца, пока он не убедился в том, что жизни Айрин ничто не угрожает. Он надеялся, что ребенка тоже удалось спасти.

Для Айрин это было нелегкое и вместе с тем странно благодатное время. Алан и Коннор не отходили от нее ни на шаг. В эти дни их любовь невиданно окрепла и расцвела.

Весть о том, что нынешнюю хозяйку Темры тяжело ранили, быстро разнеслась по округе. Ожесточенные лишениями и распрями сердца смягчились: в дом приходили не только негры, но и белые фермеры. Сьюзен Стерн привела в особняк нескольких дам, не переступавших его порог с довоенной поры.

Алан съездил в Чарльстон и подал в суд на членов «Невидимой империи»[25], орудующих в окрестностях Темры. Кое-кого из них удалось арестовать; по времени это почти совпало с официальным роспуском и запретом ку-клукс-клана

---

[25] Примечания: 25
Подпольное название ку-клукс-клана.

в штате.

Лила дала Айрин обещание навестить ее самое позднее через год. И теперь не была уверена в том, что приедет в Темру с хорошими новостями.

Если бы рядом была Нэнси! Мать.

И вдруг Лила сообразила: мать Джейка! Она живет рядом, едва ли не на соседней улице! Неужели она откажется помочь?!

Кривясь от боли, мулатка доковыляла до ворот дома, откуда ее однажды уже прогоняли, и постучала в заново окрашенные ворота.

На пороге появилась Кетлин. Как истая жительница этого города и квартала, она держалась уверенно и все-таки не смогла скрыть удивления.

— Что тебе нужно?

В глазах Лилы было отчаяние и затаенная мольба о помощи.

— Вы знаете, кто я?

Мать Джейка отшатнулась, как тогда, на рынке.

— Нет.

— Я жена вашего сына.

Кетлин с ужасом уставилась на ее большой живот.

— Зачем ты пришла?

— Мне плохо. Ребенок должен был родиться через месяц или даже больше, но все началось сегодня. Джейка нет, мне некому помочь.

На лице Кетлин отразилась целая гамма чувств, но она все же сказала:

— Входи.

И распахнула ворота.

На высоких платанах чернели птичьи гнезда. По углам маленького двора стояли большие деревянные ящики с растениями. Свешивающиеся через край ярко-красные цветы с ярко-зелеными листьями выглядели очень живописно. Их аромат смешивался с запахом разогретой земли. Унга говорила, что ей нравится у Китингов. Теперь Лила понимала, почему. Она и сама бы не отказалась здесь жить.

Из дома вышел мужчина, очевидно, отец Джейка. Кетлин поспешила к нему.

— Энгус! Пришла… та, на которой женился Джейк.

Мужчина нахмурился.

— Что ей надо?

— Похоже, у нее начались роды.

— И что? — жестко произнес отец Джейка. — Эти черномазые рожают, как кошки!

Кетлин растерялась. Между собой они не назы-

вали Лилу иначе, чем «эта девка» или «цветная дрянь». Женщина не могла простить девушку, которую они отказались принять в семью и которая «украла» у нее сына.

— Окрутила, опоила, — сокрушенно и виновато отвечала Кетлин на сочувственные вопросы соседок, прослышавших, что ее младший сын, преуспевающий доктор, женился на мулатке.

Она не могла понять, почему после отъезда Лилы Джейк окончательно замкнулся в себе и не позволял родителям даже заикаться о «белой невесте». Быть может, эта мулатка прибегла к каким-то постельным фокусам, о которых миссис Кетлин, как добропорядочной женщине, было тошно даже думать?!

Теперь она видела перед собой испуганную девушку, в глазах которой не было ничего похожего на расчетливость содержанки. Ни тени алчности или коварных замыслов, только… любовь к ее сыну и страх потерять ребенка.

Кетлин была близка к тому, чтобы проникнуться сочувствием к Лиле.

— Идем в дом!

Она провела мулатку в ближайшую комнату и уложила на кровать. У Лилы был мутный, невидящий взгляд; по лицу то и дело пробегала

судорога боли. Она долго сдерживалась, но затем принялась стонать, и эти стоны были полны жестокой муки.

Кетлин жалела, что в доме нет служанки. Она брала то одну, то другую, но никто из них не выдерживал сравнения с Унгой.

— Энгус! — закричала она. — Энгус! Ты еще не ушел? Поставь на огонь котел с водой, принеси чистые полотенца и простыни!

В доме было тихо, и Кетлин сжала зубы. Очевидно, муж сбежал в лавку, предоставив ей самой выпутываться из этой ситуации.

Тело Лилы словно резали ножами. Она тяжело дышала и хватала Кетлин за руки.

— Позовите Джейка!

— Нет. Это неправильно. Муж не должен принимать роды у собственной жены. Подожди, я позову соседок, — твердо произнесла Кетлин и вдруг поняла: соседки не придут. Она сама внушила им мысль о том, что ее невестка — цветная шлюха.

— Мы справимся, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Сейчас я принесу все, что нужно.

— Не уходите, — прошептала Лила.

— Не бойся. Я тебя не оставлю.

Кетлин постигло жестокое откровение: она прочитала в глазах Лилы понимание того, как к ней относятся. Да, она знала и все же пришла за помощью именно к ней. Потому что они были не цветной и белой женщинами, а просто двумя женщинами, от рождения владеющие секретами, каких не знали ни Энгус, ни Джейк, существами, дающими жизнь.

Условностей, которыми так долго жила Кетлин, не существовало. Каким-то образом она потеряла что-то неведомое, но жизненно необходимое, от чего теперь ей было невыносимо стыдно.

Она боялась, что наказанием за бессмысленную ненависть, что так долго чернела в ее сердце, станет гибель ребенка или женщины, которую вопреки всему полюбил ее сын.

Когда вечером в дом прибежал испуганный Джейк, он застал мать во дворе. У Кетлин был такой вид, будто она сидит на пороге рухнувшего мира. Мокрое от пота платье, поникшие плечи, усталое, постаревшее лицо. При этом в ее глазах был теплый свет, свет понимания и любви, такой же обволакивающий, мягкий, как вечерняя тишина.

— Они спят, — сказала она. — Твоя жена и дочь, моя внучка. Девочка очень маленькая, но, по-мо-

ему, с ней все в порядке. Будет лучше, если все вы переедете сюда. Я помогу Лиле ухаживать за ребенком.

Джейк наклонился и поцеловал матери руки. А после переступил порог, за которым его ждала новая жизнь.

Спустя полгода он вновь привез Лилу в Темру. Ей хотелось встретиться с Айрин, показать ей свою дочь и увидеть ее ребенка.

Они сидели в тени деревьев и тихо беседовали. Жаклин, дочь Айрин, и Марси, дочь Лилы, мирно спали на руках своих матерей.

Особняк поблескивал стеклами, белел стенами и колоннами. Это был дом, покоривший с первого взгляда, способный внушить человеку, что именно здесь он и должен жить.

Сейчас Темра выглядела ухоженным мирным поместьем, не знавшим ни разрушений, ни бед, ни войны.

Безусловно, что-то ушло. Исчезла атмосфера, витавшая здесь при прежних обитателях; сейчас здесь текла другая жизнь.

— Скоро у вас будет свой дом? — спросила Айрин.

— Да, хотя родители Джейка не хотят, чтобы мы переезжали.

— Вы довольны друг другом?

Лила рассмеялась.

— Меня даже сравнивают с Унгой, а этого почти невозможно добиться!

По дорожке бежал Коннор, следом за ним спешила Розмари.

— Я получил письмо от Сэма! Он тоже учится в школе, а еще у него появился отец! Можно я приглашу Сэма в Темру?

— Конечно, сынок, — сказала Айрин.

Она встала, положила Жаклин на скамью, одной рукой обняла Коннора, а другой привлекла к себе Розмари.

— А мисс Сара? — спросила Лила. — Она собирается приехать?

— Да, после того, как ее сын немного подрастет.

Лила улыбнулась.

— Сколько детей! Если еще и Касси привезет свою дочь… А мистер Юджин? Как он?

— Он купил ранчо в Техасе. Переписывается с Сарой.

Айрин вспомнила о тех не слишком понятных ей, зато весьма интересных Алану вещах, о которых писала Сара. Она всецело жила жизнью своего мужа, Тони Эванса, представителя денеж-

ной аристократии и лидера демократической партии Севера.

Сара искренне считала, что супруг борется за облегчение судеб обездоленных и несчастных, но была ли она права?

Подставляя лицо теплому, мягкому ветру, Айрин представляла холодный воздух побережья Ирландии, который колол кожу ледяными иголками. Глядя на зеленое море хлопковых полей, белые барашки созревших коробочек, вспоминала тяжелые волны Атлантики, которые ирландские рыбаки покоряли на простеньких лодках из дранки, обтянутых просмоленной тканью.

Она думала о том, что и сейчас в порт Ливерпуля прибывают сотни ирландцев. Они стоят на пристани в ожидании кораблей, и ветер треплет их ветхую одежду, а окружающий мир кажется им необъятным, несправедливым, суровым, застывшим в своем равнодушии к людям. И все же они питают надежду, не зная, каким долгим и трудным может стать их путь.

Между тем Лила с наслаждением вдохнула аромат сиреневых кустов и весенних цветов, поправила чепчик на головке своей дочери и подумала: не об том ли она мечтала — смотреть

вокруг глазами человека, влюбленного в жизнь?

— Здесь так хорошо и спокойно, — сказала она своей белой подруге, прервав ее мысли, и Айрин уверенно ответила:

— Потому что мы у себя дома.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.